UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01093454 5

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

ЧАСТЬ I

УСТНАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

С ИСТОРИЧЕСКИМИ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМИ КОММЕНТАРИЯМИ

СОСТАВИЛИ
Н. Л. БРОДСКИЙ, Н. М. МЕНДЕЛЬСОН, Н. П. СИДОРОВ

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ○ ○ ○ ○ ○ 1922 ● ○ ○ ○ ПЕТРОГРАД

11—20 тыс.

LIBRARY
JUN 25 1968
UNIVERSITY OF TORONTO
PG
3200
B7
ch.1

Гиз. № 2814а. Главлит. № 365. Москва. Напеч. 10.000 экз.
1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Пятницкая, 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая хрестоматия предназначается как для классного прохождения курса народной словесности, так и для самообразования. Составители при этом имели в виду, что материал хрестоматии может прорабатываться без специального учебника.

Содержание хрестоматии обнимает собою те виды народного творчества, которые канонизированы существующими программами и обычно проходятся в общеобразовательной школе. Обилие материалов в некоторых отделах (например, в отделе былевой поэзии) объясняется тем высоким местом, которое, по мнению составителей, устное народное творчество должно занимать в школе.

Составители не ограничились включением в хрестоматию одних только памятников народной поэзии. Им хотелось ввести учащихся в понимание главнейших теоретических вопросов, связанных с изучением так называемой народной поэзии. Введение дает возможность познакомиться с научными ответами на вопросы о творчестве личном и безличном, о синкретизме первобытной поэзии, о судьбах русской народной поэзии, о ее слагателях и исполнителях. Кроме этого, помещенный материал сопровождается разнообразными комментариями. Исторический и этнографический комментарий имеет целью уяснить прошлое и настоящее русской народной поэзии в ее бытовании. Данные древне-русской письменности указывают на тесную связь народной поэзии с книгой. Параллели из сказаний других народов вскрывают общение творцов нашей народной поэзии с международным творчеством — устным и письменным.

Материал в большинстве случаев сопровождается вопросами, которые, по мнению составителей, должны вызвать самодеятельность учащихся, пробудить интерес к творчеству родного народа и помочь понять произведение народной поэзии.

Составители считают нужным обратить внимание на одну особенность в распределении материала, которая, на первый взгляд, может вызвать некоторое недоумение: в отделе „Былевой поэзии", № 11, Записи песен о Скопине помещены вне общей хронологии исторических песен. Это объясняется желанием завершить отдел великорусской былевой поэзии таким материалом, который дал бы возможность учащимся выяснить процесс превращения исторической песни в былину.

Составители.

1. О словесном творчестве.

Словесности столько же лет, сколько и человечеству. Когда человек, впервые увидев свет, издал свой первый крик,—родилась и словесность. Еще не придумали люди никаких обозначений для звуков и слов, еще не было письменности и в зародыше, а уже существовала словесность устная, и из уст в уста переходили ее произведения. Радовался ли народ счастью или удаче, просил ли свыше новых милостей,—он собирался вместе и славил Бога или своих языческих богов в религиозном гимне,—и вот явились первые образцы религиозного творчества:

Весна, Весна красная!
Приди, Весна, с радостью
С радостью, с радостью,
С великою милостью,
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебами обильными.

Мать, закачивая своего ребенка, напевала ему убаюкивающую песнь,— и это была первая колыбельная песня. Девушка, готовясь к венцу, горько плакала при мысли о том,

Как хочет ее батюшка,
Как хочет ее матушка,
Что отдать ли во чужи люди,
Во чужи люди незнакомые,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, к матери—

и зарождалась песня свадебная. Добрый молодец, которому «сонзволил родной батюшка, приказала родная матушка, чтобы женился он на иной жене», размыкивал свое горе в жалобной песне «семейной»:

Уж я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвенчаюсь я со иной женой,
Я с иной женой, с смертью раннею.

Наконец, когда, собравшись, «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они»,—раздавалась песня-рассказ о былых богатырях, что спокойно и невозмутимо спят теперь под безмолвными могильными курганами, и, величавая, неслась она столетия, передаваясь от поколения к поколению, и донеслась до нашего времени, иногда изменяясь до неузнаваемости, а иногда сохраняя на себе отпечаток такой глубокой древности, о которой не запомнят ни историки, ни летописцы.

Но, незапамятно старая, словесность в то же время и вечно юная. Она связывает давно минувшее с настоящим, а потому и с будущим, ибо в настоящем уже кроются зародыши будущего, и от того, что мы делаем и сеем, зависят будущие всходы.

Родное слово, речь народа!
В твои хранительные грани
Народ слагает в виде дани
Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройский меч питомца брани,
Понятий нити, мыслей ткани
И чувства свежие цветы.

Песня это—«ткань народной мысли», это—«цвет народных чувств», а мысль и чувства неразлучны с человеком и народом. Покуда народ живет, он мыслит, чувствует и выражает свои мысли в слове, а потому нет и не может быть такой ступени в жизни народа, где не было бы словесности, и кто знает, может-быть в ту самую минуту, когда мы говорим это, где-нибудь крестьянин, ходя за плугом, слагает песню, или в кругу других крестьян бросает свое меткое наблюдение над тем или другим жизненным явлением, и в сжатой оправе пословицы оно пойдет потом гулять по свету, пока не будет записано каким-нибудь любителем народного устного творчества. В Цетинье еще на нашей памяти один из предков теперешнего черногорского князя, не умевший ни читать ни писать, пел по вечерам в кругу своих боевых товарищей сложенные им песни о Черногории, о сербских юнаках и о кровавых битвах их с турками, и эти песни, подхваченные народом, сделались общим народным достоянием, потому что выражали то, что чувствовал и думал весь сербский народ. Кто прислушивался к удалым и залихватским песням русских солдат об их вождях и генералах в войну 1877—1878 гг., тот мог наблюдать ход народного творчества почти в самую минуту его возникновения. Неисчерпаемый родник устной словесности может иссякнуть только со смертью беспрестанно создающего ее народа.

Но бессмертно человечество, не умрет никогда и словесность. Постоянно, однако, изменяются условия человеческой жизни, а вместе с тем изменяются и форма и характер народного творчества. Иною была словесность в прошедшем, и иною, чем теперь, будет она в будущем.

В начале своего существования люди жили на земле, связанные одною только крепкою но чисто физическою связью кровного родства. Это было время общинного, родового быта, черты которого и теперь еще почти в полной силе сохранились в Черногории, где народ живет целыми семьями в 30—70 человек в так называемых задругах, из которых каждая, находясь в дальнем родстве с другими, подоб-

ными же задругами, составляет вместе с ними братство в 300—700 человек, а братства образуют племя. В этом родовом, общинном быте мало места для проявления личного начала, личных чувств и воли, особых стремлений и желаний каждого отдельного человека. Здесь все общее и одинаковое: занятия, интересы, цели. Даже собственности человек не имеет своей лично, и земля, как и теперь еще в великорусских деревнях, принадлежит не отдельному лицу, не Андрею, не Ивану или Петру, а всей деревенской общине вместе. При такой одинаковости условий жизни, более или менее одинаковы у всех и образ мыслей и строй наполняющих душу чувств. Что думает и говорит один, то думают и говорят все; и вот отчего в эту пору и творчество народное имеет вид безличного, и мы, которые можем перечислить всех, и второстепенных даже, поэтов позднейших времен, не знаем, кто создал юнацкие сербские песни о гибели сербского царства на Косовом поле, о Марко Королевиче или наши русские былины о «Владимире, князе стольно-киевском». Кто их создал? *Народ!* хотя без сомнения и они сначала были плодом личного творчества, ибо только избранные люди обладают даром песни. Сидя вечером в кружке перед палаткой и заваривая кашу, какой-нибудь солдат, которого слуху знакома мелодия созвучий, станет напевать:

Не пыль вò-поле пылит:
Пруссак с армией валит,

а другой прибавит:

Наши зачали палить,
Дымом с сажицей валить!

«Дымом с сажицей валить!»—подхватят остальные,—и готова солдатская песня, близкая и знакомая каждому солдату, плод творчества личного, но и собирательного. На дальнем русском севере, где для убогого народа, что ютится под землею в темных юртах, приезд каждого свежего человека составляет уже историческое событие, стоит заглянуть в поселок становому, чтобы сложилась на глазах у наблюдателя «историческая» песня. «Лопарь сел за стол,—рассказывает наш путешественник по северу Максимов,—облокотился и вдруг запел монотонно-тягучую песню. Не владея голосом, не варьируя звуков, он пел: «Поехал я за сватовством в Иоканчи... Приехали чиновники. Становой говорит: «я схожу на сход на два часа». А другой чиновник повалился спать и говорит: «ты меня разбуди, когда становой придет»... Лицо певца сияло вдохновением. Все слушатели были озабочены». И, может-быть, какой-нибудь сидевший тут же мальчик перенял уже и тон и слова этой убогой песни, так сильно захватившей своим содержанием общее внимание, и пойдет она гулять среди лопарей, скрашивая длинные зимние вечера в закопченой юрте. Ее создала отдельная личность, но певец привык жить общею жизнью, он поет о том, что близко всем от мала до велика, и народ, чьи чувства он выражает, признает его песню своей, дополняя ее и переделывая, но никогда не запоминая имени ее слагателя. В пору родовой общинной жизни, если и всплывает наверх что-нибудь личное, отдельное, особенное, оно скоро расплывается в общей жизни, как теряется отдельная поднявшаяся волна в необъятном и однообразном просторе моря.

Но единство кровное, связь чисто физическая, как она ни крепка, не может быть идеалом человеческого общежития, так как человек тем и отличается от прочих живых существ, что он прежде всего существо духовное, свободная и разумная личность. Как духовное существо, он должен стремиться и действительно стремится к единению, но не по крови только, а в духе. Но для этого личность человеческая должна прежде всего выделиться из безразличного единства родового общества. Вот почему везде и всюду родовой порядок постепенно распадается и начинается новый период в жизни человечества—период развития личности. Это тот период, который переживаем мы. Семейные связи сохраняются и здесь, но они теряют свое руководящее значение: не они определяют и направляют жизнь человечества. Брат зачастую живет теперь на расстоянии нескольких тысяч верст от брата, нередко ближе по своим интересам к чужим людям, чем к своим родным, под влиянием совершенно разных условий. Жизнь бесконечно усложняется: из общей массы народа выделяются сословия, классы; с разделением труда дробятся интересы, является разница в занятиях, и это различие внешних условий отзывается и на бесконечном разнообразии чувств и мыслей. Иной характер и склад мыслей у пахаря, вечно живущего со своей сохой, и у фабричного рабочего, весь день проводящего при стуке машин и дыме заводских труб, а тем более у мещанина, купца или ученого. Прежнего, более или менее безразличного, единства уже нет, а вместе с тем и словесность, в значительной части своей становясь письменной, принимает уже ясно личный характер, и от самых первых лет нового периода до нас доходят уже имена новых певцов, каково у нас имя вещего Баяна. При дворе каждого князя является свой дружинный поэт, который сам участвует в битвах наравне с другими, а потом увековечивает ратные подвиги князя и дружины в слове. Это литовские вайделоты, скандинавские скальды. На горах Кавказа, в Кабарде, есть еще и теперь такие певцы-гегуако. Бездомные и бродячие, ходят они по праздникам и похоронам и воспевают славу живых и умерших героев, считая себя вдохновенными служителями правды, воздающей каждому по делам его. И толпа слушает их песни, затаив дыхание, и только в перерывах слышится шопот: «Откуда они берут такие чудные песни?» Поэзия, как и другие отрасли человеческой жизни, постепенно специализируется. Наконец, выделяется особый класс образованных людей, где и сосредоточивается окончательно умственная деятельность. Теперь, если появляется в низких слоях народа человек, свыше одаренный даром песни, он обыкновенно выбирается наверх и получает имя, как получил его когда-то сын холмогорского крестьянина Ломоносов, Цыганов или простой и мало-образованный воронежский мещанин Кольцов. С другой стороны замечается и обратное явление. Над широкою русской рекой, где прежде, как протяжно-унылый стон, раздавалась только песня тянувших расшиву бурлаков, теперь из уст народа долетают до нашего слуха знакомые из книги слова:

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Отмеченные особою печатью дара Божьего люди и на высотах образованности становятся общенародными избранниками, и под их произведениями народ молчаливым признанием как бы подписывает свое имя, считая их своими. Из множества писателей это те, которые выражают в своих произведениях чувства и мысли всего народа, это те, которые имеют право сказать о себе: «Я —миллион, потому что любил и страдал за миллион». По слову Пушкина, к ним не зарастет народная тропа, и песни их рано или поздно зайдут под соломенные крыши деревенских хат, в те низины, где пока в свой черед, хотя и в уменьшенных размерах, совершается устное народное творчество.

А. Сиротинин.

1. Чем объясняется «безличность» народной словесности?

2. Какие причины вызвали проявление личного начала в словесном творчестве, и в какой мере оно проявляется в разные эпохи исторической жизни народа?

3. Укажите в поэзии Кольцова черты, сближающие ее с народной песней.

4. Не можете ли привести примеры того, как произведения русских поэтов делались народной песней?

2. Синкретизм первобытной поэзии.

Если мы, исходя от развитых типов поэзии, зададимся целью проследить в восходящем порядке их развитие и, поскольку это возможно, их возникновение, то мы неизбежно всякий раз натолкнемся на единую и неразлучную триаду, составляющую зерно всякой поэзии; эта триада—сочетание *слов напева и пляски*. Чем древнее поэзия, тем более в ней музыка преобладает над текстом и пляска над обоими: эта последняя—самый старинный элемент триады. Она же первая была отброшена: освобожденная от этого громоздкого элемента песня, как таковая, т.-е. как ряд петых стихов, начала новую, более вольную жизнь. Второй отпала музыка, сначала как аккомпанимент, а потом и как пение; песня превратилась в стихотворение, которое можно было распространять не только устно, но и письменно. Но характерный элемент стихотворения, размер, был только пережитком музыки и пляски: с их падением он перестал быть нужным—стихотворная форма переходит в прозаическую.

Итак, если мы желаем доискаться происхождения поэзии, мы должны держаться ее соединения с пляской. Теперь спрашивается: что такое пляска? Если исходить (как это требуется темой) от древнейшей и первобытной ее формы, то придется сказать, что пляска это—ритмические движения тела, а не одних только ног. Из этого определения ясно, что пляска непосредственно родственна физической работе: она отличается от нее только отсутствием об'екта, на который она была направлена, т.-е. смыслом, а не формой. Сеятель во время работы равномерно, в определенном ритме переступает с ноги на ногу, запускает руку в мешок, затем, быстро ее выпрямляя, бросает зерна. Это—работа, так как цель всех опи-

санных движений—обсеменить поле. Устраните эту цель, отнимите у сеятеля мешок, но заставьте его проделывать те же движения,—и перед вами будет не работа, а пляска. Эту пляску мы называем мимической, так как мысль о сеянии сопровождает пляшущего и нас, его зрителей, но не трудно представить себе постепенное исчезновение этой сопровождающей мысли. Последствием будет постепенное изменение и упрощение характерных именно для сеяния движений, их так называемая стилизация, совершенно аналогичная той, которой подвергаются в орнаментике растительные мотивы: мимическая пляска превращается в простую, лишенную сопровождающей мысли, а следовательно, содержания.

Есть основание предполагать, что все пляски произошли именно таким путем. Правда, неподготовленному читателю этот путь может показаться довольно странным: с какой стати сеятель будет производить все движения сеяния, кроме как с целью обсеменения нивы? Казалось бы, разумная работа достаточно утомительна: к чему повторять ее без цели? Это соображение было бы вполне правильно, если бы не одно обстоятельство: характер игры, присущий работе первобытного человека, в силу которого она, помимо своей цели, представляется ему самоинтересной: вот этот-то непосредственный интерес и побуждал к повторению. С одной стороны приятное возбуждение, обусловленное ритмом работы, служило стимулом и наградой исполняющим также и работу-пляску людям; с другой стороны такое же чувство удовлетворения предполагалось и у богов-хранителей работы. Их-то и было всего естественнее чествовать мимическими плясками, изображающими состоящие под их охраной работы... Игра ради игры создала поэзию ради поэзии.

Ф. Зелинский.

3. Роль личности в народно-поэтическом творчестве.

Рассмотрим вопрос о роли личности в процессе народно-поэтического творчества.

Песни создаются отдельными суб'ектами. Песня какого-нибудь австралийского охотника о кенгуру несомненно не пойдет далее шалаша поэта, да и сам он, под новым впечатлением, может сочинить новую песенку и легко забыть старую. Но если содержание песни в состоянии захватить внимание третьих лиц, то она может быть воспринята другими, может получить дальнейшее распространение и даже исполняться сообща. Так как первобытный поэт лишь в редких случаях стоит выше своей публики, то его произведение усвоится массой без особенного труда и легко сделается предметом устной передачи. При этом, само собою разумеется, первоначальный текст подвергнется разным изменениям: каждое участвующее в передаче лицо может внести свою лепту. Творческая работа таким образом становится уже коллективной, и произведение без имени автора, анонимно, начинает циркулировать в народе, испытывая все случайности существования, не обеспеченного охраною письменности.

Это—первый и, вероятно, наиболее распространенный тип народного творчества: личное в своем генезисе, оно, по мере распространения произведения, получает *коллективный* характер.

Но у первобытных народов существует и другой вид творчества, которому вполне приличествует наименование *хлл ктивного*: песня создается во время хоровых игр и совместных работ. Все дикие племена очень любят танцы и мимические игры. В их жизни танцы играют особенную роль, более существенную, чем у нас. «Нет другой художественной деятельности,—говорит Гроссе,—которая бы так захватывала и возбуждала всего человека, как это делает танец; в нем первобытный человек, конечно, испытывает самое интенсивное эстетическое удовольствие, на какое он только способен». Каждое более или менее значительное событие, вызывающее под'ем настроения, разрешается пляской: война, заключение мира, удачная охота, сбор плодов и т. п.,—все это вызывает в первобытном человеке потребность в ритмических движениях. Весьма типичной во всех отношениях является австралийская пляска—корроборри. Пляска эта исполняется всегда ночью, иногда при участии нескольких сот человек. На обширной поляне разводится огромный костер. По одну сторону поляны располагается оркестр женщин, имеющих перед собой в качестве музыкального инструмента натянутую шкуру опоссума. Перед оркестром стоит дирижер с двумя палочками в руках. Из-за кустов выскакивают несколько десятков танцоров, и корроборри начинается. Дирижер управляет всеми исполнителями, отбивая такт и напевая мелодию; танцоры вторят ему ударами своих палочек, а хор женщин из всех сил поет песню и ударяет в свои барабаны. Неистовая пляска состоит из пяти отделений, делаясь все более и более страстной, но проходит тем не менее с удивительной стройностью и полным подчинением дирижеру.

Рядом с танцами, у первобытных народов в большом ходу всевозможные мимические игры. Это уже настоящие драматические представления: участники гримируются, переодеваются и с возможным реализмом воспроизводят сцены охоты, войны, любви и т. п., прибегая и тут иногда к танцам и пению.

Во всех подобных хоровых играх и танцах мы находим интересное слияние разных видов искусства: здесь и ритмические движения (танцы), и музыка, и поэзия.

Первенствующее значение в этом союзе принадлежит ритму, а не мелодии и слову. Еще Аристотель заметил, что «ритм соответствует нашей природе», что «деятельность легких и сердца, движение рук и ног при ходьбе совершаются, при обыкновенных обстоятельствах, ритмически или проявляют стремление к тому, и весьма возможно, что уже регулирование дыхания требует ритмического строя, продолжительных, однообразных мускульных движений». Ритм составляет главный элемент первобытной музыки. Вот почему самым популярным инструментом диких народов является барабан. Некоторые племена даже и не имеют других музыкальных инструментов. В случае, если бы налицо не оказалось даже и барабана, то участники игр просто ударяют палкой по земле, отбивая такт.

Музыка и пение сопровождают не только игры, но и работу. Путешественниками и исследователями установлено, что ручные работы первобытного человека, особенно исполняемые совместно, носят ритмический характер и редко обходятся без хоровой песни, или, по крайней мере, без известных возгласов, в такт выкрикиваемых всеми работниками.

Какое же место в первобытном синкретическом искусстве занимает слово, поэзия? Роль слова на первых порах была ничтожна: довольствовались разными ничего не значащими восклицаниями, в роде: «heia, heia!» (у индейцев в Британской Гвиане). Bahia (у камчадалов), Ае-о, Ае-о (у бушменов) и т. п. Иногда повторяют отдельные слова; например, у чукчей при «горлохрипении» (особый вид пляски девушек) слова: «кривой ворон». Или же припевом служит целая фраза, как у тех же чукчей: «право, так, право, так! без костей я стала!» В лучшем случае мы видим короткие импровизации, повторяющиеся раз по 50 под-ряд.

Мало-по-малу, однако, вырабатывается и более содержательный текст, который по большей части принадлежит запевале-дирижеру.

У минкопов, эскимосов, негров запевала сначала поет речитативом свою песню, часто импровизацию, а хор подхватывает: но иногда, как, например, у кафров, все участники по очереди импровизируют какую-нибудь фразу, а хор подхватывает припев. Кое-где выступают два хора и два певца: получается, таким образом, амебейное пение. Во всяком случае, чем содержательнее становится текст, тем большее значение приобретает личность запевалы, корифея; связный и значительный текст требовал известного дара создания и исполнения; хор же ограничивался повторением немногих стихов, refrain'ом. «Постепенно,—говорит акад. Веселовский,—импровизация уступала место практике, которую мы уже можем назвать художественною; она начинает создавать предание».—и запевала обращается в певца.

Итак, в рассматриваемом нами втором типе творческий процесс создания песни носит коллективный характер, но и здесь рано выделяется личность певца исполнителя и поэта.

П. Сакулин

1. Укажите ритмические движения в жизни природы и человека.

2. Прочтите Льва Толстого «Анна Каренина», ч. III, гл. 4 и 5 и проследите, при каких условиях работа у Левина шла легко и скоро (участие сознания, ритмичность).

3. Не видали ли вы работы, выполнявшейся с песнью целой артелью? Какую роль играет при этом песня?

4. Народная поэзия, ее слагатели и исполнители.

Произведения русской народной поэзии, записанные в XIX ст. среди простонародия и продолжающие, хотя и с меньшей силой, бытовать в той же среде и в настоящее время, некогда, на заре нашей исторической жизни, слагались и исполнялись, нередко в сопровождении музыки, танца и мимического действа,—в ином общественном слое,—княжеско-дружинном, боярском. Разнообразные исторические свидетельства говорят нам о существовании дружинных певцов, слагавших песни в честь князей по поводу каких-либо важных в их жизни событий. В летописи по поводу войны 1149 г. сообщается, что «мужи отьни (дружинники) похвалу ему (Андрею Боголюбскому) дяша велику, зане мужьскы со-

твори паче бывших всих ту» [1]); под 1251 г. рассказывается, как по поводу победы над ятвягами галицких князей Даниила и Василька «песнь славну пояху има...». Повидимому, при дворах князей были особые певцы, дававшие поэтические отклики на военные события своего времени: «историцы и ветия, рекше летописцы и песнотворцы,—говорит Кирилл Туровский (XII в.),—приклоняют свои слухи в бывша межи цесари рати и ополчения, да украсят словесы». Об одном из таких певцов упоминает Ипатьевская летопись под 1240 г.: «словутьнаго певца Митусу, древле за гордость не восхотевша служить князю Данилу, раздраного, аки связанаго, приведоша».

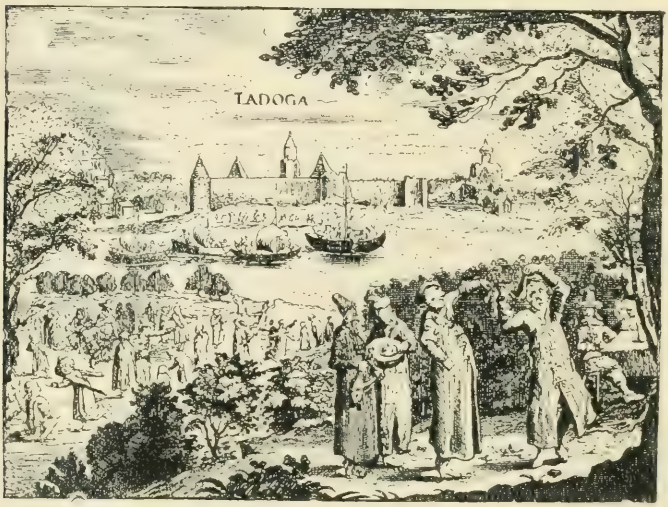
Эти певцы могли быть и простыми любителями, и профессионалами: последние и являлись преимущественно слагателями и хранителями обширного песенного репертуара, вырабатывали его технику, стиль, приемы музыкального исполнения и передавали все это своим преемникам из поколения в поколение. Этот репертуар очень скоро был подхвачен особым классом певцов—«скоморохов» [2]), захожих из Византии и Западной Европы, и туземных, стоявших близко к народу и осложнивших мотивы дружинной поэзии пестрым материалом шутки, сказки, легенды, заимствованных и национальных. Скоморохи же были музыкантами, актерами, участниками обрядовых действ, вожаками медведей, фокусниками, словом, мастерами на все руки, «веселыми молодцами», без которых долго не могли обойтись русские люди. Они были желанными для всех. «Житие Феодосия» (XII в.), рисуя картину обычных княжеских увеселений, в которых «овы гусельныя гласы испущаюши, другиа же органныя гласы поющи, инем мусикийския писки гласящим», дает повод думать, что несомненными участниками их были не кто иные, как скоморохи. В их обществе иногда любил проводить время и сам Иван Грозный, как об этом рассказывает Курбский: «упившись, начал (царь) со скоморохами в машкерах (масках) плясать, и сущие пирующие с ним». Они же забавляли разными «смехотворными» ухищрениями и зажиточное общество Московской Руси: недаром митрополит Даниил, обличая москвичей первой половины XVI в., указывал на скоморохов, как на исполнителей разных «козней» и «ухищрений»: «Ты же вся в бесовскую славу твориши позорище (зрелище), играниа, плясаниа с'бираеши, и к сим паче течеши неже к божественным церквам, и не точию се, но и в дом свой, к жене и детем приводиши скомрахи, плясцы, сквернословцы, погубляа себе, и дети, и жену, и вся сущая в дому паче потопа онаго».

Но не только при великокняжеском дворе или в хоромах боярина слышались скоморошьи песни и «глумы»: скоморохи бродили по всей Руси, забавляя и сельский люд, забираясь в деревенскую глушь: отцы Стоглавого собора (1551 г.) жалуются, что по «дальним странам ходят скоморохи, совокупяся ватагами многими до штидесяти и до семидесяти и до ста человек и по деревням у крестьян сильно ядят и пиют и из клетей животы грабят, а по дорогам разбивают». Не следует думать, что скоморохи были только веселыми гулящими молодцами: они были, как видно из следующей статьи, необходимыми участниками важных моментов народ-

[1]) Т.-е. «за то, что всех превзошел своим мужеством».

[2]) Скоморох — слово иностранное, вернее всего греческое: Σκοῦμμαρκος = κύριος Σκωμμάτων, что значит «начальник, мастер смехотворства».

ной жизни; в их репертуар входили и серьезные исторические песни: Олеарий, в своем описании путешествия голштинского посольства в Московию (XVII в.), рассказывает: «В Ладоге услышали мы русскую музыку. Когда мы сидели за обедом, пришли двое русских с лютней и судком (скрипкой) на поклон к гг. послам, начали играть и петь о великом государе и царе Михаиле Феодоровиче»; историк XVIII в. Татищев еще помнил старинные песни о князе Владимире, которые он слыхал от скоморохов. Скоморошество, несмотря на правительственные гонения и церковные обличения, продолжало составлять неотделимую принадлежность старорусского быта, как об этом определенно говорит патриаршая грамота 1636 г.:



Скоморохи поют перед Олеарием песню о царе Михаиле Федоровиче и показывают свое искусство в пляске.

«Вместо духовного торжества и веселия жители (в Москве, по праздникам) предаются играм и кощунам бесовским, созывают по улицам медведчиков и скоморохов, приказывают им на торжищах и распутиях сатанинские игры творити и в бубны бити и в сурны реветь и руками плескати и плясати и иная неподобная делати».

Роковою для скоморошьего искусства оказалась перестройка русского общества на европейский лад, усвоение новых литературных и музыкальных вкусов; усиленный приток этой западно-европейской новизны с начала XVIII в. постепенно вытеснял древнерусского скомороха из княжеских и боярских палат. В провинциальном захолустье, впрочем, он еще сохранял свою прежнюю роль; когда, например, датский посланник Юст Юль, в 1709 г., попал в Тверь, то во время обеда

у коменданта в горницу вошло 16 скоморохов (всего их было у хозяина 60 человек), которые «принялись свистать, щебетать, петь и куковать, каждый на свой лад, представляя разнообразное пение птиц в лесу... играть на волынках и скрипках, плясать и т. д.»; в последней четверти XVIII в. скоморох продолжал участвовать в народных праздниках: так, во время Семика, по словам Чулкова (1775 г.), «перед березкой, украшенной различными лоскутками», выступал скоморох:

Пред пею скоморох неправильно кричит,
Ногами в землю он, как добрый конь, стучит,
Танцует и пылит, иль грязь ногами месит,
Доколе хмель его совсем не перевесит.

Мало-по-малу скоморошество отмирало; скоморохи из городов уходили в деревни, из центральной России на север, где старина и предание были еще живы, и передавали свой репертуар крестьянству, особенно северному, от которого мы и получили старое поэтическое наследие скоморохов в записях наших этнографов.

5. Судьбы русской народной поэзии.

О живучести у нас с глубокой древности народно-поэтического творчества (песен, обычаев, верований, обрядов и т. п.) мы имеем ряд свидетельств, идущих с самого начала нашей письменности. Уже в церковном правиле митрополита Иоанна (XI в.) перечисляются языческие обычаи: «игранне, плясанне, гудение» и «бесовское пение». Летописец, в своем обличении современников, только внешним образом принявших христианскую веру, говорит: «Се бо не поганьскы ли живем? Аще бо кто усрящет чернориза, то возвращается, ли единец [1]), ли свинью, то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь [2]) сию держать; друзии же и закыханью [3]) веруют, еже бывает на здравие главе. Но сими дьявол льстить, и другыми нравы, всячьскыми лестьми пребавляя [4]) ны от Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи». В XIII в. инок Зарубского монастыря поучает: «смеха бегай, лихаго скомороха... и гудца... не уведи у дом свой глума ради: поганьско бо то есть».

Но как влекла к себе эта «поганская», языческая старина даже лиц, отказавшихся от мира, прославившихся святою жизнью, видно из рассказа Киево-Печерского патерика о монахе Исаакии. «Однажды, когда он сидел, потушивши свечу, ... к нему пришли два юноши прекрасные, с лицами, блестящими, как солнце, и сказали ему:—Исаакий! Мы ангелы, а вот идет к тебе Христос: поди и поклонись ему.—Он же не понял бесовского наваждения, не вспомнил даже перекреститься, выступил и поклонился, как Христу, бесовскому действию... Вся келия тогда наполнилась бесами. И сказал тогда один бес, тот, что назвался Христом:

---

1) Дикий кабан.
2) Гаданье по приметам.
3) Чиханье.
4) Отвлекая.

— Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте: Исаакий нам попляшет.—И ударили они в сопели, бубны и гусли и начали играть Исаакием. Наконец, измучивши его, оставили его еле жива и ушли, насмеявшись над ним».

Любопытные указания на бытование разнообразных языческих верований и обрядов в позднейшую эпоху встречаем в Стоглаве (половина XVI в.): «В мирских свадьбах играют глумотворцы, и органники, и смехотворцы, и гусельники, и бесовские песни поют: и как в церкви венчатися поедут, священник с крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут».—«В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках [1]), и плачутся по гробом с великим кричаньем. И егда начнут играти скоморохи, гудцы и прегудники, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити, и песни сатанинские петь».—«А о велице дни [2]) окличка на Радунице [3]), Вьюнец [4]), и всякое в них бесноваше».—«А в Великий Четверток поранку солому палят и мертвых кличут».—«В первый понедельник Петрова поста в роще ходят и в Наливки [5]) бесовские потехи деяти».

Сто лет спустя, в царствование Алексея Михайловича, в грамоте Верхотурского воеводы Рафа Всеволожского мы опять находим свидетельство о широкой распространенности «языческих» обычаев. Многие люди,—читаем в грамоте,—«забыв Бога и православную христианскую веру, прелестником, скоморохом последствуют, на бесчинное их прельщение сходятся по вечерам на позорища, и на улицах и на полях богомерзких их и скверных песней и всяких бесовских игр слушают... А иные люди чародеев и волхвов и богомерзких баб в дом к себе призывают и к малым детям, и те волхвы над больными и над младенцы чинят всякое бесовское волхвование и от православия православных крестьян отлучают: да в городех же и уездех от прелестников и от малоумных людей делается бесовское сонмище, сходятся многие люди мужского и женского полу по зорям и в ночи чародействуют, с солнычного схода первого дни луны смотрят и огромное громление [6]), на реках и озерах купаются, чают себе от того здравия, и с серебра умываются, и медведи водят, и с собачками пляшут, и зернью и карты и шахматы, и лодыги играют, чинят бесчинное скакание и плясание и поют б е с о в с к и е п е с н и. А в навечерие Рождества Христова, и Василиева дни, и Богоявления Господня, клички бесовские кличут, Коледу и Таусень и Плугу: и многие человецы неразумьем веруют в сон, и в встречу, и в птичей грай... и з а г а д к и з а г а д ы в а ю т, и с к а з к и с к а з ы в а ю т н е б ы л ы я, и празднословием и смехотворием и кощунанием души свои губят такими помраченными и беззаконными делами. И накладывают на себя личины и платье скоморошское, меж себя нарядя бесовскую кобылку водят».

Наконец, в «Духовном Регламенте», изданном при Петре Великом, читаем: «Слышится, что в малой России... в день уреченный праздничный водят жонку простовласую под именем Пятницы, а водят в ходе церковном и при церкви честь

[1]) Жальники или жалы —общие могилы в лесу, в которых хоронили самоубийц или некрещеных младенцев.

[2]) Велик День—Пасха, когда окликали весну, покойников.

[3]) Радуница — вторник Фоминой недели, когда поминали покойных родителей.

[4]) Вьюнец—особого рода обряд, хоровод с играми, справлявшийся в субботу Святой неделе у молодых, которые в том году обвенчались.

[5]) Место народных гуляний под Москвой.

[6]) Во время грома.

ной отдает народ с дары и со упованием некие пользы. Также на ином месте, попы с народом молебствуют пред дубом, и ветви оного дуба поп народу раздает на благословение».

Следы старого мировоззрения в его обрядовом и поэтическом выражении долго еще были живы в народной и даже дворянской образованной среде: в остатках они сохраняются и до наших дней. Помещенные ниже материалы почти все записаны уже в XIX веке, частью в наши дни.

1. На основании данных свидетельств перечислите все виды языческого обряда и народно-поэтического творчества древней Руси.

2. Не знаете ли вы их отражения в литературных произведениях (например в «Евгении Онегине» Пушкина, «Семейной хронике» Аксакова, в «Ночи под Рождество» Гоголя и др.)?

ЗАГОВОРЫ.

1. Колдовство и чародейство в древней Руси.

1. Из летописи.

Договор Олега с греками был закреплен клятвою—«Олга водивше на роту [1]), и мужи его по Рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом, и утвердиша мир» (907 г.). Клятвенная же формула слышится в мирном договоре Игоря с греками (945 г.):... «И иже помыслить от страны Руския разрушити таку любовь... и елико их есть не хрещено, да не имуть помощи от Бога ни от Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посечени будуть мечи своими, от стрел и от иного оружья своего, и да будуть раби в весь век в будущий». Еще более ярко и даже поэтично звучит клятвенная скрепа договора Святослава с греками (971 г.): «Аще ли от тех самех прежереченных не с'храним, аз же и со мною и подо мною, да имеем клятву от Бога, в него же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья Бога, и да будем золоти яко золото [2]), и своим оружьемь да исечени будем».

В си же времена (1071 г.) приде волхв, прелщен бесом; пришед бо Кыеву глаголаше, сице поведая людем: яко на пятое лето Днепру потещи вспять и землям преступати на ина места, яко стати Греческы земли (на Руской), а Руськей на Гречьской, и прочим землям изменитися; его же невегласи послушаху, верние же смеяхуться, глаголюще ему: «бес тобою играеть на пагубу тобе». Се же и бысть ему: в едину бо нощь бысть без вести...

Бывши бо единою скудости в Ростовьстей области, в'стаста два вол'хва от Ярославля, глаголюща: «яко ве свеве, кто обилье держить»; и поидоста по Волзе, где придуча в погост, туже нарекаста лучьшие жены, глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя; она же в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убиваета многы жены, именье их от'имаше собе. И придоста на Белоозеро, и бе у нею людий инех 300. В се же время приключися притн от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; поведаша ему Белозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Вол'зе и по Шексне, и пришла еста семо. Ян же испытав, чья еста смерда, и уведев, яко своего князя, послав к ним, иже около ею суть, рече им: «выдайте волхва та семо, яко смерда еста моего князя». Они же сего не послушаша. Ян же поиде сам без оружья, и реша ему отроци его: «не ходи без оружья, осоромять тя»; он же повеле взяти оружья отроком, и беста 12 отрока с нимь, и поиде к ним к лесу. Они же сташа

---

[1]) Клятва.
[2]) Пожелтеем, как золото.

исполчившеся противу, Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша к Яневи, рекуще ему: «вида идеши на смерть, не ходи»; оному повелевшю бити я, к прочим же поиде. Они же сунушася на Яня, един грешися Яня топором, Янь же оборотя топор удари и тыльемь, повеле отроком сечи я; они же бежаша в лес, убиша же ту попина Янева. Янь же вшед в град к Белозерцем, рече им: «аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето». Белозерци же шедше яша я, и приведоша я к Яневи. И рече има: «что ради погубиста толико человек?» Онема же рекшема: «яко ти держать обилье, да аще истребиве сих, будеть гобино [1]); аще ли хощеши, то пред тобою вышемеве жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «по истине лжа то; створил Бог человека от земле, составлен костьми и жылами от крове, несть в нем ничтоже, и не вест никтоже, но токмо един Бог весть». Она же рекоста: «не веве, како есть человек створен». Он же рече: «како?» Она же рекоста: «Бог мыв'ся в мовници и вспотив'ся, отерся вет'хом, и верже с небесе на землю; и распреся сотона с Богомь, кому в немь створити человека, и створи дьявол человека, а Бог душю во нь вложи; темже аще умреть человек, в землю идет тело, а душа к Богу». Рече им Янь: «поистине прельстил вас есть бес; коему Богу веруета?» Она же рекоста: «антихресту». Он же рече има: «то кде есть?» Она же рекоста: «седить в бездне». Рече им Янь: «какый то Бог, седя в бездне? то есть бес, а Бог есть на небеси, седяй на престоле, славим от ангел, иже предстоять ему со страхом, не могуще на нь зрети; сих бо ангел свержен бысть, егоже вы глаголета антихрест, за величанье его низ'вержен бысть с небесе, и есть в бездне, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Бог с небесе, сего им антихреста свяжеть узами и посадить и, ем его, с слугами его и иже к нему верують; вама же и сде муку приняти от мене, и по смерти тамо». Онема же рекшема: «нама бози поведають, не можеши нама створити ничтоже». Он же рече има: «лжють вама бози». Она же рекоста: «нама стати пред Святославомь, а ты не можеши створити ничтоже». Янь же повеле бити я и поторгати браде ею. Сима же тепенома [2]) и браде ею поторгане проскепом [3]), рече има Янь: «что вама бози молвять?» Онема же рекшема: «стати нам пред Святославом». И повеле Янь вложити рубль в уста има и привязати я к упругу [4]), и пусти пред собою (в) лодье, и сам по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «что вам бози молвять?» Она же реста: «сице нама бози молвять, не быти нама живым от тобе». И рече има Янь: «то ти вама право поведали». Она же рекоста: «но аще ны пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «аще ваю пущю, то зло ми будеть от Бога». И рече Янь повозником: «ци кому вас кто родин убьен от сею?» Они же реша: «мне мати, другому сестра, иному роженье». Он же рече им: «мьстите своих». Они же поимше, убиша я и повесиша я на дубе: отмьстье приимша от Бога по правде.

2.

Волшебник или чародей в обширном смысле был человек, который силою своего слова мог производить желаемое, узнавать будущее, изменять направление обстоятельств, властвовать над судьбою других людей и даже повелевать силами природы. Заговор, или примолвление, играл главную роль в волшебстве. Правда, волшебники действовали и посредством разных вещей, но народное понятие приписывало силу не самым вещам, а слову, которое им сообщало эту силу. Сила исходила не из природы, а из человека, из его души. То была сила духовная. Даже самое лечение или отрава людей посредством трав приписывались не целебному или вредоносному свойству самых растений по их природе, а человеку, который сообщал им это свойство своею волею, и потому лечение травами преследовалось Церковью наравне со всякими другими волшеб-

1) Гобино—обилье, урожай.
2) Прич. страд. от глагола *тети*—бить (когда их били).
3) Тиски, клещи.
4) Упруг—шест, которым упирают в дно реки, когда плывут на лодке

ствами, под именем зелейничества. Полагали, что растение совершенно безвредное может быть убийственно, если волшебство сообщит ему злокачественную силу. В 1632 году, во время войны с Литвою, запрещено было ввозить в Московское государство хмель, потому что лазутчики донесли, что какая-то баба-ведунья наговаривает на хмель, чтобы тем хмелем, когда он будет ввезен в Московию, произвести моровое поветрие. Волшебники носили разные наименования, которые имели свои особые оттенки, хотя часто значение их смешивалось. Между такими видами волшебников были волхвы, чародеи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звездочеты, облако-прогонники, облако-хранительники, ведуны, ведуньи, лихие бабы. Обаянниками назывались фокусники, которых призывали или посещали, «хотяще некая от них увидети непзреченная». Они же заклинали змей и злых животных. Кудесник совершал разные заклинания и чародейственные обряды (кудесы бьют) и предвещал будущее. Сновидцы рассевали в народе разные предзнаменования на основании виденных ими снов и уверяли, что они приняли извещение свыше. Иногда они толковали сны другим, приходившим к ним. Иногда рассказывали о собственных видениях. Во время народных бедствий они толковали народу причины несчастия, часто указывали на какие-нибудь лица, называя их виновниками, и обрекали их народному мщению. Облакопрогонники, как их называет «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятию, повелевали дождем и ведром, и через то самое могли насылать урожай или неурожай. Верование это очень древнее, как видно из наших летописей по рассказу об избиении в Ростове в XI веке и в Суздале в 1124 году женщин за то, что будто бы они спрятали в себя хлебное жито и с'естные запасы. В XVI веке рассказывали, что во время осады Казани, в 1552 году, татарские колдуны и колдуньи, стоя на стенах города, махали одеждами на русское войско и насылали ветер и дождь. Столь же древнее было верование в волшебников, снедающих солнце и луну («погибе солнце и бысть яко месяц, его же глаголят невегласи снедаемое солнце». Ип. Лет.). В Кормчей книге эти волшебники называются волкодлаками («волкодлаци луну изедоша или солнце). Ведунами и ведуньями назывались вообще лица обоего пола, ведавшие тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Все лица, занимавшиеся волшебством, составляли в иных местах как бы особые цехи, передавали одни другим свое искусство и промышляли им, помогая тем, которые к ним прибегали в житейских нуждах. Иногда этим занимались и мужчины, но чаще пожилые и старые женщины. Во всех местах России можно было отыскать их. Особенное уважение существовало к тем, которые жили на Севере, в Корельской земле. В самой Москве жило множество колдуний и преимущественно в Замоскворечье. Так, в первой половине XVII века там были известны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Феклица, Машка Козлиха, как видно из дела, возникшего в 1638 году по поводу подозрения в порче царицы Евдокии. Эти чаровницы предлагали свои услуги посредством наговоров над какою-нибудь вещью. Таким образом, к московской чародейке Наске Черниговке прибегали женщины, страдавшие от побоев, которыми наделяли их мужья. Колдунья должна была отымать «сердце» и ревность у мужьев: а когда жены жаловались на холодность мужьев, приворожить их и отнять «сердце» и ум. Она наговаривала на соль, мыло и белила, приказывала женщине умываться мылом и селиться белилами, а соль давать в питье и в яству мужьям, брала у женщины ворот рубашки и сжигала его, наговаривала на пепле и приказывала также сыпать его в питье мужу. Завораживая соль, чародейка говорила: «как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил». Над мылом говорилось: «сколь скоро мыло с лица смоется, столько бы скоро муж жену полюбил»; когда сжигался ворот рубашки, колдунья говорила: «какова была рубашка на теле, таков бы муж до жены был». Сожженный ворот рубашки служил также слугам для умилостивления господ: надобно было этого пепла насыпать на след, когда господин или госпожа будут итти. Колдуньи своими наговорами помогали купцам, когда у них залежится товар. Тогда колдунья наговаривала на мед, приговаривая: «как пчелы ярые роятся, так бы к такому-то торговому человеку купцы для его товару сходились». Потом она приказывала торговому человеку умыться этим медом. Мужчины колдуны заговаривали ратным людям от стрельбы и от

меча, когда те шли на войну, «к ласковости от человек», когда подначальный хотел расположить своего начальника; охотникам—на ловление зверей. Если на кого царь или князь гнев держит—надобно при себе носить под левою пазухою правое око орла, завязав в ширинку. Этого орла нужно поймать непременно на Иванов день о вечерне, понести на распутье между дорог и заколоть острою тростью. Левый глаз того же орла, смешанный с коровьею кровью, рекомендовался охотникам и рыболовам: «левое око его добро смешивать с коровьею кровию и селезеневою, да все то иссуши, да завяжи в синий плат чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи к цепу и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многим ловушкам годна—ко звериным и птичьим и ко всякой ловле». Начинавший судиться или позванный через пристава или недельщика к судебному ответу спешил к колдуну, который заговаривал язык и сердце противной стороне. Или на суд, надобно снять с березки перепер [1]), который трясется, и говорить: «так, как сей перепер трясется, так бы мой супостат (имрек) и его язык трепетался». Когда еще в обычае были судебные поединки, чародеи являлись на помощь; нередко спорщики готовы были помириться, но чародеи начинали пред ними «бить кудесы» и разжигали снова. Чароден советывали таким образом запасаться силою для судебного поединка: «убей змею черную саблею или ножем, да вынь из нее язык, да вверти в тафту зеленую и в черную, да положи в сапог в левой, а обуй на том же месте. Идя прочь назад, не оглядывайся; а кто тебя спросит, где был ты, и ты с ним ничего не говори. А когда надобно, и ты в тот сапог положи три зубчика чесноковые, да под правую пазуху привяжи себе утиральник, и бери с собою, когда пойдешь на суд или на поле битвы». Когда холоп обкрадывал господ и бежал, призывали ворожею, и она произносила заклятие над бежавшим.

Невозможно перечислить всех вещей, над которыми ведуны и ведуньи совершали свои таинственные заклинания и примолвления, но между прочим они совершались над кореньями, зельями, водою, огнем, костьми, громовыми стрелами, каменьями, над медвежьим ноготком, над мертвою рукою, над рубашкой мертвеца, над выбранным из-под человеческой ноги следом, над ветром, над зеркалом, над узлами и проч. Насылка на ветер и выбор следа были чародейства злые: они производились с целью сделать зло человеку, и потому их боялись особенно. В подкрестных записях на верность царю верноподданный присягал, между прочим: «ведовством по ветру никакого лиху не насылати, на следу не вынимати». Насылка по ветру состояла в том, что лихой колдун, знавший искусство возбуждать ветры и направлять их куда угодно своими заговорами, производил ветер, потом бросал по ветру пыль и примолвляя, чтоб так по ветру понесло пыль на такого-то человека, чтоб его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч. и проч. Если обреченная жертва попадалась под такой ветер, то с ней сбывалось все, чего желал ей колдун. Выбор следа из-под ноги сохраняется до сих пор. Выбранный след замазывали в печи или сожигали, и оттого иссыхал тот, из-под чьей ноги был взят след. Впрочем, выбирали след и не для злой цели, а для того, чтобы приворожить к себе. Заговоры над мертвыми человеческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: «на татьбу мертвого зубы волшвением»...

Колдуны пересылали свое зложелательство через подмет разных вещей, к которым случайно мог прикоснуться тот, на кого обращалось злое намерение. Вот, например, в Пиве в 1672 году производилось уголовное дело о колдовском подмете: один посадский подал челобитную, что в углу на краю своего огорода он нашел куски печеного хлеба, калачи и несколько меда. Волшебство также легко переходило через все, что принадлежит к конской упряжи и вообще к езде. От этого к царским лошадям не допускали никого, чтоб «лихой человек не положил зелья и коренья лихова в их государевы седла, и в узды, и в войлок, и в рукавки, и в наузы и в кутазы [2]), и в вожки, и в сани, и в полость санную, и в ковер, и в попонку». В 1598 году русские присягали Борису, своему государю, «в естве и в питье, и в платье или в ином в чем лиха, напасти не

[1]) *Перепер*—перепело(къ),—пленка, оболочка.

[2]) Кутас—шнуры с кистями, бахромчатое украшенье.

учинять; людей своих с ведовством, да и со всяким лихим кореньем не посылати, и ведунов и ведуний не добывати, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не насылати» и проч.; во время войны боялись, чтобы чужие государи не подослали волшебниц испортить государеву семью, и успехи Самозванца всеобщее мнение ничему другому не могло приписать, кроме ведовства...

Церковь строго преследовала всякое ведовство, не щадя даже и лечения, принадлежавшего вообще к зелейничеству. В монастырских имениях волхвов и баб-ворожей считали наравне с ворами и разбойниками. Правительство в XVI в. определило, следуя внушениям церкви, преследовать волхвов, чародеев и звездочетов, как клятвопреступников, хулителей и подстригателей усов. Не только преступников подвергали кнуту и лишению имущества, но целая община, где жили чародеи и волхвы, облагалась денежною пенею. В XVII веке повсеместно преследовали ведунов, ведуний и зелейников, сажали под стражу проезжих людей за то единственно, что находили у них корешок, заточали в монастырь того, кто вздумал бы попробовать поучиться заговорным словам; сожигали и тех, кто имел их при себе. Народная месть преследовала колдунов и колдуний в эпохи общественных бедствий, напр., засухи или излишней мокроты, вредной для хлеба; тогда делали заключение, что несчастие происходит от ведунов, умеющих владеть обилием и скудостью, и обрекали на сожжение тех, к которым редкий из народа не прибегал прежде в своих нуждах. Вообще преследовавшие чародейство, как зло, часто уступали всеобщему суеверию и обращались к нему за помощью. Сам благочестивый царь Алексей Михайлович, столь преследовавший ведовство, как богопротивное дело, в 1650 году приказывал стольнику Матюшкину высылать крестьян в Купальскую ночь искать «сераборинного цвета, иниериковой и мятной трав и дягилу», а пре; кол ея своей жизни, в 1675 году, приказывал воеводам в Сибири, которая по своей отдаленности представлялась в народном воображении страною таинственных сил и чудес, собирать знахарей, узнавать от них о травах и самые травы присылать в Москву.

Н. И. Костомаров.

2. Современные колдуны и знахари.

1.

Колдун-чародей все еще не забыт и все еще властен и крепок, несмотря на свое почтенное долголетие. Он точно старый дуб, у которого давно гнилет сердцевина, но которого не свалила буря, благодаря лишь тому, что его корень так глубоко проник в землю, как ни у одного из прочих лесных деревьев. Самая внешность колдуна, строгая и внушительная, очень напоминает старый дуб. Вспомните обсыпанную снегом фигуру чародея, который стоит на переднем плане превосходной картины нашего жанриста (В. М. Максимова). Внезапно этот чародей явился на свадебный пир и всех напугал не на шутку: молодые вскочили с места и остолбенели от страха, батюшка находится в тревоге, а все остальные настолько испуганы, что на лицах их одновременно можно читать выражение и страха и раскаяния: забыли, дескать, позвать колдуна—жди теперь беды; он оскорблен, он отмстит, и запоздалым угощением его теперь не задобришь.

Суеверный страх перед колдунами покоится на общенародном убеждении, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой.

Колдуны бывают природные и добровольные, но разницы между ними нет никакой, кроме того, что последних труднее распознать в толпе и не так легко уберечься от них. Впрочем, помимо этих двух категорий колдунов, существуют, хотя и очень редко, колдуны невольные. Дело в том, что всякий колдун перед смертью старается навязать кому-нибудь свою волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и мать-сыра земля его не примет. Поэтому знающие и осторожные люди тщательно из-

бегают брать у него из рук какую-нибудь вещь, даже самые близкие родные стараются держаться подальше, и если больной попросит пить, то не дадут из рук, а поставят ковшик так, чтобы он сам мог до него дотянуться. Рассказывают, что один колдун позвал девку и говорит: «На тебе!»—Та догадалась: —«Отдай тому, у кого взял». Застонал он, заскрипел зубами, посинел весь, глаза налились кровью. В это время пришла проведать его племянница; он и к ней:—«На, говорит, тебе на память!»—Та сироста приняла пустую руку,—захохотал он и начал кончаться.

Для невольного колдуна возможно покаяние и спасение, для «вольных» же нет ни того, ни другого.

Посвящения в колдуны, в общем, сопровождаются однородными обрядами, смысл которых повсюду сводится к одному—к отречению от Бога и царствия небесного и затем к продаже души своей чорту. Для первого довольно снять с шеи крест и спрятать его под правую пятку или положить икону на землю вниз ликом и встать на нее ногами, чтобы затем в таком положении говорить богохульные клятвы, произносить заклинания и выслушивать все руководящие наставления сатаны. Лучшим временем для этого, конечно, считается глубокая полночь, а наиболее удобным местом—перекрестки дорог, как излюбленное место нечистой силы. Удобны также для сделок с чортом бани, к которым, как известно, приставлены особые духи. При заключении договоров иные черти доверяют клятвам на-слово, другие от грамотных требуют расписки кровью, а неграмотным велят кувыркаться ведомое число раз через столько-то ножей, воткнутых в землю. Когда все обряды благополучно окончены, к посвященному на всю жизнь его приставляются для услуг мелкие бойкие чертенята.

Для изобличения колдунов в некоторых местах (напр., в Пензенск. губ.) знают три средства: вербную свечу, осиновые дрова и рябиновый прут. Если зажечь умеючи приготовленную свечу, то колдуны и колдуньи покажутся вверх ногами. Равным образом, стоит истопить в великий четверг осиновыми дровами печь, как тотчас все колдуны придут просить золы. Рябиновая же палочка помогает опознавать этих недоброхотов во время светлой заутрени: они стоят задом к иконостасу.

Все эти заботы о приискании предохранительных средств против колдунов вытекают непосредственно из непоколебимой народной веры «в порчу». Здесь, в этой порче, и сосредоточена, собственно, вся деятельность чародеев, и ею же об'ясняется их влиятельное значение в деревенской среде, наружное уважение к ним, почетные поклоны при всякой встрече и угощения водкой в виде отступного.

Темное дело «порчи», в какой бы форме она ни выражалась, производится «сглазом», заговорами, «напуском» и «относом». Наговаривают на хлеб, соль, воду и проч., напускают по ветру и по следу, посылают порчу на «относ» [1]), т.-е. подкидывают наговоренные вещи, и кто их поднимет, тот и захворает. Примеров такого рода порчи рассказывают бесконечное множество: нашла баба наговоренное яйцо у колодца—и зачала на голоса кричать, подняла другая на дороге узелочек с рубахой, крестом, поясом, цепочкой и угольками—и лишилась еды, тоска напала, все не милы стали; отнесла назад туда, где нашла, и начала поправляться.

Приемы, к которым прибегают, посылая порчу, очень разнообразны. Сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрым косым взглядом, чтобы заставить чахнуть. Колдуну послабее нужен заклятый порошок, чтобы бросить его на намеченную жертву по ветру: дело сделано, если хоть одна порошина попадет на человека или скотину. Вынутый след, т.-е. щепотка или горсточка земли из-под ног обреченного, в мешечке подвешивается в чело печи, а в трубе замазываются глиной волоса его: начнет земля и глина сохнуть—сухотка обуяет и того человека. Через наговоренную сильным колдуном вещь достаточно перешагнуть, на зачурованное место стоит сесть, чтобы

---

[1]) «Относы», т.-е. вещи, снятые с заразного больного и отнесенные на дорогу или повешенные в лесу на суке. Болезнь уходит в дерево или в того неосторожного, который поднимет или снимет те вещи. Осторожные же никогда не поднимут находки, не перекрестясь и не обдумавши ее с молитвой.

захворать. Иной колдун только лишь слегка ударит по плечу, ан смотришь—человек испорчен.

Тот колдун, который причинил порчу, снять ее уже не в силах,—надо искать другого, хотя бы и слабенького. И наоборот: если свой колдун успел обезопасить от всяких чар, то чужому тут нечего делать. Последнее всего виднее замечается на свадьбах, около которых преимущественно и сосредоточивается деятельность колдунов.

Чтобы избавить молодых от порчи, колдунов, обыкновенно, зовут на свадьбы в качестве почетных гостей, при чем приглашенного еще в дверях избы встречает сам хозяин низким поклоном, со стаканчиком водки. Вторую чарку колдун попросит сам и уже смело начинает кудесить с доброй целью предупредить возможность порчи: берет из рук хозяйки поднесенные хлеб и соль, разламывает хлеб на куски, круто посыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнувши три раза на восток, входит он в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, потом в одном сыплет рожь, в другом свою траву, в остальных двух золу: рожь против порчи, траву на здоровье молодых. Оглянет пристально пол: не набросано ли желтого порошка—ведомого, опасного зелья; заглянет в печь: не кинуты ли на загнетку с угольями такие травы, от которых смрад дурманит у всех головы, а у иных баб вызывает рвоту (бывали случаи, когда поезжане из-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали). Затем колдун выходит на двор и три раза обходит лошадей, назначенных для поезда под жениха и невесту. Заглядывает под хомут: не подложил ли какой-либо недоброхот репейника или иных колючек. В избе обсыпает молодых рожью, заставляет проходить через разостланный под ноги черный полушубок и этим в конец изводит навеянную порчу. Провожая до церкви, он на каждом перекрестке и под каждыми воротами (которые считаются самыми опасными местами) шепчет заклинанье. Из-под венца велит ехать другой дорогой. На свадебном пиру принимает первые чарки и напивается прежде всех до полного бесчувствия. Тогда только его увозят домой с выговоренными подарками сверх денег: холстом и расшитыми в узор, но не в кресты, полотенцами.

В лесных захолустьях еще живы рассказы о том, как целые свадебные поезда лихие люди оборачивали в волков, как один не приглашенный колдун высунул в окно голову и кричал ехавшему по селу поезду: «дорога на лес!», а колдун приглашенный отчуровывался своим словом: «дорога на поле!», и с соперником сделалось то, что у него выросли такие рога, что он не мог высвободить головы из окна, пока на обратном пути не простили его и не высвободили. Другой раз под ноги передней лошади колдун бросил рукавицу на волчьем меху, и лошадь зафыркала, остановилась, как вкопаная, и задержала весь поезд, который должен совершить свой путь без помех и препятствий. Против всех этих козней колдунов придумано бесчисленное множество самых разнообразных, хотя и мало действительных средств: тут и лук, и чеснок, и янтарь, и ладан, столь ненавистный чародеям, и крест, нашитый на головной платок невесты, и монета, положенная ей с наговором в чулки, и иголки без ушков, зашитые в подоле платья, и льняное семя, насыпанное в обувь. Все эти меры предосторожности, обыкновенно, составляют заботу свахи, хотя у колдуна, в свою очередь, припасен гороховый стучок о девяти горошинах—средство, перед которым ничто не устоит.

Колдуны бо́льшею частью—люди старые, с длинными седыми волосами и нечесанными бородами, с длинными, нестриженными ногтями. В большинстве случаев они люди безродные и всегда холостые. Избенки колдунов, в одно окошечко, маленькие и сбоченившиеся, ютятся на самом краю деревень, и двери в них всегда на запоре. Днем колдуны спят, а по ночам выходят с длинными палками, у которых на конце железный крюк. Как летом, так и зимой надевают они все один и тот же овчинный полушубок, подпоясанный кушаком. По наружному виду они всегда внушительны и строги, так как этим рассчитывают поддерживать в окружающих то подавляющее впечатление, которое требуется их исключительным мастерством и знанием темной науки чернокнижия. В то же время они воздерживаются быть разговорчивыми, держат себя в стороне, ни с кем не водят дружбы и даже ходят всегда насупившись, не поднимая глаз и устрашая тем взглядом из-подлобья, который называется «волчьим взглядом». В пер-

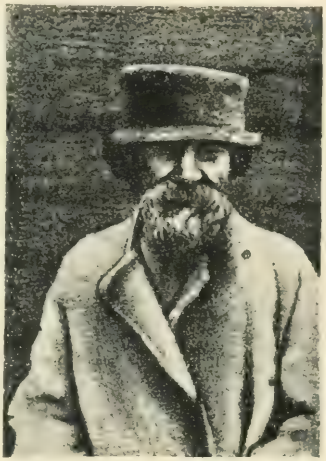
ковь они почти никогда не ходят. Все это, взятое вместе, с одной стороны, совершенно порабощает напуганное воображение захолустных обитателей, а с другой—придает самим колдунам необыкновенную уверенность в своих силах.

С. В. Максимов.

2.

Деятельность знахарей весьма разнообразна и разбивается в некотором роде на специальности.

Так, существуют знахари-лекаря: они лечат различные болезни кореньями, травами, различными снадобьями и, чаще всего, заговорами и нашептываниями. Знахари-лекаря часто специализируются, и есть среди них такие, которые лечат только одну определенную болезнь.



Знахарь (из Пудожского уезда, Олонецкой губернии).

Есть знахари-отгадчики. Знахари этой категории помогают отыскивать украденное. Про одного такого знахаря человек, хорошо его знавший, передавал, что знахарь этот для отгадывания уходил в соседнюю, совершенно пустую каморку, садился на скамью и, глядя в угол, думал об украденной вещи, думал долго и настойчиво, и, в конце концов, он как воочию видел, где находится эта вещь. Так, по крайней мере, передавал сам знахарь секрет своего знания.

Есть знахари, специальность которых составляет привораживание мужчины к женщине или женщины к мужчине и, наоборот, отвораживание их.

Есть, наконец, знахари, совмещающие все эти отрасли, знахари на все руки.

Относительно деятельности знахарей народ судит различно: по мнению одних, знахари действуют известными им тайными средствами без всякой помощи нечистой силы, по мнению других, знахари, хотя и входят в сношения с нечистой силой, но не в такие тесные и близкие, в каких находятся с нею колдуны. Знахари могут приносить человеку не только пользу, но и вред. Так, они могут делать «закрутки» [1]), «заломы» [2]), «прожины» [3]) (некоторые утверждают, впрочем, что это делать могут только колдуны), они могут напускать на людей различные болезни и т. д. Болезни знахари напускают на людей по ветру, по воде и т. д. Выйдет знахарь на улицу и начнет читать наговор: налетит ветер и подхватит слова наговора; на кого первого «пахнет» затем этот ветер, тот и получит болезнь. У знахарей Пошехонья особенно развито уменье «наговаривать» опухоли.

«Этнограф. Обозр.», кн. LI.

---

1) «Закрутки»—это несколько стеблей ржи, скрученных на корне при известных заклинаниях, «закрутка» делается с целью уменьшить умолот.

2) «Залом» есть та же «закрутка», но только стебли ржи еще и надломлены.

3) «Прожин»—уленькие полоски выжатой ржи, шириной вершка в полтора и длиной во всю полосу. На том поле, где сделан «прожин», не будет урожая.

3. Знахарь Якуленок и колдун Шваркун.

Покойный Якуленок был, по-моему, несомненно один из самых симпатичных представителей русского земледельческого люда. Высокий ростом, худой, с длинной седой бородой, всегда серьезный и сосредоточенный. Он никогда не покидал своей деревушки, страстно любил хлебопашество и с презрением относился к тем крестьянам, которые уходили на дальние заработки. Соседи хотя его и боялись, но уважали, ибо он вреда никогда никому не сделал. Не знаю, когда он начал заниматься знахарством и у кого выучился; в моих воспоминаниях он с самого начала является седым, как лунь, с упроченной славой хорошого знахаря. Он действительно был очень стар, отца моего он помнил совсем молодым человеком, между ними была лет 15 разница, а отец скончался 71 года. Якуленок очень любил отца, расположение это он перенес и на меня, и он сам первый вызвался научить меня всякой премудрости, говоря: «Хорошим дзелам, вумным словам пропадаць и Бог не велеу, а я помру—усе пропадзень; так я табе говориць буду, а за тобя людзи Богу молиться стануць. А только как я помру, ты за меня обенню отслужи, а то шалиць буду, и ты спужаешься».

К темным силам, от злого влияния которых охранял людей, он относился со страхом и уважением. Первому заговору (от укушения змеи) он выучил меня, стоя со мною в сосновой роще, где я случайно с ним встретилась во время прогулки: он возвращался от какого-то больного. Весь заговор он говорил таинственным шопотом, поминутно останавливаясь и пугливо озираясь при малейшем шорохе в траве. Он боялся, чтобы змеиный царь Ур и царица Урица не подслушали его. Через два дня он пришел ко мне и долго сидел в моем кабинете. Перед тем, как сказать новый заговор, он усердно молился, заставлял и меня молиться. Пока я записывала заговоры, он все время что-то шептал, потом брал меня за правую руку и заставлял прямо смотреть ему в глаза, окна закрыл, драпировку на окнах спустил, сказал, чтобы я сегодня во всех углах комнаты покропила святой водой. «Потому ены уси на тобя зарюца будуць и будуць цебя пужаць, штобы ты от их у страху была, а ты не боись». Вообще по мнению знахарей нечистая сила опаснее всего в лесу и в таких помещениях, где нет икон, в жилых же комнатах она преимущественно гнездится в углах, на которые знахари и обращают всегда особенное внимание, крестят их и шепчут над ними.

Дмитрий Шваркун личность совсем другого рода. Это мужик хитрый, не особенно добродушный, и на него смотрят не как на знахаря, а как на колдуна. Он почти никогда в церковь не ходит; его все боятся, так как он на многих зло наводил, и наружность его производит совсем другое впечатление, чем наружность Якуленка.

Роста он небольшого, с вечно всклокоченной головой и злыми, хитрыми глазами. Сам он, разумеется, не сознается, чтобы зло на кого-нибудь накликал, но есть факты, доказывающие это как нельзя вернее. Так, например, одна баба сама видела, как он во время крестьянской свадьбы подбежал к печи и, нагнувшись над горшком, что-то прошептал, потом бросил в горшок два маленьких блестящих камешка, а молодой и молодая сейчас после захворали и были долго больны.

Шваркун их испортил. Он мстил молодому за то, что тот не женился на его племяннице. При заломе ржи всегда зовут Шваркуна.

«*Материалы*» *Шейна, т. II.*

4. Заговор на посажение пчел в улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на восток, против дальней стороны, и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окаряя, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у такого-то, на округ

садись. Замыкаю я тебе, матка, все пути-дороги ключем, замком; а бросаю свои ключи в Окиан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А будет вы, пчелы, моим словам не покоритесь, сошлю я вас в Окиан-море, под зеленый куст, где сидит матка, всем маткам старшая, а будет за ваше непокорище жалить вас матка в семьдесят семь жал. Слово мое крепко!

5. Заговор от пчел.

Сыра земля-матушка,
Изосима и Савватия,
Пчолья мати,
Пчолушки-матушки,
Вы меня не жальте.
В бело тело не впивайтесь,
Кровь-руду на землю не пускайте!
Крепко-накрепко, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

6. Бумага к лесовику.

Пишу: царю лесному, царице лесной с малыми детями; царю земляному и царице земляной с малыми детями; царю водяному и царице водяной с малыми детями. Уведомляю я вас, что у раба Божьего (такого-то) потерялась бурая (или какая) лошадь (или корова, или другая скотина, обозначить с приметами). Ежели найдется у Вас, то пошлите, не мешкая ни часу, ни единой минуты, ни единой секунды. А как по моему не сделаете, буду молиться на вас святому великомученику Божью Егорью и царице Александре.

(Такого рода бумагу или «прошение» пишут, если у кого-либо пропадет какая-нибудь скотина. Пишут на бересте справа налево (обыкновенно только начало, а остальное договаривают) в трех экземплярах: один привязывают к дереву в лесу, другой зарывают в землю, а третий бросают с камнем в воду. После этого пропавшая скотина должна притти сама на двор к хозяину).

7. Заговор от ратных орудий.

Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул громову стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорилась и поклонилась селитра-порох, смирным-смирнехонько. Как дождь воды не пробил, так бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тело мое было бы крепче белого камня. И как от воды камни отпрядывают, и пузыри вскакивают, так бы от ратных орудий прядали мимо меня стрелы и порох-селитра. Слово мое крепко!

8. Заговор от зубной скорби.

Месяц, ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенесть, а твоей силе перенесть. Вот зуб, вот два, вот три: все твои; возьми мою скорбь. Месяц, ты месяц, сокрой от меня зубную скорбь!

9. Заговор от лихорадки.

На горах Афонских стоит дуб мокрецкой, под тем дубом сидят тринадесять старцев с старцем Пафнутием. Идут к ним двенадесять девиц простоволосых, простоясых. И рече старец Пафнутий с тремянадесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече ему двенадесять девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: зломите по три прута, тем станем их бити по три зори утренних, по три зори вечерних. Взмолишась двенадесять дев к тринадесять старцам с старцем Пафнутием. И не почто же быть их мольба. И начаша их старцы бити, глаголя: «Ой вы еси двенадесять девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные, и живите на воде студеницы, в мир не ходите, кости не знобите, тело не мучьте». Побегоша двенадесять девиц к воде студенице, трясунцами, водяницами, расслабленными

Заговариваю я раба такого-то от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты, двенадесять девиц, в тар-тарары! отыдите от раба такого-то в леса темные в древа сухие.

Заговоры на Трясавиц иногда имеют вид отдельных эпизодов целой поэмы об этих дочерях Ирода. С мистическою лирикою молитвенного обращения эти заговоры соединяют интересные подробности поэтического описания лиц и их действий. Особенно замечателен в поэтическом отношении следующий заговор, в который внесена даже назидательная мысль, именно: Трясавицы мучат только того, кто предается греху, то-есть, эти демоны бывают насылаемы в возмездие за учиненное зло.

Вот этот заговор.

«При море Черном стоит столп камени; в столпе сидит святой великий Апостол Сисиний, и видит: возмутилось море до облаков, и выходят из него двенадцать жен простоволосых—окаянное дьявольское видение. И говорили те жены: «мы Трясавицы, дщери Ирода Царя». И спросил их святой Сисиний: «окаянные дьяволы! Зачем вы пришли сюда?» Они же отвечали: «мы пришли мучить род человеческий: кто нас перепьет, к тому мы и привьемся и помаемся—помучим его,—и кто заутреню просыпает, Богу не молится, праздники не чтет, и вставая пьет и есть рано: то наш угодник». И помолился Богу Св. Сисиний: «Господи, Господи! Избавь род человеческий от окаянных сих дьяволов!» И послал к нему Христос двух ангелов: Сихайла и Аноса и четырех Евангелистов. И начали бить Трясавиц четырьмя дубцами железными, давая им по три тысячи ран на день. И взмолились им Трясавицы: «Святой великий Апостол Сисиний, и Сихайло, и Анос, и четыре Евангелиста, Лука, Марко, Матфей, Иоанн! не мучьте нас! где ваши имена святые заслышим, и в котором роду имена ваши прославятся, того мы роду бегаем

за три дня, за три поприща». И вопросил их Св. Апостол Сисиний: «что ваши дьявольские имена?»—Одна говорила: «мне имя Трясея». Другая говорила: «мне имя Огнея»: как печь смоляными дровами распаляется, так Огнея жжет тела человеческие. Третья говорила: «мне имя Ледея»: а Ледея, как лед студеный, знобит род человеческий, и не может от него человек и в печи согреться. Четвертая говорила: «мне имя Гнетея»: Гнетея же ложится у человека на ребра и взвивает утробу, а если кто хочет есть—пусть ест: только из души у того человека вон идет. Пятая говорила: «мне имя Грынуша»: та ложится у человека в грудях, плечи гноит и выходит харканьем. Шестая говорила: «мне имя Глухея»: та ложится у человека в голове, уши закладывает и голову ломит; и тот человек глух бывает. Седьмая говорила: «мне имя Ломея»: Ломея же ломит, как сильная буря сухое дерево, у человека кости и спину. Восьмая говорила: «мне имя Пухнея»: Пухнея же пущает отек на род человеческий. Девятая же говорила: «мне имя Желтея»: Желтея же как желтый цвет в поле. Десятая же говорила: «мне имя Коркуша»: та всех проклятее: смыкает ручные жилы и ножные вместе. Одиннадцатая говорила: «мне есть имя Глядея»: и та всех проклятее! в ночи человеку сна не дает, и бесы приступают к тому человеку, и в уме он мешается. Двенадцатая говорила: «мне имя Невея»: Невея же сестра им старейшая, плясавица, которая усекнула главу Иоанна Предтечи; и та всех проклятее: поймает человека, и не может тот человек жив быть.—Если случится священник, творит сию молитву над головою болящего Трясавицею: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа!—Окаянные Трясавицы, заклинаю вас святым великим Апостолом Сисинием и святыми Евангелистами, Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном!» Потом говорит: «Ты еси окаянная Трясея, ты еси окаянная Огнея, ты еси окаянная Ледея, ты еси окаянная Гнетея, ты еси окаянная Грынуша, ты еси окаянная Глухея, ты еси окаянная Ломея, ты еси окаянная Пухнея, ты еси окаянная Желтея, ты еси окаянная Коркуша, ты еси Невея, сестра старейшая! заклинаю вас святым великим Апостолом Сисинием, святым Сихайлом и Аносом, и четырьмя Евангелистами, Лукою, Марком, Матфеем, Иоанном! Побегите от раба Божия, имрек, за три дня за три поприща: а если не побежите от раба Божия, имрек и я призову на вас Великого Апостола Сисиния, и святых Сихайла и Аноса и четырех Евангелистов, Луку, Марка, Матфея, Иоанна: и учнуть вас мучить, даючи вам по четыре тысячи ран на день».—Проговоря над болящим Трясавицею, священник дает ему пить воду с креста, и затем говорит: «крест всей вселенной хранитель, крест церквам красота, крест Апостолам похвала, крест царям держава, крест христианам утверждение и недугам исцеление, крест Отцам просвещение и украшение, крест бесам прогонитель, крест Трясавицам и идолам прогонитель, крест есть рабу Божию, имрек, ограждение».

10. Греческое предание—заговор.

В Аравии жила одна женщина, по имени Мелитина. Семеро ее детей вскоре после рождения были похищаемы чудовищем Гилло. Почувствовав скорое рождение восьмого ребенка, Мелитина удалилась в башню, где рассчитывала спасти новорожденного. Два брата Мелитины, Сисиний и Сисиндор, возвращаясь из похода, захотели повидаться с сестрой. Та, опасаясь злого духа, долго не пускала их, наконец уступила просьбам. Действительно, Гилло прокрался к ней за одним из братьев, и ребенок был

похищен. Тогда Сисиний и Сисинодор решили преследовать Гилло. Они обратились за советом к вербе и терновнику, но, не получив ответа, прокляли эти деревья. Ответ дала им олива, которую они благословили. Пользуясь ее советами, они успешно преследовали чудовище, несмотря на его превращения в ласточку, рыбу и, наконец, козлиный волос в царской бороде. Царь, уступая просьбам святых, во мнении народа, братьев, позволил им вырвать козлиный волос из своей бороды, и таким образом чудовище было во власти братьев. Оно обещало не трогать людей, если братья выведут на руке молоко матери, что они исполнили. После этого чудовище сообщает средство против лихорадки: написать 12 его имен, молитву Спасителю, Божией Матери и Сисинию с Сисинодором. Весь этот рассказ употребляется у греков, как заговор.

11. Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба такая-то, в высоком тереме родительском, с красной утренней зори во чисто поле глядючи, на закат ненаглядного дитятки своего, ясного солнышка такого-то. Досидела я до поздней вечерней зори, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмилилось мне крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною и возговорила зычным голосом:

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку, такого-то, над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечею обручальною. Умываю я свою дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освечаю свечею обручальною его становый кафтан, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатыря. Отвожу я от тебя чорта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы киевской, от злой сестры ее муромской, от моргуньи-русалки, от треклятые бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны-каркуньи, заслоняю от Кащея-Ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи. А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким—в нощи и в полунощи, в часу и в получасьи, в пути и дороженьке, во сне и на яву—укрыт от силы вражия, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасныя, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорения. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным.

А будь мое слово: сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепчае горючего камня Алатыря, могучае богатыря. А кто вздумает моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратские, в бездны преисподние, в смолу

кипучую, в жар палючий. А будут его чары—ему не в чары, морочанье его не в морочанье, узорчанье его не в узорчанье.

1. Чем отличается заговор от молитвы?

2. Выясните роль слова в заговоре.

3. Какие части заговорной схемы (описание действий, сопровождающих заговор, обращение к стихиям, выражение желания, сравнение желания с каким нибудь явлением, замыкание) можно отметить в приведенных заговорах?

4. Какие верования отразились в заговорах?

5. На какие группы можно разбить заговоры по содержанию?

6. Не можете ли указать слов заговора в обыденной жизни и речениях?

7. Какой из приведенных заговоров является заимствованным и откуда (самобытность и заимствование)?

ПРИМЕТЫ.

1. Великорусские народные приметы.

Удивительная наблюдательность открывается в народных великорусских приметах. Здесь схвачены все характерные, часто трудно уловимые явления годового оборота великорусской природы, отмечены ее разнообразные случайности, климатические и хозяйственные, очерчен весь годовой обиход крестьянского хозяйства. Все времена года, каждый месяц, чуть не каждое число месяца выступают здесь с особыми, метко очерченными климатическими и хозяйственными физиономиями, и в этих наблюдениях, часто доставшихся ценой горького опыта, ярко отразились как наблюдаемая природа, так и сам наблюдатель. Здесь он и наблюдает окружающее, и размышляет о себе, и все свои наблюдения старается привязать к святцам, к именам святых и к праздникам. Церковный календарь—это памятная книжка его наблюдений над природой и вместе дневник его дум над своим хозяйственным житьем-бытьем. Январь—году начало, зиме середка. Вот с января уже великорос, натерпевшись зимой стужи, начинает подшучивать над нею. Крещенские морозы—он говорит им: трещи, трещи—минули водокрещи; дуй, не дуй—не к Рождеству пошло, а к Великодню (Пасхе). Однако, 18-го января еще день Афанасия и Кирилла: афанасьевские морозы дают себя знать, и великорос уныло сознается в преждевременной радости: Афанасий да Кирило забирают за рыло. 24-го января память прп. Ксении: Аксиньи—полухлебницы-полузимницы: ползимы прошло, половина старого хлеба с'едено. Примета: какова Аксинья, такова и весна. Февраль—(сокогрей, с боку солнце припекает. 2-го февраля Сретенье, сретенские оттепели: зима с летом встретились. Примета: на Сретенье снежок—весной дождек. Март теплый, да не всегда: и март на нос садится. 25-го марта Благовещенье. В этот день весна зиму поборола. На Благовещенье медведь встает. Примета: какова Благовещенье, такова и Святая. Апрель—в апреле земля прет, ветрено и теплом веет. Крестьянин настораживает внимание: близится страдная пора хлебопашца. Поговорка: апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужик глядит, что-то будет. А зимние запасы капусты на исходе. 1-го апреля Марии Египетской. Прозвище ее: Марья—пустые щи. Захотел в апреле кислых щей! 5-го апреля мученика Феодула. Федул—ветренник. Пришел Федул, теплый ветер подул. Федул губы надул (ненастье). 15-го апреля апостола Пуда. Правило: выставлять пчел из зимнего омшаника на пчельник—

цветы появились. На св. Пуда доставай пчел из-под спуда. 23-го апреля св. Георгия Победоносца. Замечено хозяйственно-климатическое соотношение этого дня с 9-м мая: Егорий с росой, Никола с травой; Егорий с теплом, Никола с кормом. Вот и май. Зимние запасы приедены. Ай май, месяц май, не холоден, да голоден. А холодки навертываются, да и настоящего дела еще нет в поле. Поговорка: май—коню сена дай, а сам на печь полезай. Примета: коли в мае дож—будет и рожь; май холодный—год хлебородный. 5-го мая великомученицы Ирины. Арина—рассадница: рассаду (капусту) сажают и выжигают прошлогоднюю траву, чтобы новой не мешала. Поговорка: на Арину худая трава из поля вон. 21-го мая св. царя Константина и матери его Елены. С Аленой по созвучию связался лен: на Алену сей лен и сажай огурцы; Алене льны, Константину огурцы.

Точно также среди поговорок, прибауток, хозяйственных примет, а порой и «сердца горестных замет» бегут у великоросса и остальные месяцы: июнь, когда закрома пусты в ожидании новой жатвы и который потому зовется июнь—ау! потом июль—страдник, работник; август, когда серпы греют на горячей работе, а вода уже холодит, когда на Преображенье—второй Спас, бери рукавицы про запас; за ним сентябрь—холоден сентябрь, да сыт—после уборки урожая; далее октябрь—грязник, ни колеса ни полоза не любит, ни на санях ни на телеге не проедешь, ноябрь—курятник, потому что 1-го числа, в день Козьмы и Дамиана, бабы кур режут, оттого и зовется этот день—курячьи именины, куриная смерть. Наконец, вот и декабрь—студень, развал зимы: год кончается—зима начинается. На дворе холодно: время в избе сидеть да учиться. 1-го декабря пророка Наума грамотника: начинают ребят грамоте учить. Поговорка: батюшка Наум, наведи на ум. А стужа крепнет, наступают трескучие морозы, 4-го декабря св. великомученицы Варвары. Поговорка: трещит Варюха—береги нос да ухо.

Так со святцами в руках или, точнее, в цепкой памяти великоросс прошел, наблюдая и изучая, весь годовой круговорот своей жизни. Церковь научила великоросса наблюдать и считать время. Святые и праздники были его путеводителями в этом наблюдении и изучении. Он вспоминал их не в церкви только: он уносил их из храма с собою в свою избу, в поле и лес, навешивая на имена их свои приметы в виде бесцеремонных прозвищ, какие дают закадычным друзьям: Афанасий — ломонос, Самсон — сеногной, что в июле дождем сено гноит, Федул — ветренник, Акулины — гречишницы, мартовская Авдотья подмочи порог, апрельская Марья зажги снега, запрягай овражки и т. д. без конца. В приметах великоросса и его метеорология, и его хозяйственный учебник, и его бытовая автобиография; в них отлился весь он со своим бытом и кругозором, со своим умом и сердцем; в них он и размышляет, и наблюдает, и радуется, и горюет, и сам же подсменивается и над своими горями, и над своими радостями.

В. О. Ключевский.

2. Приметы.

1. Из семян не есть ни зерна: черви заведутся.
2. Посев на молодую луну—к урожаю.
3. На первый посев, опасаясь недоброй встречи, выезжать ночью.
4. Если кто оставит в поле обсевок, то кому-нибудь из семьи умереть.
5. Посев при северном ветре родит рожь крепче и крупнее.
6. В навозницу в чужой дом огня не дают: рожь сопреет.
7. Когда дуб развернулся в заячье ухо, сей овес.
8. Урожай сморчков—к урожаю проса и гречихи.
9. Белье зимой долго не сохнет—льны нехороши будут.

10. Сажая капусту, надо приговаривать: «не будь голенаста—будь пузата; не будь пустая—будь густая; не будь красна—будь вкусна; не будь стара—будь молода; не будь мала—будь велика».

11. Чтоб большие огурцы родились, надо зарыть в гряде пест.

12. Если испечь луковицу прежде, чем лук собран с огорода, то весь лук высохнет.

13. Лист, осыпаясь осенью с дерева, лежит лицом кверху—к недороду на другой год, а изнанкой—к урожаю.

14. Много комаров—готовь коробов (плетенок, по ягоды), много мошек—готовь лукошек (по грибы).

15. Плесень на ветоши—к урожаю рыжиков.

16. Коли печень в щуке к голове толще—ранний посев будет лучше, а к хвосту—поздний.

17. Чтобы прекратился град, нужно выкинуть помело в окно.

18. Круты рога месяца—к ведру; пологи—к ненастью; тусклый месяц—к мокрети; ясный—к суху; в синеве—к дождю; в красне—к ветру; с ушами—к морозу.

19. Когда весенний лед не тронется, а потонет, то год будет для людей тяжелый.

20. Гуси летят высоко—воды будет много, низко—мало.

21. Дождь пополам с солнышком—где-нибудь есть утопленник.

22. Первый гром в постный день—коровы будут недойны.

23. Черная и пестрая корова впереди стада—к ненастью, белая и рыжая—к ведру.

24. Кто в четверг до восхода солнца умоется с серебра и с яйца, здоров и чист будет.

25. Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться.

26. Кто в пятницу прядет, тот покойным родителям кострикой глаза запорашивает.

27. Кирпич выпал из печи—к худу.

28. Передний угол или матица трещит—к худу.

29. Дятел мох долбит в избе—к покойнику.

30. Ворон каркает на церкви—к покойнику на селе; каркает на избе—к покойнику во дворе.

31. Если собака почью воет, то надо перевернуть под головой подушку, сказав: «на свою голову!»

32. В день Рождества Христова хозяину не годится со двора итти: овцы заблудятся.

33. Под которой кровлей голуби водятся, та не горит.

34. Коли ступишь на чужой след, то будут болеть ноги.

35. Хмель в сапоге спасает от порчи.

36. Коса или подкова в пороге охраняют от злых людей.

37. Когда что потеряно, надо перевязать чорту бороду (т.-е. обвязать платком ножку стола) и сказать: «чорт, чорт, поиграй да отдай!»

38. Чтобы леший не обошел, надо вывернуть на себе рубаху на изнанку.

39. Домовой теплою и мохнатою рукой гладит по лицу—к добру; голою и холодною—к худу.

40. На которой траве коса переломится в Иванову ночь, та и разрыв-трава.

41. Локоть чешется—спать на новом месте.

42. Правая нога в дороге озябнет раньше левой—к добру.

43. Ус чешется—перед гостинцем.

44. Шея чешется—к пирушке или к побоям.

45. Лоб свербит—челом бить; с правой стороны—мужчине, с левой—женщине.

46. Нельзя обувать левую ногу раньше правой: зубы будут болеть.

47. На себе платье зашивать—пришьешь память.

48. Если найденная булавка лежит к тебе головой—вспомнил приятель, если острием—против тебя что-нибудь замышляет враг.

49. В одной избе разными вениками не мети: разойдется по углам богатство.

50. Кто носит в кошеле орех-двойчатку—богат будет.

Отметьте черты, сближающие приметы с заговорами.

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ.

1. Песни колядные.

1.

В навечерие Рождества Христова, в селах и деревнях, девушки, во многих местах мальчики и парни, собравшись по несколько человек вместе, ходят кучками по улицам от одного дома к другому и под окнами поют следующие песни:

Проходила коледа
Наперед Рождества.
Виноградье красно-зеленое мое.

(Припев этот повторяется после каждых двух стихов).

Напала пороша
Снегу беленького.
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели.
Коледовщички,
Недоросточки,—
Недоросточки.
Красны девушки.
Сочили [1]), искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далеко, —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;
Вокруг этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тынинке
По жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоят три терема
Златоверхие:

[1]) Искали, отыскивали.

Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин во дому.
Красно солнышко —
То хозяюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки.
Как самого господина
Дома нетути,
Дома нетути,
Неслучилося:
В Москбу с'ехавши, —
Суды судить,
Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой едет он.
Он жене-то везет
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своим-то сынам
По добру коню,
Своим доченькам
По злату венцу,
Своим служенькам
По сапоженькам.
Наша-то коляда
Ни мала, не велика,
Она в двери не лезет,
И в окно нам шлет:
Не ломай, не гибай —
Весь пирог подавай.
Виноградье красно-зеленое мое.

2.

Пришла коляда
Накануне Рождества
Дайте коровку,
Масляну головку.
А дай Бог тому,
Кто в этом дому
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:
Ему с колоса осьмина
Из зерна тому коврига,
Из полузерна — пирог.
Наделил бы Вас Господь
И житьем, и бытьем,
И богатством,
И создай вам, Господи,
Еще лучше того!

3.

Пение (вернее выкрикивание) коляды происходит при следующей обстановке: ребятишки (мальчики и девочки отдельно) собираются гурьбой и, остановившись под окном, выкрикивают: «благослови, хозяин, под окошком постоять, коляду рассказать!» и, обыкновенно не дождавшись разрешения, начинает также выкрикивать самую коляду. Слова ее следующие:

Что ходила коляда
Накануне Рождества;
Что искала коляда
Государева двора.
Государев двор
На семи верстах,
На восьми столбах.
Что к воде-то идут
Все помыкивают,
От воды-то идут
Все поигрывают.
На жернове — пирог,
Подавай — не ломай!
На полице — кошелек,
Подавай — не считай!

Если хозяева внимательно отнесутся к просьбе ребятишек и вынесут им кусок пирога или чего другого, то им отвечают за это пожеланием: «сметаной бы доили, а маслом бы цедили». В случае же отказа по адресу хозяев сыплются ругательства и обратные пожелания: «дегтем бы доили, а смолой бы цедили».

Так ребятишки обходят всю свою деревню. Собранные подаяния делятся между участниками поровну, при чем подаяния натурой переводятся на деньги.

4.

Уродилась Коляда
накануне Рождества.
За горою за крутою,
за речкою за быстрою,
стоят леса дремучие,
во тех лесах огни горят,
огни горят палящие.
Вокруг огней люди стоят,
люди стоят—колядуют:
«Ой, Коляда, Коляда,
ты бываешь, Коляда,
накануне Рождества».

2. Овсень.

1.

Овсень, Овсень
Ходил по всем:
По заулочкам,
По проулочкам.
Кишку, ножку,
Сунь кочережкой —
В верхнее окошко.
Здравствуй, хозяин
С хозяюшкой!
«Где хозяин
С хозяюшкой?»
(Из избы отвечают:)
«Уехали в поле
Пшеничку сеять».
— Дай им Бог
Из полна́ зерна пирог!

2.

Ай во боре, боре
Стояла там сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Ехали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточек мостили,
Сукном устилали,
Гвоздьми обивали.
Ой Овсень! Ой Овсень!
Кому ж, кому ехать
По тому мосточку?
Ехать там Овсеню
Да новому году.
Ой Овсень! Ой Овсень!

3.

Летела пава,
Таусеп!
Через наши поля,
Роняла перья.
На что перья брати?
Шапочку шити,
Перьями пушити.
На что шапочку?
На базар ехати,
Топорик купити,
Дрова рубити,
Пиво варити,

Мосты мостити.
Кому мостами ездити?
Молодцу-удальцу.
На чем ему ездити?
Таусен!
На сивенькой свинке.
Таусен!
Чем погонять?
Таусен!
Живым поросенком.
Таусен!
Кишки да лепешки,
Свиные ножки.
В печи сидели,
На нас глядели,
В кошель захотели.

3. Песни подблюдные.

1.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще то ли зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупен жемчуг со яхонтом,
Слава!
Хорош жених со невестою,
Слава!
Да кому мы спели, тому добро.
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Слава!
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

2.

Идет кузнец из кузницы,
Слава!
Несет кузнец три молота,
Слава!
Кузнец, кузнец! ты скуй мне венец,
Слава!
Ты скуй мне венец и золот и нов,
Слава!
Из остаточков—золот перстень,
Слава!
Из обрезочков — булавочку,
Слава!
Мне в том венце венчатися,
Слава!
Мне тем перстнем обручатися,
Слава!
Мне той булавкою убрус притыкать.
Слава!

3.

Растворю я квашенку на донышке,
Слава!
Я покрою квашенку черным соболем,
Слава!
Опояшу квашенку красным золотом,
Слава!
Я поставлю квашенку на столбичке,
Слава!
Ты взойди, моя квашенка, с краями ровна,
Слава!
С краями ровна и совсем полна.
Слава!

4.

Еще ходит Никола по погребу,
Слава!
Еще ищет Никола неполного,
Слава!
Что неполного, непокрытого,
Слава!
Еще хочет Никола дополнити,
Слава!
Да кому мы спели, тому добро,
Слава!

Кому вынется, скоро сбудется,
Слава!

Скоро сбудется, не минуется,
Слава!

4. Масленица.

Русский народ свою масленицу величает: честная масленица—широкая масленица—веселая масленица. В наших церковных книгах масленица называется сырною неделею.

Все дни масленой недели имеют свои особенные названия: встреча—понедельник, заигрыши—вторник, лакомка—среда, разгул, перелом, широкий четверг—четверток, тещины вечерки—пятница, золовкины посиделки—суббота, проводы, прощанья, целовник, прощеный день—воскресенье.

На первый день масленицы наш народ справляет встречу честной масленицы, широкой боярыни. Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы. Здесь они, устроивши горы, скороговоркою причитывают: «Звал, позывал честной семик широкую масленицу к себе в гости во двор. Душа-ль ты, моя масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Уж ты-ль, моя масленица, красная краса, русая коса, тридцати братов сестра, сорока бабушек внучка, трех-материна дочка, ясочка, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовой дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Выезжала честная масленица, широкая боярыня на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу масленице выезжал честной семик на салазках, в одних портяночках, без лапоток. Приезжала честная масленица, широкая боярыня, к семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то семик бьет челом на салазочках, в одних портяночках, без лапоток. Как и тут ли честная масленица на горах покаталася, в блинах повалялася, сердцем потешалася. Ей-то семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовой терем, за дубовый стол, к зелену вину. Входила честная масленица, широкая боярыня, к семику во тесовой терем, садилась за дубовый стол к зелену вину. Как и она-ль, честная масленица, душой потешалася, умом повеселялася, речью наслаждалася».

После этой встречи дети сбегают с гор и кричат: «Приехала масленица! Приехала масленица!» Встреча оканчивается кулачным боем. В некоторых местах мне случалось видеть, как дети приготовляли утром соломенную куклу—масленицу. На масленицу надевали кафтан и шапку, опоясывали кушаком, обували в лапти. Эту масленицу-куклу на салазках ввозили на гору с причитанием встречи.

Наш степенный народ, люди зажиточные, встречу масленицы начинали посещением родных. С утра свекор с свекровью отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Здесь, за круговой чашей, условливались: когда и где проводить время? кого звать в гости? когда кататься по улицам?

К первому дню масленицы устраиваются общественные горы, качели, высокие и круглые, балаганы для скоморохов (паяцов и комедиантов), столы с яствами; здесь народ торговый сбирает дань с праздности и лени; здесь копейка ставится на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не отведать яств—значило в старину: жить в горькой беде, и то при старости, лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног. В старину москвичи масленицу справляли у Красных ворот. Здесь Петр Великий открывал масленицу с понедельника и качался на качелях с офицерами.

Богатые люди с понедельника начинают печь блины, а бедные с четверга, или пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопших. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «честные наши родители! вот для

вашей душки блинок». Прежде печения блинов, наши женщины-стряпухи изготовляют опару с особенными обрядами. Одни опару готовят из снега, на дворе, когда взойдет месяц. Здесь они причитывают: «месяц, ты, месяц! золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару». Они остаются в полной уверенности, что месяц выглядывает из окошка и дует на опару. От этого, будто, блины бывают белые, рыхлые. Другие выходят вечером готовить опару на речки, колодези и озера, когда появятся звезды. Приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних. Малейшая неосторожность стряпухи наводит на хозяйку тоску в продолжение всей недели. Где нет свекора и свекрови, где молодые встречают первую масленицу, тещи приходят к зятьям в дом учить своих дочек печь блины. В старину зятья и дочери приглашали заранее таких гостей поучить уму-разуму. Это призвание считалось нашими бабушками за великую честь; о нем говорили все соседи и родные. Званая теща обязана была прислать с вечера весь блинный снаряд: таган, сковороды, дежники[1]), половник и кадку, в чем ставить блины. Тесть присылал мешок манной гречневой муки и коровьего масла. Неуважение зятя к сему обычаю считалось бесчестием и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем.

На заигрыши с утра приглашаются девицы и молодцы покататься на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позываток звать по родным и знакомым дочек и сынков с наказом: у нас-де горы готовы и блины испечены—просим жаловать. Позываток встречали с почетом и приветом, угощали и вином и блинами и отпускали с наказом: «кланяться хозяину и хозяйке с детками, со всеми домочадцами; а деток своих пришлем к вечеру». Отказ всегда об'являлся условленным, общим выражением: «у нас-де состроены у самих горы и прошены гости». Соседи толковали такие отказы по-своему: «здесь-де начинается разлад, и дочку прочат за другого». Гостей принимали с встречами у ворот, крыльца и образной. После нескольких угощений гостей отпускали потешаться на горы. Здесь братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых. Пянюшки, матушки, бабушки все это знают,—с ними встарь то же бывало; теперь они радуются на веселости своих деток, воображая их будущее счастье.

На лакомки, в среду, тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных. В Туле тещи для зятя пекут еще блинцы, оладьи и творожнички. В Нерехте бывает с'езд из деревень девиц, молодых и пожилых, где они, в праздничных платьях, катаются отдельно от мужчин. Насмешливый русский народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые, с разными олицетвореннями. Здесь наряженный медведь играет разные фарсы, «как теща про зятя блины пекла—как у тещи головушка болит—как зять-то удал теще спасибо сказал».

В широкий четверг начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бои.

В Переяславле-Залесском, Юрьеве Польском и Владимире возят по улицам мужика. Для поезда выбирают огромные сани, утверждают в средине столб, на столбе привязывают колесо, на колесо сажают мужика с вином и калачами. За этими санями тянется поезд с народом, который поет и играет. В старину в Зарайске возили на санях дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками, в сопровождении народа. В Архангельске прежде мясники возили быка по городу на огромных санях, к которым прицеплялся поезд с народом.

В Сибири масленица возится на нескольких санях, на которых устраивается корабль с парусами и снастями. Здесь усаживаются люди, медведь и честная Масленица. Сани, запряженные в 20 лошадей, возят Масленицу по улицам в сопровождении поезда песенников и шутов. Кулачные бои начинаются с утра и продолжаются до вечера.

---

[1]) Дежа—квашня, кадка, в которой месят тесто на хлебы. Дежник—холщовое покрывало на дежу.

Сначала начинают бои сам на сам, один на один, а потом уже стена на стену. В кулачных боях прежде принимали участие все возрасты; но ныне они находят редких поборников, и только одни мальчики напоминают о старых потехах.

На тещины вечерки зятья угощают своих тещ блинами. Приглашения бывают почетные: со всею родней к обеду или, запросто, на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом, утром, присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем теще более оказывалось почести. Дружко или сват приглашались к таким нарядным позывам, и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки.

На золовкины посиделки молодая невестка приглашала своих родных к себе. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка сзывала старых своих подруг-девиц; если они были выданы замуж, тогда она приглашала родню мужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Новобрачная невестка обязана была дарить своих золовок подарками.

В Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях в субботу строят дети на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами. После своей работы они разделяются на две стороны: одна принимает на себя охранять городок, другая должна отбоем занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы—палками. Когда порядятся взять городок, тогда вдруг нападают на охранителей, и после битвы врываются в ворота и разрушают городок. В этой игре принимают участие и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападают на городок. После взятия городка взрослые воеводу купают в проруби. После сего начинается всеобщее угощение, и с песнями возвращаются по домам.

Проводы масленицы и прощание отправляются на Руси с разными обрядами.

Проводы честной масленицы в Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниях состояли в поезде по городу и селам. Для поезда сколачивали несколько дровень и саней. В средние дровни ставили большой столб, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытного в разных забавах и причитаниях. Вместо лошадей запрягали разукрашенных людей. Такой поезд раз'езжал по всем улицам; впереди и вокруг него пели, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившие из деревень забавляться с городскими весельчаками. Прощальный поезд в Ярославле называется околка, в Нерехте—обоз, в Туле—круг и конец. В Нерехте на проводах сжигают Масленицу. Вечером, после всех гуляний и забав, выходит молодой народ, мужчины, женщины, девицы и дети, из своих дворов с соломою. При пении песен сжигается солома.

Прощание бывает с живыми и покойниками. В Туле и Зарайске выходят на кладбища утром и на могилах просят прощения у покойников. С кладбищ заходят прощаться к священникам. В Нерехте сей обряд отправляется вечером.

Прощание между родными и знакомыми происходит вечером. Прощаться приходят родные к старшему в роде, бедные—к богатым. В старые годы на прощание приносили пряники. Прощаясь, говорили, по обыкновению, друг другу: «прости меня, пожалуй, буде в чем виноват перед тобою». Прощание заключалось поцелуем и низким поклоном. Прощание между домашними бывало после ужина, перед сном. Здесь дети кланялись в ноги своим родителям и просили прощения. После их приходили все находящиеся в услужении и справляли свое челобитье.

П. П. Сахаров.

5. Песни масляничные.

1.

Мы масляницу сострéчали,
Люли, люли сóстречали,
Гоголек, гоголечик!
На горушке не бывали,
Сыром гору набивали.
Наши горушки катливы,
Наши девушки игривы,
Молодушки веселые;
Стары бабушки воркотливы:

Они на печке сидят,
На нас воркотят.
«Вы, бабушки, не ворчите!
Дайте масляницу нам прогулять.
С ребятами поиграть,
С ребятами, со холостыми,
С холостыми, не женатыми,
Люли, люли, не женатыми, —
Гоголек, гоголечик!

2.

Наша масляница годовая,
Она гостейка дорогая,
Она пешою к нам не ходит,
Все на комонях раз'езжает,
Чтобы коники были вороные,
Чтобы слуги были молодые.

3.

А масляна, масляна полизуха!
Полизала блинцы да стопцы, —
На тарельцы.
А мы свою масляну провожали,
Тяжко-важко да по ней воздыхали:
«А масляна, масляна, воротися,
До самого Велика дня протянися!»

6. Веснянки.

1.

Весна красна!
На чем пришла?
— На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке.
А мы весну ждали,
Клочки допрядали.
Летел кулик
Из-за моря,
Принес кулик
Девять замкóв.
«Кулик, кулик!
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лето».

Эта песня поется детьми обоего пола в сóроки, т.-е. в день сорока мучеников (9 марта)—первый весенний праздник. Дети собираются на огородах и приносят с собою куликов, которые пекут из пшеничного или ржаного теста. Иногда они называются жаворонками. Этих куликов привязывают нитками к шестам, которые втыкают в одонки [1]). Ветер качает куликов, так что они представляются как бы летящими, а дети поют:

Весна красна!
На чем пришла? и т. д.

Часто куликов качают по падориям [2]), подкидывают на одонья, сопровождая это пением приведенной песни, а шесты с куликами иногда держат в руках, или же, отвязав куликов, берут последних руками за крылышки, то опуская их вниз, то поднимая вверх, и таким образом они представляются летящими.

В тот же день пекут сорóк (вероятно, вследствие созвучия слов сóроки и сорóки).

---

1) Хворост, оплетенный на кольях.
2) Подстилка под хлебный скирд.

2.

Благослови, Боже,
Благослови, Христос,
Нам весну зачати,
А зиму проклясти!
Ой весна красна,
Тёпло летечко!
Что нам вынесла?
— Короб житушка,
Два — пшеничушки,
Малым детушкам —
По яичушку,
Красным девушкам —
По перстёночку,
Молодым молодушкам —
По детенышку,
Старым старушкам —
По рублевику.

3.

Ты пчелынька,
Пчелка ярая!
Ты взлети за море,
Ты вынеси ключики,
Ключики золо́тые.
Ты замкни зимыньку,
Зимыньку студеную!
Отомкни летечко,
Летечко теплое,
Летечко теплое,
Лето хлебородное!

7. Егорьев день.

В день св. Георгия в каждом доме перед выгоном скота хозяин с хозяйкою зажигают перед иконами страстную свечу. Стол накрывают чистою скатертью, кладут на него целую круглую булку хлеба, ставят полную солонку соли и молятся Богу. Потом хозяин берет икону св. Георгия, страстную свечу, а хозяйка—хлеб с солью, и обходят на дворе кругом весь свой скот и приговаривают:

— Св. Егорий, батюшка, сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя: сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого.

Затем кладут на землю в воротах замок и ключ, чтоб пасть волчья так крепко запиралась, как замок на ключ запирается. Икону ставят над воротами и выгоняют скот на улицу, где пастух уже снова обходит все стадо с иконою Николая Чудотворца, также говоря:

— Св. Никола, батюшка, сдаю тебе на поруки все стадо и прошу тебя: сохрани его от зверя лютого.

После этого все гонят скот в поле, имея в руках вербы. Там хозяйки дают пастуху и подпаскам сало и яйца, из которых они приготовляют там же в поле яичницу.

Когда яичница готова, пастух назначает, кому из подпасков быть зайцем, кому—слепым, кому—хромым, кому—замком и кому—колодой, расставляет их всех кругом стада; после этого берет приготовленную яичницу и идет с нею, прежде спрашивая у зайца:

— Заяц, заяц, горька ли осина?

Заяц отвечает:

— Горька!
— Дай Бог, чтобы и наша скотинка для зверя была горька!
Потом пастух спрашивает у слепого:
— Слепой, а слепой, видишь ты?
Слепой отвечает:
— Не вижу!
— Дай Бог, чтобы и нашу скотинку не видала зверинка!
Далее пастух спрашивает у хромого:
— Хромой, а хромой, дойдешь ты?
Хромой отвечает:
— Не дойду!
— Дай Бог, чтобы и зверинка не дошла до нашей скотинки!
Затем пастух спрашивает у замка:
— Замок, а замок, разомкнешься ты?
Замок отвечает:
— Нет, не разомкнусь!
— Дай Бог, чтобы у зверя не разомкнулись зубы на нашу скотинку!
Наконец, пастух спрашивает у колоды:
— Колода, а колода, повернешься ты?
Колода отвечает:
— Не повернусь!
— Дай Бог, чтоб и зверь к нашей скотинке не повернулся!

Таким порядком пастух три раза обходит стадо. После этого все действующие лица садятся и с'едают яичницу, а затем, немного погодя, но задолго до вечера, гонят скот обратно в деревню, где уже на улице начинается пляска как на радуницу.

Как первый раз скотину выгоняют в поле, то поют:

Не родной у меня был батюшка,
Не родная была матушка,
Посылал меня молоду
Не в веселую деревнюшку,
Не в согласную семеюшку, —
Только свекор да свекровушка,
Да четыре золовушки;
Сами сядут, повечеряют,
Меня, младу, за водой пошлют,
И разутую, и раздетую,
Лычком подпоясаную.
Прихожу к Дунай-реке,
Налетели гуси-лебеди,
Возмутили воду светлую,
А я млада дожидалася,
Пока вода состоялася.

«Смоленский эти. сборник», и VI.

8. Егорьевская песня.

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,

Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого!

9. Семик.

В сорокадневном периоде весенних праздников особенно замечателен Семик, любимый народный или, лучше сказать, девичий праздник. Он приходится в седьмой четверг по Пасхе, на седмице св. Отец, которая у простолюдинов известна под именем семицкой. Русские величают Семик честным, почитая его одним из трех главных праздников летних, как подтверждают и слова старинной песни:

Как у нас в году три праздника:
Первый праздник—Семик честной,
Другой праздник—Троицын день,
А третий праздник—Купальница.

Справляется Семик в рощах и лесах, на берегах рек или озер и прудов; в первых завивают венки, а на другие пускают их для загадывания.

Лет за 40 (т.-е. в самом конце XVIII в.) в Семик вся Москва представляла разгульный праздник; почти на каждом дворе у хозяина и хозяйки с семьею, в виде кущи, обставлялся березками стол с яичницей и драчоной (кушанье из протертого и запеченного картофеля); везде раздавались семицкие песни, с какими носили по улицам изукрашенную лентами и лоскутками березку толпы народа в венках из ландышей, дойничков и незабудок или из березовых и липовых ветвей. До мора в Москве 1771 г., после поминовения убогих на Старых Убогих Домах, или на Божедомке, ватаги народа, умыв себе руки в Самотеке, шли в Марьину рощу завивать березку и пировать с песнями и весельями, сменявшими слезы и рыдания.

Семицкая березка в некоторых местах называется кумом, а кумиться значит целоваться при развитии венков. В других местах кумом именуется мужчина, носящий березку, а кумою—девица.

Игра кума в Семик повторяется в селениях Московской, Владимирской Рязанской и Тульской губерний, где в это время поселянки, собравшись в рощи, нагибают молодые плакучие березки, свивают из них венки и попарно подходят сквозь них целоваться, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся!
Нам с тобою не браниться,
Вечно дружиться!

П. М. Снегирев.

10. Песни семицкие.

1.

Благослови, Троица,
Богородица,
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!
Нам венки завивать
И цветы сорывать!
Ай Дидо, ой Ладо!
А мы в лес пойдем,
И цветов нарвем,
И венок совьем,
Ай Дидо, ой Ладо!

2.

Береза моя, березынька,
Береза моя белая,
Береза моя кудрявая!
Стоишь ты, березынька,
Осередь долинушки;
На тебе, березынька,
Листья бумажные,
Под тобой, березынька,
Трава шелковая.
Близ тебя, березынька,
Красны девушки
В Семик поют,
Под тобой, березынька,
Красны девушки
Венок плетут.
Что не белая березынька
К земле клонится,
Не шелкова травонька
Под ней расстилается,
Не бумажны листочки
От ветру раздуваются:
Под этой березынькой
С красной девицей
Молодец разговаривает.

3.

Ты не радуйся,
Дуб с горькою осиною,
Ты радуйся, белая береза!
К тебе девки идут,
К тебе красные идут,
С пирогами, со яишницей,
Со драчонами.

4.

Ах! во поле липонька стояла,
Во поле кудрявая стояла;
Под липою бел шатер,
В том шатре стол стоит,
За тем столом девица,
За тем сидит красная,
Шьет ширинку золотом,
Нижет узду жемчугом.
Ехал мимо молодец:
«Бог на помощь, девица!
Бог на помощь, красная!
Ширинку шить золотом,
Низать узду жемчугом!»
Мужчины поют:
Не мне ли ширинку?
Не моему ли коню уздечка?
Женщины отвечают:
Не по молодце ширинка,
Не по твоем коню уздечка.

5.

Благослови, Троица,
Богородица!
Нам в лес пойти,
Нам венки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!
Нам венки завивать
И цветы срывать.
Ай Дидо, ой Ладо!
А мы в лес пойдем
И цветов нарвем,
Мы цветов нарвем
И венок совьем,
Ай Дидо, ой Ладо!
Свекру батюшке,
Свекрови матушке;
Свекру батюшке—малиновой.
Свекрови матушке—калиновой.
Ай Дидо, ой Ладо!
Пойду-ль я тишком,
Лужком, бережком,
Сломлю-ль с сыра дуба веточку,
Брошу на быструю реченьку,
Ай Дидо, ой Ладо!
Не тонет, не плывет
С сыра дуба веточка,
Не тужит по мне
Свекор-батюшка, свекровь-матушка
Ай Дидо, ой Ладо!

6.

Ты послушай меня, красна паночка!
Загадаю тебе три загадки:
Коли ты вгадаешь — я до батьки пущу;
А як не вгадаешь — я до себя возьму.
Ой що росте да без кореня?
Ой що бежить да без повода?
Ой що росте без всякого цвету?
Камень росте без кореня,
Вода бежить без повода.
Папороть цвете без всякого цвету.
Дивчинка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскотала.

11. Иван-Купало.

1. Рассказ игумена Памфила о праздновании Иванова дня в XVI в.

Егда приходит великий праздник, день Рождества Предтечева, исходят обавницы, мужие и жены чаровницы по лугам и по болотом и в пустыни и в дубравы, ищущи смертные травы и привета чревоотравного, зелия на пагубу человеком и скотом; ту же и дивия корения копают... Сия вся творят действом диаволим в день Предтечев, с приговоры сатанинскими. Егда бо приидет самый праздник Рождество Предтечево, тогда во святую ту нощь мало не весь град возмятется, и в селех возбесятся в бубны и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устнами их неприязнен клич, вся скверные, бесовские песни, и хребтом их: вихляния и ногам их скакание и топтание; что же бысть во градех и в селех. И в годину ту сатана красуется, яко же сущии древнии идолослужителие бесовский праздник сей празднуют. Сице бо на всяко лето кумиром служебным обычаем сатану призывают и тому яко жертва приносится всякая скверна и беззаконие богомерзкое приношение, а яко день Рождества Предтечи великаго празднуют по своим древним обычаям.

2. День Ивана Купала в Белоруссии.

Ночью перед праздником деревенская молодежь сходится вся за околицу. Чтобы оградить себя от нападения нечистой силы, она разводит костер, на который из деревни сносят всякий хлам: старые износившиеся кожухи, свитки, истоптанные лапти, дырявые от ветхости магерки (суконные шапки),—словом, всю «старизну», которую и кидают в жарко-горящий огонь. На высокий шест вздевают старое колесо и зажигают его. Пропитанное дегтем, оно горит медленно, освещая место далеко вокруг и этим внушая бодрость разгулявшейся молодежи. А она, веселая и праздничная, бегает вокруг огней, разбивается на пары и поет веселые по содержанию, по мотиву же обычно грустные, купальские песни.

Вот для примера одна:

Ехало Купало да селом, селом,
Накрывши вочи белым шатром.
Выйдите, женки, да дивитеся,
Что едет старый да женитися.
Сам едет на кочерзе,
А женку везет на помеле.
Выйдите, девки, да дивитеся:
Молодый едет женитися,
Сам едет на ко́нику,
А женку везет да на возику,
Сам едет, як жар горить,
А женку везет, як мак цветить

В эту же короткую июньскую ночь на свете творится масса чудес.

Ни один крестьянин не поведет лошадей на ночлег в поле: там что-то невыразимо страшное пугает коней и людей. Русалки гоняются за людьми, с трудом перелезая в поле через межи, словно люди через «сгороду», почему и убегать от них нужно не вдоль резок, а поперек их. Хитрые, они, сидя на ветвях берез, зазывают неопытных людей, перекликаясь между собою сладкозвучными голосами: «Катерина, Марина, ходи гутотаться!» [1]).

Если взять с собою лучину—выгарки, запасенную во время коляд, стать середь старого льнища (поля, засеянного в прошлом году льном, теперь под паром), очертиться кругом и обложиться лучиной, то увидишь, как клады выходят в эту ночь из земли и сушатся, «перетрясаются», при свете купальских огней, которые, словно стражи, горят над ними. Если же это льнище на ляде [2]) и на нем растет папоротник, то можно увидеть, как он зацветает в эту ночь. Но мало находится охотников поглядеть это чудо, многие смотрят на него уже скептически...

В эту ночь творятся чудеса и в мире животном; об одном таком чуде рассказывает купальская песня:

Ивана па Купало!

Дивные люди, вы (название деревни),
Вы не видели дивного дива,
Як заячко кросны [3]) ткало,
А рак-неборак [4]) цевки сукал... [5])

Ивана на Купало.

Для коров еще днем, накануне праздника, надо собрать травы «брат-сестра», напевая песню:

Купало на Ивана!

В темном лесе гомон-гомон:
Брат сестру за руку водит,
Он ее загубить хочет.
А она у него просилася:
«Иваничка, братуличка, не би ж мяне,
Не губи ж мяне, не губи в темном лесе.
Загуби при дороге, загуби мяне на дороге,
Закопай против церковки!»

Ивана на Купало!

«Обсей мяне красочками василечками!
Будут девки к церкви итти,
Будут краски считать!»...

Ивана на Купало!

«Краски считать и мяне поминать!
А это все—трава «брат-сестра!»

Купало на Ивана!

1) Качаться.
2) Ляда, лядина—пустошь, заросль.
3) Размотанные нитки, приготовленные для тканья.
4) Обиженный природой, неудачник.
5) Наматывал нитки на ось ткацкого челнока.

Вечером собранную траву надо дать коровам. Двери в хлеве на эту ночь надо плотно закрыть, «стрешной свечей» [1]) надо на дверях изобразить крест, на концах его покапать воском и повесить на дверь черную траву дядовник, свечу же оставлять здесь нельзя: ночью в виде змеи придет сюда ведьма отнимать молоко от коров, но запечатанные двери не пропустят ее, в злобе будет грызть она траву, будет грызть и забытую свечку, а это—большой грех. В других местах, взамен стрешной свечи, хлев осыпают вокруг маком, освященным после пасхальной заутрени вместе с куличом, под который его прячут, чтобы скрыть от сторонних взоров, и тогда ведьма может проникнуть к коровам не иначе, как пересчитав все зерна рассыпанного мака до зари, чего ей никогда почти не удается.

Когда же приблизится рассвет, а ведьма не напилась еще молока, то с грустью, приняв свой обычный вид, устремится она в поле на жито и там тряпкой-цедилкой будет сбирать себе росу с колосьев до восхода солнца, а оно, восходя, будет играть в это утро на небе.

Много и другого дивного творится на свете в эту летнюю ночь, но молодое поколение не может подробно рассказать об всем: дяды, которые все это видели своими очами, давно уже умерли. Скоро умрут и эти последние пережитки седой старины...

«Этнограф. Обозр.», кн. LXXVI—LXXVII.

12. Хороводные игровые песни.

I.

Один из играющих ходит и поет. Кого он называет по имени, те к нему пристают, покуда все играющие не соберутся. Тогда начинают другие игры.

Чижик, пыжик у ворот,
Воробушек маленький!
Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
В хороводе людей мало,
Веселиться не с кем стало.
Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко!
Максим, сударь, поди к нам,
Егорович, приступись!
Голубчики, немножко!
Ах, братцы, мало нас,

2.

Все участвующие в игре становятся или садятся рядом в круг. Посреди круга ходит парень, и ему поют:

Заинька, походи!
Серенькой, походи!
Вот так, вот так похóди!

(Этот припев повторяется после каждого двустишия с повторением последнего его слова.)

---

[1]) Освященной в праздник Сретенья. «Стрешную свечу» дают в руки умирающему.

Заинька, перевернись!
Серенький, перевернись!

Заинька, попляши!
Серенькой, попляши!

Заинька, топни ножкой!
Серенькой, топни ножкой!

Заинька, поклонись!
Серенькой, поклонись!

Заинька, кого любишь,
Серенькой, кого любишь,

Заинька, поцелуешь,
Серенькой, поцелуешь.
Вот так, вот так поцелуешь.

Парень, ходящий в кругу, исполняет все, что поется в песне: ходит, переверты-вается, пляшет, топает ногой, кланяется всем и под конец целует кого ему вздумается из круга и садится на его место, а поцелованный выходит в круг. Если парнем по-целована девушка, то ей начинают петь.

3.

(Все играющие становятся в кружок. Одна девушка посредине круга; мужчина ходит вокруг и поет.)

Хор.
Царев сын хоробе́р,
Да ты что́ ходишь, гуляешь?
Царев сын хоробе́р,
Да ты что́ примечаешь?
— Я хожу, хожу, гуляю,
Я хожу, примечаю,
Я свою да царевну,
Да свою королевну;

А моя-то царевна,
А моя-то королевна
В Новегороде гуляет,
На ней венчик сияет,
Сарафан на ней камчатный.
Ты войди, царь, в город,
Ты возьми ее за руку!
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!
Хор.

4.

Под коренем олень,
Да под ду́бовым олень.
Тепло ли те, олень?
Студено ли те, олень?
— Мне не то тепло,
Мне не то студено.—
Приоденься олень,

Прикутайся!
Как со девушки венок,
Со молодушки платок,
Со старо́й бабы шлык,
С малого ребеночка пеленочка
С мужичка-бурлачка
Под-корабличка.

(Кто сидит в кругу оленем, тот собирает со всех платки, ленты, и когда соберет со всех, то ему поют:)

Сиди, сиди, ящер—ладу́, ладу́!
На золотом стуле—ладу́, ладу́!

Грызи, грызи, ящер,—ладу́, ладу́!
Ореховые ядра—ладу́, ладу́!

5.

Уж как звали молодца,
Позывали удальца
На игрище поглядеть,
На Ярылу посмотреть.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Одевался молодец,
Убирался удалец
В рудожелт кафтан,
В шапку мурмолку.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Выходил наш молодец
Вдоль улицы на конец,
К хороводу подходил,
Низко кланялся.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Как садился молодец
Против вдовы на конец,
Просил вдову погулять,
Его речей послухать.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!

— Не раба, сударь, твоя
Я не слухаю тебя,
Не хочу с тобою жить,
Не хочу тебе служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Как садился молодец
Против девки на скамью:
— Уж ты, девушка-душа,
Ты послухай, друг, меня!..
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
Снимал шапку с головы,
Бросал девке под ноги:
— Ты раба, девка, моя,
Так послушай, друг, меня!
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!
— Я раба, сударь, твоя,
Я послушаю тебя,
Буду вместе с тобой жить,
Стану век тебе служить.
Ты, Дунай мой, Дунай,
Сын Иванович Дунай!

6.

Варили мы пиво,
Зеленое вино.

Ай, лешеньки лели!
Зеленое вино.

(Припев повторяется после каждых двух стихов.)

Что же у нас будет
Во этом во пиве?
— Мы пива напьемся
И все разойдемся.
Варили мы пиво,
Зеленое вино.
Что же у нас будет
В этом во пиве?
—Мы пива напьемся,
Все вместе сойдемся,
Все вместе посядем,
Все вместе повстанем,
Все вместе подеремся,
Все вместе помиримся!

Все, о чем поется, изображается играющими. По окончании песни все целуются.

7.

Участвующие, преимущественно девушки, становятся в круг, в средину его выступает одна и под пение хороводом нижеследующей песни начинает плясать и выражать пантомимой все те приемы обработки льна, о которых говорится в песне.

Под дубравою лен, лен,
Под зеленою лен, лен.
Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала,
На все бока поворачивала:
«Ты удайся, удайся, мой лен,
Ты удайся, мой беленький,
Полюбися, дружок миленький!»

«Научи меня, мати,
Как белый лен полоть».
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да чи дочки мои,
Вот так да голубушки,
Вот так да голубушки.

Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала.
(И т. д. до слов: Научи меня, мати.)

«Научи меня, мати,
Как белый лен дергать».
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да чи дочки мои... и т. д.

Уж я дергала, дергала ленок,
Уж я, дергав, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен стлати».
— Еще так да вот так, чи дочи,
Вот так да чи дочки мои...» и т. д.

Уж я стлала, стлала ленок,
Уж я стлала, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен сушить».
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен мяти».
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Уж я мяла, мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен трепати».
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен чесати».
— Еще так да вот так, чи дочи... и т. д.

Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала... и т. д.

«Научи меня, мати,
Как белый лен прясти».
— Еще так да вот так, чи дочи... и т д.
Уж я пряла, пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала... и т. д.

1. Почему приведенные в этом отделе песни называются обрядовыми?

2. Какая связь между религиозным культом и обрядовой поэзией?

3. Отметьте в обрядовых песнях элемент заклинаний.

4. На какие стороны народной жизни откликаются обрядовые песни?

5. Отметьте песни, утратившие характер обрядовых и ставшие игровыми.

6. Укажите песни игровые, вышедшие из рабочих.

7. Отметьте черты двоеверия в обрядовой поэзии.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И ПЕСНИ.

I. Свадебные обряды

Из летописи.

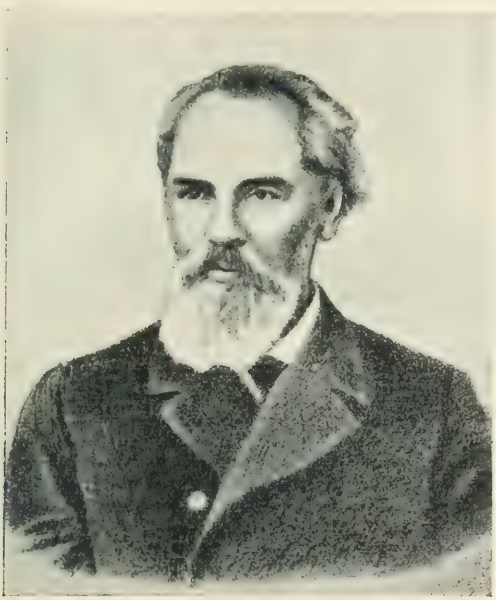
1.

...«Имяху бо обычаи свои, и закон отець своих и преданья, кождо свой нрав. Поляне бо сзоих отець обычай имуть кроток и тих... брачьный обычай имяху: не хожаше зять по невесту, но привожаху вечер, а заутра приношаху по ней что вдадуче. А древляне живяху звериньскымь образом, живуще скотьскы: убиваху друг друга, ядяху все нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица. И Радимичи, и Вятичи, и Север один обычай имяху: живяху в лесех, якоже и вьсякый зверь, ядуще все нечисто... и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская игрища и ту умыкаху жены собе, с нею же кто совѣщашеся: имяху же по две и по три жены».

2.

Русский свадебный обиход открывается сватовством, обставленным символическими обрядами и традиционными разговорами сватов с родителями невесты. Разговор ведется исключительно в форме загадок; этот мотив состязания загадками и находчивыми ответами проходит по всем дальнейшим эпизодам свадьбы; удачно разрешенная загадка открывает женихову поезду доступ в дом. Следует рукобитье с казовою продажею или пропоем невесты, после чего начинается ряд посиделок или девишников; далее—самая свадьба и на другой день большой стол или хлебины, чем и кончается горжество. Во всех этих обрядах главным действующим лицом является невеста, на ее долю выпадает наибольшее количество песен. Жених играет пассивную роль: за него говорит и все делает дружко, балагур и краснобай, отлично помнящий все тонкости свадебного обихода и свадебных «приговоров», как и невестой руководит дружка, такая же опытная и ловкая, знающая, когда и что следует делать, петь и говорить, носящая различные названия: «княжны-свахи», вытницы, вопленицы, плачеи, певули, стиховодницы, заводницы и т. д. Она и дружка жениха—распорядители свадьбы. Сваты, являются под вечер, в виде странников или охотников, просят пустить

их обогреться, уверяют, что их князь охотился на красного зверя и сам видел, как одна куница или лисица скрылась во дворе именно этого дома. Их пускают во двор, но не иначе, как после долгих переговоров и за известную плату, например, за угощение. В день свадьбы перед поезжанами жениха запирают ворота; разыгрывается примерная борьба, иногда даже с выстрелами; брат невесты защищает ее с саблею в руках. Вечером, после свадебного пира, молодой хватает новобрачную в охапку и выносит из дому; та вырывается и бежит; девушки ее защищают; жених и поезжане снова овладевают ею и увозят в дом жениха...



Александр Николаевич Веселовский.

Сваты являются в виде купцов и обязаны выкупить невесту у ее брата деньгами, либо решением загадок; происходит осмотр товара и примерный торг, запиваемый могарычем.

И все это в сопровождении песен, в чередовании хоров и с моментом ряжения, в котором теперь трудно отличить свое и серьезно-бытовое от наивного и бесцельно потешного: рядятся цыганом, цыганкой, москалем, жидом, мужчина одевается женщиной и т. д. Некоторую устойчивость обнаруживают «приговоры»: они указывают на упроченное предание, передававшееся из рода в род, от одного дружка к другому; такая же профессиональная передача, как у вопленниц наших причитаний, и с теми же результатами — обилие повторяющихся формул и образов... В ярославской свадьбе «пред'ежжий» дружка жениха (это его постоянный эпитет) с «молодым подружием» (помощником) под'ежжают к невестину дому; ворота заперты; он говорит, что приехал «не насильно, не навальною», а послан женихом. «Наш князь

молодой новобрачный выходил из высокого терема на широкую улицу; я, пред'езжий дружка, с молодым подружием выходил из высокого терема на широкую улицу, запрягал своего доброго коменя и оседлал, и овозжал, шелковой плеткой стегал; мой добрый комонь осердился, от сырой земли отделился, скакал мой добрый комонь с горы на гору, с холмы на холму, горы, долы хвостом устилал, мелки речки перескакивал; доскакивал мой добрый комонь до синего моря; на том синем море, на белом озере, плавали гуси серые, лебеди белые, соколы ясные (?). Спрошу я гусей-лебедей: «где стоит дом, где стоит терем нашей княгини новобрачной?» На это мне гуси отвечали: «поезжай к синему морю в восточную сторону, тут стоит дуб о девнадцати корнях». Я поехал в восточную сторону, доехал до того дуба; вы'кочила кунка, не та кунка, что по лесу ходит, а та кунка, котора сидит в высоком тереме, сидит на решотчатом стуле, шьет ширинку нашему князю молодому новобрачному. Я, пред'ежий дружка, с молодым подружием поехал по куньему следу, доехал до высокого терема на широкую улицу, к княжне молодой новобрачной, к высокому терему; след куний по поворотнице ушел, а назад двором не вышел; след куний отведи или ворота отопри!»

Из-за ворот спрашивают: «Кто тут, комар или муха?»

«Я не комар, не муха, тот ли человек от Святого Духа. След куний отведи или ворота отопри!»

Изнутри слышится голос: поли под кутное окно; либо—лезь в подворотню, ворота заперты, ключи в море брошены; или — ворота лесом и чащей заросли. На все у дружка есть ответ, например: «Наш князь молодой новобрачный ездил к синему морю, нанимал рыбачев удальцов, добрых молодцов; они кидали шелковый невод, изловили белую рыбицу, в той белой рыбице нашли златы ключи». За каждым ответом то же требование: след куний отведи или ворота отопри!

А. Н. Веселовский.

3.

По приезде из церкви один из родственников в выворочепной, в знак желания многих детей, шубе встречает новобрачных, а другой обсыпает их хмелем и овсом в знак будущего веселья и богатства. При отходе ко сну невеста три раза кланяется в ноги жениху, а жених три раза, в знак уважения, кланяется невесте в пояс. Затем невеста снимает обувь с ног жениха в знак покорности мужу, а муж, в знак любви, целует ее.

4.

Рассказ знахарки.

На свадьбу лиходеи всегда зарятся, и они всякую свадьбу разведут, ну, меня и просят: «Пойдем, бабынька, на помогу!» А помощники завсегда у меня есть. Когда гроза бывает и в дерево бьет, то в том древе стрелка бывает от грозы, и через три года та стрелка выходит,—она такая махонькая, как вот камешек какой, а надо примечать: какое древо грозой побито, у того древа через три года стрелка упадет,—вот так на травке ляжет. А лиходеи знают, они с той стрелкой дел понаделают, и я знаю, все ходила, нашла. Одна у меня есть, я никому не отдам, а есть у меня другое древо на примете, ему вот третий год пошел: я все гляжу, как найду, тебе дам. Вот если какую свадьбу закрепить надо, я пойду в ту избу, а стрелку за пазухой держу. Как это жених аль невеста отвернется, а я в руке стрелку держу да их и обведу,—они не чуют, а теперь их и не разведешь. Да потом воду нашепчу, стрелку в нее положу, она полежит, я выпу, они воду выпьют, а я заговор скажу и крепко будет:

«Иван, великий воин! Не боишься ты ни лиходея, ни супостата, помоги рабу Василью и рабе Матрене, чтобы они повенчались не на муку, не на горе, не в лихой час, а в добрый час, на радость, на веселье, и чтобы не боялись они ни колдунов, ни колдуниц, ни еретиков, ни еретиц, и сожгли колдунов, сожгли колдуниц каменной стрелой, огнем небесным, чтобы они не бросались, не кидались, на свадебку не зирались. Ты Св. Лука—Демьян! Отлучи их от света белого, а раба Василья, рабу Матрену сучи в одно место. Аминь».

2. Отголоски старины в свадебных песнях.

Свадебные песни сохраняют еще много поэтической старины XVIII и даже XVII века. Как многие черты простонародной и мещанской свадебной обрядности были перенесены в эту среду из высшего класса, который всюду и всегда влиял на низший, как вся, повидимому, пышная обстановка свадьбы с ее князьями, боярами старшими и младшими, тысяцкими и дружками представляет копию княжеских и боярских старинных свадеб, так и некоторые сопровождающие обряды песни были сложены когда-то в боярских хоромах и теремах и с течением времени перешли в крестьянскую среду, которая оставалась и после Петровской реформы верной хранительницей старины, отжившей в высшем классе, и продолжала перепевать и развивать старые свадебные песни. Для хронологии некоторых песен может послужить тот факт, что они упоминают о сентябре, как первом месяце года:

В сентябре первом месяце,
При девичьем было вечере,
Что на стуле, на бархате,
На ковре, на красном золоте,
Против зеркала хрустального,
Против чистого заморского,
Иван чесал кудри,
Свет И-вич расчесывал,
Ко кудрям приговаривал:
— Уж ты, Марья, завей кудри!
Свет И-вна, завей русы! —
«Я твоя теперь служенька,
Я тебя теперь слушаю,
Я твои кудри расчешу,
Серебром русы перевью,
Я кажду волосиночку
По скаченой жемчужинке».

Некоторые песни дают яркие картины княжеского и боярского быта. Вот молодая боярыня ходит по сеничкам с двумя серебряными блюдами, с яхонтами и алмазными запонами:

По сеничкам, сеничкам,
По частым переходничкам
Тут ходила, гуляла
Молодая боярыня молодого боярина.
Она на ручушках носила
Два блюда серебряна,
На блюдечках носила
Два яхонта червчата,
Две домашние запоны.
И сама она говорила
Во всю буйную голову:
«Уж вы, яхонты, яхонты,
Две алмазные запоны!
Полежите малёшенько,
Покуль я молодешенька,
Я схожу в нову горницу
К своему другу милому,
Ко приятелю сердечному,
Где сидит мой сердечный друг
За столами за дубовыми,
Скатертями бердчатыми,
За кушаньем сахарным
И за питьями разноличатыми.
Он сидит, забавляется
И женой похваляется...

Вот выезжает жених на коне в пятьсот рублей: «уздила, стремяна в полтораста рублей, в правой руке плеточка шелковая, в левой—копье в пятьдесят рублей»; конь под ним будто лютый зверь, сам на коне, как сокол на руке (соколиная охота); грива у коня златом перевита; по сторону пятьдесят человек, а по другую еще пятьдесят. Иногда у жениха конь бахмат, хорошо известный былинам. Коня привязывают во дворе у дубового столба к серебряному кольцу. Одна песня переносит нас в «государство Московское», в белокаменные палаты и изображает боярский пир:

Тут стояли столы да дубовые,
На столах-то столешники кедровые,
Исподерганы скатерти шиты браные,
Изнаставлены яства все сахарные,
Изналиваны питья да все медвяные.
Что за теми за столами за дубовыми
Тут сидели, посидели князья, бояра,
Посередь же их сидел да добрый молодец,
На коленичках держал звончаты гусли...

Другая—описывает старинные материи: мелкотравчатую, узорчатую камку, дорогой штоф на золоте и заморские хрустальные зеркала. Установленное старинной песней сравнение представляет встречу жениха с невестой, как встречу скатной жемчужины с яхонтом на золотом блюде. В одной песне боярыня будит мужа, спящего на перине пуховой, на подушке парчевой, под соболиным одеялом, и напоминает ему о службе государю, повидимому, выехавшему на охоту. Муж успокаивает боярыню:

— Не тужи, моя умная,
Не печалься, разумная,
Будет Богом исправлено!
И кони пооб'ездятся,
Молодцы поснарядятся,
Оружья приготовятся,
Уж мы задних-то сустижем [1]),
А середних перестижем,
А с передними равны будем.
Государю коня подведем,
На руке сокола поднесем...

Вот бояре дивуются роскошной жениховой шапке и спрашивают, где она ему досталась. Жених об'ясняет:

— Не дивуйтеся, бояре!
Сам царь в орду ездил,
За себя царевну брал.
Мне шапочка в дар пришла
За мою за выслугу,
За походушку частую,
За поклоны низкие,
За погляды веселые.

Одна песня сохранила, повидимому, поэтическое сравнение еще из московского-великокняжеского периода:

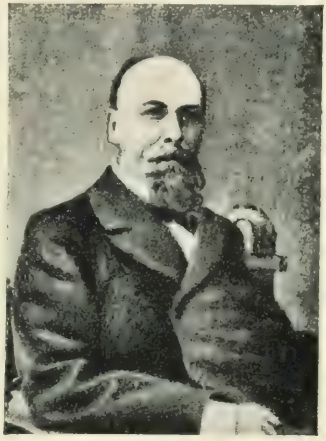
Вился, вился яровой хмель
Около тычинки серебряныя:
Так бы вилися бояра, князья
Около князя великого.

Если в этих чертах песен звучат еще отголоски московского периода, то в других можно указать уже черты XVIII века. Жених одевается уже по моде этого времени: завивает кудри, надевает шелковые чулки, обувает башмаки с пряжками. Упоминаются

---

1) Догоним.

золоченые кареты с кучерами в голубых кафтанах. Иногда таких карет полон (крестьянский!) двор. Иногда старинная обстановка заменяется новой, более элегантной, но при этом, как часто в народной песне, дело не обходится без несообразностей. Так, в старинной песне, попавшей в печатный песенник, изображаются стоящие у брода «кони вороные с чепраками золотыми», а в варианте у брода «стоит нова колясочка, шестерней запряжена, уж как все кони убраны под коврами». Совершенная несуразность получилась в записанной Киреевским в Верейском уезде, Московской губ., песне, где жениху одновременно кроят сюртук и кафтан (последний из старой песни), «чтоб не длинен, не короток ему был, в подоле поуструбистее, чтоб можно было на коляску вскочить и ловчее в стремена ноги вложить»; таким образом оказывается, что жених одновременно едет в коляске и на коне. В одной песне, записанной Киреевским от московского мещанина, заметно желание следовать моде: зять едет к теще «на модных дрожках, на манежной лошадке». Впрочем, такие черты встречаются больше в песнях Московской губернии под влиянием городской культуры. Большинство же свадебных песен отзывается стариной, так что записи 30-х и 40-х годов почти совпадают с вариантами, попавшими в печатные песенники XVIII и начала XIX века. Они сохранили, напр., картину тридцати черных кораблей и одного переднего, плывущего по морю Хвалынскому, и эпическое описание устройства этого сокола-корабля, на котором едет жених. На-ряду с Хвалынским морем упоминается «Синее море Верейское» (Варяжское, Балтийское), известное в былевом эпосе. Песни упоминают Царь-Ивана, Царь-город, «московского воеводу», прикащиков Строгановых, скоморохов, татар, литву, сохранили эпический мотив стреляния гусей-лебедей на Дунае, не говоря уже о множестве старинных эпитетов, в роде: ковров сорочинских, одеял соболиных, замков немецких, топоров литовских, каменной Москвы и т. п. Встречаются в них нередко и старинные слова, в роде: комоней (коней), гридней.



Всеволод Федорович Миллер.

Вс. Ф. Миллер.

3. Свадебные песни.

1.

Баслов (благослови), Божа, Божунька!
Подь на свадьбу, подь на свадьбу,
Воскресенье светлое,
Свадьбу играти и разыграти!
Святый Лука, подь на свадьбу!
Слуцы [1]) свадьбу
Двух молодёных,
Двух поряженых,
Двух суженых,
И первый младень!
Святый Кузьма, подь на свадьбу!
Скуй нам свадьбу

[1]) Сладить, устроить.

Крепку, тверду,
Долговетну,
Вековетну,
С младости до старости
И до малых детушек.
Ты, мать Божья!
Сама Богородича!

Подь на свадьбу
И со всеми с Постолами [1]),
И со всеми с ангелами.
И как вьется хмель по тыцью [2]),
Так бы наши молодые
Вились друг около друга.

2.

Что ты, что ты, сине море,
Ты стоишь не колеблешься?
Что ты, что ты, березанька,
Стоишь в поле, не шатаешься?
Что ты, что ты, Аннушка,
Ты сидишь, не рассмехнешься?
— Мне чему рассмеятися,
Мне чему взрадоватися?
Что на нашей на улице
Есть пустая хоромина,
Есть пустая, не крытая;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися.
На печище котище лежит,
По полу ходит гусыня,
Что по лавочкам — ласточки,
По окошечкам — голуби,
В новой горнице—ясен сокол.
Вы, подружки-голубушки,
Рассудите, пожалуйте;

Хотя вы не рассудите,
Я сама знаю, ведаю,
Молода догадалася:
Что пустая хоромина —
Чужа дальная сторона,
Углы прочь отвалилися —
Отец, мать отступилися;
По бревну раскатилися —
Род-племя отказалися;
На печище котище лежит —
Богоданный свекор батюшка;
По полу ходит гусыня —
То свекровушка-матушка;
Что по лавочкам ласточки —
То сестрины-золовушки;
По окошечкам голуби —
То деверьицы-братьицы;
В новой горнице — ясен сокол —
То и мой Богом суженый,
То и мой Богом ряженый.

3.

Ты взойди, Анна-душа, на новы сени,
Ты взойди, Михайловна, да на новые!
Посмотри, Анна-душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое!
Сколь силен едет Иван-то князь,
Сколь силен едет Александрович:
По одну сторону пятьдесят человек,
По другую сторону еще пятьдесят!
Глядючи Анна-душа испугалася:

«Запатри, батюшка, шатром ворота?
Занавесь, матушка, камкою терем!
Оберните, сестрицы, меня полотном!»
Едучи Иван-то князь похваляется,
Едучи Александрович похваляется:
«Быть, быть шатру да разломану!
Быть, быть камке да разобранной!
Быть, быть Анне-душе во полон взятой!
Быть, быть Михайловне во полон взятой!»

---

[1]) Апостолами.
[2]) Тычинке.

4.

...По последнему денечку
Я сидела молоденька,
Я во светлой своей светлице.
Уж я шила волю золотом,
Обшивала чистым серебром.
Из-за озера за Онежского
Летят птицы заморские.
Соловей сел под окошечком,
Орел стал выговаривать:
«Ты не трать-ко чиста серебра
И не порти красна золота.
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненому,
Всему роду покорену,
Волюшке быть во неволюшке...

5.

Отставала лебедушка
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебедушка
К тому стаду — серым гусям.
Не всумела лебедушка
По гусиному вскрикнути;
Начали ее серы гуси
Рвать, щипать,
А лебедушка кричать:
«Не щепите, гуси серые,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня погодой,
Сильным дождем осенним».
Отставала Настасьюшка
Прочь от матушки, батюшки,
Прочь от роду, от племени,
Прочь от сестриц красных девушек.
Приставала Настасьюшка,
Ко чужому отцу, матери,
Ко чужому роду, племени.
Не умела Настасьюшка,
Как головушку оправить;
Ее стали чужи люди
Журить, бранить,
А Настасьюшка плакать:
«Не журите, люди добрые,
Не сама я к вам заехала,
Не своею волею,
Завезли меня добры кони,
Добры кони Даниловы».

6.

Не пола́ вода на широкий двор
К моему батюшке взлелеяла, —
Взлелеяли мои недруги.
Хотят они разлучить меня
С отцом, с матерью, с родом-племенем.
Встречай ты меня, мой батюшка,
Встречай меня, моя матушка,
Своих друго́в, моих недруго́в,
Недруго́в-разлучников:
Разлучат они меня
С отцом, с матерью, с родом-племенем.

7.

Зажигают свечу перед иконами, все молятся Богу, приговаривая: «Дай, Господи, святое дело зачать, так же и кончить». Помолившись, сват вынимает пирог из своего кулька, который кладет к стороне, берет пирог за один конец обеими руками, прихватывая вместе с пирогом и полу своей шубы; то же самое и невестин отец делает с своим пирогом. Оба сходятся посередь избы, до трех раз бьют или хлопают пирог о пирог, которыми и меняются. В это самое время невеста, сидя в топлюшке или у жернова, начинает вопить так:

Светел месяц, родимый батюшка,
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейти вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирог о пирог,
Не пропивайте вы меня бедную,
Не давайте вы меня горькую
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому отцу, к чужой матери:
Как чужие-то отец с матерью
Безжалостливы уродилися,
Без огня у них сердце разгорается,
Без смолы у них гнев раскипается;
Насижусь-то я у них, бедная,
По конец стола дубового,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

8.

Наехали рассказы сваты большие,
Выводили надежу света батюшка
На новы сени на решетчаты,
Стали спрашивать про белую лебедушку,
Оценять стали бажону [1]) вольну волюшку.
Сговорил же свет родитель мой батюшка:
Эта волюшка во сто рублей,
Руса косынька во тысячу,
А красной девушке и цены нет...
Но лукав был злодей больший сват:
Он близешенько к родителю двигается
Низешенько ему да поклоняется
Сам сулит ему да засуливает
Сорок ведер зелена вина,
Сорок бочек пива пьяного.
На то ли мои родители окинулись,
Променяли мою вольную-то волюшку
Как на этое на сладко зелено вино...
Пропились да промотадися,
Прогуляли мою волюшку...

9.

Как у Домнушки матушка
Не добра была, не ласкова,
У Макеевны родная
Не добра, не приветлива;
Посылала ее матушка
Во сырой бор по ягоды:
«Выбирай себе, дитятко,
Ты из ягоды ягоду,
Из калины калинушку,
Из малины малинушку,
Из черной ягоды смородинку».
Как у Домнушки матушка
И добра была, и ласкова,
У Макеевны родная
И добра, и приветлива;
Посылала ее матушка
Во высок терем боярь смотреть:
«Выбирай себе, дитятко,
Из князей себе князичка,
Из бояр себе боярина,
Из военных военного,
Из придворных придворного,
Из приказных приказного
Иль из чина посадского»
Как идет ее дитятко,
Скоры ноги подгибаются
Белы руки опускаются,
Очи ясные помутилися,
Горючи слезы катилися:
— Я не выбрала, матушка,
Лучше сына посадского,
Лучше Ивана Алексеевича.—

Завивался хмелюшка
Через тын на улицу
Во мой во зеленый сад;
Во этом во садике
Приволье хорошее,
Раздолье широкое.

[1]) Любимый до обожания.

По этому по раздолью
Гулял добрый молодец,
Ни весел, ни радошен.
Увидала матушка
Из терема из высокого,
Со крыльца широкого:
«Дитя мое, дитятко!
Что не весел ходишь ты,
Не весел, не радошен?»
— Родимая матушка,
К чему ж веселиться мне?
Все мои, все товарищи—
Все поженёные,
А я, добрый молодец,
Холост, не женат хожу.—
«Поди, мое дитятко,
На широкую улицу,
Зайди, мое дитятко,
Зайди в хоровод к девкам:
Выбирай, мое дитятко,
Котору ни лучшую,
Возьми дочь боярскую».
— Боярская дочь в поле не работница
В доме не заботница;
Моим белым ручушкам
Нету переменушки. [1])

11

Что на тихой на заводи,
На тихой лебединой,
Что не павушка плавала
Не павино перье роняла,
Не купа жалобилася
И не ясному соколу,
И не черному соболю:
Жалобилась и плакалась
Сестра брату милому,
Брату милому, любимому,
Младу ясному соколу:
«Уж ты, братец, ты братец мой,
Удалой добрый молодец,
Пропусти, сударь, братец мой,
По всей светлой светлице,
По столовой новой горнице
До снарядна дубова стола,
До солнышка до красного
До родителя-батюшки,
До государыни-матушки.
Попроси, сударь, братец мой
Родителя-батюшку,
Государыню-матушку,
Зачем рано вскручинились
На меня молодешеньку,
И на мою буйную голову,
И на драгу девью красоту?
Во всей светлой светлице
И столовой новой горнице
Все подружки красуются
Все милы проклаждаются;
Одна я не красуюся
При своей девичьей красоте».
Как ответ держит брат сестре:
— Ты, сестрица родимая,
Не клади судьбы-жалобы
На родителя-батюшку,
На государыню-матушку.
Ты клади судьбы-жалобы
На злодейку сватью большую,
На большую лукавую,
Лукавую вилавую,
На змею семиглавую,
На вралью редкозубую;
Как ходила сватья большая
Не путем, не дорогою —

---

[1]) В вариантах продолжение: предлагается «купецкая дочь» — отвергается, и наконец, молодец выбирает крестьянскую дочь, так как она

В поле-то работница со мной
В поле-то работница,
В доме-то заменушка тебе.

Все тропами собачьими,
Хоботами змеиными,
В день поутру ранешенько,
В ночь по позднему вечеру;
Она кланялась низешенько,
Говорила потихошеньку,
Она хвалила, нахваливала
Чужу дальную сторону,
Сторону незнакомую
И богоданных родителей:
Как чужа дальня сторона
Она медом поливана,
Виноградом насеяна,
Черносливом горожена.
Не жила млада, не ведала,
Пожила — все спроведала
Про чужу дальну сторону
И про богоданных родителей:
Богоданные родители
Не добры они, не ласковы;
Как чужа дальна сторона
Она тоскою насеяна,
Слезами поливана,
Кручиной горожена.

12.

Ой вы, соколы, соколы,
Вы куда вечор летали?
— Ах, мы летали
На море на синее. —
Ах, вы что там видели?
— Ах, мы видели серую уточку,
Серую уточку на заводи.—
Ах, вы что ее не пымали?
— Мы хотя не пымали,
Сизы перышки повыщипали. —
Ой вы, бояре умные,
Куда, бояре, ездили?
— Ох, мы ездили с городу на город,
Уж мы видели, видели
Красну девицу во тереме. —
Что вы ее не взяли?
— Мы хотя ее не взяли,
Русу косу росплели,
Шелковой косник выплели.

13.

Разлилась, разлелеялась
По лугам вода вешняя.
Унесло, улелеяло
Три кораблика от берега:
Еще первый корабличек
С сундуками, с укладками,
А другой-то корабличек
Со постелей убранною,
Еще третий корабличек
Со душой красной девицей,
Что и с Марьей Ивановной.
Оставалась ее матушка
На крутом, славном бережку,
На горючем на камешке;
Она слезно заплакала,
Во слезах слово молвила:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое:
Позабыла ты, дитятко,
Позабыла ты, милое,
Трое ключи золоты».
— Ты сударыня-матушка,
Не трое ключи забыла я,
Позабыла волю батюшкину,
А еще негу матушкину,
А еще-то позабыла я
Из русы косы ленточку. —

14.

Государыня моя матушка!
Ты построй мне нов высок терем
Со тремя окошками:
Как первое окошечко

На чистое поле смотреть,
А второе окошечко
На зеленый сад смотреть,
А третье окошечко
На синее море смотреть.
Как на синем море
Три корабля плыли:
Как первый корабль
С дорогими товарами;
А второй корабль
С брульянтами, конями;
А как третий корабль
С удалым молодцом NN.
Сударыня маменька!
Поймай ты мне тот корабль
Со удалым молодцом NN.
Дитё ль мое, дитятко,
«Дитё мое милое!
Когда пора время придет,
Сам корабль к берегу приплывет,
NN с корабля долой сойдет,
Во высок терем зайдет
И тебя за ручку возьмет».

15.

Как из-за горья-горья
Ветерок попыхает,
Да из-за моря, моря
Чернен корабль выбегает:
Выбегал чернен корабль
Из-за синего моря
О двенадцати парусах,
О тринадцати ярусах;
Тонки парусы полотняны.
Все отуги шелковые,
Знамена государевы;
Выходил чернен корабль
Из-за синего моря,
Подходил чернен корабль
Под N славну волость;
Подбегал чернен корабль
Под круту гору высокую,
Ко святой Божьей церкви;
Вымощали с корабля
Славны мосты калиновы,
Расстилали по мостикам
Все ковры семишелковые.
Выходил со корабля
Удалый добрый молодец.
Как садился добрый молодец
На комонь добрую лошадь,
Он поехал добрый молодец
На круту гору высокую,
Ко N славной волости.
А о ту пору, о то время
У меня ли красной девицы
Тихой, девий девичничёк,
Да слезливо плаканьице.
Сдивовались люди добрые
Удалому добру молодцу:
Это чей-то добрый молодец?
Он по платью по цветному
Сын купца, гостя торгового;
Он по низким поклонам
Сын попа — отца духовного;
Он по ласковым словечушкам
Сын крестьянина богатого.

16.

Была винная реченька,
Сахаринная источинка;
Што по сахару репа течет,
По изюму разливается;
Далеко она во сад прошла,
Далеко в зеленой протекла.
Было умное дитятко
У родителя у батюшка,
Было умное и разумное,
Душа красна девица N.
Она ходила, похаживала,
Она гуляла, погуливала

Из высока нова терема во сад,
Што из саду в белой шатер,
Из шатра зашла в горницу
К удалому добру молодцу,
Да ко князю первобрачному N.
Она будила, побуживала:
Уж ты встань, душа, умной мой,
Пробудись, душа, разумной мой!
Я пришла к тебе не пить, не есть,
И не чаю, кофе кушати,
Я пришла разгулятися
Во таблеи играть, во шахматы
И во все игры немецкие.
Обыграла красна девица душа
Удалого добра молодца.
Насмеялась красна девица душа
Над удалым добрым молодцем;
Проиграл добрый молодец-сокол
Со правой ручки злачен перстень,
Со любимого мизинчика.

1. Укажите в современном свадебном обряде и песнях отражения древних форм брака.

2. Укажите в свадебных песнях и обрядах элемент заклинания.

3. Дополните статью В. Ф. Миллера примерами из приведенных свадебных песен.

4. В каких образах—символах рисуются свадьба, жених, невеста и другие участники свадебного обряда.

ПРИЧИТАНИЯ.

1. Похоронные плачи в древности.

У нас, в России, причитания, как и у всех других народов, всегда составляли существенную часть погребального обряда; их можно слышать и ныне по всей русской земле.

Первым источником для изучения этих плачей служат, без сомнения, наши древние летописи. Из них мы видим, что погребальные плачи в их обрядовом значении проходят через всю русскую историю... Ими сопровождались похороны; «умре Олег,—гласит Нестор,—и плакашася по нем вси людие плачем великом и несоша и погребоша и на горе». Плачи считались необходимою принадлежностью тризны. «Се уже иду к вам, говорила Ольга Древлянам,—да пристроите меды многи во граде, идеже убисте мужа моего, да поплачуся над гробом его и сотворю тризну мужу моему». Плачи начинались тотчас же, при умирании человека. Ослепленный Василько с раздавленной грудью привезен был в село Воздвиженское, и «сволокоша с него сорочку кроваву сущу и вдаша попадьи опрати, и плакатися нача попадья, аки мертву сущу оному».

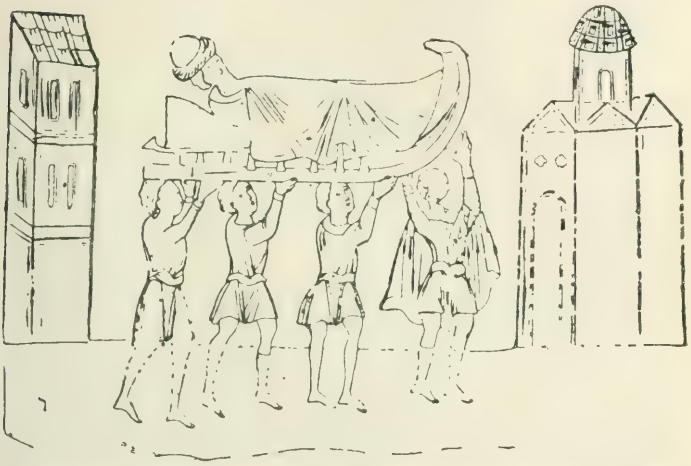
Эти исстаринные погребальные плачи не дошли до нас в их подлинном и точном виде. Другой род памятников, в которых сохранились черты древне-русских причитаний об умерших, представляют жития русских святых. Здесь встречаются иногда отрывки подобных плачей; уже одно то, что эти плачи не отвечают общему характеру житий святых, для которых смерть есть приобретение, служит указанием, что они являются здесь единственно только в силу народного обычая чествовать умерших причитаниями. Далее, несмотря на то, что все подобные плачи, под пером писателей житий, неизбежно получили искусственную, книжную форму, многие из них отразили в себе, несомненно, черты народной, погребальной причети. Таков, например, плач князя Глеба о брате своем Борисе; недаром Карамзин называет этот плач «нежным и красноречивым».

Выражая свое горе о разлуке с умершим братом, князь Глеб, между прочим, взывает:

«Где суть словеса твоя,
Яже глагола мне, брате мой любимый!
Ныне же не услышу тихого твоего наказания».

Точно так же в плачах народных всегда высказывается сожаление, что умерший уносит с собою «ласковыи, прелестныи словечушка». Ту же черту народной причети удерживает и плач, помещенный в житии Александра Невского:

«Увы нам, дражайший Господине наю!
Уже ктому не имамы видети
Лица твоего, ни сладких словес слышати!»



Погребение на санях (из сказания о свв. Борисе и Глебе по списку XIV века).

Но особенно по сходству дум и образов с народными причитаниями выдается плач по Дмитрии Донском супруги его Евдокии. Обращаясь к покойному мужу, она называет его «солнцем пресветлым, месяцем прекрасным, звездой восточной, грядущей к западу, светом, скрывающимся от очей ее». «Чего ради и на дети своя не воззриши,—взывает она,—ни ответна слова не даси им? Звери земные на ложи свои идут и птицы небесные к гнездам летят, ты же, Государю, от дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся аз уединенная? Остало бо великого Царя. Старые девы, утешьте меня! Младые же вдовы, восплачите со мною. Вдовья бо беда горчае всех людей».

Не менее интересно в этом отношении и погребение великого князя Владимира Васильковича, умершего в городе Любомли (1288 г.). «Княгиня его,—гласит летопись,—беспрестани плакашеся, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, аки воду... Наипаче же плакахуся по нем лепшие мужи Володимирстии, рекуче:

«Ныне, господине, уже не можем тебе зрети:
Уже солнце наше зайде ны,
И во обиде всем остахом».

Немного требуется знакомства с народною причетью, чтобы видеть совершенное сходство с нею этих книжных погребальных плачей.

Нет сомнения, что все эти искусственные образцы, отражая в себе только некоторые черты народности, далеко не отвечают полному содержанию и характеру нестаринных народных плачей. Чем дальше ко временам древности, тем больше отражали они поэтических элементов, и тем полнее и прямее выражалось в них языческое миросозерцание. Вот почему, без сомнения, древне-русская церковь вооружалась против подобных народных плачей. Прежде всего мы видим, что против них восставали церковные проповедники. В старинных сборниках (XV, XVI, XVII в.в.) мы нередко встречаем поучения «о еже не много плакати по умерьших». Об'ясняя надгробные и надмогильные вопли отсутствием веры в бессмертие души, проповедники старались остановить их возбуждением упования в воскресенье мертвых. «Много в вас мятежь и плачь о умерших,—взывал один из них к своим слушателям,—и многажды вас молих о сем и еще глаголю: не раздираем риз своих, но паче душу смирим, не бьемся в перси, да не оуподобимся Елином, и не терзаем влас главы нашея, не многи дни плачем, да невсеровати начнем воскресению и языком не изречем хулы, да ни мертвым не сотворим пакости, ни себе». Другой проповедник, говоря о том же, представил в наглядной картине и тот самый вред, какой наносится умершим продолжительными по ним плачами. Одна женщина, говорил он, лишившись сына, так долго оплакивала его, что «едва ума не изступи»—и вот, наконец, после сильных рыданий она видит: идут два юноши давно умершие и ей знакомые, довольные собой и веселые, а сзади ташится покойный сын ее «прискорбен и уныл». «Что, любезный сыне, прискорбен еси и един грядеши?» воскликнула она, обращаясь к нему. Сын указал ей на свою тяжелую одежду, которая вся была мокра и не позволяла итти. «Мати моя!—сказал он при этом,—се тягость моя—слезы твои, их же без меры и не в требу изливаеши»...

Е. Барсов.

2. Причитание из русской повести XVII века (о князе Скопине-Шуйском).

От войска же его и дружины хоробрыя князя Михаила Васильевича ближние его подручники, воевода и дворяне и дети боярские и сотники и атаманы прихождаху во дьор его и ко дьору его припадая со слезами и со многим воплем и стонанием. И жалостно в слезах глаголаше и причитаху: «О господине не токмо, но и государь наш, князь Михайло Васильевич! Отшел еси от сего света, возлюбил еси небесному Царю воинствовати, а нас еси кому ты оставил? И хто у нас грозно и предивно и хоробро полки урядит? И кому нас приказал служить и у ково нам жалованья просити и за кем нам радошно и весело на враги ехати ко брани? Не токмо государь наш подвигом своим врагов устрашал, но и мыслию помыслишь на врагов, на Литовских и Польских людей, и они и от мысли твоея далече бегут, со страхом емлются. А ныне мы аки скоты бесловесныи, овцы не имуще пастыря крепкого. У тебя, государя нашего, в полех войска нашего и без казни страшно и грозно, а радошны и веселы. А как ты, государь паш, в полех у нас поедешь, и мы, аки небесное солнце, назреться не можем». Но все вкратце пишем, а недоумеем убо много и жалостного плача и причитания их исписати.

3. Современный похоронный обряд на Севере.

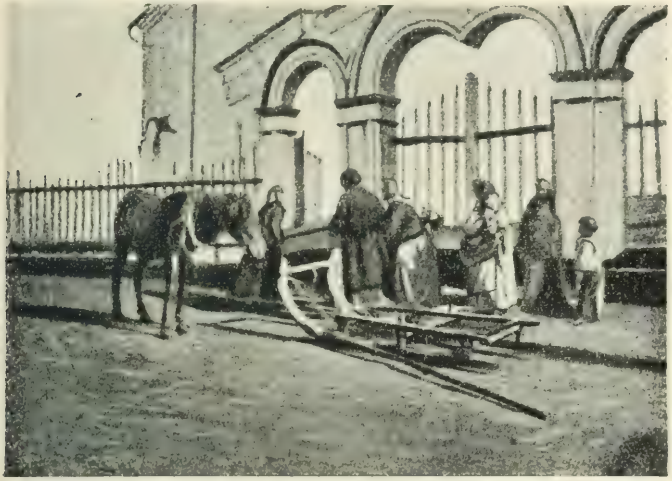
Как скоро замечают, что человек умирает, тотчас же ставят на окне чашку с водой; если вода колышется, говорят «душенька моется».

В доме покойника тотчас же по его смерти начинается «обряжение». Для омывания мертвого тела приглашаются «старушки стародревние» и для делания гроба—«плотнички-работнички».

Гроб у заонежан называется «домовищем»; устраивается он из сухих досок—обыкновенно в виде продолговатого ящика; в некоторых приходах по сторонам этого ящика устраивают отверстия и в них вставляют стекла так, чтобы эти окошца приходились против плеч покойника; в иных местах стекла кладут в самый гроб, не делая по сторонам его отверстий.

Моют покойника обыкновенно теплой водой на соломе, против трубы, из глиняной посуды, натирая его мылом два раза; во время мытья в некоторых местах у покойниц стригут волосы и кладут их в гроб.

Мыло затем бросают в реку и туда же выливают воду; иногда, впрочем, оставляют их для особых целей; водой, напр., пользуются колдуны для порчи новобрачных; говорят, если напоить человека этой водой, то он будет чахнуть; мыло же употребляют против лихорадки.



Похоронный обряд на Севере. По привозе покойника, лошадь отпрягают и откидывают оглобли в сторону дома в виде очистительного обряда.

По омовении, покойника одевают. Есть обычай еще пред смертью спрашивать умирающего, во что он прикажет одеть себя; в разных местах готовят разную покруту для покойников; в Петрозаводском, Олонецком и Повенецком уездах надевают белые сапоги или башмаки, шитые одной дратвой, рубаху с поясом и костяным гребешком; сверху—белый балахон с кушаком, покрывалом служит холст.

Затем на лавку в переднем углу стелют солому и полагают сюда умершего, головой к иконам; глаза закрывают медными деньгами; пока он остается в избе, соблюдается тишина и сдержанность; избы в это время не метут или метут, направляя сор к покойнику, чтобы другие не умерли; часто курят избу ладаном. По переложении в гроб, где есть часовня, выносят умершего туда, а где нет часовни, выносят в другую избу.

В Кореле покойника берут при этом не голыми руками, а в рукавицах; вместо постели полагают листья, набруснутые с веников; ими же набивается подушка; по переложении в гроб, на то место, где лежал покойник, в Сямозере полагают квашню, в Верховье—полено, у Сапсар—камень, в Кузаранде—ухват и квашню.

В самый гроб кладут разные предметы; напр., в Каргопольском уезде, в Именском приходе кладут хлеб; в Брусном, Петрозаводского уезда,—пироги, в Верховье, Олонецкого уезда, в гробы женщин кладут иголку для того, говорят, чтобы могла она починить на том свете что оборвется; если кто умрет на Пасхе, в руку покойника кладут яйцо. В некоторых местах туда же вливают масло. Кладут также в гроб обрезанные ногти, если покойный собирал их: это делается обыкновенно в убеждении, что придется на том свете подниматься на стеклянную гору.

При выносе, в Замошье, Вытегорского уезда, родные подходят под гроб; затем все кланяются, прощаются у покойника. На вынос собирается обыкновенно вся деревня. При этом хозяйка дома берет «версливый» (круглый) камень, который лежал на лавке или даже в изголовье у покойника, и, обошедши с ним вокруг гроба, полагает его в большой угол—под образа. В других местах Петрозаводского уезда этот камень кидают на улицу вслед за покойником, чтобы, как выражаются, «достальные живы были». С этою же целью при выносе плещут водой по тем местам, где несли покойника; стараются таким образом смыть самые следы смерти, запахать дорогу мертвеца и навсегда воспрепятствовать ей вход в живую семью.

Вынос бывает обыкновенно из дверей избы, по лестнице; но бывают случаи, когда выносят мертвеца прямо через окно; так, напр., было в Чимкиничах: вынули раму из окна, и одни из бывших в избе подняли покойника, а другие, бывшие на улице, приняли его и затем повезли на погост; окна дома остались открытыми. В Малороссии же, неизвестно почему, когда выносят покойника из избы, стараются, напротив, как можно скорее затворять двери, пока не отнесут его подальше.

Если дорогой лошадь останавливается, заключают, что покойник не едет на погост; при этом смотрят, не в спячке ли он. Везут обыкновенно той дорогой, которая ближе к кладбищу; по дороге останавливаются на местах, знакомых покойнику, заносят его даже в сторону и оплакивают разлуку его с этими местами. Замечательно, что в некоторых селениях Пермской и Тверской губерний при похоронах взрослой девицы подруги ее, провожая, поют свадебные и подвенечные песни.

По приезде к кладбищу лошадь распрягается; оглобли отвертываются. При возвращении назад извозчик садится верхом; тотчас по приезде домой дровни опускают в воду оглобли точно так же отвертываются. Непременно до захода солнца...

При этом бросают в могилу деньги, чтобы окупить место; если в могиле окажется рядом другой покойник, то и ему кидают грош, чтобы уступил место; есть и другое об'яснение этого обычая: говорят, что деньги нужны покойнику на перевоз через огненную реку, которую придется ему переезжать, или же на свободный проход по мытарствам.

На могиле делается холм; ставится крест или садится какое-нибудь дерево; а если покойного считали колдуном, то могилу его забивают клиньями. У Сунсар, напр., все кладбище обросло дубравой-травой и лесом. На некоторых могилах устраивают домики с кровлей и окнами; такие домики я видел в детстве и в Новгородской губ., именно: в Череповском уезде, например, у Пречистой в Андоге. По возвращении с погоста при входе в дом все участвовавшие в обряде касаются рукою печки,— обычай, доныне наблюдаемый также в Индии.

День похорон сопровождается обедом. Почетные гости—церковники. Во время обеда в Ладейнопольском уезде оставляют праздное место за столом в большом углу: ложку кладут под скатерть, а хлеб поверх скатерти. В других местах выливают на стол ложку всякого кушанья. В Пиркинском погосте умирающие сами завещают, чем их поминать: в Андоме пекут небольшие крестики из теста; в Сямозере поминают квасом; в Андоме—суслом из репы; в Каргополе—горохом и яйцами; в Бадогах мед льют на могилу; в Кузринском—оладьями, хлебом; в Кореле—рыбой, репой и т. п. В Петрозаводске, при посещении кладбища, оставляют там скорлупу, в Ладейнопольском уезде—часть самого яйца. В Череповском уезде, в Андоге, поминают яичными блинами: в Логинове—пряженниками.

Особенно замечательны бывают поминки в 40-й день; в этот срок состоятельные люди большей частью заказывают обедню и приглашают церковников на помин души: иногда дело обходится без обедни; все родственники выходят из избы навстречу священнику, с полною верою, что вместе с ним едет и покойник; если священник приезжает накануне поминок, то рядом с его постелью стелется постель и для незримого гостя—покойника (в Брусном, Петрозаводского уезда). Во время обеда оставляется для него особое, пустое место за столом в переднем углу, с особым прибором; при этом заявляют, какое было любимое кушанье покойника. Пред киселем обыкновенно поется малая лития, но еще прежде все обедавшие, за исключением причта, берут кисель и выходят из дому за деревню на ту дорогу, по которой несен был на погост покойный; обряд этот называется «проводины покойника»: вся процессия за деревней останавливается и кланяется на погост; затем возвращается домой, где отправляется лития, и обед кончается.

Интересны приметы относительно того, присутствовал ли умерший на поминках или нет. В Сямозерском приходе, где ставят стол с кушаньями на печку, смотрят потом, мокрая осталась ложка или сухая. В некоторых местах Ладейнопольского уезда, чтобы увидать умершего за столом в 40-й день, заранее забираются на печку и оттуда смотрят за стол чрез хомут. В Ежеселье в это время носят маленьких детей около стола и спрашивают, видят ли они—тату, дядю, тетю и т. п.; если они, дети, повторяют последние слова, то значит, они видят незримого гостя. Если для покойника постлана была накануне постель, то смотрят на другой день, измята она или нет.

Е. Барсов.

4. Ирина Федосова.

Ирина—женщина около 50 лет, крайне невзрачная, небольшого роста, седая и хромая, но с богатыми силами души и в высшей степени поэтическим настроением; речь у нее живая и бойкая; то и дело льются с языка пословицы и поговорки; 13-ти лет она была уже вопленицей, известной всему Заонежью. Вот ее рассказ о самой себе.

«Родители мои—Андрей Ефимович да Елена Петровна—были прожиточные и степенные; мать—бойкая, на 22 души пекла и варила и везде поспела, не рыкнула, не зыкнула; отец—рьяной, буде прокричал, а сердцов не было; был еще брат да две сестры, а в них толку мало; я ж была сурова [1]); по крестьянству—куды какия! колотила, молотила, вела и убирала; севна не наймуют, а класца наймуют; 8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять; 6-ти год на ухож лошадь гоняла и с ухожа пригоняла; раз лошадь сплеснулась, я пала; с тех пор до теперь хрома. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где што слышала, пришла домой, все рассказала, быдто в книге затвердила, песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не кехтала, не охотила; на прядину беседу отец не спущал, а раз в неделю, молча, уходила; приду—место сделают у светца: шутить была мастерица, шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со изотчиной; грубого слова не слыхала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать—свадьбы играть и мертвым чести отдавать.

С малолетства любила я слушать причитанья; сама стала ходить с причетью по следующему случаю: суседку выдавали замуж—а вопленицы не было. Кого позвать? Думали-гадали, а все-таки сказали: «кроме Иришки некому». На беседах дала себя знать; бывало там свадьбой играли, и я занарок причитывала. Ну и пригласили; мать отпустить не смеет. Писарь волостной был сродник невесте; пристал ко мне и говорит: «Согласись, мы уговорим отца—не выдаем тебя в брань да в ругательство». Согласилась, произвела свадьбу. До весны дело дошло: стали звать на

[1]) Сурова — быстра.

другую свадьбу; отец и говорит: «Не для чего ее приглашать: ведь не знает она ничего». Как не знает? По зиме у суседки причитала. Отец возгорчился: кто, скаже, позволил?—Писарь Петр Кондратьевич, отвечала мать, да голова Алексей Андреевич.—Ну, когда этакие лица просят, так пусть; для меня как хочет; дело ейное».

5. Причитания.

1. Плач вдовы.

Укатилося красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лесушка оно да за дремучии,
За облачка оно да за ходячии,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня победную головушку
Со стадушком оно да со детиною;
Оставлят меня горюшу горегорькую
На веки-то меня да вековечныи!
Ни-как ростить-то сиротных мне-ка детушек:
Будут по миру оны да ведь скитатися;
По подоконью оны да столыпатися [1]);
Будет уличка ходить да не широкая,
Путь дороженька вот им да не торнешенька;
Без своего родителя, без батюшка
Призвиются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людушки,
Што ведь вольныи дети, безуненныи [2]),
Не храбры да сыновья растут безотцни,
Не красны да слывут дочери у матушки.
Глуно сделали сиротны малы детушки,
Мы проглупали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смерётушку,
Мы не заперли новых сеней решетчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок;
У ворот да мы не ставили приворотницьков,
У дубовых дверей да сторожателей;
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складного зголовьица;
Не глядели про запас мы на родителя,
на батюшка.
Как душа да с белых грудей выходила,
Оци ясныи с белым светом прощалися.
Подходила тут скорая смерётушка,
Она брадчи [3]) шла злодейка душегубица.
По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная;
У дубовых дверей да не стуцялася,
У окошечка ведь смерть да не давалася [4]):
Потихоньку она да подходила,
И чорным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали сиротны малы детушки,
Опустили мы великое желаньицо;
Кабы видели злодийную смерётушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовыи,
Мы бы стлали скатерти да тонкобраныи [5]),
Положили бы ей вилки золочены,
Положили б востры ножички булатныи.
Нанесли бы всяких евствушек сахарних,
Наливали бы ей питьица медвянова,
Мы садили бы тут скорую смерётушку,
Как за этыи столы да за дубовыи,
Как на этыи на стульица кленовыи,
Отходяци бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:

---

1) Толпами бродить.
2) Которых нельзя унять в шалостях.
3) Крадучись.
4) Т.-е. не просилась.
5) Вышивные, узорчатые.

«Ай же, ведь скорая смерётушка!
От Господа Распятого, знать, создана,
От Владыки на сыру, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам;
Ты возьми, злодей-скорая смерётушка,
Не жалею я гулярна, цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвесочку,
С сундука подам платочки левантеровы,
Со двора возьми любимую скотинушку.
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
Я сиделышко даю тие черкасское,
Золотой казны даю тие по надобью;
Не бери столько надежноей головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня победноей головушки».
Отвечала злодей-скорая смерётушка:
«Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянскиих,
Мне не надобно любимоей скотинушки,
Мне со стойлы-то не надо коня доброго,
Мне не надо золотой казны бесчетноей,
Не затым я у Владыки Света послана:
Я беру да злодей-скорая смерётушка
Я удалые бурлацкие головушки:
Я не брезгую ведь смерть да душегубица
Я не ницким ведь есть да не прохожим,
Я не бедным не брезгую убогим».
Тут спроговорит вдова благочестивая:
Видно нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвый с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка,—безизвестная.

2. Плач дочери.

Порастроньтесь, люди добрыи!
Припаду я ко могилушке,
Я послушаю бессчастная,
Нонь не стонет ли сыра земля,
Не вопит ли моя матушка,
Не жалиет ли обиднушки.
Ой, не стонет мать сыра земля —
Не вопит моя родитель жалосливая!
С гор катитесь ручьи вешныи,
Вы размойте пески желтыи,
Поднимите гробову доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте раз взглянуть горюшице
На родитель мою матушку!
Ой, не льются ручьи вешныи,
Не размоют песков желтых,
Не покажут моей матушки!
Возбушуйте ветры буйныи
Со всех ли четырех сторон,
Понеситесь вы к Божьей церквы,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку!
Не бушуют-то ветры с четырех сторон,
Не ударят оны в большой колокол,
Не разбудят моей матушки!
Налетите с небес ангелы-архангелы,
Вовложите вы душу в грудь умершую,
В белы рученьки маханьицо,
В быстры ноженьки ходаньицо!
Не летят да с неба ангелы-архангелы,
Не влагают души в грудь умершую.
Знать не выстать синю камешку с синя моря,
Не бывать в живых родитель моей матушке!
Ох, тошным да мне тошнехонько!
Пройдет зимушка холодная,
Вот наступит весна красная,
Потекут да речки быстрые,
Зацветут в рощах деревьица,
Запогуркивают голуби,
Запосвистыват соловьюшко;
У меня ж бедной-горюшицы
Не сойдет с сердча кручинушка
Не убавится обидушка;
Распекё да красно солнышко
Середи да лета еплого,
Не согрсет сиротинушки,
Лишь притеплит меня беднушку
Зеленая дубравушка —
На могиле моей матушки!

3. Плач о двух братьях, утонувших в Онег-озере.

Когда мы были глупёшеньки и малёшеньки
У своих-то светов у родителей,
Много нас было баженых детушек:
Все были малыи да глупыи.
Когда стали в полном уме-разуме,
Стали в полном молоденцком возрасте,
Тут разошлись да и раз'ехались
Наши малыи перелетны соколы
По чужой-то дальной, ознобной стороннушке,
Под строго начальство великое;
Посылали-то скорописчаты грамотки
Нашим-то бедным светам родителям,
И приезжали-то к нам в редкую любимую гозебку [1])
По хорошему-то лету красному;
Мы ходили да погуливали
По честным господским праздничкам,
По честным хорошим гозебкам.
Как уезжали-то наши милыи братьица
Из редкой любимой гозебки
От своих-то светов родителей
В путь-дорожку великую,
Что по богатой да по осени;
Как поехали по темному Онегу свиреному —
На гнилой да улыбчатой соемке [2]).
Тут расходилася погодушка великая,
Тут разбило-то улыбчатую соемку,
Тут постигла-то их скорая смерётушка.
Они не видели да и не слышали,
Как рассталась душа с белым телом,
Очи ясные да со белым светом;
Ихны плавали тела да молодецкие
По темному-то Онегу злодейскому;
Их прибило-то к крутым мелким бережкам,
Их выкинуло-то на мелкии пески да на рассыпчаты;
Расклевали ихны тела да молодецкие
Мелки птички-пташечки;
Еще обжорные да черны во́роны
Разносили ихны косточки
По темным-то лесам да по дремучним.
Уж как наши-то бедныи родители,
Уж как мы-то сестры бессчастные,
Уж мы не знали да и не ведали,
Что получим весточку нерадостную,
Вместо благодарной скорописчатой грамотки;
Уж мы не думали умом да и разумом,
Что мы потеряем потеряшечку,
Потеряшечку да мы бесценную —
Как своих-то дорогих братцев,
Своих-то младых перелетных соколов;
Уж нам не видать их да и по веку.
Хотя много мы видим перелетных соколов,
Хотя к нам много ездит добрых молодцев,
Уж мы не можем прибрать умом да и разумом
Милых ясных соколов — своих братьицев;
Видно все прошло да и миновалося.
Уж не в пору да и не во́ время
Нам пришла тоска — горе великое:
Что по той-то по богатой по осени
Пройдет холодная зима да студеная,
Пройдет теплая весна да унывная,
Придет хорошее-то лето красное;
Все слетятся да птички-пташечки,
Все мелкие да пташечки заморские,
И станут слетаться младые соколы,
Младые соколы-перелетные,
Станут вить тепловитыи гнездышка:
У нас-то бедных у бессчастных родителей
Как разошлись да и раз'ехались
Милые-то баженыи детушки —

---

1) Гозебка — гостьба; приезжали гостить в гости.
2) Лодка; улыбчатая — узкодонная, вертлявая, неустойчивая.

Наши младыи ясны соколы
По чужой-то дальней озноб'ной сторонушке,
И одни уехали в путь дороженьку невозвратную.
Как придет та пора да времячко,
Как честной-то годовой праздничек,
Илье-то пророку да многомилословому,
Когда приезжали-то к нам дороги гостиньки,
Наши милыи родимыи братьица.
На родную-то любимую гозебку, —
Теперь кого станем ждать да дождатися?
Еще пуще станем ждать да дожидатися,
Как сойдем на трудную работу крестьянскую,
Еще в чистые-то поля да широкие.
Мы приоскинем свои-то очи ясные
Далеким далекошинько, на все четыре стороны;
Уж мы станем глядеть, да углядывать
Своих-то милых братьицев,
Что не придут ли наши ясны соколы,
Они — яблони да кудреватые,
По прежней поре, да по времячку,
На трудную работу на крестьянскую.
Они ходили к нам в чисты поля, да широкие,
Помогали нам работать трудную работу крестьянскую;
Уж мы ждали, да не дождалися, —
Видно век не дождаться, да и по веку
Уж мы сестры горюши горегорькие,
Уж мы сядем на серыи камешки,
Уж мы станем коковать,
Как бессчастные кукушечки,
Уж мы станем коковать,
Как кукушки во сыром бору;
Уж видно век коковать да и по веку. —
Видно, век не видать милых братьицев.
Хотя много идет протяженых годичков,
Мы не можем забыть тоски-обиды великие:
Пуще болит эта тоска горегорькая,
Как придут честны годовы празднички.
Либо их-то дни ангельски Господнии.
Мы не думали умом, да и разумом,
Уж мы не думали поминать так скоро
Своих братьицев родимыих;
Уж мы думали своим глупым умом, да и разумом.
Мы думали играть хорошие, веселые свадебки,—
Видно на век тоска пришла да и по веку.

1) Какой основной потребности удовлетворяют причитания?
2) Образ смерти в народных причитаниях.
3) Черты природы и крестьянского быта в причитаниях.

СТАРИНЫ [1]).

1. Олонецкая губерния и ее рапсоды.

Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал: он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти. Самый бедный крестьянин, у которого хлеба недостанет на пропитание, и тот принимает плату за оказанное одолжение, иногда сопряженное с тяжелым трудом и потерею времени, как нечто такое, чего он не ждал и не требует. Он садится в лодку гребцом, работает веслом часов 15 к ряду, не теряя да конца хорошего расположения духа и своей прирожденной шутливости.

Александр Федорович Гильфердинг, знаменитый собиратель былин.

Материальная обстановка северно-русского крестьянина несколько сносна у Онежского озера, потому что тут он располагает обширным водоемом, который находится в прямой связи с Петербургским портом; но дальше к северу и востоку вы видите только лес, лес и болото и опять лес; озера, разбросанные в этом крае, служат только для сообщения между деревнями, их окружающими. Климат такой, что здесь природа отказывает в том, без чего нам трудно себе представить жизнь русского человека; у него нет ни капусты, ни гречи, ни огурцов, ни луку; овес, разными способами приготовляемый, составляет существеннейшую часть пищи. Отсутствует и другая принадлежность русского народа — телега. Телега не может пройти по тамошним болотистым дорогам.

---

[1]) Слово б ы л и н а, в применении к народным песням о богатырях, книжного происхождения; олонецкое и сибирское население называет их с т а р и н к а м и или с т а р и н а м и (то же название прилагается олонецкими певцами к историческим песням и песням-сказкам).

Она появляется только 35 верст южнее Кенозера, в Ошевенской области, с которой начинается более сухая и плодородная часть Каргопольского уезда. Севернее, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возят что нужно и летом на санях (дровнях), или же на волоках, то-есть оглоблях, которые передними концами прикреплены к хомуту, а задними волочатся по земле; к ним приделана поперечная доска, к которой привязывается кладь. Когда нужно ехать человеку, он отправляется верхом там, где не может пользоваться водяным сообщением. Для своза хлеба с ближайших к деревням полей есть кое-где двухколесные таратайки, с неуклюже сколоченными, скорее многоугольными, чем круглыми, деревянными без железных шин колесами, таратайки, перед которыми здешние чухонские кажутся усовершенствованным экипажем.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелого труда требует от человека эта северная природа. Главные и единственно-прибыльные работы—распахивание «нив», т.-е. полян, расчищаемых из-под лесу и через три года забрасываемых, и рыбная ловля в осеннее время—сопряжены с невероятными физическими усилиями. Но, чтобы существовать, крестьянин должен соединять с этим и всевозможные другие заработки; потому никто не ограничивается одним хлебопашеством и рыболовством: кто занимается в свободное время каким-нибудь деревенским ремеслом, кто идет в извоз к Белому морю зимою, а летом—в бурлаки на канал, кто «полесует», т.-е. стреляет и ловит дичь и т. д. Женщины и девушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянин этих мест рад и доволен, если совокупными усилиями семьи он, по тамошнему выражению, «огорюет» как-нибудь подати и не умрет с голоду. Это—народ-труженик в полном смысле слова.

Побывавши в Олонецкой губернии, особенно в северной и восточной ее частях, легко уяснить себе причины, по которым могла сохраниться здесь в народной памяти эпическая поэзия, давно исчезнувшая в других местах России. Этих причин две, и необходимо было их совместное действие; эти причины—свобода и глушь.

Народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях. Напротив того, что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствовавшему себя рабом?

В то же время свободный крестьянин Заонежья жил в глуши, которая охраняла его от влияний, разлагающих и убивающих первобытную эпическую поэзию: к нему не проникали ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, так что даже в настоящее время [1]) грамотный человек между крестьянами этого края есть весьма редкое исключение. Таким образом, здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное. Верность старине такова, что она препятствует даже таким нововведениям, которых польза очевидна и которые приняты во всей России. Так, напр., сено косят не косами, а горбушами не только там, где это может быть удобно, т.-е. между деревьями и по кочкам, а на самых гладких и хороших лугах, хотя косьба горбушами требует вдвое больше напряжения и времени. Из крестьян более развитые сами признают это, но говорят, что ничего не поделаешь: «наши деды и отцы косили горбушею»; это довод, против которого заонежский крестьянин не принимает возражения. Тот же отцовский и дедовский обычай поддерживает изнурительное для лошади употребление дровней летом даже в таких местах, где можно бы пользоваться телегою. Как было при отцах и дедах, так должно оставаться и теперь: понятно, какое это благоприятное условие для сохранения древних преданий и былин. В то же время вся совокупность условий, в которых живет этот народ, устраняет от него все, что могло бы ослабить в нем наивность дедовских

[1]) Статья писана в начале семидесятых годов.

верований. Без веры в чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнью эпическая поэзия. Когда человек усомнится, чтобы богатырь мог носить палицу в сорок пуд или один положить на месте целое войско,—эпическая поэзия в нем убита. А множество признаков убедили меня, что северно-русский крестьянин, поющий былины, и огромное большинство тех, которые его слушают, безусловно верят в истину чудес, какие в былине изображаются. Мне очень памятен переезд с Сумозера на Водлозеро; меня сопровождал известный уже Рыбникову [1]) сказитель Андрей Сорокин и от скуки затянул длинную былину про сорок калик со каликою. Между ним и мною ехал хозяин лошади, которая шла подо мною, и он, никогда не слыхав этой былины, постоянно сопровождал ее своими замечаниями. «Ах, она мерзкая баба», повторил он несколько раз, слушая, как княгиня Опраксия соблазняла каличьего атамана. «Эка, брат, беда пришла!» воскликнул он, когда у атамана в подсумке оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповеди великией,
А как вы секите мне ноги резвыи,
А-й рубите-тко руки белыи,
А-й со лба-то копайте очи ясныи,
А-й тяните-тко язык мне-ка со темени,
А-й копайте как по грудям во матушку сыру-землю.

«Вот чудесно, право!» было его замечание, когда певец пропел о том, как приходил Микола Можайский,

А ему вложил да ноги резвыи,
А вложил да руки белыи,
А вложил ему да очи ясныи,
Положил язык во темя ведь,
А-й положил как здыханье во белую грудь.

Словом, мой провожатый слушал всю эту былину с такою же верою в действительность того, что в ней рассказывается, как если бы дело шло о событии вчерашнего дня, правда, необыкновенном и удивительном, но, тем не менее, вполне достоверном. То же самое наблюдение мне пришлось делать много раз. Иногда сам певец былины, когда заставишь петь ее с расстановкою, необходимою для записыванья, вставляет между стихами свои комментарии, и комментарии эти свидетельствуют, что он вполне живет мыслью в том мире, который воспевает. Так, напр., Никифор Прохоров сопровождал события, описываемые им в былине о Михаиле Потыке, такими замечаниями: «Каково, братцы, три месяца прожить в земле!» или «вишь поганая змея, выдумала еще хитрить»; или: «вот подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь из грамотеев заявляется сомнение, действительно ли все было так, как поется в былине, расспод об'ясняет дело весьма просто: «в старину де люди были вовсе не такие, как теперь». Только от двух сказителей я слышал выражение некоторого неверия; и тот и другой не только грамотные, но и начетчики, один перешедший из раскола в единоверие, другой недавно «остароверившийся». И тот, и другой говорили мне, что им трудно верится, будто богатыри действительно имели такую силу, какая им приписывается в былинах; будто, напр., Илья Муромец мог побить сразу 40 тысяч разбойников, но что они поют так, потому что так слышали от отца. Но эти скептики составляют самые редкие исключения.

---

[1]) Рыбников. П. Н.,—известный собиратель памятников народной поэзии на Севере.

Огромное большинство живет еще вполне под господством эпического миросозерцания. Потому не удивительно, что в некоторых местах этого края эпическая поэзия и теперь ключом бьет.

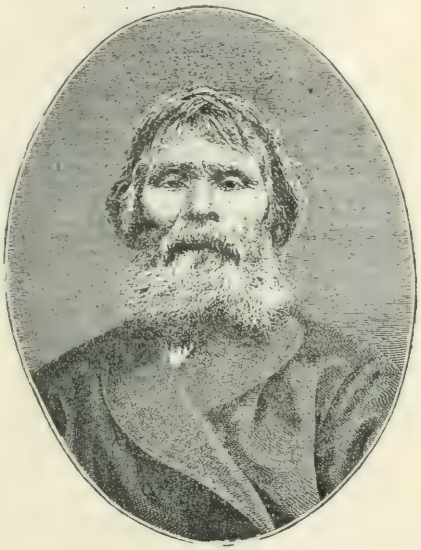
А. Ф. Гильфердинг.

2. Никифор Утка.

В Буракове жил певец былин, Никифор Прохоров, по прозванию Утка.

«Поráто (очень) хорошо поет старинку», говорили нам про него, «а если рюмочки две для голоса выпьет—совсем хорошо будет петь».

«Вот едет Утка, едет!» радостно кричали нам, указывая на лодку, везущую певца, которая быстро ныряла по серым волнам озера. Наши хозяева не менее нас ожидали удовольствия послушать пение былин. «Просят, нельзя ли прийти послушать в горницу к тебе», спросил брата большак от имени других мужиков, собравшихся при вести о прибытии певца. День был воскресный, и народу в деревне много. Горница быстро наполнилась народом. Впрочем, пришли больше пожилые мужики; молодых парней было мало. Сели на лавках, на кровати, жались в дверях.



Певец былин Трофим Григорьевич Рябинин.

Вошел Утка, невысокого роста старик, коренастый и плечистый. Седые волосы, короткие и курчавые, обрамляли высокий красивый лоб; редкая бородка клинушком заканчивала морщинистое лицо с добродушными, немного лукавыми губами и большими голубыми глазами. Во всем лице было что-то простодушное, детски беспомощное.

Почванившись немного, Утка, ободряемый присутствующими, решился выпить рюмочку «для голоса».

«Про кого же петь старинку тебе?» спросил он, сбрасывая с себя толстый теплый армяк и откидывая немного назад свою голову. «Записывать станешь?» Старик уже пел былины Гильфердингу.

Утка откашлянулся—все тотчас замолкли. Утка далеко откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, еще раз быстро откашлянулся и начал петь. Лицо старика-певца, мало-по-малу, изменялось; исчезло все лукавое, детское и наивное.

Что-то вдохновенное выступило на нем: голубые глаза расширились и разгорелись; ярко блестели в них две мелкие слезинки; румянец пробился сквозь смуглость щек; изредко нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами-богатырями; жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сидел сиднем 30 лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем-разбойником. Иногда он прерывал самого себя, вставляя от себя замечания.

Жили с героем былины и все присутствующие.

Повременам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них; повременам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза, которую он тихонько смахивал с ресниц. Все сидели, не сводя глаз с певца; каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они.

Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор:

«Ай да старик... как поет... ну, уж потешил... недаром для голоса выпил»... Утка улыбался; лицо его приняло опять обычное выражение.

«Пожалуй, и сказка все это», нерешительно проговорил один мужик.

На него набросились все.

«Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе при Владимире было».

«Мне во что думается: кому же это под силу—вишь ведь как он его».

«На то и богатырь—ты что думаешь?.. Не то, что мы с тобой—богатырь!.. Ему что? Нам невозможно, а ему легко», раз'ясняли со всех сторон.

«Ну, да что толковать тут. Старик, спой-ка лучше еще старину какую-нибудь».

Вниг воцарилось молчание; через минуту снова раздалась своеобразная мелодия...

«Сказитель пришел из Мелентьева—послушать его не изволишь?» доложили брату.

Сказитель был старик, высокий и худой, с длинными, совершенно белыми волосами, с приветливым и умным лицом. Держался он спокойно и чинно. Он был старовер и поэтому сдержанно и с достоинством отказался от водки.

Утка немного напряженно поздоровался с ним; он знал, что дело идет теперь о том, кто из них удостоится большего одобрения слушателей. Старик из Мелентьева пожал его руку, сел на скамью и, прислонившись к стене, начал рассказывать.

Сказитель знает те же былины, как и певец «старины», но у него нет голоса, нет уменья петь их—и он их рассказывает. Мерно и плавно, былинным слогом, лилось повествование о Добрыне и о жене его Настасье Микулишне из уст Мелентьевского сказителя. Он ни разу не остановился; ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово. Спокойно глядел он на окружающих ясным старческим взглядом. Утка волновался, хотя и старался скрыть свое волнение. Он сложил руки на коленях и притворно спокойно оглядывал комнату.

Торжествовать пришлось Утке.

«Хорошо говорит сказитель, нечего сказать», хвалили мужики. «А все же лучше старинку петь».

И Утке пришлось петь снова.

В. Х (арузина).

1. Какие причины способствовали сохранению былинной традиции на Севере?

2. Какое значение в сохранении этой традиции имели природа, бытовые и исторические условия жизни Севера?

Т е м а. Певец былин и его слушатели.

3. Старины.

Святогор.

а.

Снарядился Святогор во чисто поле гуляти,
Заседлает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается.
Грузно от силушки, как от тяжелого бремени.

Вот и говорит Святогор:
«Как бы я тяги нашел,
Так я бы всю землю поднял!» [1])
Наезжает Святогор в степи
На маленькую сумочку переметную:
Берет погонялку, пощупает сумочку: она не скрянется [2]),
Двинет перстом ее — не сворохнется,
Хватит с коня рукою — не подымется
«Много годов я по свету езживал.
А эдакого чуда не наезживал,
Такова дива не видывал:
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обема рукама [3]),
Поднял сумочку повыше колен:
И по колена Святогор в землю угряз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор угряз, тут и встать не мог,
Тут ему было и кончание.

b.

Ездил-то стар да по чисту полю,
Выехал стар да на Святые горы,
Да наехал стар да на богатыря.
А богатырь едет на кони, да дремлет он.
«Что это за чудо есть,
Сильние могучие богатыре
Мог бы выспаться да во белом шатри».
Да роз'ехался Илья Муромец,
Да ударил богатыря крепко-на-крепко.
Богатырь еде все вперед.
«Ах, да что я за сильние богатыре,
От моей руки никакой богатырь не мог на кони усидеть,
Дай-ко роз'едусь во вторые раз».
Как роз'ехался Илья Муромец,
Да ударил богатыря крепко-на-крепко.
Богатырь еде все вперед.
«Что это за чудо есть,
Видно я ударил худо евó».
Как роз'ехался Илья да он ведь в третий раз,
Как ударил богатыря крепко-на-крепко,
Да ударил его плотно-на-плотно.
Тут-то богатырь пробудился от сна,
Хватил-то Илью да своей правой рукой,
Положил-то Илью да к себе в карман,
Возил-то Илью да двои суточки,
Да на третьи сутки конь и стал потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибатися,
Как ударил Святогор да своево добра коня:
— Что ты, конь, потыкаешься? —
Говорит-то конь таково слово:
«Как мне-ка-ва да не поткнутися?
Вожу я третьи суточки
Двух сильниех могучиех богатырей,
Третьёво вожу коня да богатырского».
Тут Святогор вынимал Илью из кармана вон,
Но раздернули шатер да белополотняной,
Стали с Ильей да опочив держать.
А побратались они крестами с Ильей Муромцем,
Назвались они крестовыми братьями.
Но ездили гуляли по Святым горам,
С'езжали-то они да со Святых ведь гор

---

[1]) Мотив — похвальба зазнавшегося богатыря и наказание — ср. в былине о том, «Как перевелись богатыри на святой Руси». Самое содержание похвальбы ср. в былине об «Илье Муромце», а также в «стихе» об Анике-воине: эпизод с сумочкой встречается в кавказских (нартских) рассказах об удальце Сослане, который наезжает на сумочку, пробует достать ее с лошади и не может; слезает с лошади и все-таки сумочка ему не под силу. «О, Боже!—восклицает он,—силы у меня уже нет! Бывало, с лошади поднимал я всадника с конем, а это—не больше человеческой головы. Как же я не могу поднять?»

[2]) Скрянуться — сдвинуться, тронуться.

[3]) Двойственное число.

На те ли на площади широкие
На те ли лужки они зеленые.
Как увидели-то они чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное,
Как состроен стоит да ведь белой гроб.
Говорит-то Илья да таково слово:
—Да послушай-ко, крестовый ты мой брателко,
Для кого ж этот гроб состроен есть? —
Сходили они да с коней добрых,
Ложился-то Илья да во сей-от гроб,
А Святогор-от говорил да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не для тебя сей гроб состроен есть,
Дай-ко я ведь лягу да во сей-от гроб».
Да-к лег Святогор во сей гроб спать,
Говорил Святогор да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Да закрой-ко меня дощечками дубовыми».
Говорил-то Святогор да таково слово:
«Ты послушай-ко, ты мой крестовой брателко,
Хорошо здесь во гробе жить.
Ну-тко, крестовой мой ты брателко,
Открой-ко дощечки дубовые».
Как Илья Муромец стал открывать дощечки дубовые,
Да не может оторвать никакой доски.
— Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Не могу я открыть никакой доски. —
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко,
Да Илья ведь Муромец!
Бей-ко своей боевою-то палицею».
Илья-то начал палицей бить:
Куды ударит — туды обручи железные.
Говорил-то Илья да таково слово:
—Да ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Куды ударю — туды обручи железные. —
Говорил-то Святогор, да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Видно, мне-ка туто Бог и смерть судил».
Тут Святогор и помирать он стал,
Да пошла из него да пена вон.
Говорил Святогор да таково слово:
«Ты послушай-ко, крестовой ты мой брателко!
Да лижи ты возьми ведь пену мою,
Да-к ты будешь ездить по Святым горам,
А не будешь ты бояться богатырей,
Никакого сильного, могучего богатыря» [1]).

Встрече Ильи Муромца со Святогором соответствует в германском эпосе встреча Тора с великаном Скримиром. Скримир засыпает под дубом и хранит. При ударе по голове его молотом Тора, он просыпается и спрашивает: «Что это, должно быть листок упал?» Улегшись под другим дубом, он опять захрапел таким образом, что по лесу раздалось журчанье листьев; Тор ударил по великану сильнее, нажимистее. «Жолудь, должно-быть, попал мне в лицо», опять промычал проснувшийся. В третий раз заснул Скримир, а Тор нанес ему удар с еще большим напряжением силы; великан, пробудившись, почесал себе щеку и произнес: «Надо мною там, на деревьях, должно-быть, птицы, и помет их падает мне на голову». (О. Миллер. «Илья Муромец и богатырство Киевское», стран. 170.)

Для сравнения с русскими сказаниями о Святогоре представляют интерес кавказские сказания о столкновении нартов с великанами. Вот, например, сказание о

---

[1]) В некоторых вариантах Святогор своим дыханием передает свою силу Илье, при чем Илья не принимает в себя третьего дыхания Святогорова и этим спасается от смерти: в третий раз Святогор дохнул уже мертвым духом. Или еще так: «Стал Святигор-от преставлятися. Пошол от нево ужо великой пот. Илья тово поту-то након лизнул, након лизнул, да он другой лизнул, третьяво накону Илья не лизал».

партском богатыре Сосрыко. Сосрыко погнал однажды скотину пасти к берегу Черного моря. Вдали он заметил огромного роста человека, приближавшегося к нему. То был Тых-Фирт Мукара, т.-е. сын силы Мукара (он был князь скал, ср. Святогор). Подъехав к Сосрыко, великан с ним поздоровался и спросил про партских знаменитостей. Сосрыко назвал по имени главнейших героев. Великан попросил показать ему игры партов. «А вот как у нас играют: я помечу себе на груди, стану поодаль, а ты должен попасть мне в помеченное место на груди стрелой; если я выдержу, это значит хорошо; или ты станешь, а я буду стрелять»,—сказал Сосрыко. «Хорошо, стреляй ты, а я стану», сказал Мукара и стал поодаль, обнаживши грудь. Стал стрелять Сосрыко, но, к его удивлению, стрелы, ударяясь о грудь великана, ломались и отскакивали назад. «Нет, пустая это игра!—воскликнул Мукара,—покажи что-либо другое». Вторая игра состояла в том, что Сосрыко, поставив великана под горою, сам взобрался на гору и сбросил оттуда ему на лоб огромный камень. Ударившись о лоб, камень рассыпался по сторонам мелким песком. Сосрыко предложил третью игру: «вот стань в море; когда оно замерзнет от верху до низу, то повернись в нем и разбей лед; это—хорошая игра; если сможешь—ты богатырь». Мукара вошел в воду. Когда море замерзло от верху до низу, попытался Мукара повернуться; но где же ему взломать сплошной морской лед? «Что же мне делать с тобой?» спросил Сосрыко. «Надул ты меня, партовец! Ты хочешь убить меня? Но своим оружием тебе не убить меня; поэтому ступай к моей жене и возьми в кухне мой кинжал в шерстяном чехле: этим только кинжалом ты убьешь меня!» Сосрыко отправился. Одна женщина посоветовала ему, войдя в хоромы Мукары, не говорить ни слова: в противном случае, кинжал соскочит с гвоздя и вопьется в его грудь. Сосрыко так и сделал. Кинжал взял, Мукару убил, а на его жене-красавице сам женился. (М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла, стран. 185.)

Мотив примеривания гроба очень древний и распространенный; его находим еще в мифе об Озирисе. Вот что рассказывает Плутарх: Когда Озирис вернулся в Египет из своего странствования по миру, Тифон пустил в ход коварную выдумку. Он тайно снял мерку с тела Озириса и сделал по ней прекрасный, пышно украшенный ящик. Ящик был прислан на пир и вызвал похвалу и удивление со стороны всех присутствовавших. Тут Тифон стал обещать ящик тому, кому он придется впору. Все по порядку ложились в ящик, но никому не приходился он по росту. Наконец, лег Озирис. Тотчас же сбежались единомышленники Тифона, захлопнули крышку, заколотили ее гвоздями, а сверху залили свинцом. Затем отвезли ящик к реке и пустили по ней в море.—Мусульманская легенда рассказывает то же о смерти Аарона: Явился Моисею ангел и повелел ему отправиться вместе с Ааропом на высокую гору. Когда они поднялись на вершину горы, нашли там пещеру, а посреди нее—гроб с надписью: «Я назначен для того, кому буду впору». Лег сначала Моисей, но гроб оказался для него мал. Лег затем Аарон—гроб пришелся как раз по его росту. Аарон умер.—Этот же мотив известен и в русских сказках: «Вот поехали они все (Иван Косырев с богатырями) вместе; едут путем-дорогой, слышат: стон в лесу. Заехали в лес; в лесу гробница стоит, а кто стонет, не знают. Вот первый брат лег в этот гроб, ему це впору. Второй брат и говорит: «Если этот гроб мне впору, закрывайте доской». Лег он—гроб ему очень впору. Иван Косырев закрыл его... Вдруг налетело три обруча железных, потом три обруча медных. Этот богатырь и говорит оттуда: «Ну, Иван Косырев! Знаю я, что ты мужик простой, силы в тебе нету... Смотри: пойдет из гроба одна пена, не трогай. Пойдет другая, тоже не трогай. Пойдет третья, ты ее съешь и будешь богатырем могучим». Он так и сделал, с'ел эту третью пену. Распростился, поехали с братом... (Худяков. Великорусские сказки, вып. III, № 121, «Иван Косырев»).

Как можно объяснить сходство мотивов в былинах о Святогоре и приведенных параллелях?

2. Волх Всеславьевич [1]).

А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь [2]),
Кабы молодой Волх Всеславьевич:
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индейское,
А сине море сколебалося
Для ради рожденья богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пеленку червчатую,
А не пояси во поясья шелковые, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
Втапоры научился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом;
Ко другой-то мудрости учился он Волх
Обертываться серым волком;
Ко третьей-то мудрости учился Волх
Обертываться гнедым туром — золотые рога.
А и будет Волх во двенадцать лет,
Стал себе Волх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три года,
Он набрал дружины себе семь тысячей;
Сам он Волх в пятнадцать лет,
И вся его дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейский царь наряжается,
А хвалится, похваляется,
Хочет Киев град за щитом весь взять,
А Божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волх он догадлив был:
Со всею дружиной хороброю
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел;
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обернется серым волком,
Бегал, скакал по темным лесам и по раменью.
А бьет он звери сохатые,
А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы любимый кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Волх поил, кормил дружину хоробрую,
Обувал, одевал добрых молодцев —
Посили они шубы соболиные,
Переменные шубы-то барсовые.
Дружина спит, так Волх не спит:
Он обернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым, малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хоробрую,
А все у него были яства перемепные,
Переменные яства сахарные.
А стал он Волх вражбу чинить;

---

[1]) Волх из Вольга, а это имя из Олег, Ольг, с придыхательным *в* (как вострый, воспа).

[2]) По былинам отцом Волха был «лютый змей».

«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много, не мало вас, семь тысячей,
А и есть ли, братцы, у вас таков человек,
Кто бы обернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про его буйну голову Батыевичу?»
Как бы лист со травою приклонялся,
А вся его дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нет у нас такого молодца,
Опричь тебя, Волха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич
Он обернулся гнедым туром золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому;
Он первый скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому —
И будет он во царстве Индейском,
И сел на палаты белокаменны,
На те на палаты царские,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящатое.
А буйные ветры по насту [1]) тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит.
Говорила царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, властный Индейский царь,
Изволишь ты наряжатися на Русь воевать,
Про то не знаешь, не ведаешь,
А и на небе просветя светел месяц,
А и в Киеве родился могуч богатырь
Тебе царю сопротивничек».
А втапоры Волх, он догадлив был:
Сидючи на окошке косящатом,
Он те-то-де речи повыслушал,
Он обернулся горностаем,
Бегал по подвалам, по погребам,
По тем высоким теремам.
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повынимал,
У того ружья ведь у огненного
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обернется Волх ясным соколом,
Звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоробрые;
Дружина спит, так Волх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому».
И пришли они ко стене белокаменной:
Крепка стена белокаменна,
Ворота у города железные,
Крюки, засовы все медные,
Стоят караулы дорог рыбий зуб,
Мудрены вырезы вырезано,
А и только по вырезу мурашу пройти;
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися, запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасные,
А и как нам будет стена пройти».
Молодой Волх он догадлив был,
Сам обернулся мурашиком
И всех добрых молодцев мурашками,
Прошли они стену белокаменну
И стали молодцы уж на другой стороне
В славном царстве Индейскиим;
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого и малого,
Не оставьте в царстве на семена;
Оставьте только вы по выбору,

[1]) Чисто северная подробность: настом называется осевший после оттепели и затвердевший от мороза снег, подымающий человека и лошадь.

Не много, не мало, семь тысячей
Душечки красные девицы».
А и ходит его дружина по царству Индейскому,
А и рубит старого и малого,
А и только оставляют по выбору
Душечки красные девицы;
А сам он Волх во палаты пошел,
Во те во палаты царские,
Ко тому царю ко Индейскому;
Двери были у палат железные,
Крюки, пробои по булату злачены
Говорит тут Волх Всеславьевич:
«Хотя ноги изломить, а двери выставить».
Ищет ногой во двери железные.
Изломал все пробои булатные,
Он берет царя за белы руки,
А славного царя Индейского,
Салтыка Ставрульевича,
Говорит тут Волх таково слово:
«А и вас-то царей не бьют, не казнят».
Ухватя его ударил о кирпищатый пол,
Расшиб его в крохи...
И тут Волх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та его дружина хоробрая
И на тех на девицах переженилася.
А и молодой Волх тут царем насел
А то стали люди посадские;
Он злата, серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякого брата по сту тысячей.

1. Выберите из былины черты, оправдывающие летописный эпитет Олега «вещий».

2. Если признать в Волхе летописного Олега, то воспоминание о каком историческом событии может лежать в основе этой былины?

3. Выберите черты, характеризующие отношения князя к дружине.

3. Вольга Святославович.

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав, да переставился.
Оставалось от него чадо милое
Молодой Вольга Святославгович [1]).
Стал Вольга •ростеть-матереть,
Похотелося Вольге да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги в синих морях,
Птицей-соколом летать Вольги под облоки,
Волком рыскать во чистых полях.
Уходили-то вси рыбушки во глубокии моря,
Улетали все птички за облоки,
Убегали все звери за темны леса.
Стал Вольга он ростеть-матереть
И сбирал себи дружинушку хоробрую.
Тридцать молодцев без единого,
Сам еще Вольга во тридцатых.
Был у него родной дядюшка,
Славный князь Владимир стольно-киевской;
Жаловал его трема городама все крестьянами:

---

1) Вольга=Олег. Ольг, с придыханием *в* (как острый — вострый, оспа — воспа). Иногда — Волх Всеславьевич; это отчество богатыря напоминает Всеслава, князя Полоцкого, рождение которого было тоже необыкновенным: «сегоже роди мати от вълхвования» (Лавр. лет. 1044 г.). Слово о Полку Игореве называет его вещим («вещая душа в храбром теле») и говорит о его оборотничестве: «Всеслав князь людем судяше, князем грады рядяше, а сам в ночь влъком рыскаше: из Кыева дорискаше до кур, Тмутораканя; великому Хръсови влъком путь прерыскаше».

Первым городом Гурчовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Молодой Вольга Святославович
Он поехал к городам и за получкою
Со своей дружинушкой хоробрую.
Выехал Вольга во чисто поле,
Ен услышал во чистом поле ратая:
А орет в поли ратай, понукивает,
А у ратая-то сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики почиркивают [1])
Ехал Вольга он до ратая,
День с утра ехал до вечера,
Да не мог ратая в поле наехати.
А орет-то в поли ратай, понукивает,
А у ратая сошка поскрипывает,
Да по камешкам омешики почиркивают.
Ехал Вольга еще другой день,
Другой день с утра до набедья,
Со своею со дружинушкой хоробрую.
Ен наехал в чистом поле ратая,
А орет в поле ратай, понукивает,
С края в край бороздки пометывает,
В край он уедет—другого не видать.
То коренья, каменья вывертывает,
Да великие он каменья вси в борозду валит.

У ратая кобылка соловенька,
Да у ратая сошка кленовая,
Гуженьки у ратая шелковые.
Говорит Вольга таковы слова:
«Бог тебе помощь, ораташко,
А орать, да пахать, да крестьяновати,
С края в край бороздки пометывати!»
Говорил оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольга Святославович!
Мни-ка надобно Божья помощь крестьяновать,
С края в край бороздки пометывать.
А и далече ль, Вольга, едешь, куда путь держишь
Со своею со дружинушкой хоробрую.
Говорил Вольга таковы слова:
«А еду к городам я за получкою,
К первому ко городу ко Гурчёвцу,
К другому-то городу к Ореховцу,
К третьему городу к Крестьяновцу».
Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославович!
Да недавно был я в городи, третьего дни,
На своей кобылке соловою,
А привез оттуль соли я два меха́,
Два меха-то соли по сороку пуд,
А живут мужики там разбойники,
Ены просят грошёв подорожных.
А я был с шалыгою подорожною,
А платил им гроши я подорожныи:
Кто стоя стоит, тот и сидя сидит,
А кто сидя сидит, тот и лежа лежит.—
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же оратай-ораташко!
Да поедем-ко со мною во товарищах,
Да ко тем к городам за получкою».
Этот оратай-ораташко
Гужики с сошки он повыстегнул
Да кобылку из сошки повывернул,
А с тою он сошки со кленовенькой,
Ай оставил он тут сошку кленовую,
Он садился на кобылку соловенькую:
Они сели на добрых коней, поехали
По славному раздольицу, чисту полю.
Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославович!
А оставил я сошку в бороздочки...
Да не гля-ради прохожего, проезжего,
Ради мужика деревенщины:
Они сошку с земельки повыдернут,
Из омешиков земельку повытряхнут,
Из сошки омешики повыколнут,
Мне нечем будет молодцу крестьяновати.
А пошли ты дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку с земельки повыдернули.

---

1) Черта чисто северная: в Олонецкой губернии, где записана былина, почва очень каменистая.

Из омешиков земельку повытряхнули.
Бросили бы сошку за ракитов куст.—
Молодой Вольга Святославгович
Посылает тут два три добрых молодца
Со своей с дружинушки с хороброей
Да ко этой ко сошке кленовенькой,
Чтобы сошку с земельки повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Едут туды два да три добрых молодца
Ко этой ко сошке кленовоей;
Они сошку за обжи кругом вертят,
А им сошки от зе́мли поднять нельзя,
Да не могут они сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросити сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает он целым десяточком
Он своей дружинушки хороброей
А ко этой ко сошке кленовоей.
Приехали они целым десяточком
К этой славной ко сошке кленовенькой;
Они сошку за обжи кругом вертят,
Сошки от земли поднять нельзя.
Не могут они сошку с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнути.
Бросить сошки за ракитов куст.
Молодой Вольга Святославгович
Посылает всю дружинушку хоробрую,
То он тридцать молодцов без единого.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцев да без единого,
А под'ехали ко сошке кленовенькой.
Брали сошку за обжи, кружком вертят,
Сошки от земельки поднять нельзя,
Не могут они сошки с земельки повыдернути,
Из омешиков земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитов куст.
Говорит оратай таковы слова:
— Ай же Вольга Святославгович!
То не мудрая дружинушка твоя хоробрая,
А не могут оны сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст.
Не дружинушка тут есте хоробрая,
Столько одна есте хлебоясть.—
Этот оратай-оратаюшко
Он под'ехал на кобылке соловенькой
А ко этой ко сошке кленовенькой,
Брал эту сошку одной ручкой,
Сошку с земельки повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.
Оны сели на добрых коней, поехали
Да по славному раздолью, чисту полю.
А у ратая кобылка она рысью идет,
А Вольгин-от конь да поскакивает,
А у ратая кобылка грудью пошла,
Так Вольгин-от конь остается.
Стал Вольга покрыкивати,
Стал Вольга колпаком помахивати,
Говорил Вольга таковы слова:
«Стой-ка постой, да оратаюшко!»
Говорил-то Вольга таковы слова:
«Ай же оратай-оратаюшко,
Эта кобылка конем бы была,
За эту кобылку пятьсот бы дали».
Говорит оратай таковы слова:
— Взял я кобылку жеребчиком.
Жеребчиком взял ю с под матушки,
Заплатил я за кобылку пятьсот рублей:
Этая кобылка конем бы была,
Этой бы кобылки и сметы нет. —
Говорил Вольга таковы слова:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Как звеличают по отечеству?»
Говорил оратай таковы слова:
— Ай же Вольга ты Святославгович!
Ржи напашу, в скирды складу,
В скирды складу, да домой выволочу,
Домой выволочу, дома вымолочу,
Драни надеру, да то я пива наварю,

Пива наварю, мужичков напою,
Станут мужички меня покликивати:
Ай ты молодой Микулушка Селянинович! [1])

Тема: Князь-дружинник и пахарь.

4. Илья Муромец.

Кто бы нам сказал про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца [2])?
Илья Муромец, сын Иванович.
Он в сидних сидел тридесять три года:
Пришли к нему нища братия,
Сам Исус Христос, два апостола [3]):
«Ты поди, Илья, принеси испить!»
— Нища братия, я без рук—без ног! -
«Ты вставай, Илья, нас не обманывай»
Илья стал вставать — ровно встрепанный:
Он пошел-принес чашу в полтора ведра.
Нищей братии стал подпашивать.
Ему нищи отворачивают;
Нища братия у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?»
—От земли столб был бы до нёбушки,
Ко столбу было золотó кольцо,
За кольцо бы взял, Святорусску поворотил [4])!
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья стал им подпашивать,
Они Илье отворачивают.
Выпил Илья без отдыха
Большу чашу в полтора ведра.
Они у Ильи стали спрашивать:
Много ли, Илья, чуешь в себе силушки?»
— Во мне силушки половинушка.—
Говорят калики перехожие:
Будешь ты, Илья, великий богатырь,
И смерть тебе на бою не писана:
Бейся-ратися со всяким богатырем
И со всей поленицей удалою;
А только не выходи драться
С Святогором богатырем:
Его и земля на себе через силу носит;

---

[1]) Микула—Никола, Николай. Селянинович—поселянин. В одном варианте он назван Викула Сеятелевич.

[2]) Былины ведут род Ильи из города Мурома, из села Корочарова (Карачарова, Корочаева).

[3]) Подробность, заимствованная, вероятно, из апокрифа о хождении по земле Иисуса Христа с апостолами. Мотив чудесного исцеления встречается в некоторых житийных сказаниях, а в былины об Илье, где мы находим его сравнительно редко, зашел, вероятно, из многочисленных сказок об этом богатыре. Приобретение силы посредством питья—довольно распространенный сказочный мотив. Так, в одной лубочной сказке нищий, исцеливший Ивана, заставляет его выпить ендову пива, после чего исцеленный почувствовал великую силу; он взял кол, воткнул в огороде в землю и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась. В другой сказке мужичок «руки железны, голова чугунна, сам медный», в благодарность за освобождение из тюрьмы, зазвал Ивана-царевича к себе в гости и дал выпить полуведерную чашу вина. После этого Иван-царевич поднимает камень в 500 пудов. Иван-царевич пьет еще несколько раз, и сила его все прибывает: он может поднять камень уже в 1.500 пудов. Тогда мужичок говорит ему:—Ну, Иван-царевич! В тебе теперь много силы: лошади не поднять. Вели крыльцо дома переделать: тебя оно не станет поднимать, и т. д.».

[4]) Ср. былину о Святогоре, а также следующие слова Смерти из «Прения живота со Смертию»: «Самсон сильный—не богатырь ли был? не силен ли был? Тако говорил: «Аще бы кольцо в землю вделано, и аз бы всем светом повернул», — да и того не взял».

Не ходи драться с Самсоном богатырем:
У него на голове семь власов ангельских [1]);
Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу-Сеславьича:
Он не силою возьмет,
Так хитростью-мудростью.
Доставай, Илья, коня себе богатырского,
Выходи в раздолье чисто поле:
Покупай первого жеребчика,
Станови его в срубу на три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду поваживай,
И ты в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын перескакивать
И в ту сторону, и в другую сторону,
Поезжай на нем куда хочешь,
Будет носить тебя».
Тут калики потерялися.
Пошел Илья к родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо пал [2]) от дубья-колодья.
Он дубье-колодье все повырубил,
В глубоку речку повыгрузил,
А сам и сшел домой.

Не сырой дуб к земле клонится,
Не бумажные листочки расстилаются:
Расстилается сын перед батюшком,
Он и просит себе благословеньица:
«Ох ты гой еси, родимый милый батюшка!
Дай ты мне свое благословеньице:
Я поеду в славный, стольный Киев-град
Помолиться чудотворцам Киевским,
Заложить ль за князя Володимира,
Послужить ему верой-правдою,
Постоять за веру христьянскую».
Отвечает старой хресьянин Иван Тимофеевич:
— Я на добрые дела тебе благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.
Поедешь ты путем и дорогою,
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле хрестьянина. —
Поклонился Илья Муромец отцу до земли,
Сам он сел на добра коня,
Поехал он во чисто поле.
Он и бьет коня по крутым бёдрам,
Пробивает кожу до черна мяса;
Ретивой его конь осержается,
Прочь от земли отделяется,
Он и скачет выше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего.
Первый скок скочил на пятнадцать верст;
В другой скочил,—колодязь стал;
У колодязя срубил сырой дуб,
У колодязя поставил часовенку.
На часовне подписал свое имячко:
«Ехал такой-то сильный, могучий богатырь,
Илья Муромец сын Иванович»;
В третий скочил — под Чернигов град.

Старый казак Илья Муромец
Поехал на добром коне
Мимо Чернигов град:
Под Черниговым силушки черным черно,
Черным черно, как черна ворона.
Припустил он коня богатырского
На эту силушку великую,
Стал конем топтать и копьем колоть,

---

[1]) Отражение библейского сказания о Самсоне, сила которого была связана с его волосами.

[2]) Пал—место, с которого свели (сожгли, спалили) лес и которое надо очистить от пней, чтобы приготовить под пашню. Указывая близ Мурома на старое русло Оки, местное предание говорит, что Илья завалил реку «дубьем-колодьем» и оттого она изменила свое течение.

Потопал и поколол силу в скором времени.
И под'ехал он ко городу ко Чернигову.
Приходят мужики к нему черниговцы.
Отворяют ему ворота в Чернигов-град
И зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит им Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики-черниговцы!
Нейду я к вам в Чернигов воеводою:
А скажите-ка мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжую дорогу в стольно-Киев-град»
Говорили ему мужички-черниговцы:
— Ай же, удаленький дородный добрый молодец,
Славный богатырь Святорусский!
Прямоезжею дорожкой в Киев пятьсот верст,
Окольною дорожкой — цела тысяча.
Прямоезжая дороженька заколодила,
Заколодила дорожка, замуравила;
Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват:
Как у тое у Грязи у Черные,
У тое березы покляпыя,
У славного креста у Леванидова,
У славненькой у речки у Смородинки,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын [1]),
Свищет Соловей он по-соловьему.
Воскричит он, злодей, по-звериному,
Темны лесушки к земле приклоняются,
Что есть людишек, все мертвы лежат.—
Илья Муромец спущал коня он богатырского,
Поехал по дорожке прямоезжие:
Брал он в руку плеточку шелковеньку,
Бил коня он по тучной бедре,
Вышуждал коня скакать во всю силушку великую;
Пошел его конь богатырский
С горы на гору перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелки реченьки, озерка межу ног спущать;
Подбегает он ко Грязи той ко Черные,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Ко тому кресту ко Леванидову,
Ко славненькой речке ко Смородинке.
Как засвищет Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
Засвистал-то Соловей по-соловьему,
Воскричал злодей-разбойник по-звериному:
Темны лесушки к земли поклонилися,
Что есть людишек, мертвы лежат,
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Он бил коня по тучной бедре,
Бил коня, сам выговаривал:
«Ай же ты волчья сыть, травяной мешок!
Ты итти не хошь, али нести не мошь?
Не слыхал ты, видно, посвисту соловьевого,
И не слыхал ты покрику звериного,
И не видал, видно, ударов богатырских:
Что ты, собака, потыкаешься!»
Становил коня он богатырского,
Свой тугой лук разрывчатый отстегивал
От правого от стремячка булатного,
Накладывал-то стрелочку каленую
И натягивал тетивочку шелковеньку,
Спущал-то он в Соловья во разбойника:

---

1) Образ Соловья-разбойника толкуется различно. Одни видят в нем олицетворение темных, губительных для человека сил природы, другие—собирательный образ тех разбойников, от которых так страдала древняя Русь. «Умножишася зело разбоеве,—читаем мы в летописи.—и реша епископи Володимеру: «се умножишася разбойници; почто не казниши их?» Он же рече им: «боюся греха». Они же реша ему: «ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованье; достоить ти казнити разбойника, но со испытом». Володимер же отверг виры, нача казнити разбойникы, и реша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то на оружья и на коних буди». И рече Володимер: «тако буди». Отчество Соловья «Одихмантьевич» указывает на то, что в народном сознании Соловей-разбойник ассоциировался с татарщиной.

Вышиб ему правое око со косицею;
Пал-то Соловей на сыру землю.
Старый казак Илья Муромец
Пристегнул его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
Он поехал по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнездышку к Соловьему.
И со этого гнездышка Соловьего
Усмотрела его больша дочь Невеюшка [1]),
Говорит Невея таково слово:
— Едет наш батюшка раздольицем-чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырском,
И везет он мужичища-деревенщину,
Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрела его друга дочь Ненилушка,
Говорит Ненила таковы слова:
«Едет наш батюшка раздольицем-чистым полем,
И сидит он на добром коне богатырскоем,
И везет он мужичища-деревенщину,
Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрела Пелька, его третья дочь,
Говорит Пелька таковы слова:
«Едет мужичища-деревенщина
Раздольицем-чистым полем,
И везет-то государя батюшку,
К стремени булатному прикована:
Ему выбито правое око со косицею.
Ай же, мужевья наши любимые!
Хьатайте-тко рогатины звериные,
Бежите-ка в раздольице-чисто поле,
Побейте мужичища деревенщину!»
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звериные,
Выбегали во раздольице-чисто поле,
Они хочут бить мужичищу-деревенщину.
Вскричал Соловей им во всю голову:
«Ай же, зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы ведите-тко богатыря Святорусского
Во мое во гнездышко Соловьее,
Кормите его отставушкой сахарною,
Пойти его питьецем медвяным,
Дарите ему дары драгоценные»...
Не поехал в гнездышко Соловьее,
А поехал он ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю ко Владимиру.
Приехал он ко князю на широкий двор,
Становил он коня посередь двора,
Шел он в палату белокаменну.
А Владимир князь вышел со Божьей церквы,
От той от обеденки Христосския.
Садился он за столики дубовые,
За тые за скамеечки окольные,
Ести яствушек сахарных,
Пити питьицев медвяных.
Илья Муромец шел в палату белокаменну:
Он крест кладет по-писанному,
Поклон-то ведет по-ученому,
На все на три на четыре на сторонки поклоняется.
Самому-то князю Владимиру в особину,
И всем его князьям подколенным.
Стал Владимир-князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый молодец?
Тебя как молодца именем назвать,
Зьеличать удалого по отечеству? -
Говорил ему Илья таковы слова:
«Есть я из города из Мурома,
Со славного с села Карачарова,
Именем меня Ильей зовут,
Илья Муромец сын Иванович».
Стал Владимир повыспрашивать:
— А давно ли ты повыехал из Мурома,
Ты которою дорожкою ехал в стольно-Киев-град?—
Говорил ему Илья таковы слова:
«Стоял-то я заутреню во Муроме,
Поспевал-то к обеденке во стольно-Киев-град.
Дело мое дороженькой заметкалось.

---

[1]) Невея—имя одной из сестер-трясавиц в заговоре от лихорадки.

Ехал я дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею мимо славен Чернигов-град,
Мимо славну реченьку Смородинку».
Говорит Владимир таковы слова:
— Во глазах, мужик, ты посмехаешься,
Во глазах, мужик, ты подлыгаешься:
Под городом Черниговом стоит силушка неверная,
У речки у Смородинки Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
Свищет-то Соловей по-соловьему,
Кричит злодей-разбойник по-звериному.
Говорит Илья таковы слова:
«Владимир князь стольно-Киевский!
Соловей-разбойник на твоем дворе,
И прикован он ко правому ко стремячку к булатному».
Тут Владимир князь стольно-Киевский,
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бежал он на широкий двор,
Подходит он к Соловью к разбойнику,
Говорит он Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему,
Воскричи-тко ты, злодей, по-звериному!—
Говорит Соловей князю Владимиру:
«Владимир князь стольно-Киевский!
Я сегодня не у вас ведь обедаю,
Не вас я хочу и слушати,
А обедаю у старого казака Ильи Муромца,
И его хочу я слушати».
Говорил Владимир Илье Муромцу:
— Ай же, старый казак Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
Прикажи-тко воскричать по-звериному!—
Говорил Илья Муромец разбойнику:
«Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
Воскричи-ка, Соловей, по-звериному!»
Говорил Соловей Илье Муромцу:
«Ай же ты, старый казак Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
И не ходят уста мои сахарные:
Не могу я засвистать по-соловьему,
И не могу я воскричать по-звериному».
Говорил Илья князю Владимиру:
«Владимир князь стольно-Киевский!
Наливай-ка ты чару зелена вина,
Не малу стопу—полтора ведра,
И разведи-тко медами стоялыми,
Поднеси-тко ты к Соловью ко разбойнику.
Тут уста его сахарные расходятся,
И засвищет он нам по-соловьему,
Воскричит он нам по-звериному».
Владимир князь стольно-Киевский,
Скорешенько шел в палату белокаменну,
Наливает-то чарку зелена вина,
И не малую стопу — полтора ведра,
Разводил-то медами стоялыми,
Подносил-то к Соловью ко разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принимал он эту чару одной рукой,
Испивал эту чару за единый дух.
Говорил ему Илья Муромец:
«Засвищи-тко ты, Соловей, только в полсвиста соловьего,
Закричи-тко только в полкрика звериного».
Как засвистал Соловей по-соловьему.
Закричал злодей он по-звериному;
От этого от посвиста соловьего,
От этого от покрика звериного
Темные леса к земле поклонилися.
На теремах маковки покривилися,
Околенки хрустальные порассыпались,
Что есть людишек, все мертвы лежат,
А Владимир князь стольно-Киевский,
Стоит — кунью шубонькой укрывается.
Илье Муромцу это дело не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ехал Илья в раздольице-чисто поле,
Срубал Соловью буйну голову,
Рубил ему головку, выговаривал:
«Полно-тко тобе слезить отцов-матерей,
Полно-тко вдовить жен молодых,
Полно спущать сиротать малых детушек!
Тут Соловью и славу поют.

Из-под той белой березы кудреватыя,
Из-под чудного креста Леванидова,
Шли-выбегали четыре тура златорогие.
И шли они, бежали мимо славен Киев-
град.

И видели над Киевом чудным-чудно,
И видели над Киевом дивным-дивно:
И по той стене городовые
И ходит-гуляет душа красная девица,
Во руках держит Божью книгу—Евангелие,

Сколько ни читает, а вдвое плачет.
Побежали туры прочь от Киева
И встретили турицу, родную матушку,
И встретили турицу, поздаровалися:
«Здравствуй, турица, родна матушка!»
— Здравствуйте, туры, малы деточки!
Где вы ходили, где вы бегали? —
«Шли мы, бежали мимо славен Киев-град,
Мимо ту, мимо стенку городовую,
Мимо те башни городовые,
И видели мы над Киевом чудным-чудно,
И видели мы над Киевом дивным-дивно:
И по той стене городовые
Ходит-гуляет душа красная девица,
В руках держит Божью книгу—Евангелие,
Сколько ни читает, а вдвое плачет».
Говорит тут турица, родна матушка:
— Уж вы глупые, туры златорогие!
Ничего вы, деточки, не знаете:
Не душа та красна девица гуляла по
стене.
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стена-мать городовая,
По той ли по вере христианския:
Будет над Киев-град погибелье... [1])
Да из орды, Золотой земли,
Из тоя Магозеи богатые,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин, царь Калинович [2]),
Ко стольному городу ко Киеву,
Со своею силою с поганою;
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Днепра,
Сбиралося с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра-земля не погнется?
Зачем не разступится?
А от пару было от конинаго
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого,
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчат стул,
Писал ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру,
Что выбрал татарина выше всех:
А мерою тот татарин трех сажень,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами косая сажень;
От мудрости слово написано:
Что возьмет Калин-царь стольной Киев
град,
А Владимира-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.
Дает тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послал его в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,

---

1) Поэтический зачин былины представляет из себя остаток старинной легенды, в основе которой лежит представление о том, что Киев, как и Константинополь, «дан даром» Богородице. Зачин также стоит в связи с местным Киевским преданием о «Нерушимой Стене», т.-е. мозаичном образе Богородицы на восточной стене Софийского собора, уцелевшем после татарского разгрома.

2) Основываясь на предположении, что былины, рассказывающие о нашествии на Киев Калина, представляют видоизменение былин о Калкском побоище, В. Ф. Миллер («Очерки русской народной словесности», т. II, 67) производит имя Калина от названия Калкского (в народных устах, быть может, Калиновского) побоища. Былины о Калине стоят также в связи с былинами о Батыге, т.-е. Батые.

Поехал ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру:
А и будет он, татарин, в Киеве,
Середи двора княженецкого
Скакал татарин с добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Бежит он во гридню во светлую,
А Спасову образу не молится,
Владимиру-князю не кланяется
И в Киеве людей ничем зовет:
Бросал ярлыки на круглой стол
Перед великого князя Владимира.
Отошед татарин слово выговорил:
«Владимир-князь стольной Киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град,
Без бою, без драки великие,
И без того кроволития напрасного».
Владимир-князь запечалился,
А наскоре ярлыки распечатывал и просматривал,
Глядючи в ярлыки — заплакал свет.
По грехам над князем учинилося,
Богатырей в Киеве не случилося,
А Калин-царь под степой стоит;
А с Калином силы написано
Ни много, ни мало — на сто верст
Во все четыре стороны.
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем;
Под всяким царем силы по три тьмы, по три тысячи:
По праву руку его зять сидит,
А зятя зовут у него Сартаком;
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Ляшком.—
И то у них дело не окончано.
Татарин из Киева не выехал.
Втапоры Василий пьяница
Взбежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчатой,
Калену стрелу перепую,
Наводил он трубками немецкими,
А где-то сидит злодей Калин-царь —
И тот-то Василий пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя,
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя его Сартака —
Угодила стрела ему в правой глаз,
Ушиб его до-смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что перву беду не утушили,
А другую беду они загрезили,
Убили зятя любимого
С тоя башки со стрельныя.
Посылал другого татарина
Ко тому князю Владимиру,
Чтобы выдал того виноватого.
А мало время замешкавши,
С тоя стороны полуденныя,
Что ясный сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепархивает,
Бежит паленица удалая,
Старой козак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Середи двора княженецкого
Скочил Илья со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню во светлую;
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгинею
И на все четыре стороны —
А сам Илья усмехается:
«Гой еси, сударь, Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотесаной?»
Владимир-князь стольной киевской
Подает ярлычки скорописчаты;
Принял Илья, сам прочитывал, —
Говорил тут ему Владимир-князь:
«Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати,
Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град,
Без бою мне, без драки великия,
Без того кроволития напрасного?»
Говорит Илья таково слово:
«Владимир-князь стольной Киевской!
Ни о чем ты, осударь, не печалуйся:
Боже-Спас оборонит нас,

А не что, Пречистой и всех сохранит.
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатного жемчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю,
Со своими честными подарками,
Тот татарин дурак нас прямо доведет».
Наряжался князь тут поваром,
Замарался сажею котельною;
Поехали они ко Калину-царю,
А прямо их татарин в лагери ведет.
Приехал Илья ко Калину-царю
В его лагери татарские;
Скочил Илья со добра коня,
Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«А и Калин-царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира:
Перву мису чиста серебра,
Другую красна золота,
Третью мису скатного жемчуга;
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться,
Отслужить обедни с панихидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися».
Говорит тут Калин таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватого,
Которой стрелял с башни со стрельныя,
Убил моего зятя любимого».
Говорит ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калин-царь, повеленное:
Прими наши дороги подарочки
От великого князя Владимира;
Где нам искать такого человека и вам отдать?»

И тут Калин принял золоту казну
Не честно у него, сам прибранивает.
И тут Илье за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
«Собака, проклятой ты Калин-царь!
Отойди с татарами от Киева;
Охота ли вам, собака, живым быть?»
И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью;
Связали ему руки белые
Во крепки чембуры шелковые.
Втапоры Илье за беду стало,
Говорил таково слово:
«Собака, проклятой ты Калин-царь!
Отойди прочь с татарами от Киева;
Охота ли вам, собака, живым быть?»
И тут Калину за беду стало —
И плюет Илье во ясны очи:
«А русский люд всегды хвастлив,
Опутан весь — будто лысой бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает.
И тут Илье за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в ясны очи;
Вскочил в поздрева стоячего,
Изорвал чембуры на могучих плечах,—
Не допустят Илью до добра коня
И до его-то до палицы тяжкия,
До медны-литы в три тысячи.
Схватил Илья татарина за ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал татарином помахивати:
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок, татарин, не ломится,
А жиловат, собака, не изорвется».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та глава по силе вдоль
И бьет их, ломит, в конец губит;
Достальные татары на побег пошли,
В болотах, реках притопули все,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватил он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-то, парей, не бьют, не казнят,

Не бьют, не казнят и не вешают».
Согнет его корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил его о горюч камень,
Расшиб его в крохи...
Достальные татары на побег бегут,
Сами они заклинаются:
«Не дай Бог нам бывать ко Киеву,
Не дай Бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы,
Один человек всех татар прибил?»
Пошел Илья Муромец
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева;
И скоро нашел его на кружале Петровском,
Привел ко князю Владимиру —
А пьет Илья довольно зелена вина
С тем Васильем со пьяницей,
И называет Илья того пьяницу
Василья братом названым. —
То старина, то и деянье.

Походил Илья на конюший двор,
Седлал своего коня доброго,
Тянул двенадцать подпруг шелковых,
Белого шелку Шемаханского,
Тринадцатую тянул через хребетную кость:
Не ради красы — ради крепости,
Чтобы не оставил добрый конь во чистом поле.
Видели старика, как коня седлал,
А не видели поездки богатырския:
Только во чистом поле курева́ стоит.
Заехал он на хо́лмя высокое,
Смотрел-глядел по далечу чисту полю,
Увидел поленицу преудалую:
Ездит поленица на добром коне,
Потешается утехою дворянскою,
Мечет копье в вышину небесную,
Под'езжает на коне и подхватывает,
Сам конью наговаривает:
— Коль легко я верчу острым копьем,
Толь легко буду вертеть Ильей Муромцем.—
Отвечает Илья Муромец,
Свет атаман сын Иванович:
«Ой ты гой еси, поленица преудалая!
Ты зачем рано похваляешься?
Не уловя птицы, теребишь ее,
Не сваривши птицы, Богу молишься?»
Не две грозные тучушки затучились,
Не две горы вместе сдвигалися:
Два богатыря с'езжались во чистом поле,
Ударились первым боём — палицами железными;
Тем боём друг друга не ранили,
В кольцах палицы поломалися.
Кололись они копьями мурзевецкими, —
В чивьях кольца поломалися,
Они тым боём друг друга не ранили.
Хватались они тягами железными,
Тянулись через гривы лошадиные, —
Один одного не перетягивает,
Добры кони пали на́-корачь,
Тем боём друг друга не ранили.
Соходили они со добрых коней,
Хватались плотным боём, рукопашкою,—
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По коленям в землю пробомблялися.
У Ильи права нога ока́тилась,
А левая нога подломилася:
Падал Илья на сыру землю.
Поленица садилась на белы груди.
Тут Илейко возмо́лится:
«Сколько я стоял за веру християнскую,
Еще боле я стоял за церковь Божию:
Сколько я стоял за благочестивых вдов,
За тех благочестивых вдов, за безмужних жен —
Благочестивые жены, вдовы безмужния,
Оне были богомольные,
День и ночь оне Богу молятся».
Не серая утица востопорщится:
Илья на земле поворотится;
Метал Сокольника под вышину небесную

Выше всякого жарóвого дерева,
Сам вставал, да и подхватывал.
Клал поленицу на сырую землю,
Садился к поленице на белы груди,
Учал он поленицу доспрашивать:
«Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украйны?
Как молодца именем зовут,
Как молодца по отце чествуют?»
Отвечает поленица удалая:
— Кабы я сидел у тебя на белых грудях,
Не спрашивал бы ни имени ни отчины,
Ни роду бы не спрашивал, ни племени,
Скоро бы спорол груди белые!—
Вопросил его Илья второй накóн:
«Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украйны?
Как молодца именем зовут,
Как молодца по отце чествуют?»
Отвечает поленица удалая:
— Кабы я сидел у тебя на белых грудях,
Много я с тобой не разговаривал,
Скоро бы спорол груди белые!—
Вопросил его Илья третий накóн:
«Коего, молодец, города, которой земли,
Которой Сибирской украйны?
Как молодца именем зовут,
Как молодца по отце чествуют?»
Отвечает поленица преудалая:
— От моря я от Студеного,
От камня я от Латыря,
От той бабы от Латыгорки [1]),
Именем зовут меня Сокольничек.—
Сходил Илья со белых грудей,
Брал его за руку за правую,
Целовал во уста во сахарные:
«Здравствуй, мое чадо милое!»

5. Бой отца с сыном в германском эпосе.

Скоро едет Гильдибранд по дороге, что лежала к Берну, и когда был в виду города, какой-то муж выехал ему навстречу с двумя псами, а на левой руке у него ястреб. Рослый был тот муж верхом на коне, ловко сидел на нем; конь у него белый и весь доспех белый, а на нем изображен Берн с золотыми башнями. Едет Гильдибранд на встречу мужу и кажется ему, что он не менее мнит о себе, чем он. Когда увидел Алибранд, что на него едет вооруженный человек, едет храбро на встречу, видимо не уклоняясь от него, разгневался: показалось ему, что тот думает с ним биться. Крепко подвязал он свой шлем, закинул щит на грудь, выставил вперед свое копье и пришпорил коня. Как увидел Гильдибранд, что Алибранд изготовился, загородил свою грудь щитом, выставил вперед свое копье, пришпорил коня и не менее храбро поехал ему на встречу. Наехали они друг на друга; каждый так сильно всадил копье в щит другого, что оба древка сломались пополам. Скоро соскакивал с коня старый и вынимал меч; то же сделал и молодец; сошлись они и долгое время бились, пока оба не устали. Тогда они спустили свои щиты и оперлись на них. Возговорил Алибранд:—Кто этот старый, что так долго противостоял мне? Скажи поскорей свое имя и отдай свое оружие, тогда ты сохранишь свою жизнь: коли ты не захочешь того сделать, будет то в урон тебе.—Отвечал Гильдибранд:—Коли хочешь узнать мое имя, то наперед придется тебе назвать свое, да отдать свой меч и доспехи, прежде чем мы расстанемся, а если не сделаешь того охотно, то сделаешь невольно.—Тогда Алибранд бешено взмахнул мечом и ударил по старику, и Гильдибранд также взмахнул мечом и ударил насупротив. Жестокое началось побоище, и бились они во второй схватке пуще прежнего. Притомились оба: Алибранд опустил щит и захотел отдохнуть, а также и Гильдибранд. Возговорил тут Алибранд:—Коли скажешь твое имя и отдашь оружие, то сохранишь свою жизнь, а коли так не сделаешь, будешь убит. Не захотел ты сказать

[1]) Камень «Латырь» (алатырь), от которого произведено и имя матери Сокольника, мог быть внесен в былину из духовных стихов и заговоров.

своего имени, когда мы встретились, и то тебе не хула; а теперь скажешь его побежденный и оставишь все твои доспехи бесславно; в противном случае умереть.—Расходился тут молодец, хочет в самом деле убить его и изо всей силы ударил старого; а тот защищается и того храбрее. Возговорил Гильдибранд:—Ты не из роду ли Ильфингов? Скажи мне, и я дам тебе мир; коли не так, убью тебя.—Отвечает Алибранд:—Если хочешь сохранить жизнь, то сдайся; я не больше Ильфинг, чем ты, а ты так простовал, хотя и стар. Скажи же скорее свое имя; когда бы ты знал, кто я, не назвал бы моего отца Ильфингом.—Схватились они друг с другом крепче прежнего; близко подошел к нему старый, сильно рубит, нанес такой страшный удар по его бедру, что кольчуга раз'ехалась, а Алибранд получил большую рану, и его нога почти ему не служит. Говорит он:—Вот мой меч, я отдаю его, ибо дальше не могу тебе противостоять: у тебя в руке сидит нечистый.—И он протянул руку: старый отклонил щит и потянулся рукою к мечу, думал взять его, а Алибранд ударил старого исподтишка, хотел отрубить ему руку, но тот быстро поднял щит и говорит:—Этому удару научила тебя жена твоя, не отец!—И так сильно палет старик, что молодец упал на земь, а старик на него сверху, приставил к груди меч и говорит:—Скажи мне скорее свое имя и род, или ты расстанешься здесь с жизнью.—Отвечал Алибранд:—Теперь-то я и не скажу его, ибо отныне мне жизнь ничочем, когда победил меня такой старый, седой гусь.—Говорит Гильдибранд:—Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорее; коли ты сын мой Алибранд, то я отец твой Гильдибранд!—Тут ответ держал молодец:—Коли ты Гильдибранд, мой отец, то я твой сын Алибранд.—Скоро вставал с него Гильдибранд, а Алибранд поднимался на ноги, целовались они и спознавались друг с другом. Очень обрадовался Гильдибранд сыну своему Алибранду, а Алибранд отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своих коней и поехали домой к замку.

1. Почему Илья Муромец является излюбленным героем русского былого эпоса?

2. Укажите в былинах об Илье Муромце отражения борьбы Руси со степью.

3. Укажите сходство и различие в различных обработках мотива о бое отца с сыном (кроме помещенного выше отрывка из германского эпоса, прочтите "Рустем и Зораб").

6. Добрыня Никитыч.

Добрынюшки матушка говорила:
«Что молод начал сидить во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Топтать-то молодых змиенышей,
Выручать-то полонов Русских.
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки [1]):
Пучай-река есть свирипая,
Середня струйка как огонь сичет»
Добрынюшка матушки не слушался,
Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка во сиделышко Черкасское,
Потнички клал на потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет Черкасское сиделышко.
Всех подтягивал двинадцать тугих подпругов,
А тринадцатую клал ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с добра коня не вырутил.
Подпруги были шелковые,

[1]) По предположению Квашнина-Самарина, в Пучай-реке сохранилось название исторической реки Почайны (в Киеве), где происходило крещение.

Пряжки у седла красна золота,
Шпеньки у подпругов все булатные:
Тут шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит—не старнет.
Как он был во чистом поли,
На тыих горах на высокних,
Потоптал младыих змиенышей.
Повыручил полонов Русскних.
Богатырско его сердце пожаделося,
Пожаделося и распотелося.
Он приправил своего добра коня.
Добра коня ко Пучай-реки.
Слезает он скоро с добра коня,
Снимал с себя платье цвитное,
Забрел за струечку за первую,
И забрел за струечку за среднюю,
И сам говорил таково слово:
«Мне, Добрынюшки, матушка говаривала,
Мне, Никитичу, матушка наказывала,
Что не ездн далече во чисто поле,
На тую гору Сорочинскую,
Не топчи-ко младыих змиенышей,
Не выручай полонов Русскних,
Не куплись, Добрыня, во Пучай-реки,
Что Пучай-река есть свирипая:
Середня струйка, как огонь сичет.
А Пучай-река есть кротка-смирна:
Она будто лужа дожжёвая».
Как в тую пору, в то время
Ветра нет, тучу наднесло,
Тучи нет, а только дожж дожжит,
Дожжя-то нет, искры сыпятся, —
Летит Змеище-Горынчище.
О двинадцати змия о хоботах.
Хочет змия его с конем сожечь,
Сама говорит таково слово:
«Теперича Добрыня в моих руках,
Захочу — Добрыню теперь потоплю,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
В хобота возьму и на Русь возьму,
Захочу — Добрыню с'ем-сожру».
Добрынюшка плавать гораздо он был:
Нырнет на бережек на тамошний,
Нырнет на бережек на здешний;
Нету у Добрынюшки добра коня,
И нет его платьев цветных,
И нет меча бурзамецкого.
Только что лежит на земле пухов колпак [1]),
Посыпан колпак земли Греческой,
Но весу колпак цело три пуда.
Он схватил колпак земли Греческой
Махнул во змию во проклятую,
Ошиб змие двинадцать всех хоботов,
Упала змия во ковыль-траву.
Добрынюшка на пожку был пóверток
Скочил на змиинины груди белые.
А змия Добрыне ему взмолится:
«Ах ты ей Добрынюшка Никитич!
Мы положим запов дь еликую,
Чтобы не летать мне на святую Русь,
Не носить больше людей Русскних,
Не копить мне полонов Русскних,
А тебе не издить далече во чисто поле,
Не топтать ти младых змиенышей,
Не выручать полонов Русскних»
Положили они заповедь великую

---

1) В иных вариантах—шляпа земли Греческой. Шляпа греческая была, как видно из былин, принадлежностью костюма калик, пилигримов, т.-е. сословия полудуховного, и ее смешение с колпаком земли греческой, быть может, позволяет нам видеть ее в том колпаке (или скуфье), который до сих пор составляет принадлежность наших странников и монастырских послушников, тоже лиц полудуховных. Таким образом,—говорит проф. В. Ф. Миллер,—едва ли случайно Добрыня, отправляясь на реку Пучай, облекается в одежду каличью и надевает колпак земли Греческой: его полудуховная одежда, в связи с купаньем (крещением), находится, вероятно, в соотношении и с его подвигом, придает змееборству духовную окраску—борьбы с змеем язычества греческим оружием. (См. «Экскурсы в область русского народного эпоса», 1892, гл. II).

Тая змия она проклятая
Поднялась она вверх под облаку,
Случилось ей лететь через Киев-град,
Увидала она князеву племянницу,
Припадала змия ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла в нору во глубокую.
Тут Солнышко Владимир стольно-Киевский
По три дня он билиц-волшебниц скликивал,
Не мог билиц он докликатися,
Кто бы мог с'ездить далече во чисто поле.
Говорит Алешенька Леонтьевич:
— Что солнышко Владимир стольно-Киевский,
Накинь-ко эту службу великую
На того Добрыню на Никитича:
У того Добрыни у Никитича
Со змией ведь заповедь положена:
Он доставит нам Забаву Путятичну[1]).
Без бою, без драки-кровопролития.—
Накинул он службу великую
На того Добрыню на Никитича.
Он пошел Добрыня, закручинился,
Встречает его государыня матушка:
«Что же ты, Добрынюшка Никитич,
Идешь с пиру — сам кручинишься?
Знать место там было не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак на пиру надсмеялся де?»
Говорил Добрынюшка Никитич:
— Что место мне было по́ чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
И дурак надо мной не надсмеялся, де;
А накинул службу, да великую
Тот солнышко Владимир стольно-Киевский,
Что с'ездить далече во чисто поле,
Сходить на тую гору Соро́ нскую,
Сходить во нору во глубокую,
Достать то князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну.—
Говорила родна его матушка:
«Ложись-ко спать рано с вечера,
Утро будет оное м̀дрое,
Мудренее утро будет вечера».
Он вставал по утрушку ра́нешенько,
Умывался по утрушку белешенько,
Спаряжался хорошохонько;
Обсидлал он дедушкова добра коня;
Садился скоро на добра коня;
Провожала его родна матушка,
На прощаньице плетку подала:
«Ах ты ей, рожоно мое дитятко!
Возьми-ко плеточку шелковую,
И бей бурка промежу уши,
И бей бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между задние:
Что станет твой бурушка поскакивать
Змиенышей от ног отряхивать,
Притопчет всех до единого».
Как будет он далече во чистом поли,
На тые горы Сорочинские,
Потоптал он младыих змиенышей,
Повыручил полонов Русскиих;
Тыи же младые змиеныши
Подточили у бурка они щеточки,
Что не может он, бурушко, поскакивать,
Змиенышев от ног он отряхивать.
Он брал, де, плеточку шелковую,
Бьет бурка промежу уши,
И бьет бурка промежу ноги,
Промежу ноги да между задние.
И стал его бурушко поскакивать,
Змиенышев от ног он отряхивать,
Притоптал он всех до единого.
Выходила змия тут проклятая
Из тые из норы из глубокия,
Говорила змия ему проклятая:
— Ах ты ей, Добрыня сын Никитинич!
Ты зачем нарушил свою заповедь,
Притоптал всех малых детушек?—
Говорил Добрыня сын Никитинич:
«Ай же ты, змия да проклятая!

---

1) Не отголосок ли имени воеводы Путяты (см. ниже летописный рассказ)?

Черти ли несли тебя через Киев-град,
Зачем взяла князеву племянницу,
Молоду Забаву, дочь Путятичну?
Отдай ее без драки-кровопролития!»
Говорила змия ему проклятая:
— Не отдам я князевой племянницы
Без бою, без драки-кровопролития.—
Заводила она бой-драку великую,
Дрался со змией он трои сутки,
Он убил змию-то проклятую,
Спустился в нору во глубокую:
Много там сидит царей, царевичев.
Много королей, королевичев,
Простой-то силы и сметы нет,
Насчитал он силы сорок тысяч.
Говорит он князевой племянницы.
Молодой Забавы дочь-Путятичной:
«За тебя я этак странствую!
Поедем ко граду ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
А вам всем, господа, воля вольная!»
Повел он князеву племянницу
По той-то пути по дороженьки;
Увидал он брод лошадиный,
По колену у ней в землю угрязнуто.
Он догнал Алешеньку Леонтьевича,
Вручил ему князеву племянницу,
Тую ль Забаву дочь Путятичну,
Велел свезти ко граду ко Киеву,
Ко ласкову князю ко Владимиру.

7. Из Летописи Якимовой.

В Новеграде людие, уведавше, еже Добрыня идет креститися, учиниша вече, и закляшася все, не пустити во град и не дати идолы опровергнути, и егда приидохом, они разметавше мост великий, изыдоша со оружием, и аще Добрыня прельщением и лагодными словы увещава их, обаче они и слышати хотяху, и вывесше два порока великие со множеством камения поставиша на мосту, яко на сущие враги своя, вышний же над жрецы Славян Богомил, складкоречия ради наречен Соловей, вельми претя люду покоритися. Мы же стояхом на торговой стране, ходихом по торжищам и улицам, учахом люди елико можахом; но гиблющим в нечестии слово крестное, яко Апостол рекл, явися безумием и обманом. И тако пребыхом два дни неколико сот крестя. Тогда Тысяцкий Новгородский Угоняй, ездя всюду, вопил: лучше нам помрети, неже боги наша дати на поругание. Народ же оные страны рассвирепев, дом Добрынин раззориша, имение разграбиша, жену и некиих от сродник его избиша. Тысяцкий же Владимиров Путята, яко муж смысленный и храбрый, уготовав лодия, избрав от Ростовцев пятьсот мужей, нощию перевезеся выше града на ону страну, и вшед во град никому же пострегшу; вси бо видевши чаяху своих воев быти. Он же дошед до двора Угоняева, оного и других предних мужей ят, и абие посла к Добрыне за реку. Людие же страны оные, услышавше сие, собрашася до пяти тысяч, оступиша Путяту, и бысть между ними сеча зла. Некие шедше церковь Преображения Господня разметаша, и домы христиан грабляху. На рассветании Добрыня со всеми сущими при нем приспе, и повеле у брега некие домы зажещи, чим люди паче устрашены бывше, бежаху огонь тушити, и абие преста сечь. Тогда предний мужи пришедше к Добрыне, просиша мира.

Добрыня же собра вои, запрети грабление, и абие идолы сокруши, древяннии сожгоша, а каменнии изломав в реку ввергоша, и бысть нечестивым печаль велика. Мужие и жены видевше тое с воплем великим и слезами просяще за ны, яко за сущие их боги. Добрыня же насмехаяся им веща: что, безумнии, сожалеете о тех, которые себя оборонить не могут! кую пользу вы от них чаять можете! и посла всюду об'являя, чтоб шли ко крещению. Воробей же посадник сын Стоянов, иже при Владимире воспитан, и бе вельми сладкоречив, сей иде на торжище, и паче всех увеща. Идоша мнози, а нехотящих креститися воины влачаху, и крещаху мужи выше моста, а жены ниже моста. Тогда мнози некрещеннии поведаху о себе крещенными быти, того ради повелехом всем крещенным кресты на шее, ово деревянны, ово медяны, и каперовы (сие

видятся греческое оловянцы испорчено) на выю возлагати, а иже того не имут не верити и крестити, и абие разметанную церковь паки соорудихом, и тако крестя Путята, иде ко Киеву. Сего деля людие поносят Новгородцев: «Путята крести мечем, а Добрыня огнем».

8. Новгородское предание.

(Из путевых писем Павла Якушкина).

«А вот видишь ты, какое дело было, —начал рассказчик, —был зверь-змияка; этот зверь-змияка жил на этом самом месте, вот где теперь скит святой стоит, Перюньской. Кажинную ночь этот зверь-змияка ходил спать в Ильмень-озеро. Перешел змияка жить в самый Новгород; а на ту пору и народился Володимер-князь в Киеве; тот самый Володимер-князь, что привел Руссею в веру крещенную. Сказал Володимер князь: «всей земле Русской—креститься». Ну и Новугороду—тожь. Новгород окрестился. Чорту с Богом не жить. Новый город схватил змияку Перюна да и бросил в Волхов. Чорт силен: поплыл не вниз по реке, а в гору—к Ильмень-озеру; подплыл к старому своему жилью—да и на берег. Володимер-князь велел на том месте церковь рубить, а дьявола опять в воду. Срубили церковь: Перюну и ходу нет! Оттого эта церковь назвалась Перюнской.

1. Сравните летописного Добрыню и былинного.
2. Что сказочного в этой былине?

9. Добрыня Никитич и Алеша Попович.

Добрынюшка-тот мамушке говаривал,
А Никитич-тот родненькой наказывал:
— Ты зачем меня несчастного спородила!
Спородила бы, родитель моя матушка,
Обвертела бы мою да буйну голову,
Обвертела тонким беленьким рукавчиком,
А спустила бы во черное-то море во турецкое:
Я бы век да там Добрыня во мори лежал,
Я отныне бы Добрыня век да по́ веку.
Я не ездил бы Добрыня по святой Руси,
Я не бил бы нунь Добрыня бесповинных душ,
Не слезил бы я Добрыня отцей-матерей.
Не пускал бы сиротать да малых детушок!—
Отвечала тут родитель ему матушка,
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя спородити
А таланом-участью да в Илью Муромца,
Силою во Святогора нунь богатыря,
Красотой было в Осипа прекрасного,
Славою было в Вольгу Всеславьева,
Ай богачеством в купца Садка богатого,
А и богатого купца да новгородского,
А смелостью в Олешку во Поповича,
А походкою щапливою [1])
Во того было Чурилишку Пленковича [2]),
Только вежеством в Добрынюшку Никитича:
Тыи ста́тьи есть да дру́гих Бог не дал,
Других Бог теби не дал, да не пожаловал».
Рассердился тут Добрыня сын Никитинич
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на двор-тот шол,
А седлает тут Добрынюшка добра коня,

---

1) Щапливый — щегольской, франтоватый.

2) Отчество Чурилы, богатыря-щеголя, по мнению некоторых исследователей, сокращено из (Ща)пленкович.

Кладывáе он же потнички на потнички,
Да на потнички он кладе войлочки,
А на войлочки черкальское седелышко,
А подтягиват двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатый для-ради крепости,
Чтобы добрый конь из под седла не выкочил,
Добра молодца в чистом поли не выронил.
А у той ли у правыи у стрéмены
Провожала его тут родитель матушка,
А у той было у левыи у стрéмены
Провожала-то его да любимá семья,
Молода Настасья да Микулична.
А тут честна вдова Офимья Олександровна
Тут простиласи да воротиласи,
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у левыи у стрéмены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича выведывать:
«Ах ты душенька, Добрыня сын Никитинич!
Ты скажи-тко нунь, Добрыня сын Никитинич,
А когда же ждать тя нуньчу со чистá поля,
А когда тя сожидаться в свою сторону?»
Испроговорит Добрыня сын Никитинич:
— Ах ты мóлода Настасья дочь Никулична!
Как ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
Стала у Никитича выведывать,
— Я ти стану нунь высказывать:
Жди-тко ты Добрынюшку по три годы,
А по три годы не буду, жди по друго три;
А как пройдет тому времени да шесть годов,
Я не буду тут Добрыня из чиста поля,
Хоть вдовой живи да хоть замуж поди,
Поди зá князя хоть за боярина,
Хоть за русьского могучего богáтыря,
Только не ходи за брата за названного,
За того было Олешеньку Поповича.—
Тут простиласи да воротиласи,
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день будто дождь секёт,
А неделя за неделей, как трава ростёт,
Год-тот за годом, как река бежит,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывал же тут Добрыня из чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по друго три.
День-то за день будто дождь секёт,
А неделя за неделей, как трава ростёт,
Год-тот за годом, как река бежит,
А прошло-то тому времени да шесть годов.
Не бывал же тут Добрыня из чистá поля
Приезжает тут Олешенька Левонтьевич,
Он привозит было весточку нерадостну:
А побит лежит Добрыня во чистом поли.
А плеча его да испрострéляны,
Голова его да испроломана.
Головой лежит да в част ракитов куст.
А честнá вдова Офимья Олександровна
Она взяла по палатам-то похаживать,
Своим гóлоском поважívать:
«А лежит в чистом поли Добрынюшка убитыи!»
Тут стал солнышко Владимир-тот захаживать.
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди зá князя хоть за боярина,
Хоть за русьского могучего богáтыря».
А побольше тут зовут-то за Олешеньку.
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она ни за князя, ни за боярина,
Ни за русьского могучего богатыря,
Ни за смелого Олешку за Поповича:
«Справила я заповедь-то мужнюю,
Справлю свою заповедь-то женьскую».
Стала ждать Добрынюшку по друго шесть.
День-то за день будто дождь секёт,
А неделя за неделей, как трава растёт,
Год-тот за годóм, как река бежит.
Прошло тому времечки двенадцать лет.
Не бывал же тут Добрыня из чистá поля
Приезжает тут Олешенька Левонтьевич.
Приезжает тут Олешка да во другой раз.

А привозит было весточку в другой раз,
Ту́ю весточку привозит да нерадостну:
А побит лежит Добрыня во чистóм поли,
А плеча его да испрострелены,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст.
Тут стал солнышко Владимир-тот захаживать,
А Настасью-то Никуличну засватывать:
«Поди хоть за́ князя хоть за боярина,
Хоть за русьского могучего бога́тыря».
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она ни за́ князя, ни за боярина,
Ни за русьского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Олешу за Поповича.
Что ли свадебка у них была по третий день,
А севодня-то итти до ко Божьёй церквы.
Ездит тут Добрыня у Царя-града.
Конь-то тут Добрынин подтыкается,
А к сырой земли да приклоняется.
«Ах ты волчья сыть, медвежья выть!
Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
Над собой ли ты невзгодушку-ту ведаешь,
Над собой ли ведаешь, аль на́до мной,
Надо мной Добрынюшкой Никитичем?»
Из небес было Добрынюшки да глас гласит:
«Ах ты мóлодой Добрыня сын Никитинич!
А твоя-то любима семья замуж пошла,
А за смелого Олешку за Поповича,
Свадебка у них было по третий день,
А принять же им с Олешкой по злату венцу».
Рассердился тут Добрыня свет Никитинич,
Как приправил ко́ня доброго
От Царя-града на Киев град,
Не дорожкамы поехал, не воротамы,
Реки же озера перескакивал,
Широки раздолья промеж ног пущал,
А ко Киеву Добрынюшка прискакивал,
А приехал он ко славному городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру.
Через ту стену наехал городовую,
Через тую башню наугольную,
А к тому было подворьицу вдовиному,
А к честно́й вдовы Офимьи Александровной.
Со чиста́ поля наехал он скорым гоньцём.
А не спрашивал у две́рей он придверничков
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всих же прочь взашёй да и отталкивал.
А бежит тут во палаты белокаменны.
Все придвернички да приворотнички
Вслед идут, да жалобу творят:
«А честна́ вдова, Офимья Олександровна!
Этот-то удалый добрый молодец
Со чиста́ поля наехал он скорым гоньцем,
Ко подворьицу он ехал ко вдовиному,
Он не спрашивал у дверей да придверничков.
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Всих же нас тут взашей прочь отталкивал!»
А честна вдова Офимья Александровна
Она взяла по палатам-то похаживать,
Своим женским тут голоском поваживать:
«А прошло-то времени двенадцать лет,
Закатилось у меня да красно солнышко,
Как уехал тут Добрыня сын Никитинич,
А уехал тут Добрыня да́лече-далёче во чисто́ поле,
А лежит же тут Добрыня во чистóм поли,
А плеча его да испрострелены,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст!
А как нунечку было теперечку
Закатается да млад светел месяц!»
Испрогóворит Добрыня сын Никитинич:
— Ай честна́ вдова Офимья Олександровна!
Мне-ка-ва Добрынюшка крестовый брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал,
А Добрыня тот поехал ко Царю-граду,
Я-то нунь поехал да ко Киеву,

А не случит ли ти Бог же быть во Киеви,
А велел спросить про мо́лоду Настасью
про Микуличну,
Про Добрынину да любиму семью.—
Испрого́ворит честна вдова Офимья Олександровна:
«А как пунечу Добрынина да любима
семья,
А как пунечу Настасья да замуж пошла
За того за смелого Олешку за Поповича.
Свадебка у них было по третий день,
А принять же им с Олешкой по злату
венцу».
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич:
—Мне-ка-ва Добрынюшка крестовый брат,
Мне-ка-ва Добрынюшка наказывал:
Случит Бог же быть теби во Киеви
У того было подворьица вдовиного,
А велел же взять он платья скоморовские
В новой горенки да тут на стопочки,
А в глубоких своих во погребах
Взять дубинку сорока пудов,
А на свадебки меня бы не обидели,
Да велел же взять гусёлышка яровчаты,
Да во том же во глубокоем во погреби.
А честна вдова Офимья Олександровна
Тут скорешенько бежала в нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскии,
Отмыкала о́на погреба глубокии,
Подавала тут гусёлышка яровчаты,
Сам же взял дубинку сорока пудов,
А пошол же скоморошиной на свадебку [1]).
А приходит скоморошиной на свадебку,
Ай к тому двору да княженецкому,
А не спрашиват у дверей да подвернич-
ков,
У ворот не спрашиват да приворотничков,
Он всих вза́шей прочь отталкивал.
Вси придверничк да приворотнички
Они вслед идут да жалобу творят:
«Ах ты солнышко Владимир столнё-Ки-
евской!
Этот-то удалый добрый молодец
Со чиста́ поля он давень ехал да скорым
гоньцём
Ко тому было подворью ко вдовиному,
Там не спрашивал у две́рей да придвер-
ничков.
У ворот не спрашивал да проворотничков,
Он всих вза́шей прочь отталкивал;
Нунь идет на княженецкий двор,
Нунь идет да скоморошиной,
А не спрашиват у две́рей да придвер-
ничков.
У ворот нас приворотничков,
Вза́шей прочь нас всих отталкиват»
Говорит ему Владимир столнё-Киевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
Ты зачем же ехал давень ко подворьицу,
А к тому подворьицу вдовиному,
Там не спрашивал ты у дверей придвер-
ничков,
У ворот не спрашивал да приворотничков,
Вза́шей прочь ты всих отталкивал?
Нунь идешь на княженецкий двор
И не спрашиваешь ты у дверей привер-
ничков,
У ворот-то наших приворотничков,
Вза́шей прочь ты всих отталкивашь?»
Скоморошина тут в речи да не вчуется,
Скоморошина тут к речам да не приметься,
Говорит же тут уда́ла скоморошина:
— Ах ты солнышко Владимир столнё-
Киевской!
Где-то наше место скоморовское?—
Отвечае князь Владимир стольнё-Киев-
ской:
«Ваше место скоморовское
Что ль на печки да на за́печки».
Скоморошина тут местом не побрёзговал,
А скочил на печку на муравлену,
Заиграет тут в гуселышка яровчаты
А на той было на печки на муравленой,
А играет-то Добрынюшка во Киеви,
А на выигрыш берет да во Цари-гради,
А от старого да всих да малого

---

[1]) О скоморохах см. выше — «Народная поэзия, ее слагатели и исполнители».

А повыиграл поменно.
Вси же за столом да призадумались,
Вси же тут пиры да призаслухались,
Вси же за столом да испрогóворят:
«А не быть же нунь удалой скоморошины,
Быть же нунь дородню добру молодцу,
Свято-русьскому могучему богáтырю!»
Говорит же тут Владимир стольнё-Киевской:
Ай же ты удала скоморошина,
А дородний добрый молодец!
Опускайся-ко из печки да из-за печки,
Дам теби три места три любимыих:
Одно место нунь возли меня,
Друго место супротив меня,
Третье место куда сам захошь».
Говорит же тут удала скоморошина:
— Ах ты солнышко Владимир стольнё-Киевской!
Дай-ка мне-ка место на скамеечке
Супротив было княгинюшки молóдыи,
Молодой Настасьи да Никуличной.—
Говорит ему Владимир стольнё-Киевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
Дано ти три места, три любимыих,
Куды знаешь, ты туды садись,
Что ты здумаешь, так тó делай,
Что захочешь, так ты тó твори!»
— А позволь-ко мне, Владимир стольнё-Киевской,
Налить чару зелена́ вина.—
Наливае было чару зелена вина,
А опустит в чару свой злачéн перстень,
А подносит он Настасьи да Никуличной,
Той княгинюшки молóдыи:
— Ах ты молода Настасья дочь Никулична!
Уж ты хошь добра, так пуньчу пьешь до дна,
А не хошь добра, так ты не пьешь до дна.—
Мóлода Настасья дочь Никуличн..
Взяла она чару единóй рукой,
Выпила ту чару единым духом,
Тут увидла в чары свой злачéн перстень,
Да которым с Добрыней обручалася,
Сама же она князю поклонилася:
«Ах ты солнышко Владимир стольнё-Киевской!
А не тот мой муж, который нунь возли меня.
Тот мой муж, который супротив меня.
Тут приехал нунь Добрыня в свою сторону,
Он напомнил тут Добрыня отца, матушку,
Отыскал Добрыня молоду жену».
Ай выходи з-за столов да вон з-за дубовых,
Пала тут Добрыне во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сын Никитинич,
А во той вины прости меня во глупости,
Что не по твойму наказу я нунь сделала,
А пошла замуж за смелого Олешку за Поповича,
А во той вины прости меня по глупости!»
Говорит же тут Добрыня сын Никитинич:
— Не дивую я тут разуму да женскому:
У ней волос долог, ум коротóк,
А дивую я нунь же солнышку Владимиру
Со своей было княгинею:
Он же солнышко Владимир стольнё-Киевской
Он же был да сватом ли,
А княгинушка да свахою,
От живого мужа жонушку замуж берут, просватают!—
Тут солнышко Владимир стольнё-Киевской
Он повесил буйну голову
А в тот же во кирпичен мост
Со своей было княгинею.
Тут выходит да Олешенька Левонтьевич
З-за тыих столов да белодубовых,
Пал же тут Добрыне во резвы ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сын Никитинич,

Что я посидел возли твоей княгинушки
молодыи,
Молодой Настасьи дочь Никуличной!»
— Ай же братец ты названый,
Ай Олешенька Левонтьевич!
А во той-то вины, братец, тебя Бог простит,
А во другой вины, братец, тебя не́ прощу:
А зачем же привезжал ты из чиста́ поля,
Привозил же про нас весточку нерадостну,
Что лежит побит Добрыня во чистом поли,
А плеча его да испроломана,
Голова его да испроломана,
Головой лежит да в част ракитов куст?
Ты слезил же нупь родитель мою матушку,
А честну вдову Офимью Олександровну.
Тяжелешенько тут она по мне плакала.
А слезила тут она да очи ясны,
А скорбила тут она да личко белое,
Тяжелешенько она да по мне плакала!—
Как ухватит он Алешку за желти
кудри.
Взял же он Алешеньку охаживать.
А не слышно было в бурканьи да охань!
Хоть и всякой-то на свети женится,
Да не всякому женитьба удается!
А не дай Бог да женитьбы да Олешкиной!
Синему морю да на тишину,
Всем добрым же людям да на послушанье.

10. Из преданий о Карле Великом.

Король Карл отправился в поход для обращения язычников, живших в нынешней Венгрии, к христианству. Пред разлукою он обещал супруге своей возвратиться через десять лет. По прошествии этого срока она должна была считать его мертвым и молиться за его душу. Девять лет прошло таким образом без него. В государстве не было ни порядка, ни мира: везде пожары да разбои. Тогда вельможи собрались у королевы и стали ее просить, чтобы она выбрала себе другого мужа, способного охранять государство. Королева долго отказывалась, но, наконец, принуждена была уступить общим требованиям и жалобам на бедствия государства. Нашелся жених, богатый и сильный король. До свадьбы оставалось только три дня.

Бог не допустил этому исполниться. Ангел уведомил Карла о том, что́ ему угрожало. «Но как же мне поспеть к сроку?»—сказал король—«осталось только три дня, а путь велик».—«Не заботься об этом», отвечал ему ангел, «Бог милосерд и всемогущ. Пойди и купи у своего писаря его крепкого коня. Через болота и поля доне́сет он тебя в один день к городу на Раабе. Там ты переночуешь и накормишь лошадь. На другой день, рано утром, отправляйся вверх по Дунаю к Пассау. Там ты еще раз ночуешь. В Пассау оставь своего коня. У хозяина дома, где ты остановишься, есть жеребенок: купи его. Он принесет тебя на третий день в родной край твой».

Карл поступил, как ему приказано: купил у своего писаря его коня и в один день поспел к Раабу. На другой день, солнце еще не заходило, а он уже прибыл в Пассау, где нашел хороший ночлег. Вечером, когда скот возвращался с поля, Карл заметил прекрасного жеребенка, схватил его за гриву и сказал: «Хозяин, уступи его мне; завтра я на нем уеду».—«Нет»,—молвил хозяин—«жеребенок еще молод, и ты седок ему не по силам. Он не снесет тебя». Король стал снова просить. Тогда хозяин, видя его желание, согласился, а Карл в свою очередь продал ему коня, на котором совершил уже такой длинный путь.

На третий день, рано, король пустился в дорогу. Он мчался, не останавливаясь, до самых ворот столицы своей—Ахена. Тут он стал на ночлег. В городе было большое веселье: песни и пляски. Карл спросил: «Это что такое?» Хозяин дома сказал ему: «Сегодня празднуется большая свадьба; королева наша выходит за богатого короля. Пир идет великий. Молодых и старых, бедных и богатых угощают вином и ку-

ванием. Для коней также много приготовлено корму». Король Карл сказал: «Я останусь у тебя. Свадебного угощенья мне не нужно. Вот тебе золото: поди и купи мне сеть, чтобы всего было довольно». Хозяин, смотря на золотые деньги, удивился и про себя подумал: «Вот настоящий, благородный рыцарь. Я таких еще не видывал». Купанье было приготовлено богатое. Когда Карл поужинал, он позвал к себе на ночь хозяйского сторожа и лег спать. Перед сном он просил сторожа разбудить его, как только начнут благовестить в соборе. В награду за эту службу он обещал ему золотой перстень. При первом ударе колокола, сторож подошел к спящему королю и стал его будить: «Вставайте, господин. В соборе звонят. Дайте мне заслуженный перстень». Карл поспешно поднялся, надел дорогую одежду и попросил хозяина проводить его. Рука об руку пошли они к королевскому замку, но ворота были заперты большими запорами.—«Вам придется лезть под ворота, если вы непременно хотите войти».—сказал хозяин,—«только тогда вы заплатите платье».—«Я об этом не забочусь».—отвечал король и пролез вместе с спутником своим в замок. Потом Карл вошел в собор, сел на стоявший там престол и положил себе на колени обнаженный меч. А по древнему франкскому обычаю, всякий, кто сидел на престоле, что стоял в соборе, становился королем. Вскоре пришел один из церковников. Увидев сидевшего Карла с обнаженным мечом, он испугался и поспешил известить священника: «Седой незнакомый человек сидит на престоле и держит голый меч на коленях». Священник и другие каноники не хотели верить ему; один из них взял светильник и смело пошел в церковь. Когда пред его глазами явился Карл, он бросил в ужасе светильник свой на пол и бежал к самому епископу. Епископ приказал двум из прислужников своих взять свечи и отправился с ними к собору. Подойдя к Карлу, он робко спросил его: «Скажи нам, кто ты такой? здешний или загробный жилец? и что побудило тебя сесть на этот престол?» Тогда поднялся седой незнакомец и молвил: «Ты знал меня, когда меня звали королем Карлом, и не было государя сильнее меня». Он приблизился к епископу, чтобы тот мог его рассмотреть. Епископ тотчас его узнал, радостно поздравил и обнял. Потом он повел его в богатый дом свой. Начался большой звон, и свадебные гости стали спрашивать о причине этого звона. Когда им сказали, что воротился король Карл, они проворно разошлись, и каждый спешил убраться домой. Но епископ просил Карла переменить гнев на милость и любить по-прежнему королеву, которая против воли согрешила перед ним. Король послушал его просьбы, простил вельможам и с королевою стал жить по-прежнему в любви и согласии.

Т. Н. Грановски .

1. Чем отличается последняя былина о Добрыне от предыдущей?

2. Подчеркните в былине места, характеризующие душевную жизнь героя.

3. В чем выразилась национализация странствующего сюжета, лежащего в основе этой былины, в западной, восточной (прочтите турецкую сказку «Ашик-Кериб», обработанную Лермонтовым) и русской обработке?

11. Алеша Попович.

Что из города из Чернигова [1])
Выезжает Алеша Попович млад;
За Алешею Аким, слуга паробок,
И поехали ко стольному они Киеву.

Что во Киеве беда там случилася:
Покорился Киев Тугарину Змеевичу,
Поклонился Тугарину поганому.
Садился Тугарин в оголовь стола,

[1]) В других вариантах Алеша выезжает из Ростова. Ниже он называет своего отца «попом Ростовским».

Овладел он у Владимира Евпраксией,
Не неволей ее взял, а охотою,
Опоганил он церкви православные,
Осмердил девиц, молодых вдовиц,
Истоптал он конем всех малых детей,
Попленил Тугарин всех купцов гостей...
Приезжает Алеша в стольный Киев-град,
Входит Алеша во светлу гридню:
Он крест кладет по-ученому,
Он поклон отдает по-писанному,
Он кланяется на все четыре стороны,
А князю со княгиней на особице.
Принимали Алешеньку с честью-радостью.
Тут проговорил солнышко Владимир-князь:
«Ах Алешенька, Алеша, ты Попович млад!
Первое тебе местице переднее,
А второе тебе местице подле меня,
А третье место где вы хочете».
Говорит тут Алешенька Попович млад:
— Мое местице за печкою! —
Собираются к столу хлеба кушати.
И приходит Тугарин Змеевич млад,
И садится Тугарин в оголовь стола,
А по право-то княгиня Евпраксия,
А по лево-то Владимир красно-солнышко.
Подносили ему лебедь белую,
Он схватил ее, целиком сглотил.
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!
Как у нашего попа, света батюшки,
У Семена у света, у Ростовского [1]),
Была-то собака обжорчивая:
По сметьям собака волочилася,
Костью собака подавилася,
От того ей смерть случилася.
Тугарину Змеевичу ту же смерть принять»
Принесли тут кашицу ведерную,
Тугарин схватил, сразу выхлебнул.
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!
Ты помнишь ли, Аким, памятуешь,
Как у нашего попа-батюшки,
Как у Семена света Ростовского,
Была корова обжорчивая:
Она кашей-бардой охлебалася,
От того-то и смерть ей случилася.
Тугарину Змеевичу ту же смерть принять».
Тугарину эти речи не взлюбилися,
Вынимал он ножище-чингалище,
Стрелял он Алеше во белы груди.
Не допустил тут Аким слуга-паробок,
На полете поймал он кинжалище:
«Ах хозяин, ты хозяин, ты мой ласковый!
Как дары эти прикажешь ты:
Иль назад отдарить иль себе сохранить?»
— Не стреляй ты во Тугарина Змеевича.
Не скверни ты палаты княженецкие
Его кровию собачьею!
Заутра я с ним, собакой, переведаюсь,
Переведаюсь с Тугариным во чистом поле.—
На заре утром ранешенько
Приезжает Алеша Попович млад:
«Ты спишь ли, Тугарин, или так лежишь?
Не докуда тебе спать, пора в поле выезжать!»
Вылетает Тугарин из нова терема,
Вылетает из княгининой из спаленки,
Из того ли из окошка из косящата.
Веют крылья его гумажные,
Звенят его хоботы железные,
Из ноздрей его как бы дым валит,
Изо рта его как огонь палит.
Налетел он на Алешеньку Поповича:
«А-ха-ха, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
Святы отцы писали прописалися,
И волшебницы волшили проволшилися,
Будто мне от Алешеньки и смерть принять.
А теперь Алеша во моих руках;
Что хочу над Алешей, то и сделаю!»

---

[1]) В других записях отец Алеши — Леонтий, вероятно, под влиянием воспоминания о св. Леонтии Ростовском.

Тут кручинился Алешенька Попович млад:
«Ах ты Мать Пресвятая Богородица!
Ты взяла, взяла тучу грозную,
Тучу грозную со крупным дождем!»
Не откуль-то взялась туча грозная,
Туча грозная со крупным дождем,
Подмочила Тугарину крылья гумажные.
Тут хватал-то Алеша саблю вострую,
Срубил он Тугарину буйну голову,
Распорол он ему белу грудь,
Вынимал он ретиво сердце,
Буйну голову поставил на востро копье.
Натыкал его сердце на кинжалище
И поехал назад в стольный Киев-град.
И поехал ко княжому он терему.
На крыльце тут стоял Аким-парубок:
«Еще знатно молодца по поездочке!
Едет-то Алеша Попович млад
И везет он голову Тугарину,
Везет его голову на остром копье!»
Говорит тут княгиня Евпраксия:
— Еще знатно сокола по полеточке!
Что летит-то Тугарин Змеевич млад
И несет он голову Алешину,
И несет его голову на востром копье.—
Под'езжает тут Алеша Попович млад,
Бросил голову об сыру землю.

Алеша—уменьшительное от Александр (через первоначальное **Алекса**). Можно считать установленным, что Алеша былин есть тот самый «Александра, глаголемый Попович, от Ростовских жителей», о подвигах которого имеются летописные известия. Так, в «Повести о Калкином побоище и о князех Руских и о храбрых 70» (Тверская летопись) читаем следующее: «Бе некто от Ростовских житель Александр, глаголемый Попович, и слуга бе у него именем Торопь (между прочим, в одном варианте былины о царе Калине виновниками воскрешения татар, от которых и погибли, являются Добрыня и его слуга Торопь: служаше бо той Александр великому князю Всеволоду Юриевичу, повеле же дать князь великий Всеволод град Ростов сыну своему князю Константину, тогда и Александр начат служити Константину». Дальше летописец рассказывает об усобицах между Константином и его братом Юрием, о подвигах Александра Поповича. «Александр... многы люди великого князя Юрия избиваше, иже костей накладены могыли велики и доныне на реце Ишне, а ини по ону страну реки Усни... Ини побиени от Александра же под Угодичами, на Узе»... Когда Юрий стал великим князем, то Александр Попович, опасаясь мести Юрия за убитых им его дружинников, «посылает своего слугу, иже знаше храбрых («храбр» — название, предшествовавшее более позднему «богатырь»), прилучившихся в то время, и созывает их к себе в город, обрыт под Гремячим колодязем на реце Где, иже и ныне той сон стоит пуст. Ту бо собравшеся, совет сотвориша, аще служити начнуть князем по разным княжениям, то и не хотя имут перебиться, понеже князем в Руси велико неустроение и части боевое: тогда же ряд положивше, яко служити им единому великому князю в матери градом Киеве». Прибыв в Киев, Александр с друзьями бил челом великому князю Мстиславу Романовичу, «о них же князь великий велми гордяшеся и хваляшаше». В некоторых летописных известиях об Александре Поповиче ясно чувствуются отголоски народных былевых сказаний, записанные в летопись. Так, «Царственный Летописец», рассказывая о Калкском побоище, говорит: «Убиша же на том бою и Александра Поповича и с слугою его Торопом, и Добрыню Рязанича златого пояса, и седмдесят великих и храбрых богатырей». Имя Добрыни, упоминание о «богатырях» вместо «храбров»— черты явно эпические. Несомненно, под влиянием народного эпоса Никоновская летопись изображает Александра Поповича на службе у князя Владимира, охраняющим Киев от половцев и печенегов.

Былинный Тугарин сближается с историческим половецким ханом Тугор-каном (**кан** есть половецкая форма названия **хан**), причинившим много зла русским в конце XI столетия. Приводим летописные известия о Тугор-кане.

1094 г. В лето 6602. Сотвори мир Святополк с Половци, и поя собе жену дщерь Тугорканю, князя Половецкого.

1096... Приде Тугоркан, тесть Святополчь, к Переяславлю, месяца мая 30, и ста около града, а Переяславьци затворишася в граде. Святополк же и Володимер поидоста на нь по сей стороне Днепра, и придоста к Зарубу, и ту переброднстася, и не очютиша их Половци, Богу схраншю их... Святополк же и Володимер вбредоста в Трубежь к Половцем. Володимер же хоте нарядити полк, они же не послушаша, но ударишя в коне к противным: се видевше Половци и побегоша, а наши погнаша в след ратных, секуще противные. И сдея Господь в т день спасенье велико, месяца иулия в 19 день побежени быша иноплеменници, и князя их убиша Тугоркана и сына его и ини князи: мнози врази наши ту падоша: на заутрье же палезоша Тугоркана мертва, и взя и Святополк акы тьстя своего и врага; и привезше и к Кыеву погребоша и на Берестовемь... И в 20 того же месяца, в пяток приде второе Боняк безбожный, шелудивыи, этай, хышник, к Кыеву внезапу, и мало в град не в'ехана Половци, и зажгоша околонье около града»...

1. На основании последних двух былин и также следующей, выяснить двойственный характер личности эпического Алеши.

2. Какой из типов можно признать более древним?

3. Проследите, как переработаны былиной исторические летописные факты (анахронизмы, инклизания).

12. Как перевелись богатыри на святой Руси [1]).

Выезжали на Сафат-реку,
На закат красна солнышка
Семь удáлых русских витязей,
Семь могучих братьев нáзванных:
Выезжал Годенко [2]) Блудович,
Да Василий Казимирович,
Да Василий Буслаевич,
Выезжал Иван Гостиный сын.
Выезжал Алёша Попович млад,
Выезжал Добрыня мóлодец,
Выезжал и матерóй казак,
Матерóй казак Илья Муромец.
Перед ними раскинулось поле чистое,
А на том на поле старый дуб стоит,
Старый дуб стоит кряковистый.
У того ли дуба три дороги сходятся:
Уж как первая дорога ко Нову-городу,
А вторая-то дорога к стольному Киеву,
А что третия дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому.
Та дорога прямоезжая,
Прямоезжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лет,
Ровно тридцать лет и три года.
Становились витязи на распутии,
Разбивали бел-полотнян шатер,
Отпускали коней погулять по чисту полю:
Ходят кони по шелковой траве-мураве,
Зеленую траву пощипывают,
Золотой уздечкой побрякивают;
А в шатре полотняном витязи
Опочив держáт.
Было так, на восходе красна солнышка,
Вставал Добрыня-молодец раньше всех,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким пóлотном,
Помолился чудну образу;

[1]) Многие стихи этой былины (например, 13-ый) совершенно не в духе народной эпической речи. Быть может, былина подправлена Л. А. Меем, записавшим ее в 1840 г. от одного старого сибирского казака.

[2]) Годенко — из Годен или Хотен.

Видит Добрыня за Сафат-рекой
Бел-полотнян шатер:
В том ли шатре залег татарченок,
Злой татарин, бусурманченок;
Не пропускает он ни конного, ни пешего,
Ни езжалого добра молодца.
Седлал Добрыня своего борзого коня,
Клал на него он потнички,
А на потнички коврички,
Клал седельце черкасское,
Брал конейце урзаменкое,
Брал чингалище булатное
И садился на добра коня:
Под Добрыней конь осержается,
От сырой земли отделяется,
Выходы мечет по мерной версте,
Выскоки мечет по сенной копне.
Под'езжает Добрыня ко белу шатру
И кричит зычным голосом:
«Выходи-ка татарченок,
Злой татарин, бусурманченок!
Станем мы с тобой честный бой держать».
Вта́поры выходит татарин из бела́ шатра
И садится на добра́ коня.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи в небе сходилися,
Слеталися-сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья их острые,
Разлетались мечи их булатные;
Сходили витязи с добрых коней
И хватались в рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удро́гнула,
И валился он на сыру землю:
Скакал ему татарин на белы груди,
Порол ему белы груди,
Вынимал сердце с печенью.
Было так, на восходе красна солнышка,
Вставал Алеша Попович раньше всех,
Выходил на Сафат-реку,
Умывался студено́й водой,
Утирался тонким по́лотном,
Помолился чудну образу;
Видит он коня Добрынина:
Стоит борзый конь оседланный и взнузданный,
Стоит борзый конь, только не́весел,
Потупил очи во сыру землю,
Знать, тоскует он по хозяине,
Что по том ли Добрыне молодце.
Садился Алеша на добра коня,
Осержался под ним добрый конь,
Отделился от сырой земли,
Метал выходы по мерно́й версте,
Метал выскоки по сенной копне.
Что не бель во полях забелелася,
Забелелася ставка богатырская;
Что не синь во полях засинелася,
Засинелись мечи булатные;
Что не крась во полях закраснелася,
Закраснелася кровь с печенью.
Под'езжает Алеша ко белу шатру —
У того ли шатра спит Добрыня молодец:
Очи ясные закатилися,
Руки сильные опустилися,
На белых грудях запеклася кровь.
И кричит Алеша зычным голосом:
«Вылезай-ко ты, татарин злой,
На честный бой, на побрапочку».
Отвечает ему татарченок:
— Ой ты гой еси, Алеша Попович млад,
Ваши роды не уклончивы,
Не уклончивы ваши роды, не устойчивы!
Что не стать тебе со мной бой держать!—
Взговорил на то Алеша Попович млад:
«Не хвались, на пир идучи,
А хвались, с пиру идучи!»
Вта́поры выходит татарин из бела шатра
И садится на добра́ коня.
Не два ветра в поле слеталися,
Не две тучи в небе сходилися:
Сходилися-слеталися два уда́лые витязя;
Ломалися копья их острые,
Разлетались мечи их булатные;
И сходили они с добрых коней,
И хватались в рукопашный бой.
Одолел Алеша татарина:

Вылил его на сыру землю.
Скакал ему на белы груди,
Хотел ему пороть белы груди,
Вынимать сердце с печенью.
Отколь тут ни взялся черный ворон,
И вещает он человеческим голосом:
«Ох ты гой еси, Алеша Попович млад!
Ты послушай меня, черного ворона:
Не пори ты татарину белых грудей;
А слетаю я за синé море,
Принесу тебе мертвой и живой воды;
Вспрыснешь Добрыню мертвой водой —
Срастется его тело белое;
Вспрыснешь Добрыню живой водой —
Тут и очнется добрый мóлодец».
Встáпоры Алеша вóрона послушался.
И летал ворон за синé море,
Приносил мертвой и живой воды;
Вспрыскивал Алеша Добрыню мертвой водой —
Срáсталося тело его белое,
Затягивалися раны кровавые;
Вспрыскивал его живой водой —
Пробуждался молодец от смертного сна.
Отпускали они татарина.
Было так, на восходе красна солнышка,
Вставал Илья Муромец раньше всех.
Выходил он на Сафат-реку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонким полотном,
Помолился чудну образу.
Видит он — через Сафат-реку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не об'ехати,
Серому волку не обрыскати,
Черному ворону не облéтети.
И кричит Илья зычным голосом:
«Ой уж где вы, могучие витязи,
Удалые братья названые!»
Как сбегалися на зов его витязи,
Как садилися на добрых коней,
Как бросалися на силу басурманскую,
Стали силу колоть-рубить,
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут;
Бились три часа и три минуточки,
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутные плечи,
Не уходилися наши добрые кони,
Не притупились мечи наши булатные!»
И говорит Алеша Попович млад
— Подавай нам силу нездешнюю,
Мы и с тою силою, витязи, справимся!—
Как промолвил он слово неразумное,
Так и явились двое воителей,
И крикнули они громким голосом:
«А давайте с нами, витязи, бой держать—
«Не глядите, что нас двое, а вас семеро».
Не узнали витязи воителей.
Разгорелся Алеша Попович на их слова,
Поднял он коня борзого,
Налетел на воителей
И разрубил их пополам со всего плеча:
Стало четверо — и живы все.
Налетел на них Добрыня молодец,
Разрубил их пополам со всего плеча:
Стало восьмеро — и живы все.
Налетел на них Илья Муромец,
Разрубил их пополам, со всего плеча:
Стало вдвое боле—и живы все.
Бросились на силу все витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет...
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет.
Бились витязи три дня, три часа, три минуточки.
Намахалися их плечи могутные,
Уходилися кони их добрые,
Притупились мечи их булатные ..
А сила все растет, да растет,
Все на витязей с боем идет...
Испугались могучие витязи.

Побежали в каменные горы, в темные пещеры:
Как подбежит витязь к горе, так и окаменеет;
Как подбежит другой, так и окаменеет:
Как подбежит третий, так и окаменеет.
С тех-то пор и перевелись витязи на святой Руси!

Исследователи былевого эпоса (Л. Майков, О. Миллер, И. Дашкевич, В. Ф. Миллер) полагают, что в основе былины о том, «Как перевелись богатыри на святой Руси», лежит воспоминание о первом ужасном поражении русских князей татарами на реке Калке в 1224 году. Приводим выдержки из «Повести о Калкацком побоище, и о князех Руских и о храбрых 70» (Тверская летопись, «Полное собрание русских летописей», т. XV, 335—343). «В лето 6732. По грехомь нашим, придоша языци неизвестни, безбожнии Моявитяне, ихже никто же не весть ясно, кто суть, и отколе изыдоша, и что языкъ их, и которого племени суть, и что вера их; и зовуть я Татари, а инии глаголють Таурмени, а друзии Печенези. Инии же глаголють, яко сии суть, о них же Мефодий, епископь Паторомский свидетельствует, яко сии суть вышли не пустыня Ефровскиа, сущи межи востока и севера. Тако бо глаголеть Мефодий: яко в скончании времени явится им, ихже загна тамо Гедеон, и изшедше оттуду попленят всю землю, от востока до Ефранта, и от Тигра до Понетского моря, кроме Ефиопиа (автор сказания ссылается здесь на «Откровения» Мефодия Патарского). Бог же весть един, кто суть и отколе изыдоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книгы разумеет; мы же их не вемы кто суть, но и зде написахом о них памяти ради Руских князь и беды, яже быть от них: но не сих же ради сие случися, но гордости ради и величанна Руских князь попусти Бог сему быти. Беша бо князи храбры мнози, и высокоумны, и мняшеся своею храбростию соделовающе; имеяхут же и дружину многу и храбру, и тою величающеся, от них же о едином вспомянем зде, описанна належе». На основании этих «описаний», летописец сообщает ряд известий о подвигах Александра Поповича (Алеши Поповича. См. выше заметку к былине об Алеше Поповиче). Окончив рассказ о подвигах Александра Поповича и о переходе его с дружиною в Киев, летописец продолжает повествование о Калкской битве, когда «бысть сеча зла, грех ради наших, и бысть победа на князи Руския, якоже не бывала от начала Руские земли». Перечисляя погибших в битве, летописец добавляет: «и Александр Поповичь ту убиен бысть с инеми седмдесятию храбрых». В тех же самых выражениях имеется еще более раннее упоминание о гибели Александра Поповича с товарищами в Академическом списке Суздальской летописи. Известие это стоит здесь особняком, без всякой связи с предыдущим и последующим, и не поясняет, кто был Александр: он представляется как бы лицом известным.

13. Василий Буслаев.

В славном великом Новеграде,
А и жил Буслай [1]) до девяноста лет;
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал [2]).
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После его веку долгого
Оставалося его житье-бытье
И все имение дворянское;
Осталася матера вдова,

---

[1]) В вариантах — Буслав, Буславлюшко, Буслаев, Богуслав (в сказке). По мнению А. И. Соболевского, Буслав произошло из Богуслава, с опущением г=h, откуда отчество Буславлевич, Буславлич, искаженное Буславьевич, Буславьич. Это одно из древних и общеславянских имен, бывшее у нас в древности, повидимому, в значительном употреблении. Мы знаем в XIII в. новгородского боярина Богуслава.

Матера Мамелфа Тимофеевна [1]).
И оставалося чадо милое
Молодой сын Василий Буслаевич.
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая.
Матера вдова Мамелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте. —
И грамота ему в наук пошла:
Присадила пером его писать, —
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному, —
Петье Василью в наук пошло.

А и нет у нас такова певца,
Во славном Новегороде,
Сопротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, с безумницы,
С веселыми, удалыми добрыми молодцы.
До-пьяна уж стал напиватися,
А и ходя в городе уродует:
Которого возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет;
Которого заденет за ногу,
Тому Васька ногу выломит;

1-ая Псковская летопись под 1500 годом говорит о посаднике Фоме Буславиче. Деревня Буславля упоминается в XVII в., село Буслаево существует теперь в Костромской губернии. Имя Богуслав у чехов и поляков было некогда в большом употреблении.

2) Буслай знал, что без такого уменья легко было накликать на себя беду немалую. Через всю историю Новгорода проходит борьба общественных классов—борьба, вызывавшая иногда усобицы, которые сопровождались убийствами и грабежами. Для примера укажем летописный рассказ о новгородской усобице 1418 года, приведенный И. Н. Ждановым в его исследовании «Русский былевой эпос» (стр. 252—262). «Человек некый Степанко, изымаше боярина Данила Ивановича, Божина внука, держащи вопияше людям: «а господи! пособите ли тако на злодея сего». Людие же, видяще его вопль, влечахуть, акы злодея, к народу и казниша его ранами близ смерти и сведше и с веца, сринуша и с мосту». Брошенный перехвачен был в челн проезжавшим рыбаком. Спасшись от смерти, боярин задумал отомстить врагу: схватив Степанка, «нача мучити» его. Это подлило масла в огонь. «Слышав же народ, яко изиман бысть Степанко, начаша звонити на Ярославли дворе вече; и собирахуся людии множество, кричаху вопиюще по многы дни: «пойдем на онаго боярина и дом его расхытим!» И пришед народ в доспесех с станом на Кузьма-демьяну улицу, пограбиша дом его и иных дворов много и на Яневе улице берег пограбиша... И пакы возъярившися, аки пианс, на иного боярина, на Ивана на Иевича, на Чюденцеве улице, и с ним много разграбиша домов боярских, нь и монастырь святаго Николы на поле разграбиша, ркуще, яко «нам супостаты суть», и на Прускую улицу придоша, и они пакы отбишася их». В это время на Торговой стороне (откуда приходили вороги боярские) распространился слух, что Софийская сторона вооружается и хочет отвечать на насилие насилием. «И начаша звонити по всему граду, и начаша людие срыскывати с обою стороиу, акы на рать, в доспесех, на мост великый, бояше же и губление; овы от стрел, овы же от оружиа, беша же мертвии, аки на рати; от грозы тоя страшныя и от возмущения того великого встрясеся весь град и нападе страх на обе страны». Слышав же владыко Семеон особиую рать промежи своими детми и испусти слезы из очию и повеле предстоящим собрати збор свой; и вшед архиепископ в церковь святыя Софея, нача молитися с слезами и облечеся в священныя ризы с своим збором, и повеле крест Господен и пресвятыя Богородица образ взяти, иде на мост. И пришед святитель ста посреде мосту и взем животворящий крест, нача благословляти обе стране». Это «святителево пришествие» успокоило бушевавших: «и разидошася молитвами святыя Богородица и благословлением архиепископа Семеона, и бысть тишина ь граде».

1) В памятниках древней письменности попадаются упоминания о русских женщинах, носивших имя Мамелфы (Мамелхва, имя св. мученицы IV века, память которой отмечается в святцах под 5 октября).

Которого хватит поперек хребта,
Тот кричит, ревет, окарач ползет.
Пошла-то жалоба великая;
А и мужики новгородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Мамелфе Тимофеевне
На того на Василья Буслаева:
А и мать-то стала его журить-бранить,
Журить-бранить, его на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчатой стул,
Писал ярлыки скорописчаты,
От мудрости слово поставлено:
«Кто хощет пить и есть из готового,
Вались к Ваське на широкий двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное».
Рассылал те ярлыки со слугой своим
На те улицы широкие
И на те частые переулочки:
В то же время поставил Васька чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтора ведра.
Во славном было во Новеграде,
Грамотны люди шли,
Прочитали те ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Ваське на широкий двор,
К тому чану, к зелену вину;
В начале был Костя Новоторженин;
Пришел он Костя на широкий двор,
Василий тут его опробовал,
Стал его бити червленым вязом,
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкого,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костю по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевельнется,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василий, сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин!
А и будь ты мне названой брат
И паче мне брата родимого».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкий двор;
Молодой Василий, сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешенек
Пришли тут мужики Залешена:
И не смел Василий показатися к ним.
Еще тут пришло семь братов Сбродовичи.—
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцев без единого,
Он сам Василий тридцатой стал;
Какой зайдет, убьют его,
Убьют его, за ворота бросят [1]).
Послышал Васенька Буслаевич,
У мужиков новгородскиих
Канун варен [2]), пива ячныя;
Пошел Василий со дружиною,
Пришел во братчину в Никольщину [3]);
А и зачали они тут канун варен пить,

---

[1]) Таких Новгородских братьев-наймитов мы знаем по свидетельствам историческим. Митрополит Иона (1448—1458) писал в Новгород: «Слышах, сынове, яко по изначальнаго врага душ наших и губителя диаволим наветам, некое богоненавистное и богомерзкое злое дело ст'воряется в вашем православном христиньстве... не токмо от простых людей, но и от честных от великих людей, от наших духовных детей: не за кую сию и великую и малую вещь зачинается гнев и от того ярость и свары и пререкословия и многонародное сбирание со обоих стран еще и наймовати на то злое и богоненавистное дело... сброженей, пьянчивых и кровопролитных человек, и бои замышляют и крови пролития и души христианские губят».

[2]) Канун варить — варить мед и пиво к празднику.

[3]) Братчины — явление общерусское, но более устойчивую организацию и большую самостоятельность эти праздничные собрания получили именно в Новгороде и

А и те-то пива ячныя.
Молодой Василий сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хороброю;
Напилися они туто зелена вина
И пришли во братчину в Никольщину.
А и будет день ко вечеру,
От малого до старого,
Начали уж ребята боротпся,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От того бою от кулачного
Началася драка великая;
Молодой Василий стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Его по уху оплел;
А и тут Василий закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
И Лука, Моисей, дети боярские!
Уже, Ваську, меня бьют».
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до-смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали, —
Кричат, ревут мужики посадские.
Говорит тут Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новгородскпе!
Бьюсь с вами о велик заклад,
Напущаюсь я на весь Новгород
Битися, дратпся,
Со всею дружиною хороброю;
Тако вы меня с дружиною побьете Новым городом,
Буду вам платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой год по три тысячи;
А буде же я вас побью,
И вы мне покоритеся,
То вам платить мне такову же дань».
И в том-то договоре руки они подписали
Началась у них драка-бой великая [1]),
А мужики новгородские,

других городах, обладавших более развитыми формами общественного быта. Братский пир сопровождался религиозными обрядами; в одной «молитве над каноном» (изданной по рукописному требнику XVII в.) читаем между прочим: «Соблюди, Господи, и помилуй намесьников новгороцькых, и иных князей и бояр и всех приказьных людей, царских доброхотов: соблюди, Господи, и помилуй государя дому сего (имя рек), или с т а р о с т у б р а т ь ч и н ы с е й (имя рек), с его сынцы и с их женами и з гостьми приходящими и со всеми православными крестьяны». Братчина имела право суда над своими членами, на что указывает Псковская судная грамота XV века: «А братьщина судить, как судия». Любопытные указания на самостоятельность братчин находим, между прочим, в одной грамоте: «А на пиры и на братчины... незван не ездит никто; кто приедет к ним на пир и на братчины незван, и они того вышлют вон безпечно; а кто у них станет пить силою, и случится у них какая нибудь гибель, ино ему платить вдвое без суда и без исправы».

1) О старорусских боях-игрищах встречаем указание в правиле митрополита Кирилла (1274 г.): «Паки же уведехом бесовьская еще дьржаще обычая треклятых елин, в божественыя праздники позоры некакы бесовьскыя творити с свистанием, и с кличем и воплемь с'зывающе некы скаредныя пьяница и бьющеся дрыколемь до самыя смерти и в'зимающе от оубиваемых порты». В Новгороде хранилось воспоминание о какой-то связи бовых игрищ с преданиями еще языческой поры. В Густинской летописи читаем: «И приде епископ Иоаким и требища разорви и Перуна посече, что в великом Новегороде стоял на Перыне, и повеле повлещи в Волхов; и повязавше ужи, влачаху и по калу, бьюще жезлием и пхающе, и в то время бяше вшел в Перуна и нача кричати: о горе мне, ох, достахся немилостивым судиям сим!— и вринуша его в Волхов. О н и ж е п л о в я ш е с к в о з е в е л и к и й м о с т, в е р ж е п а л и ц у с в о ю н а м о с т, е ю ж е б е з у м н и и у б и в а ю щ е с я, у т е х у т в о р я т б е с о м».

И все купцы богатые,
Все они вместе сходилися,
На млада Васютку напущалися;
И дерутся они день до вечера, —
Молодой Василий, сын Буслаевич,
Со своею дружиною хороброю,
Прибили они во Новегороде,
Прибили они уже много до-смерти;
А и мужички новгородские догадалися,
Пошли они с дороги подарками
К матерой вдове Мамелфе Тимофеевне.
«Матера вдова Мамелфа Тимофеевна!
Прими у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича».
Матера вдова Мамелфа Тимофеевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибежала девушка чернавушка,
Схватила Ваську во белы руки,—
Потащила к матушке родимые,
Притащила Ваську на широкий двор;
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погреба глубокие
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хоробрая
Со теми мужики новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера;
А и та-то девушка чернавушка
На Волх-реку ходила по воду,
А взмолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка чернавушка!
Не подай нас у дела ратного,
У того часу смертного».
И тут девушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромыслом тем стала она помахивати [1])
По тем мужикам новгородским,—
Прибила уж много до-смерти,
И тут девка запыхалася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василий, или так лежишь?
Твою дружину хоробрую
Мужики новгородские
Всех прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василий пробуждается,
Он выскочил на широкий двор, —
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василий по Новугороду,
По тем по широким улицам;
Стоит тут старец Пилигримища,
На могучих плечах держит колокол [2]),
А весом тот колокол во триста пуд;
Кричит тот старец Пилигримища:
«А стой ты, Васька! не попорхивай,
Молодой глуздырь, не полетывай, —
Из Волхова воды не выпити,
Во Новеграде людей не выбити;
Есть молодцов сопротив тебя,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем».
Говорил Василий таково слово:
«А и гой еси, старец Пилигримища!
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Опричь почестного монастыря,

---

1) Во 2-ой Новгородской летописи, при описании усобицы 1418 г., встречаем, между прочим, следующую подробность: «Бяше же и се дивно... жена некая, отвергши женскую немощь, вземше мужескую крепость, выскочив же посреди сонмища, дасть Даниле раны, укоряющи его, яко неистова глаголющи, яко обидима есми имь».

2) Колокол (колпак других былин), вероятно, был первоначально иностранным названием части каличьего костюма (французское cloche, старочешское klakol, klakolca — название дорожного плаща). Под старцем Пилигримищем разумеют новгородского владыку.

Опричь тебя, старца Пилигримища,
Во задор войду — тебя убью».
Ударил он старца во колокол
А и той-то осью тележною, —
Качается старец, не шевельнется;
Заглянул он, Василий, старца под колоколом,
А и во лбе глаз — уж веку нет.
Пошел Василий по Волх реке,
А идет Василий по Волх реке,
По той Волховой по улице;
Завидели добрые молодцы,
А его дружина хоробрая,
Молода Василья Буслаева, —
У ясных соколов крылья отросли,
У них-то молодцов думушки прибыло;
Молодой Василий Буслаевич
Пришел-то молодцам на выручку, —
Со теми мужики новогородскими
Он дерется, бьется день до вечера;
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися —
Понесли они записки крепкие
К матерой вдове Мамелфе Тимофеевне;
Насыпали чашу чистого серебра,
А другую чашу красного золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом, поклоняются:
«Осударыня матушка,
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить:
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенечное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленных,
Опричь попов и дьяконов».
Втапоры матера вдова
Мамелфа Тимофеевна
Посылала девушку чернавушку
Привести Василья со дружиною;
Пошла та девушка чернавушка,
Бежавши та девушка запыхалася,
Нельзя пройти девке по улице,
Что полтеи по улице валяются
Тех мужиков новогородскиих.
Прибежала девушка чернавушка,
Схватила Василья за белы руки,
А стала ему рассказывати:
«Мужики пришли новогородские,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручные
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Мамелфе Тимофеевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкой двор,
Привела-то их к зелену вину;
А сели они, молодцы, во единый круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина,
Со того уразу молодецкого
От мужиков новгородскиих;
Вскричат тут ребята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Неупито, неуедено,
Вкрасне хорошо не ухожено,
А цветного платья не уношено,
А увечье на век залезено».
И повел их Василий обедати
К матерой вдове Мамелфе Тимофеевне,
Втапоры мужики новогородские
Приносили Василью подарочки,
Вдруг сто тысячей, —
И затем у них мирова пошла;
А и мужики новгородские
Покорилися и сами поклонилися.

2.

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает, поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает;
А плавает, поплавает червлен корабль,
Как бы молода Василья Буслаевича,

А и молода Василья со его дружиною хороброю,
Тридцать удалых молодцов:
Костя Никитин корму держит,
Маленькой Потаня на носу стонт,
А Василий-то по кораблю похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте корабль поперек Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василий ко своему он двору дворянскому,
И за ним идет дружинушка хоробрая;
Только караулы оставили.
Приходит Василий Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Мамелфе Тимофеевне,
Как вьюн около ее увивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Мамелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое,
Итти мне, Василью, в Ерусалим-град,
Со всею дружиною хороброю,
Мне-ко Господу помолитися,
Святой святыне приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера вдова,
Матера Мамелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрые дела,
Тебе дам благословение великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дам благословения великого,
А и не носи Василья сыра-земля».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материно сердце распущается;
И дает она много свинцу, пороху,
И дает Василью запасы хлебные,
И дает оружие долгомерное:
«Побереги ты, Василий, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются,
И с матерой вдовой прощаются.
Походили они на червлен корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побежали по озеру Ильменю;
Бегут они уж сутки другие,
А бегут уже неделю другую,—
Встречу им гости-корабельщики:
«Здравствуй, Василий Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?»
Отвечает Василий Буслаевич:
«Гой еси вы, гости-корабельщики!
А мое-то ведь гулянье неохотное:
С молоду бито много, граблено [1]),
Под старость надо душа спасти;
А скажите вы, молодцы, мне прямого путя
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-корабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Иерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой полтора года.

---

[1]) Новгородцы часто предпринимали военно-промышленные походы для завоевания новых областей, иногда под предводительством князей или воевод (в 1268 г. «сдумаша новгородци с князем Юрьем, хотеша ити на Литву, а инии на Полтеск, а инии за Нарову»), иногда самостоятельно. Под 1366 г. в Воскресенской летописи встречаем известие: «Придоша из Новагорода Волгою из Великого полтораста ушкуев (в олонецком говоре «ушка» — челнок, лодка; у финнов usko — род судна) с разбойники с новгородскими и избиша по Волге множество татар и басермен и армен, и Новгород Нижний пограбиша, а суды их все иссекоша; и поидоша в Каму и придоша до Болгар также творяше и в'юще». В 1370 г. «дважды шли новгородци Волгою и много зла с'твориша».

На славном море Каспийскиим,
На том острову на Куминскиим,
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачие,
Не много, не мало их — три тысячи;
Грабят бусы [1]), галеры,
Разбивают червлены корабли».
Говорит тут Василий Буслаевич:
«А не верую я, Васенька, ни в сон, ни в чох,
А и верую в свой червленый вяз;
А бегите-ко, ребята, вы прямым путем».
И завидел Василий гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил Василий сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летит дружина хоробрая.
Будет Василий в полу-горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова, человечья кость;
Пнул Василий тое голову с дороги прочь;
Провещится пуста голова человеческая:
«Той еси ты, Василий Буслаевич!
Ты к чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодец, не хуже тебя был;
Умею я, молодец, валятися;
А на той горе Сорочинские,
Где лежит пуста голова,
Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевой».
Плюнул Василий, прочь пошел...
Взошел на гору высокую.
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатные,
И через его только топором подать,
В долину три аршина с четвертью;
И в том-то подпись подписана:
А и кто-де у камня станет тешиться
А и тешиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будет буйну голову.
Василий тому не верует;
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Газбежался, скочил вдоль по каменю,
И не доскочил только четверти,
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежала дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен корабль,
Подымали топки парусы полотняные,
Побежали ко Новугороду;
И будут у Новагорода,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он.
Пошли к матерой вдове к Мамелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися,
Все письмо в руки подали;
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Той вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечего;
Подите в подвалы глубокие,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка чернавушка
К тем подвалам глубокиим,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Мамелфа Тимофеевна!
Что поила, кормила, обувала и одевала добрых молодцов».
Втапоры матера вдова Мамелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина;
Подносит девушка чернавушка
Тем удалым добрым молодцам;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотелося.

---

[1]) Буса—выдолбленная из цельного дерева лодка.

1. Составьте конспект содержания былин о Василии Буслаеве.

2. К какому классу новгородцев принадлежал Василий Буслаев с его дружиной?

3. Какими чертами обрисованы противники Буслава и его дружины?

4. Как отразилась в былинах борьба новгородских партий?

14. Садко богатый гость [1]).

1.

Во славном во Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты,
Как тут-то в озере вода всколыбалася.
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру.
Садился на бел горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася.
Показался царь морской [2]).
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
— Ай же ты, Садко Новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великие,

---

[1]) Исследователи русских былин предполагают, что в основе былины о Садке лежит песня об историческом лице. В Новгородских и Псковской летописях встречается Сдко Сытинецъ (вариант: Сотко Сытиничъ), как строитель каменной церкви в Новгороде в 1167 г. (в XII в. каменные церкви, да еще созданные частными лицами, были большой редкостью). В Софийском Временнике имени Сотко придан тот же эпитет, что и в былине: богатой. Летописные известия не называют Сдка торговым гостем, но можно думать, что, подобно другим новгородским богачам, Содко нажил богатство, давшее ему возможность построить каменный храм, путем торговли (В. Ф. Миллер, Очерки русск. нар. слов., т. I, 287—288).

[2]) В. Ф. Миллер полагает, что лежащая в основе былины песня об историческом Сдке осложнилась сказочными мотивами, прикрепившимися к его имени. Влияние этих мотивов сказалось в изображении Садка гусляром и в образе морского царя. В изображении былинного морского царя В. Ф. Миллер находит подробности, сближающие его с финским морским богом Ahti или Ahto (богатство, дань, которую он требует, чудесное подводное жилище, любовь к музыке и т. д.). Садко-гусляр сближается с музыкантом и певцом финского эпоса Вейнемейненом, который игрой на кантеле (гуслях) чарует всю природу. Географически финское влияние на новгородскую былину о Садке вполне возможно: около Ильменя жило финское население, а песни Калевалы (финского эпоса) были записаны Лённротом в близкой Олонецкой губернии.

За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай в Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба—золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди, свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень озеро:
Дам три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь [1]). —
Пошел Садко от Ильменя от озера,
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садко на почестен пир.
Как тут Садко Новгородский
Стал играть в гусельки яровчаты;
Как тут стали Садко попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастывать:
«Ай же вы, купцы Новгородские!
«Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
«А есть рыба — золоты перья в Ильмень-
озере».
Как тут-то купцы Новгородские
Говорят ему таковы слова:
—Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
золоты перья.—
«Ай же вы, купцы Новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы Новгородские
Отдали по три лавки товару красного.
Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце — и в палатах солнце;
На небе месяц — и в палатах месяц;
На небе звезды — и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков Новгородскиих
И тых настоятелей Новогородскиих —
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой — удачей молодец-
кою,
Который хвастает добрым конем,

---

[1]) Вариант: Садко гулял по Волге двенадцать лет и никакой над собой «притки» (лихой встречи) и скорби не видывал.

Захотелось молодцу побывать в Новегороде,
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
«А спасибо тебе, матушка Волга река!»

Волга послала с Садком поклон своему брату, озеру Ильменю, который, в благодарность, и наделил Садка богатством: велел ему закинуть три невода в озеро, и Садко вытянул множество разной рыбы, которая обратилась потом в золотые, серебряные и «дробные» деньги.

Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели Новогородские:
— Все мы на пиру наедалися,
Все мы на почестном напивалися,
Похвальбами все похвалялися.
Что же у нас Садко ничем не похвастает,
Что у нас Садко ничем не похваляется?—
Говорит Садко-купец, богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похвалятися?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новогородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели Новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары Новогородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Ставал Садко другой день раным рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повыкупил товары Новогородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На другой день ставал Садко раным рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд;
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупал товары Новогородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчетну золоту казну.
На третий день ставал Садко раным рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распущал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подоспели товары Московские
На ту на великую на славу Новогородскую.
Как тут Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бела света:
Ощє новыкуплю товары Московские,
Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец, богат Новогородский,—
Побогаче меня славный Новгород».
Отдавал он настоятелям Новгородским
Денежек он тридцать тысячей [1]).

---

[1]) По другому варианту, Садко в первый день «выкупил» все товары в Новгороде, «не оставил товару ни на денежку, на ни малу разну полушечку» и соорудил храм во имя Стефана Архидьякона, украсив «кресты, маковицы» позолотой, а иконы— жемчугом. На второй день также выкупил все товары и построил храм во имя Софии Премудрые. На третий день к полудню скупил все навезенные товары «заморские» и построил храм во имя Николы Можайского. Четвертый день Садко ходил по Новго-

2.

Как по морю, морю по синему,
Бегут, побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един сокол корабль
Самого Садки, гостя богатого.
А все корабли, что соколы летят,
Сокол-корабль на море стоит;
Говорит Садко-купец, богатой гость:
«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемные люди, подначальные!
А в место все вы собирайтеся,
А и режьте жеребья вы волжены [1]).
А и всяк-то пиши на имена,
И бросайте вы их на сине море».
Садко покинул хмелево перо,
И на нем-то подпись подписана,
А и сам Садко приговаривает:
«А ярыжки, люди вы наемные!
А слушай речи праведных:
А бросим мы их на сине море,
Которые бы по верху плывут,
А и те бы душеньки правые;
Что которые-то в море тонут,
А мы тех спихнем во сине море».
А все жеребья по верху плывут,
Кабы яры гоголи по заводям;
Един жребий во море тонет.
Во море тонет хмелево перо
Самого Садки, гостя богатого.
Говорил Садко-купец, богатый гость:
«Вы, ярыжки, люди наемные,
А наемные люди подначальные!
А вы режьте жеребья ветляные,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами к ним приговаривай:
А которы жеребьи во море тонут,
А и то бы душеньки правые».
А и Садко покинул жеребий булатной,
Синего булату ведь заморского,
Весом-то жеребий в десять пуд.
И все жеребьи во море тонут,
Един жеребий по верху плывет
Самого Садки, гостя богатого.
Говорит тут Садко-купец, богатой гость:
«Вы, ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные!
Я Сам-Садко знаю, ведаю,
Бегаю по морю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани, пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опускивал,
По меня, Садку, смерть пришла.
И вы, купцы, гости богатые,
А вы, целовальники любимые,
А и все приказчики хорошие,
Принесите шубу соболиную».
И скоро Садко наряжается,
Берет он гусли звончаты
Со хороши струны золоты,
И берет он шахматницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со теми дороги, вальящаты.
И спущали сходню ведь серебряну,
Под красным золотом;
Походил Садко купец, богатой гость,
Спущался он на сине море,
Садился на шахматницу золоту;
А и ярыжки, люди наемные,
А наемные люди, подначальные
Утащили сходню серебряну,

роду, но нигде не нашел товару. Тогда он пошел в «темный ряд», где стояли «черепаны, гнилые горшки, а все горшки уже битые». Садко скупает и эти горшки:

«Пригодятся — ребятам черепками играть,
«Поминать Садку, гостя богатого!
«Что не я, Садко, богат — богат Новгород
«Всякими товарами заморскими
«И теми черепанами, гнилые горшки».

[1]) Сделанный из прута таволги, т.-е. ивы.

И серебряну под красным золотом,
Ее на сокол-корабль,
А Садко остался на синем море,
А сокол-корабль по морю пошел.
А все корабли, как соколы, летят,
А един корабль по морю бежит,
Как бел кречет,
Самого Садки гостя богатого.
Отца, матери молитвы великие,
Самого Садки, гостя богатого;
Подымалася погода тихая,
Понесло Садку, гостя богатого,
Не видал Садко-купец, богатой гость,
Ни горы, ни берегу,
Понесло его, Садку, к берегу,
Он и сам Садко туто дивуется.
Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую во все дерево,
Нашел он двери — и в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской:
«А и гой еси ты, купец, богатой гость!
А что душа радела, того Бог мне дал,
И ждал Садку двенадцать лет,
А ныне Садко головой пришел;
Поиграй, Садко, в гусли ты звончаты».
И стал Садко царя тешити,
Заиграл Садко в гусли звончаты;
А и царь морской зачал скакать, зачал плясать—
И того Садку, гостя богатого,
Напоил питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко и пьян он стал,
И уснул Садко-купец, богатой гость;
А во сне пришел Святитель Николай к нему [1]),
Говорит ему таковы речи:
«Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты,
Расплясался у тебя царь морской:
А синё море всколебалося,
А и быстры реки разливалися,
Топят много бусы, корабли,
Топят души напрасные
Того народу православного».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты,
И бросает гусли звончаты;
Перестал царь морской скакать и плясать:
Утихло море синее,
Утихли реки быстрые.
А поутру стал туто царь морской,
Он стал Садку уговаривать —
А и хочет царь Садку женить,
И привел ему тридцать девиц.
Никола ему во сне наказывал:
«Гой еси ты, купец, богатой гость!
А станет тебя женить царь морской.
Приведет он тридцать девиц;
Не бери ты из них хорошие, белые, румяные,
Возьми ты девушку поваренную,
Поваренную, что котора хуже всех».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Он думался, не продумался,
И берет он девушку поваренную,
А котора девушка похуже всех...
Ото сна Садко пробуждался,
Он очутился под Новым городом,
А левая пога во Волх-реке.
И скочил Садко, испужался он,
Взглянул Садко он на Новгород,
Узнал он перкву, приход свой,
Того Николу Можайского,
Перекрестился крестом своим.
И глядит Садко по Волх-реке, —
От того синя моря Хвалынского,

[1]) По народным верованиям, святитель Николай — скорый помощник на водах, отчего иногда и называется морским или мокрым. Особенно чтут св. Николая на Севере: «от Холмогора до Коли — тридцать три Николы», — говорит северное присловие, указывая на обилие храмов во имя этого святого.

По славной матушке Волх-реке,
Бегут, побегут тридцать кораблей,
Един корабль самого Садки, гостя богатого.
И встречает Садко-купец, богатой гость,
Целовальников любимыих.
Все корабли на пристань стали,
Сходни метали на крутой берег,
И вышли целовальники на крутой берег;
И тут Садко поклоняется:
«Здравствуйте, мои целовальники любимые
И приказчики хорошие!»
И тут Садко-купец, богатой гость,
Со всех кораблей в таможню положил
Казны своей сорок тысячей —
По три дни не осматривали.

15. Чудо блаженного Исидора юродивого ростовского.

Сотворися бо чудо дивно и незабвения достойно: купцы нецыи по морю с куплею своею в корабле плавание творяху, и внезапу на некоем месте корабль ста, и не можаше двинутися отуду, и разбивашеся волнами, вси же в нем бывшии, отчаяшася живота своего, и ожидаху смерти; та же умыслиша метнути жребия, кого ради корабль ста, и волнами разбиваемый есть, и паде жребий на единого от них купца из града Ростова, идеже святый Исидор жительствоваше. Посадиша убо купца того на доску, и пустиша в море, и двигнуся скоро корабль от оного места, а человек той на дсце волнами носимый уже во вратех смертных бе, ни от кого же чающи помощи: и се внезапу предста ему угодник Божий Исидор, по морю яко по суху ходяй и глаголяй к нему: знаешь ли мя, человече? купец же едва проглаголати возмог, рече: о, рабе Божий, Исидоре! в нашем граде жительствуяй, не остави мене в мори сем погружаема, но помози мне окаянному и избави мя от горькие смерти. Святый же взял его за руку и на деске оной посади, и бяше ему дска, аки ладия, верху воды непогрязновенно плавающая. Святый же, управляя ю, погна скоро вслед корабля и достиг до того, всади в корабль человека цела, здрава и ничим же вредженна. Запрети ему, глаголя: никому же поведай о мне, но сказуй, яко божественная сила избави тя от глубины морские.

16. Чудо св. Михаила Клопского о купце.

К сему святому купец некий Великого Новгорода, именем Михаил, велику любовь имяше, тогда еще в животе святому сущу; по отшествии же святому ко Господу, случися купцу ономy ити по морю в латинские страны куплю деяти; и тамо ему многа имения приобретшу молитвами святаго, егда же во своя возвратися, и паки в корабль шед, морем шествует; егда же в пучине плавающу, тогда ненавидяй добра роду человеческому враг бурю зельну в мори воздвизает и плавающим беду велию и скорбь наводит; сим же тако бедующим купец той в уме святого имеяй, со слезами того на помощь призывает; святый... на помощь тому ускори и явленне себе всем показа... диавола же прогна и море укроти, и паки невидим бысть има. Купцу же молитвами святого паки благополучне плывущу и своего отечества достигнувшу и во обитель святого пришедшу и со слезами чудоносному гробу припадающу и смерти избавителя многих душ святого нарипающу и всем явственно чудо проповедающу, слышаще же братия и игумен удивишася и прославиша Бога.

1. Какие подробности былин о Садке свидетельствуют о довольно высоком культурном уровне новгородской жизни?

2. Как характеризован торговый быт новгородцев?

3. Каковы отражения язычества и христианства в былинах о Садке?

Тема. Отражение исторической жизни Новгорода в былинах о Садке и Василии Буслаеве.

Общие вопросы к былинам:

1. Отметьте исторический и бытовой элемент в былинах.

2. Отметьте черты язычества и христианства в былинах.

3. Укажите черты различия в содержании и характере былин киевских и новгородских.

4. Чем привлекают былины современного слушателя из народа?

5. В чем заключается художественная ценность русского былевого эпоса?

6. Отметьте в былинах приемы эпического творчества: замедленность в развитии действия (ретардация), эпические общие места, параллелизмы, тавтологии, постоянные эпитеты, гиперболы, ласкательные имена.

Темы. Типы древне-русских богатырей (следует привлечь для этой темы помещенную ниже былину «О сорока каликах со каликою»).

Идеалы народа в его былевом творчестве.

Природа в былинах (южная степь, север).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ.

1. Авдотья Рязаночка.

Славные старые король Бахмет турецкие[1]),
Воевал он на землю российскую,
Добывал он старые Казань [2]), город подлесные.
Он-де стоял под городом,
Со своей силой армией,
Много поры этой было времени
Да-й разорил Казань город подлесные,
Разорил Казань-де город на-пусто.
Он в Казани князей бояр всех вырубил,
Да и княгинь, боярыней
Тех живых в полон побрал.
Полонил он народу много тысячи,
Он повел-де в свою землю турецкую,
Становил на дороги три заставы великие:
Первую заставу великую —
Напускал реки, озера глубокие;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкие,
Становил воров разбойников;
А третью заставу темны лесы —
Напустил зверьев лютых.
Только в Казани во городи
Оставалась одна молодая жонка Авдотья Рязаночка.
Она пошла в землю турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить [3]).
Шла-де она не путем, не дорогою,
Да глубоки те реки, озера широкие
Те она плово́м плыла,

---

1) Позднейшая подставка вместо *татарский*.

2) Вместо *Рязань*; недаром же и героиня песни называется *рязаночкой*.

3) Т.-е. пошла просить об освобождении пленных.

А мелкие ты реки, озера широкие
Да те ли она бродком брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля те широкие,
Воров-разбойников тех о полдён прошла,
Как о полдён воры лютые
Те опочив держа.
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны те леса дремучие,
Лютых зверей тех о полно́чь прошла,
Да во полночь звери лютыи
Те опочив держа.
Приходила во землю турецкую
К славному королю Бахмету турецкому,
Да в его палаты королевские;
Она крест-от кладет по-писанному,
А поклоны-ты ведё по-ученому,
Да она бьё королю-де челом, низко кланялась.
«Да ты, осударь король-де Бахмет турецкий!
Разорил ты нашу стару Казань город подлесную,
Да ты князей наших, бояр всех повырубил,
Ты княгинь наших, боярыней тех живых в полон побрал,
Ты брал полону народу многи тысячи,
Ты завел в свою землю турецкую.
Я, молодая жонка Авдотья Рязаночка,
Я осталасе в Казани единешенька.
Я пришла, сударь, к тебе сама да изволила,
Невозможно ли будет отпустить мне народу сколько-нибудь пленного,
Хошь бы своево-то роду-племени?»
Говорит король Бахмет турецкие:
— Молода ты жонка, Авдотья Рязаночка!
Как я разорил вашу стару Казань подлесную,
Да я князей, бояр я всех повырубил,
Я княгинь, боярыней да тех живых в полон побрал,
Да я брал по́лону народу многи тысячи,
Я завел в свою землю турецкую,
Становил на дорогу три заставы великие:
Первую заставу великую —
Напускал реки, озера глубокие;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкие,
Становил воров-разбойников;
А третьюю заставу темны лесы —
Напустил зверьев лютых.
Да скажи ты мне, жонка Авдотья Рязаночка!
Как ты эти заставы прошла и проехала?—
Говорит молода жонка, Авдотья Рязаночка:
«Шла-де я не путем, не дорогою,
Да глубоки-ты реки, озера широкие
Да те ли я бродком брела.
Да прошла ли я заставу великую,
А чистые поля те широкие,
Воров-разбойников тех о полдён прошла,
Как о полдён воры лютые
Те опочив держа.
Да прошла я вторую заставу великую,
Да темны ты леса дремучие,
Лютых зверей тех о полно́чь прошла,
Да во полночь звери лютыи
Те опочив держа».
Да те ли речи королю приглюбилисе,
Говорит славный король Бахмет турецкие:
—Ай же ты, молодая жонка Авдотья Рязаночка!
Да умела с королем речь говорить,
Да умей попросить у короля полону-де головушки,
Да которой головушки боль век не нажить будё.—
Да говорит молодая жонка Авдотья Рязаночка:
«Ай ты, славные король Бахмет турецкие!
Я замуж выйду да мужа на́живу,
Да у м'ня буде свёкор—стану звать батюшко,
Да ли буде свекрова — стану звать матушкой,
А ведь буду у их спохою жить.

Да поживу с мужом, да я сынка рожу,
Да воспою, вскормлю, у м'ня и сын будё,
Да стане мéня звати матушкой.
Да я сынка женю да и сноху возьму,
Да буду ли я и свекровой слыть.
Да еще же я поживу с мужом,
Да и себе дочь рожу.
Да воспою, вскормлю, у м'ня и дочь буде,
Да стане меня звати матушкой.
Да дочку я замуж отдам,
Да-й у мéня и зять будё,
И буду я тещей слыть.
А не нажить-то мне той будё головушки,
Да милого-то братца любимого.
А не видать-то мне братца буде век и по веку».
Да те ли речи королю прилюбилися,
Говорил-де он жонке таково слово:
«Ай же ты молодая жонка, Авдотья Рязаночка!
Ты умела просить у короля полону ли головушки,
Да которой-то не нажить и век будё.
Когда я разорял вашу стару Казань город подлесные,
Да убили у м'ня милого братца любимого,
И славного пашу турецкого,
Да-й не нажить мне братца буде век и по веку.
Да ты, молодая жонка Авдотья Рязаночка,
Ты бери-тко народ свой полонéные,
Да уведи их в Казань до единого.
Да за твои ты слова за учливые,
Да ты бери себе золотой казны,
Да в моей-то земли во турецкие,
Да ли только бери себе, сколько надобно.—
Туто жонка Авдотья Рязаночка
Брала себе народ полоненые,
Да и взяла она золотой казны,
Да из той земли из турецкие,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де народ полоненые
Да во ту ли Казань во опустелую,
Да она построила Казань город нáново.
Да с той поры Казань стала славная,
Да с той поры стала Казань-де богатая,
Да тут ли в Казани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тем дело кончилось.

2. Щелкан Дудентьевич [1]).

А и деялося в орде,
Передеялось в Большой.
На стуле золоте,
На рытом бархате,
На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович [2]);
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме;
Одного не пожаловал
Любимого шурина
Щелкана Дудентьевича.

---

1) Щелкан Дудентьевич — историческое лицо. Это — Шевкал, сын Дюденя, двоюродный брат хана Узбека (Азвяка в песне). В 1327 году Шевкал был убит в Твери, где он был *баскаком*, т.-е. ханским наместником.

2) Отчество Азвяка (Узбека) произведено от имени татарского богатыря Таврула, которого рязанские сказания о татарщине относят ко временам Батыя.

За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал,
Его дома не случилося:
Уехал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синие,
Брал он, млад Щелкан
Дани, невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пять рублев;
У которого денег нет,
У того дитя возьмет,
У которого дитя нет,
У того жену возьмет,
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани, невыходы,
Царски невыплаты;
Вывез млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу,
Узде цены ей нет;
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем узда дорога, —
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тоя узды ни продать, ни променять,
И друга дарить.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дудентьевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов
Любимых шуринов:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи»[1]
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
«Гой еси, шурин мой,
Щелкан Дудентьевич!
Заколи-тко ты сына своего,
Сына любимого,
Крови ты чашу нацеди,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячие;
И тогда я тебя пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячие,
Выпил чашу тоя крови горячие
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.
И втапоры млад Щелкан
Он судью насел
В Тверь ту старую,
В Тверь ту богатую.
А немного он судью сидел:
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,

---

1) Историческими князьями Твери в эпоху, к которой относится песня, были Дмитрий и Александр Михайловичи.

Мужики посадские,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они со поклоном
Пошли, честными подарками, —
И понесли они честные подарки:
Злата, серебра и скатного жемчугу
Изошли его в доме у себя,
Щелкана Дудентьевича;
Подарки принял от них,
Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванился он, загордипился,
И они с ним раздорили:
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут его разорвали.
Тут смерть ему случилася
Ни на ком не сыскалася [1]).

1. Сравните изображение татарщины в былинах и исторических песнях (по содержанию и по форме).

2. Чем можно объяснить разногласия песни о Щелкане Дудентьевиче с историческими известиями о Шевкале?

---

1) В Тверской летописи читаем: «В лето 6834, сентября 15, убиша в Орде князя великого Дмитреа Михаиловича Тверскаго да князя Александра Новосилского, единого дни, на едином месте, на реце нарицаемыи Кондракли... Того же лета князю Александру Михаиловичу дано княжение великое, и приниде из Орды, и седе на великое княжение. Потом, за мало дний, за умножение грех ради наших, Богу попустившу диаволу в'зложити злаа в сердце безбожным Татаром глаголати беззаконному царю: «аще не погубиши князя Александра и всех князей Русских, то не имаша власти над ними». И беззаконный, проклятый и всему злу начальник Шевкал, разоритель христианский, отврьзе уста своа скврьная, начат глаголати, диаволом учим: «господине царю, аще ми велиши, аз иду в Русь, и разорю христианьство, а князи их избию, а княгини и дети к тебе приведу». И повеле ему царь сътворити тако. Беззаконный же Шевкал, разоритель христианьский, пониде в Русь с многыми Татары, приниде на Тверь, и прогна князя великого с двора его, а сам ста на князя великого дворе с многою гордостию; и въздвиже гонение велико над христианы, насильством, и граблением, и биением, и поруганием. Народи же гръдостию повсегда оскрьбляеми от поганых, жаловахуся многажды великому князю, дабы их оборонил; онь же, видя озлобление людий своих, не могый оборонити, трьпети им веляше; и сего не трьпяще Тверичи и искаху подобна времени. И бысть в 15 день месяца августа, в полуутра, како торг снимается, некто диакон, Тверитин, прозвище ему Дюдко, поведе кобылицу младу и зело тучну поити на Волзе воды; Татарове же видевше, отъяша ю. Диакон же сжалився, и зело начат в'пити, глаголя: «о мужи Тверьстии, не выдайте!» И бысть между ими бой; Татарове же, надеющися на самовластие, начаша сечи, и абие стекошася человеци, и смятошася людие, и удариша в колоколы, и сташа вечием, и поворотися весь град, и весь народ том часе събрашася, и бысть в них замятня, и кликнуша Тверичи, и начаша избивати Татар, где кого застронив, и самого Шевкала убиша и всех поряду. Не оставиша и вестоноши, разве еже и на поли пастуси коневни пасуще, и похватиша лучшии жеребци, и скоре бежаша на Москву, и оттоле в Орду, и тамо възвестиша кончину Шевкалову».

Вопреки песне, убийство Шевкала «сказалось»: в отмщение татары истребили Тверь, Кашин и Торжок со всеми пригородами.

3. Взятие Казани.

Середи было Казанского царства,
Что стояли белокаменны палаты.
А из спальни, белокаменной палаты,
Ото сна тут царица пробуждалася,
Пробуждалася царица Елена,
Симеону-царю она сон рассказала:
«А и ты встань, Симеон-царь, пробудися![1]
Что ночесь мне, царице, мало спалося.
В сновиденьице много виделося:
Как от сильного московского царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась.
Что на наше ведь царство напылвала»[2].
А из сильного московского царства
Подымался великий князь Московский,
Иван-сударь Васильевич, Прозритель,
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили под Казанское царство,
За пятнадцать верст становилися,
Становилися они подкопью под Булат-реку[3].
Подходили под другую под реку—под Казанку,
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство;
Воску ярого свечу становили,
А другую ведь на поле в лагере;
Еще на поле свеча та сгорела,
А в земле-то идет свеча тишее.
Воспалился тут великий князь Московский,
Князь Иван-сударь Васильевич, Прозритель,
И зачал канонеров тут казнити,
Что началася от канонеров измена[4],
Что большой за меньшего хоронился,
От меньшого ему, князю, ответу нету;
Еще тут ли молодой канонер выступался:
«Ты великий, сударь, князь Московский!
Не вели ты нас, канонеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-то свеча идет тишее».
Позадумался князь Московский,
Он и стал те-то речи размышлять собой,
Еще как бы это дело оттянути.
Они те-то речи говорили —
Догорела в земле свеча воску ярого
До тоя-то бочки с черным порохом;
Принималися бочки с черным порохом,
Поднимало высокую гору,
Разбросало белокаменны палаты.
И бежал тут великий князь Московский
На тое ли высокую гору,
Где стояли царские палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью Московского князя встречала.
А того ли Ивана-сударь Васильевича,
Прозрителя;
И за то он царицу пожаловал

---

[1] Казанский царь Едигер получил при крещении имя Симеона и жил в Москве, в подаренном ему дворе, пользуясь царскими милостями. Очевидно конец песни, где говорится о казни Симеона, сложился в том виде, в каком мы его знаем, много позднее.

[2] «История о взятии Казанского царства», очень распространенная в старинных рукописях, говорит, что вещий сон видел казанский царь Едигер и один из его приближенных. Для объяснения сна призвали волхвов, которые заявили, что вещий сон предсказывает Казани погибель от Московского царства (Ф. И. Буслаев).

[3] Булат вместо Булак.

[4] В Соловецком списке «Истории о взятии Казанского царства» указана как одна из причин, замедливших взятие города, измена воеводы Булгакова, «приставника дела того» (подкопного).

И привел в крещеную веру,
В монастырь царину постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встретил великого князя,
Он и вынял ясны очи косинами,
Он и взял с него царскую корону,

Взятие Казани Иваном Грозным (с лубочной картины.)

И снял царскую порфиру,
Он царский костыль в руки принял
И в то время князь вонарился
И насел в Московское царство:
Что тогда, де, Москва основалася,
И с тех пор великая слава [1]).

[1]) В «Истории» читаем: «сокровища царская, яже в Казани взято быша, венец царьский и жезл, и знамя казанских царей, и прочая царьская орудия, в руце благочестивому царю Богом предана быша».

4. Покушение на жизнь сына.

Когда ж то восияло солнце красное,
Тогда-то воцарился у нас Грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич.
Заводил он свой хорош почестный пир.
Все на почестном пировались,
И все на пиру порасхвастались.
Говорил Грозный Иван Васильевич:
«Есть чем царю мне похвастати:
Я повынес царенье из Царя-града,
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль себе в руки взял,
Я повыведу измену с каменной Москвы!»
С-по тыя было палаты белокаменной
Как не красное солнышко катилося,
А не скатный жемчуг рассыпается,
Ходит маленькой Иванушко царевич-государь,
Испроговорит он таково слово:
«Что не вывести измены с каменной Москвы,
Сидит-то измена за одним столом,
Ис-пьет измена одни кушанья,
Платьица носит одноцветные,
Сапожки на ножках одиличные».
Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Уж ты маленькой Иванушко царевич-государь!
Ты подай же изменщика мне на очи.
Я изменщику голову срублю».
Испроговорил Иванушко царевич-государь,
Глупым детским разумом промолвился:
— «Как на братца сказать, так мне братца жаль,
На себя мне-ка сказать, так мне-ка жину не бывать;
Буде сказать мне на братца своего,
На того на Федора Ивановича.
Ей ты, государь родной батюшка!
Когда ж мы брали с тобой Царский-град,
Ты-то ехал по краечку,
Я-то ехал по другому,
А братец мой ехал по середочки.
Наперед послов он порассылал,
Чтобы удалые поразбегались,
А малые по кувырк-травы [1]) развалялися,
А старые при домах оставалися.
Теперича измена вся повыстала».
Разгорячился Грозный царь Иван Васильевич,
Скричал же своим зычным голосом:
— «Ай вы ей, палачи немилостивы!
Вы возьмите-ка Федора Ивановича
За тые за ручки за белые,
За тые за перстни злаченые,
Сведите-ка Федора в чисто поле,
На тое болотцо на Житное,
На тую на плашку на липову,
Отрубите ему буйну голову!»
Во тую ли пору, в то время,
Все палачи поразбегались,
Которые разумные, ратсулялися.
Оставался вор Малютушка Скуратов сын.
Сам говорил таково слово:
«Я много казнил царей, царевичей,
Без счету королей, королевичей,
И тебя, Федора, не спущу!»
Берет его за ручки за белые,
За тые за перстни за злаченые,
Повел Федора в чисто поле,
На тое болотцо на Житное,
Срубить Федору буйну голову.
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыня родна матушка,
Она чеботы обула на босу ногу,
Кунью шубоньку одела на одно плечо,
Побежала на горку на Вшивую
Ко своему ко братну ко родимому.

[1]) В вариантах по кувыль-траву.

Ко тому Никиты Романовичу.
Сретает братец ей родимый,
А сам говорит таково слово:
«Что же ты, сестрица, не в покруте,
В одной ты шубе черных соболей?»
Говорит Авдотья Романовна:
«Ты ей же, братец мой родимый,
Ты ей, Никита Романович!
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Нет жива твоего любимого племянничка,
Того ж де Федора Ивановича:
Повел вор Малютушка Скуратов сын
На тое болотцо на Житное,
На тую плашку липовую,
Срубить Федору буйну голову».
Как тот Никита Романович,
Он кидается, скоро бросается,
Берет узду в руки тесмянную.
Одевал он мала бурушка-кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на седлана, не на уздана,
Городом едет, голосом кричит:
«Ты ей, вор Малютушка Скуратов сын!
Не казни-ка ты молодого царевича,
Ты не тем ли кусом сам задавишься».
Малютка, того не пытаючи,
Берет Федора за желты кудри,
Клонит на плашку на липову,
Хочет срубить буйну голову.
Наехал Никита Романович,
Смахнул саблей востроей,
Отнес Малютки буйну голову,
За его поступки неумильные.
Он брал де Федора Ивановича,
Увозил на горку на Вшивую.
Сегодня день был субботний,
Завтре день воскресный де,
Ехать нам ко ранной ко заутрени.
Как тот Грозный царь Иван Васильевич,
Как нет жива молодого царевича,
Сокрутился он во платье опальное,
Заложил лошадей вороных
Под ты кареты под черные.
Поехал ко ранной ко заутрени.

А тот Никита Романович,
Со тыя со великие радости,
Одел на себя платье цветное,
Платье цветное, самолучшее,
Поехал ко ранной ко заутрени.
Крест кладет по-писанному,
Поклон ведет по-ученому
На все три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу в особину.
«Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей со любимой семьей,
Со молодой со Авдотьей со Романовной,
Со своими со малыми детушками,
Со тыим со Федором Ивановичем,
Со тыим Иваном Ивановичем!»
Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ты ей же, шурин мой любимый,
Ты ей, Никита Романович!
Знать, ты над собой невзгодушки не ведаешь?
Ведь нет жива твоего любимого племянничка,
Того де Федора Ивановича:
Увел вор Малютушка Скуратов сын
На тое на болотцо на Житное,
На тую плашку липовую,
Срубить да ему буйну голову».
Говорил Никита Романович:
«Здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей со молодой семьей,
С молодой Авдотьей Романовной,
Со своими со малыми детушками,
Со тыим Федором Ивановичем,
Со тыим Иваном Ивановичем!»
Говорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ты ей же, шурин мой любимый,
Ты ей, Никита Романович!
Знать, ты над собой невзгодушки не ведаешь.
Ведь нет жива твоего любимого племянничка,
Того же де Федора Ивановича:

Увел вор Малютушка Скуратович
На тое болотцо на Житное,
На тую на плаху на липовую,
Срубить да ему буйну голову».
Третий раз говорит Никита Романович:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иван Васильевич,
Со своей любимой семьей,
Со молодой Авдотьей Романовной,
Со своими со малыми со детушками,
Со тыим со Федором Ивановичем,
Со тыим Иваном Ивановичем!»
Говорит Грозный царь Иван Васильевич:
«Ты ей же, шурин мой любимый,
«Ты ей же, Никита Романович!
Знать, ты надо мной насмехаешься!
Отстою как я раннюю заутреню,
Прикажу тебе, Никиты, голову срубить»
Сам говорит таково слово:
«Как по ворах было, по разбойниках,
По разбойниках, по ворах есть заступщики;
По моем было рожоном по дитятки,
По нем не было никакой заступушки!»
Говорит Никита Романович:
— «Бывает ли грешному прощенье-то?»
— «Хоть бывает прощенье, да теперь взять негде».
Говорит Никита Романович:
— «Что не отрублена буйна голова
Тому жь де Федору Ивановичу,
А отрублена буйна голова
Тому Малюты Скуратову».
Тут Грозный царь Иван Васильевич,
Он кидается скоро, бросается
Ко тому ко Никиты ко Романовичу,
Берет его за ручки за белые,
Целует во уста во сахарные,
Сам говорит таково слово:
«Мне-ка чем тебя наскори пожаловать
Дать тебе села с приселками,
Али дать города с пригородками,
Али дать тебе золотой казны?»
Говорит Никита Романович:
«Есть у меня золотой казны,
Есть городов с пригородками,
И есть и сел с приселками,
То мне молодцу не похвальба;
А ты дай-ка мне Микитину вотчину:
Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько ушел бы в Микитину вотчину —
Того доброго молодца Бог простит».
Он пожаловал Микитиной его вотчиной:
Хоть с петли уйди, хоть коня угони,
Хоть коня угони, хоть жену уведи,
Столько бы ушел в Микитину вотчину —
Того доброго молодца Бог простит.
Тут век про Микиту старину скажут,
Синему морю на тишину,
Вам, добрым молодцам, на послушанье.

1. Как объяснить замену в песне царевича Ивана царевичем Федором?
2. Что привлекало народные симпатии к образу Никиты Романовича?

5. Женитьба Ивана Грозного и единоборство Кастрюка.

Грозный царь Иван Васильевич,
Произволил он женитися,
Произволил он обручатися,
Не у нас на Святой Руси,
И не у нас в каменной Москвы,
А в земле во неверные,
В земле во Черкасские,
На той ли на Марье Кастрюковной,
И на той ли на Марье Демьюковной.
Еще много брал он в приданое:

Триста татаринов да пятьсот Донских казаков;
Запьяни у них были винные...
Грозный царь Иван Васильевич,
На великих был он на радостях,
И заводил пированьице — почестен пир
На своих князей, на бояр,
На всех на могучих богатырей,
На все паленицы удалые.
Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
И все на пиру порасхвастались.
Один сидит молодец — призадумался,
Не ест, не пьет и не кушает,
И ничем он, молодец, не хвастает.
Вышел дядюшка Никита Романович,
И ходит он по своей по светлой по светлице,
По той ли по гридни по столовые.
Сам говорит таковы слова:
«Что же ты, больше-царский шурин,
Не ешь, не пьешь и не кушаешь,
И ничем, молодец, не хвастаешь?
Какую ты думу думаешь?
Разве место тебе не по разуму,
Али чара ни рядом ошла,
Али невежа на пиру обесчестила?»
«А я думаю думушку крепкую:
Есть ли у вас в Москве борцы
С Кастрюком поборотися,
С Демьюком поломатися,
Силы отведати и царя припотешити?
Я пятьсот борцов поборол,
Пятьсот городов за себя побрал;
Еще как Московских борцов побору,
Всю Москву за себя возьму,
А царя Ивана Васильевича в полон полоню».
И выходил дядюшка Никита Романович
На свое на крутое на красно крылечико,
Крикнул он во всю голову,
Свистнул он во всю Москву:
«Есть ли у нас в Москве борцы
С Кастрюком поборотися,
С Демьюком поломатися,
Силы отведати и царя припотешити?»
По грехам учинилося,
В Москве борцов не случилося,
Только случилося два братца Андреевича:
Один Васенька Маленький,
А другой Обросенька Хроменький, —
На ножку припадывает,
Из-под ручки высматривает.
Возговорит еще Васенька Маленький:
«Ай же ты, князь Никита Романович!
Донеси Грозному царю Ивану Васильевичу,
Не хочу я с ним боротися,
С тем с больше-царским шурином,
А возьму его за праву руку,
И возьму его за леву ногу,
И кину его за Днепру реку».
Говорит Обросенька Хроменький:
«Как пособит мне Бог поборотися,
Так смети ли его из платья вытряхнуть,
Нагого по двору спустить,
По тому ли двору государеву,
По тому ли крылечку красному?»
Приходит Никита Романович:
«Ой же вы, князья-бояра!
У нас хлеб и соль на столе,
У нас есть и борцы на дворе».
И скочил больше-царский шурин,
На тех на великих на радостях
Дубовую скамеечку подломил,
Он много князей-бояр придавил.
Не два ясные сокола слеталися,
Два добрые молодца схватилися.
Как стал Кастрюк на ногах —
А очутился Кастрюк на буйной головы
Платьице у него треснуло,
Кежа у него переснула;
Три ребра он в боку сломил,
И сломил он у него ручку правую,
И сломил у него ножку левую;
Взял его за праву руку,
Из платья его вон повытряхнул,
Нагого по двору спустил,
По тому ли двору государеву,

По тому ли крылечику красному.
И не пошел по двору государеву,
А ушел под крылечико красное,
И сам говорит таковы слова:
«Не дай-ко мне с московскими борцами боротися,
Со тыми с молодымя, с ученымя» [1]).

Какие черты исторической личности Ивана Грозного отразились в песнях о нем?

6. Песнь о Ксении Борисовне Годуновой [2]).

Сплачется малая птичка,
Белая пелепелка:
«Охте мне молоды горевати!
Хотят сырой дуб зажигати,
Мое гнездышко разорити,
Мои малые дети побити.
Меня пелепелку поймати».
Сплачется на Москве царевна:
«Охте мне молоды горевати.
Что едет к Москве изменник,
Ино Гришка Отреньев, Росстрига,
Что хочет меня полонити.
А полонив, меня хочет постритчи,
Чернеческий чин наложити.
Ино мне постритчися не хочет,
Чернеческого чину не сдержати:
Отворити будет темна келья,
На добрых молодцов посмотрити.
Ино, ох, милые наши переходы!
А кому будет по вас да ходити,
После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова?
Ах, малые наши теремы!
А кому будет в вас да седети.

---

1) В лице Кастрюка (по другим вариантам «Кастрюк—*Мастрюк*») и Марьи Кастрюковны—Демьюковны (по другим вариантам—*Темрюковны*) мы видим представителей княжеского рода Темрюковичей из кабардинских черкесов, которые в половине XVI века прибегли к покровительству Московского царя. Об этом роде читаем в родословной: «а у *Темрюка* князя три сына, 1-й сын *Доманука* (не искажением ли этого имени является песенное «Демьюковна»?), 2-й сын *Мастрюк* князь, княжеством Кабардиньским пожаловал ево государь... 3-й сын Салтанкул, а во крещение было ему имя Михайло Темрюкович, и князь Михайло на Москве умер бездетен, да дочь Темрюка князя княгиня *Марья Темрюковна* была за царем Иваном Васильевичем». Этот брак совершился в 1561 году (21 августа).

Другой эпизод песни рассказывает о борьбе Кастрюка - Мастрюка с русскими сплачами в Москве; вместо Москвы другие варианты переносят действие в *Александрову слободу*. Известен факт приезда в 1565 году в Александровскую слободу князя Мамстрюка Темрюковича, который действительно отличался большою физическою силой: «а Мамстрюк добр был собою гораздо и дороден». Некоторые варианты песен довольно точно помнят о времени приезда Мамстрюка после царской свадьбы:

(Он) на *третий* год загулял,
К царю на пир пожаловал.

2) Эта песня, следующая за ней песня о въезде в Москву патриарха Филарета, а также и первая из помещенных ниже песен о Скопине интересны, между прочим, в том отношении, что они были записаны вскоре после того, как были сложены. Вместе с некоторыми другими они были записаны для Ричарда Джемса, который в качестве священника английского посольства прожил в Москве с 19 января по 15 августа 1619 года. Ксения Борисовна Годунова по приказанию самозванца была пострижена в ино-

После царского нашего житья,
И после Бориса Годунова?»
А спалчется на Москве царевна,
Бориса дочь Годунова:
«Ино, Боже, Спас милосердый!
За что наше царство загибло —
За батюшково ли согрешенье,
За матушкино ли немоленье?
А светы вы, наши высокие хоромы,
Кому вами будет владети
После нашего царского житья?
А светы браные убрусы!
Береза ли вами крутити?
А светы золоты ширинки!
Лесы ли вам дарити?
А светы яхонты-сережки!
На сучье ли вас задевати,
После царского нашего житья,
После батюшкова преставленья,
А свет Бориса Годунова?
А что едет к Москве Расстрига
Да хочет теремы ломати,
Меня хочет, царевну, поймати,
А на Устюжну на Железную отослати,
Меня хочет, царевну, постричи,
А в решетчатый сад засадити.
Ино, охти мне горевати,
Как мне в темну келью ступити,
У игуменьи благословиться!

В чем выразился лиризм этой песни?

7. Въезд патриарха Филарета в Москву [1]).

Возрадовалося царство Московское
И вся земля святорусская:
Умолил государь, православный царь,
Князь великий Михайло Федорович:
А что скажут, в'ехал батюшка
Государь Филарет Никитич
Из неверной земли, из Литовской.
С собой он вывез много князей, бояр,
Еще он вывез государева боярина,
Князя Михаила Борисовича Шеина.
С'езжалися многие князи, бояря и многие власти
Ко сильному царству Московскому:
Хотят встречать Филарета Никитича.
Из славного града каменной Москвы
Не красное солнце катилося:
Пошел государь, православный царь
Встречать своего батюшка,

лини под именем Ольги и сослана в пустынь близ Кириллова Белозерского монастыря. Современники отзывались о ней с восторгом: «Отроковица чудного домышления, зельною красотою лепа... Во истину во всех женах благочиннейша, и писанию книжному навычна, многим цветущи благочестием во истину во всех своих делех чредима, гласы воспеваемые люблячие, и песни духовные любезна слышать желаше» (Кубасов «Написание вкратце о царех Московских»). Повесть князя Катырева-Ростовского (XVII в.) говорит о Ксении, как о сказочной царевне: «Благолепие лица ея никто от синклит мог видети, многи же благороднии юноши царского рода... сея ради благородные девицы, оставя свое отеческое царство и грады, и приидоша рабски служить царю Борису, отцу ее, понеже превелие Росии царя дщерь в благородстве своем, яко цвет дивной, сияше». Повесть отмечает особенную красоту черных очей царевны, когда она горевала: «когда же в жалобе слезы из очию испущаше, тогда паипаче светлостию блистаху зельною». Приведенная ниже жалобная песнь, полившаяся еще при жизни Ксении, вложена в уста самой царевны.

[1]) Филарет Никитич, отец царя Михаила Феодоровича, возвратился из литовского плена в Москву в июле месяце 1619 года.

Государя Филарета Никитича.
С государем пошел его дядюшка,
Иван Никитич боярин.
«Дай-споди, здоров был государь мой батюшко,
А батюшко государь Филарет Никитич».
А как будут они в каменной Москве,
Не пошли они в хоромы царские,
А пошли они к Пречистой Соборной,
А пети честных молебнов.
Благословлял своего чада милого:
«И дай, Господи, здоров был православный царь,
Князь великий Михайло Федорович.
А ему сдержати царство Московское
И вся земля святорусская!»

8. Песня о Петре Великом.

Как никто-то про то не знает, не ведает,
Что куда-то наш государь-царь собирается:
Чистым серебром кораблики изнаполнил,
Красным золотом суденышки изукрасил.
Он берет-то с собой силушки очень мало,
Что одних только Преображенских гренадеров.
Как приказ-то дает наш батюшка царь белый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
Не зовите вы меня ни царем своим, ни государем,
А зовите вы меня заморским купчиной!»
Уж и грянул государь-царь по морю гулять.
Как носило-то царя по морю неделю,
Что носило царя белого другую:
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что к тому ли Шведскому королевству.
Не купчинушка по городу гуляет,
Что никто-то купчину не узнает;
Узнавал его только гетман земли Шведской.
Поскорехонько он к королевнушке метался:
— Ах ты гой еси, паша матушка-королевна,
Не купчинушка по городу гуляет,
Что гуляет-то по городу царь белый! —
Как на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила.
По портрету царя белого узнавала;
Закричала королевна громким голосом:
— Ой вы гой еси, мои Шведские генералы!
Запирайте вы воротички покрепче,
Вы ловите царя белого скорее! —
Уж и тут-то наш батюшка не пугался,
Обо всех он Шведских замыслах догадался.
Ко крестьянину на двор он скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянин, депет вдоволь,
Ты вези меня на край синя моря!»
Скоро вывез его крестьянин на край синя моря,
А скорей того в кораблик государь-царь садился,
Закричал он своим матросам и солдатам.
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнее,
Вы гребите и плывите поскорее!»
Как и первая погоня царя белого догонит,
А другая-то погонюшка настигает;
Как возговорит погоня к царю-государю:
— Ты возьми-ко, возьми, царь белый, нас с собою;
А не возьмешь ты нас, батюшка, с собою,
Уж не быть-то нам, горькиим, живым на свете! —
И тут же вся погоня в сине море побросалась,
А наш царь-государь во святую Русь возвратился.

9. Плач войска.

Ох ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвела, когда вызрела?
— Я весной взошла, летом выросла,
Я зарей цвела, солнцем вызрела. —
Ох ты, ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты почто рано позаломана,
Во пучечки перевязана,
По дикой степи поразбросана,
До того ли села Шереметева,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашеного?
У того ли дворца государева,
У крыльца было воскрашеного,
Молодой сержант на часах стоял.
Признобил он резвы поженьки по самы
сапоженьки,
Белы рученьки по самые костыньки.
Стоючи-то он призадумался,
Призадумавшись, слезно плакать стал,
И он плачет — что река льется,
Уж и слезы льют — что ручьи текут,
Воздыхает он — словно лес шумит,
Возрыдает он — ровно гром гремит.
Возрыдаючи он возговорил:
«Вы подуйте с гор, ветры буйные,
Разнесите с небес снежки белые
Растолкните, ветры, бел-горюч камень,
Расшатайте-ка мать сыру-землю
Вы на все па четыре стороны,
Расколите, ветры, гробову доску,
Разверните вы золоту парчу,
Распахните вы бел-тонкой саван!
Уж ты встань, проснись, православный
царь,
Православный царь Петр Алексеевич!
Подыми ты свою головушку,
Посмотри на свою силушку:
Твоя силушка во строю стоит,
Во строю стоит — не шелохнется,
По военному она обучается,
На войну она отлучается».

Тема: Отношение народа к Петру Великому в исторических песнях и сказках (см. ниже в отделе сказок).

10. 1812 год.

Не в лузьях-то вода полая разливается:
Тридцать три кораблика во поход пошли,
С дорогими со припасами — свинцом-порохом.
Французский король царю белому отсылается:
«Припаси-ка ты мне квартир-квартир,
ровно сорок тысяч,
Самому мне, королю, белые палатушки»
На это наш православный царь призадумался.
Его царская персонушк переменилася.
Перед ним стоял генералушка—сам Кутузов.
Уж он речь-то говорил, генералушка,
Словно как в трубу трубил:
«Не пужайся ты, наш батюшка, православный царь!
А мы встретим злодея середи пути,
Середи пути, на своей земле,
А мы столики поставим ему — пушки медные,

А мы скатерти ему постелем — вольны пуди,
На закусочку поставим каленых картечь,
Угонять его будут — канонерушки,
Провожать его будут — все казачушки».

1. Укажите сходство и различие между былинами и историческими песнями (по содержанию и стилю).

2. Отметьте анахронизмы в исторических песнях.

3. Укажите в исторических песнях былинные и сказочные мотивы.

11. Кончина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского [1]).

Ино что у нас в Москве учинилося?
С полуночи у нас в колокол звонили,
А расплачутся гости-Москвичи:
«А теперь наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила». —
А сбежалися князья, бояря, супротиво к ним,
Мстиславский князь, Воротынский;
А между собой они слово говорили,
А говорили слово, усмехнулися:
«Высоко сокол поднялся
И о сыру матеру землю ушибся». —
А расплачутся Свецкие Немцы:
«Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила».
Побежали немцы в Новгород,
И в Новегороде заперлися,
И многий мир-народ погубили,
И в латынскую землю превратили.

Михаило Скопин [2]).

В той же славной каменной Москве,
У того ли было князя Воротынского,
Крестили молодого князевича,
А Скопин-князь Михайло кумом был,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынского
Как будет и почестной стол,
Туто было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полу-пире,
Княженецкой стол во полу-столе,
Как пьяненьки тут расхвастались:
Сильной хвастает силою,
Богатой хвастает богачеством;
Скопин-князь Михайло Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед.
Не с большого хмелю он похвастается:
«А вы, глупый народ, неразумные!
А все вы похваляетесь безделицей.
Я, Скопин, Михайло Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистил царство Московское
И великое государство Российское;
Еще ли мне славу поют до веку,

---

[1]) См. выше—примечание к песне о Ксении Годуновой.

[2]) Из сборника Кирши Данилова, записи которого относятся ко второй половине XVIII в.

От старого до малого,
От малого до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
А в тот час они дело сделали,
Поддернули зелья лютого,
Подсыпали в стакан, в меды сладкие,
Подавали куме его крестовые,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она, знавши, кума крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину-князю Михайле Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово:
«Услышал во утробе неловко добре!
А и ты с'ела меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова,
А зазнаючи мне с зельем стакан подала,
С'ела ты меня, змея подколодная!»
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел.
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке;
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопин-князь Михайло Васильевич!
Я тебе приказывала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свету белого
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова».
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина, то и деянье,
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послушанье,
Молодым молодцам на перениманье.
Еще нам, веселым молодцам, на потешенье,
Сидючи в беседе смиренные,
Испиваючи мед, зелено вино.
Где-ко пиво пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову

Скопин [1]).

Во славном во городе во Киеве,
У ласкова у князя у Владимира,
Родилось у него да чадо милое.
С той же со радости великоей,
Завелся у князя-то почестен пир,
Про многих князей да многих бояров,
Про тих же мещан городовых,
Про тих же купцей, людей торговых.
Да все на пиру пьяны-веселы,
Да все на пиру потешаются.
Растешился солнышко Владимир-князь,
Он погуливал по гриденки по светлоей,
Но той же по середы кирпичатой,
А резвыми ногами он поступывал,
Белыми руками приразмахивал,
Из речей-то Владимир выговаривал:
«Ты ой есь, княгиня да мать Апраксия!
Нам кого же поставити в кумушки?»
Говорит-то княгиня мать Апраксия:
— Надо бы с'ездить во Галичу во Малую,
Во ту же Карелу пребогатую,
Позвать удала добра молодца,
А Скопина ли Михаила сына Ивановича,
Его же поставити во кумушки. —
«Кого же послати в Малу Галичу?»
— Послать нам Добрынюшку Микитича.
А Добрынюшка Микитич он крестовой брат,
А послушат Скопин своего крестовушка.—
«Ож ты ой есь, Добрынюшка Микитич млад!

---

[1]) Из «Печорских былин» Онучкова, записи конца XIX века.

Ты с'езди во Галичу во Малую.
Во ту же Карелу пребогатую,
Позови-ка удала добра молодца,
Ко князю его всё во кумушки».
На то-де добрый молодец не отслышался,
Да стал-то Добрынюшка сряжатися,
Уздает, седлает коня доброго,
Он скоре садится на добра коня,
Он поехал во Галичу во Малую,
Во ту же Карелу пребогатую,
Ко тим же теремам высокиим,
Ко тим же окошечкам косявчатым,
К тому же крылечушку прекрасному...
Проходит Добрынюшка Микитич млад,
Да молится Добрыня Господу Богу,
Да кланяется на все четыре стороны:
«Да здравствуй, мой названушко, крестовый брат!»
— Да здравствуй, Добрынюшка, крестовый брат! —
Да скоро скочил да на резвы ноги,
Берет-то его да за белы руки,
Да хочет он делать пир великие,
Да ради своего он крестовушка.
«Ож ты ой еси, названой мой крестовушко!
Скопин Михайло сын Иванович!
Нельзя мне сидети на честном пиру,
Я послан к тебе да на ускорую,
От ласкова князя от Владимира,
Зовут-то тебя они во кумушки».
Приходит удалой доброй молодец,
Скопин Михайло сын Иванович,
Ко своей ко матушке родимоей,
Он кланяется ей да во резвы ноги:
«Ой моя маменька родимая,
Честная вдова благочестивая!
Спусти меня во стольнёй славной Киев-град,
А мне дайте благословленье великое».
— Не дам благословленье великое,
Итти тебе, ехать во стольнёй Киев-град,
А ты же во хмелю да не сурядливой,
Там злые бояришка подмолвщики,
Кособрюхие воры, подговорщики.—
Однако же кланяется в резвы ноги:
«Ты ой, моя матушка родимая!
Честная вдова благочестивая!
Ож не дашь благословленья великого,
Поеду же, поеду в стольнёй Киев-град».
Однако же дала благословленьицо.
С буйной-де главы и до сырой земли,
Да стали молодцы да нынь сряжатися,
Скорей же того да сподобляются.
Уздает, седлает коня добраго,
Он и скоре садится на добра коня,
Да едут во стольнёй славной Киев-град,
Ко ласкову князю на почестен пир.
Окрестили молитвами младенца,
Ставал-то Скопин да он во кумушки,
Со той же Скурлатовой со Малютиной.
Выходили они да из Божьей церкви,
Ко ласкову князю на почестен пир.
Да все на пиру напивалися,
Да все на честном да похваляются,
Из ума-де Скопин да выпивается,
Во хмелю-де Скопин да похваляется:
«Да много да Скопин по землям бывал,
Да много да Скопин городов бирал,
Не боялся Скопин да сорока полков,
Сорока-де полков да сорок тысячных,
Я Малюту-царя да во полон бирал,
Я Малютину дочь держал порукою».
Та же Скурлатова дочь Малютична,
Спускается она да во глубок погреб,
Выносила чару зелья лютого,
По краям-то чары как ключи кипят,
На середка-де чары да огонь горит.
Он и пьет, Скопин, чару за единой дух,
Скатилася с плеч голова, как пуговица,
Сидит-то Скопин да не по прежнему.
Подхватили Скопина сына Михайловича,
Да садили его да на добра коня,
Да везли бы его да к матушке родимоей.
Да встречала его матушка, горько плакала,
Похоронила она своего сына любимого.
Да та его матушка родимая,
Да зла паленица преудалая,
Выходила она да вон на улицу.

Сурядила она да коня доброго,
Да скоро садится на добра коня,
Да едёт во стольнёй славной Киев-град,
Ко тим же полатам княженецкиим,
Кричит под окошечком косявчатым:
«Подайте-тка мне да виноватого!»
Отвечают там-де слуги верные:
— Виноватого в доме не случилося,
Отлучился виноватой во чисто полё. —
Аж тут Маревьяна поворот даёт,
А едет она во чисто полё,
Выехала на горы на высокие,
Да зрит-то, смотрит да во вси стороны,
Завидела она в поле шатер стоит,
Стоит-то шатер да чернобархатной.
Она едет ко шатру как чернобархатну,
А берет-то стрелочку каленую,
Откинет у шатра да полу правую,
Да спит тут Скурлата да дочь Малютична.
«Ставай-ко, Скурлата дочь Малютична!
Да полно те спать, право пора ставать».
Ото спу-то Скурлата просыпается,
Выходит она да вон на улицу,
Берет Маревьяна нынь востро копьё,
Втыкаёт тупым концом в сыру землю,
Берет-то Скурлату дочь Малютичну,
Посадила ее на востро копье.
Да тут-то Скурлаты смерть случилася.
А оттудь Маревьяна поворот дает.

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский «бысть воевода храбр и мужьствен, добрым благоприятельством ко всему народу Русскому себе показа, скоро, аки молния, супостатные полки обтече и вся овцехищные волки люто устраши: пастырь бо зверегонителен бысть»... («Иное сказание» XVII в.) О смерти Скопина-Шуйского подробно рассказывают «Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском» (тоже XVII в.), богатые элементами народно-поэтического творчества:

«Ёгда той воин и воевода, князь Михайло Васильевич Шуйский, послушав царя, и приехал в царствующий град Москву из слободы Александровы, и напрасно грех ради наших и родися боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому сын княжевичь Алексей. И не дошед дву месяц по четыредесят дней рождения бысть князь Михайло крестный кум, кума же княгиния жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского Марья, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников своих и советников мысляше во уме своем злую мысль изменную уловити, аки в лесе птицу подобну... И как будет после честного стола пир на веселю, и дьявольским омрачением злодеянница та княгиния Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре уготовано лютое питие смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха, а не ведает, что злое питие лютое смертное. И не в долг час у князя Михайла во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как восходит в свои хоромы княженецкие, и усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи: и очи у него ярко возмутилися, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются. И восплакалася горько мати его родимая и во слезах говорит ему слово жалостно: «Чадо мое, сын князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честного пиру от'ехал? Любо тобе богоданный крестный сын принял крещение не в радости? Любо тобе в пиру место было не по отчеству? Или бо тобе кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тобя на пиру честно упоил честным питием? И с того тобе пития век будет не проспатися. И сколько я тобе, чадо, в Олександрову слободу прикалывала: не езди во град Москву, что лихи в Москве звери лютые, а пышат ядом змииным изменничьим».

И паде князь Михайло на ложе своем и нача у него утроба люто терзатися от того пития смертного. Он же на ложе в тесках мечущеся и биющеся и стонуще и кричаще люте зело, аки зверь под землею, и желая отца духовного. Мати же да жена его, княгиния Александра Васильевна, и весь двор его слез и горького вопля и кричания

исполнился. И донде в слух сия болезнь его страшная до войска его и подручия. до Немецково гоеводы, до Якова Шупгусова. И многи дохтуры немецкие со многими лечебными пригодами и неможаше никако болезни тоя возвратити. Из двора дохтуры Немецкие от князя идяху и слезы испущаху, яки о государе своем».

На основании сравнения записи песен о Скопине XVII, конца XVIII и конца XIX вв. выясните процесс превращения исторической песни в былину.

ЮЖНО-РУССКИЕ ДУМЫ.

1. Южно-русская песня и современные ее носители.

Былина, когда-то, может-быть, бывшая уделом профессионального певца, теперь не составляет уже профессии: на севере профессиональным остается лишь духовный стих, и то потому, что главные носители его—нищая братия, для которой, как неспособной к иному роду занятий, пение стихов в интересах получения милостыни остается чуть ли не единственным средством к существованию; на юге, как историческая песня, так и духовный стих до сих пор преимущественно в руках певцов-профессионалов, которые никоим образом не могут быть поставлены на одну доску с нищими, хотя и эти последние поют духовные стихи. Пример Пархоменка, О. Вересая и других ясно говорит в пользу подобного взгляда на певца-южанина: если пение дум и составляет предмет заработка, если итти в профессиональные певцы и заставляет, главным образом, потеря зрения, как то видно из биографий большинства певцов, то все же это—люди с известным общественным положением, имеющие иногда и другие занятия, им доступные, отнюдь не те одинокие, бездомные скитальцы, какими обыкновенно бывают нищие. В пользу того же говорит и то, что пение южного певца должно было стать (или остаться) более профессиональным потому, что оно связано с другим искусством, специального характера, музыкой; тогда как северный певец былин—любитель—поет и за работой (ср. Гильфердинга), в минуты передышки от нее, поет без всякого аккомпанимента, руководясь лишь своим музыкальным тонким слухом, бандурист и лирник Юга потому—бандурист, кобзарь и лирник, что песня его без аккомпанимента бандуры или лиры невозможна, если не принимать во внимание редких исключений. Этим южный певец духовных стихов отличается от своего северного собрата калики. Наконец, что особенно ясно говорит в пользу профессиональности южнорусского певца, это принадлежность к известной группе—«гурту» певцов: мы имеем перед собою не только группу лиц, об'единяемых общностью занятий, но и правильно организованное товарищество, руководящееся традиционными, выработанными, видимо, давно правилами, с своеобразным даже чиноначалием.

Приведу сначала сообщение самого Т. М-ча[1]) об их «гурте». Самое ценное в сообщения Пархоменка—ритуал приема в «гурт» нового члена, до сих пор точно нигде не воспроизведенный. Вот сущность рассказанного Пархоменком. Центром сосницких[2]) певцов является известное в свое время войсковое местечко Мена, где в церкви у них есть своя икона, перед которой горит негасимая лампада, содержимая на счет всего «гурта», ежегодно отчисляющего из своих до-

---

[1]) Терентий Макарович Пархоменко—выдающийся певец дум и псальм, бандурист.

[2]) Сосницкого уезда, Черниговской губернии.

ходов известную сумму. В Мене у членов братства происходят собрания для решения общих дел, но и помимо Мены братчики собираются в определенное время на ярмарках и храмовых праздниках, при чем каждому члену определяется район, в котором он может действовать, не имея права (это касается не всех) посещать не предназначенные ему города и села. Во время этих собраний происходит суд над провинившимися, назначение пеней («а иногда и побьют»), прием новых членов, т.-е. определение, кому брать, кому не брать учеников, экзамен ученикам, возведение их в число братчиков, награждение званием «майстера», т.-е. дозволение иметь учеников и т. д. Здесь во время этих собраний учитель-майстер, он же «пан-отець», представляет на экзамен и инвеституру окончившего курс ученья своего ученика.

С небольшими вариациями, но в то же время дополняя Пархоменка, дает сведения об организации и О. І. Ходоровский. Вот целиком его сообщение.

Т. М. Пархоменко.

«Вообще все нищие (лирники и кобзари: точно так же и в «гурте», о котором говорил П-о, различия по инструментам значения не имеют) составляют, по словам их, так называемую «нищенскую братию». «Братия» составляет свой совет по ярмаркам, где собираются нищие, также по городам в торжественные дни. Каждый нищий, вступающий в братство, ходит по селам с лирою (или кобзою) и выученными песнями, обязуется, по уставу нищенской братии, внесть деньгами один рубль в уездный нищенский цех. Для приема взносов нищенская братия своим советом (собранным на ярмарке) поручает кому-нибудь из нищих принимать взносы от молодых братчиков и хранить их в сундуке до израсходования по определению братии. Другому нищему, часто даже живущему вдали от первого, вручают замок (?) и ключ от сундука. По определению братии на собранные деньги от молодых нищих в церковь какого-нибудь села покупают подсвечники, свечи, оливу (масло).

Обыкновенно, мальчики хромые или же слепые, часто даже здоровые, но бедных родителей, поступают к нищим «поводырями», получая от них от 3 до 10 рублей жалованья в год на нищенских столе и одеже. Если мальчик, лет до 14—15 поводивши нищих, был здоровым (т.-е. не слепой, не хромой или без падучей болезни),

то он возвращается в родное село, заработавши денег, и остается в нем хлебопашцем. Когда же мальчик-поводырь—слепой, хоть на один глаз, или хромой, то лет в 13—15 из поводырей поступает в «ученики» к тому же нищему, которого водил, или к другому на год, два и не более трех лет. В благодарность за ученье ученик обязан, по уставу братии, во все время ученья ходить по селам за милостынею и, без всякой утайки, все полученное отдавать своему учителю, который называется у учеников «пан-отець». Бывают случаи, что поводырь, не бывши учеником, бросает своего хозяина и, научившись кое-каких песен по слуху от водимого нищего, пускается в странствование по селам, за что подвергается тяжелым побоям от «нищенской братии» при встречах в селах. Обыкновенно каждый нищий, при встрече с незнакомым молодым нищим, спрашивает: откуда он, у какого «пан-отця» учился и верно ли отслужил за науку? Если впоследствии узнано будет нищими (хотя бы при встрече молодой нищий и соврал), что молодой нищий не отслужил сполна срока «пан-отцю» за науку, либо же утаивал от него собранное подаяние и не получил от нищей братии благословения «на все четыре стороны», не был хлебосолом «братии», то такого самозванца «братия» жестоко избивает палками, костылями и кулаками и навсегда запрещает ему ходить по селам с «лирой и песнями», а дозволяет только (как не окончившему курса науки) просить милостыню «Христа ради», без песен и лиры.

По окончании срока учения у «пан-отця» нищий-курсист должен явиться в «братию» на одну из ближайших ярмарок за благословением и дозволением начать свое странствование. По уставу «братии» житель одного уезда, но бывший в ученьи в другом уезде, имеет право ходить за милостыней в своем уезде, в уезде, где учился, и еще в ближайшем уезде к тому, где учился, а жители одного уезда, обучавшиеся в том же уезде, имеют право ходить только по своему уезду; за неисполнение этого правила виновные подвергаются побоям со стороны «братии». Имеющий право путешествовать по трем уездам принадлежит к «нищей братии» трех уездов, а получивший право на один уезд состоит «братчиком нищей братии» одного уезда. Во все ярмарки, торжества «нищая братия» должна собираться по уездам на основании вышеизложенных правил; здесь-то бывают советы, принимаются цеховые взносы от бывших учеников по рублю, и здесь же «новичок-курсист» получает разрешение «братии» отправиться «на все четыре стороны». Благословение это совершается таким образом. Новичок-курсист среди нищенского кружка на ярмарке находит своего «пан-отця». Подходит новичек к сидящим в кружке нищим. «Пан-отець» встает на ноги. Новичок три раза читает: «Молитвами св. отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» Все сидящие нищие отвечают:—Аминь.—Тогда новичок кланяется в пояс своему «пан-отцю» и говорит: «Покорно благодарю вас, пан-отець, за доброе ученне, за молитвы Иисусовы, за слова евангельски, за псальмы спасытельные, за Мойсеев закон. А вас (вы?), нищая братия, старшая и меньшая, благословеть мене на все чотыри стороны». «Пан-отець» обращается к сидящим нищим с такою речью:—Братия старшая и меньшая, чи не обидив кого сей учен, чи не вкрав у кого, чи не полаяв кого, чи не заприкмытылы (заметили) за ним поганого чого?—Если кто из нищих заявит претензию к новичку и по просьбе последнего, простит ему, то вся «братия» просит от новичка хлеба-соли, т.-е. новичок тогда покупает каждому по булке и рыбе, угощает водкой и, угостивши «братию» и «пан-отця», кланяется и спрашивает: «Чи довольны вы моим хлебом-солью?» Отвечает «братия»:—Довольны.—Тогда новичок кланяется и говорит: «Теперечки благословеть мене на все чотыри стороны». «Пан-отець» отвечает:—Бог благословить,—а «братия» добавляет: «Як ты верно служив своему пан-отцю, нехай и тоби так люде служать». Этим оканчивается благословение новичка. Если у него имеются деньги, то на его счет продолжается выпивка и закуска. И получивший права новичок отправляется в свой «нищенский путь»... У братчиков есть свой условный «нищенский язык».

Таким образом, характерные признаки организации певческих обществ сводятся к следующим: 1) Основа певческого братства—территориальная, т.-е. община охватывает собою определенный ряд сел, деревень, местечек и городов, где братство функционирует, охраняя свои права в этих местах от эксплоатации других обществ и лиц, не принадлежащих к данному братству. 2) Имеет свой центр в определенном

месте, что выражается в содержании на общий счет иконы, свечей, лампады в той или другой церкви, а это в свою очередь придает религиозный до известной степени характер всей организации. 3) Управление делами братства—общинное, с выборными лицами: главная власть принадлежит собранию: суд, распоряжение общими суммами, прием новых членов. 4) Братство имеет общую кассу, составляющуюся из взносов отдельных лиц членов братства, как старых, так и вновь поступающих. 5) Братство дает право учительства, но и само имеет право контроля над учением (экзамен). 6) Братство имеет определенный ритуал приема в свою среду, ритуал, также окрашенный религиозным тоном, что опять стоит в связи с общим характером товарищества. 7) Прием в братство обусловлен известными профессиональными знаниями: умением играть на лире или бандуре, знанием известного количества песен, знанием условного языка товарищества. 8) Остальное—частная, личная жизнь члена братства общества не касается.

В эти черты укладывается вся картина певческого общества носителей народной поэзии: общий коллективный труд в определенной области. Таким образом здесь, с одной стороны, известная печать общая ложится на личность певца, с другой—эта личность не стеснена, если знаешь необходимое для промысла, никому нет дела, если ты расширишь или убавишь, лишь бы от этого не страдало главное.

Это дает нам право различать у каждого певца в его поэтическом запасе черты общие, связывающие его с другими певцами той же местности, и черты индивидуальные, судить о нем, как о личном художнике.

М. Н. Сперанский.

2. Дума о смерти козака-бандуриста.

Ой на Тата́рськіх полях,
На козацькіх шляхах,
Не вовки́-сіроманці квилять-проквиля́ють,
Не орли́-чо́рнокри́льці клеко́чуть и під небеса́ми літа́ють:
То сиди́ть на моги́лі коза́къ старесенький,
Як голу́бонько сиве́сенький,
У ко́бзу гра́е-виграва́е,
Го́лосно співа́е...
Кінь біля нього́ постріляний, пору́баний,
Ра́тище пола́мане,
Піхви без ша́блі була́тноі,
У ладівни́ці ні однісенького набо́ю,
Тількі й зоста́лась е́му́ банду́ра подоро́жняя,
Та у глибо́кій кише́ні лю́лька-бу́рунька,
Та тютюну пів-папу́шки.
Коза́к серде́га лю́лечку потяга́е,
У ко́бзу гра́е-виграва́е,
Жа́лібно співа́е:
«Гей, бра́тця, пани́ моло́дці,
Козаки́ Запоро́жці!
Де ви ся поверта́ете,
Як ви ся ма́ете?
Чи до Січи-ма́тери прибува́ете?
Чи Ляхів-ворогів киями поклада́ете?
Чи Татар бусурменів малахая́ми, як че́реду, у поло́н заганя́ете?
Коли́б мині Бог поміг старі но́ги росправля́ти,
За ва́ми поспіша́ти,
Мо́же б ще я зду́жав на оста́нку віку вам загра́ти,
Го́лосно заспіва́ти!
Неха́й би моя́ ко́бза зна́ла,
Що мене рука́ христия́нська похова́ла!
А то́ пропаде́ моя кобза ні за собаку:
А вже мині старенькому без ко́бзы пропада́ти:
Не зможу́ я по степа́х чвалати,
Бу́дуть мене́ вовки́-сірома́нці зустріва́ти,
Будуть дідом за обідом коня́ мого заіда́ти.
Ко́бзо ж моя́, дружи́но вірная,
Бандуро моя малёваная!
Де ж мині тебе́ діти?

А чи у чи́стому степу́ спалити?
И попілець по вітру пусти́ти?
А чи на моги́лі положи́ти?
Нехай буйни́й вітер по степа́х проліта́є.
Стру́пи твої зачіпа́є.
Смутне́нько, жалібне́нько гра́є вигра́є,
То, мо́же, подорожні козаки́ бігтимуть близе́нько,
Почу́ють, що ти гра́єш жалібне́нько,
Приве́рнуть до моги́ли...».

Перевод. На татарских полях, на козацких дорогах не серые волки воют, не чернокрылые орлы клохчут и под небесами летают: то сидит на кургане престарелый козак, седой как голубь; он играет на кобзе, он громко поет...

Подле него израненный пулями и саблями конь, изломанное копье, ножны без булатной сабли и ни одного заряда в ладунке. Только и осталась у него дорожная бандура, да в глубоком кармане бурая трубка, да пол-папуши табаку.

Козак-бедняга трубочку покуривает, играет на кобзе и жалобно поет:

— Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы! Где вы обретаетесь? каково вам поводится? Возвращаетесь ли вы к матери-Сечи, побиваете ли дубьем врагов ляхов, загоняете ли в полон нагайками бусурманов татар, как стадо? Когда бы помог мне Бог расправить старые ноги и поспешить за вами, то, может быть, я бы еще был в силах заиграть и громко запеть вам при конце жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука христианская! А то пропадет моя кобза ни за собаку. Приходится мне, дряхлому, погибать без кобзы: не в силах я тащиться по степи.

Повстречают меня серые волки; конь мой будет им обедом, а я, старик, закускою. О кобза, подруга моя верная, бандура ты моя размалеванная! Куда мне девать тебя? Сжечь ли мне тебя и развеять пепел по ветру или положить на кургане? Пусть буйный ветер пролетает по степям, пусть задевает твои струны и грустно, жалобно на них напрывает. Может быть, проезжие козаки будут скакать близко; может быть услышат твой жалобный голос и поворотят к кургану»...

3. Маруся Богуславка.

Що на Чорному морі,
на камені біленькому,
там стояла темниця камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сімсот козаків,
бідних невольників,
То вже тридцять літ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного в вічі [1]) собі не видають.
То до їх дівка бранка [2]).
Маруся, попівна Богуславка,
прихождае,
словами промовляе:
«Гей, козаки,
«ви, бідні невольники!
«Угадайте, що в нашій земли Християнській за день тепера?»
Що тоді бідні невольники зачували,
дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку
по річах познавали,
словами промовляли:
«Гей, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко!
Почім ми можем знати,
що в нашій землі Християнській за день тепера?
Що тридцять літ у неволі пробуваем,
Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видаем.
То ми не можемо знати,
що в нашій землі Християнській за день тепера».
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка

[1]) В очи.

тее зачуває,
до козаків словами промовляє:
«Ой, козаки,
ви, бідні невольники!
Що сёгодня у нашій землі Християнській Великодная суббота [1]),
а завтра святий праздник, роковий день Велик-день» [2]).
То тоді ті козаки тее зачували,
білим лицем до сирої землі припадали,
дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
кляли-проклинали:
«Та бодай [3]) ти, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко,
щастя й долі собі не мала [4]),
Як ти нам святий праздник, роковий день Велик-день сказала!»
То тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
тее зачувала,
словами промовляла;
«Ой, козаки,
ви, бідні невольники!
Та не лайте мене, не проклинайте;
бо як буде наш пан турецький до мечети відъіжжати,
то буде мині, дивці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
на руки ключи віддавати:
то буду я до темниці прихождати,
темницю відмикати,
вас всіх, бідних невольників, на волю випускати».
То на святий праздник, роковий день Велик-день,
став пан турецький до мечети відъіжжати,
став дівці бранці,
Марусі попівні Богуславні,
на руки ключи віддавати.
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
добре дбає [5]) —
до темниці прихождає,
темницю відмикає,
всіх козаків,
бідних невольників,
на волю випускає
і словами промовляє:
«Ой, козаки,
ви, бідні невольники!
Кажу я вам, добре дбайте,
въ городи християнські утікайте [6]);
тількі прошу я вас, одного города Богуслава не минайте,
моёму батьку й матері знати давайте:
ти нехай мій батько добре дбає,
гуртів, великіх маетків нехай не збуває [7]),
великіх скарбів не збірає,
та нехай мене, дівкі бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
з неволі не викупає;
бо вже я потурчилась, побусурменилась,
для роскоші турецької,
для лакомства нещастного!» —
Ой визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників.
з тяжкої неволі,
з віри бусурменської,
на ясні зорі,
на тихі воді,
у край веселий,
у мир хрещений!

1. В чем главное отличие малороссийских дум от исторических песен?
2. В каких формах выражается лиризм в малороссийских думах?
Т е м а: Бандурист и сказитель.

---

1) Страстная суббота.
2) Пасха.
3) Дай Бог.
4) Не имела
5) Делает.
6) Убегайте.
7) Не собирает.

ПЕСНИ-БАЛЛАДЫ.

1. Ванька-Ключник.

В каменной-то Москве, у князя у Волконского,
Тут живет-то поживает Ваня клюшничек,
Молодыя-то княгини полюбовничек.
Ваня год живет, другой живет, князь не ведает.
На третий-то на годочек князь доведался
Через ту ли через девушку через сенную,
Через сенную да через самую последнюю.
Закричал же князь Волконский зычным голосом
— Уж вы, слуги мои, слуги верные!
Вы сходите, приведите Ваню клюшника.
И стал же князь Ванюшу да выспрашивати:
— Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи правду всю:
Ты который год с княгиней во любви живешь?
На первой-от раз Ванюша не покаялся.
Он выспрашивал Ванюшу ровно три часа.
Что и тут-то наш Ванюша не покаялся.
Закричал же князь Волконский громким голосом:
— Вы слуги ли мои, слуги, слуги верные!
Вы ведите-ка Ванюшу на конюшный двор!—
Повели же ведь Ванюшу широким двором.
На Иванушке сибирочка пошумливает,
Александрийская рубашка ровно жар горит,
Козловы новы сапожки поскрипывают.
У Иванушки кудеречки рассыпаются,
А идет-то сам Ванюша усмехается.
Привели же ведь Ванюшу на конюшный двор.
Там и начали Ванюшеньку наказывати:
Александрийская рубашка с телом сметана,
Казимирова сибирочка вся изорвана,
Русы кудеречки порастрепаны,
Козловы новы сапожки крови полные.
Закричал же наш Ванюша громким голосом:
— Уж ты барин ли наш, барин, ты Волконский князь!
Поставлено зелено вино—кто не пьет его?
Приготовлены закусочки—кто не кушает?
Как у нас-то со княгиней было пожито,
Виноградных вин с княгиней было попито,
Приготовленных закусочек покушано. —
Закричал же князь Волконский громким голосом:
— Уж вы, слуги мои, слуги, слуги верные!
Вы копайте-ка две ямы, две глубокие,
Становите вы два столба два высокие,
Перекладину кладите вы кленовую,
Привяжите-ка вы петельку шелковую
И повесьте тут Иванушка изменника,
Молодыя-то княгини полюбовника! —
Что Иванушка на петельке качается,
А княгиня во тереме кончается.

2. Князь Роман жену терял.

Как князь Роман жену терял,
Терял, терзал, в реку бросал,
Во ту реку во Смородину...
Приехал к своему широку двору:
Встречает его дочь любимая.
Принимает из кареты за белы руки:
Стала у батюшки выспрашивать:
«Государь мой, родной батюшка,
Куда ты девал мою матушку?» —
—Не плачь, не плачь, дочь любезная!

Пошла твоя матушка во высок терем
Белитися и румянитися,
Во цветное платье наряжатися!»
Пошла княжна во высок терем
Искать своей матушки родимыя:
Беленички стоят не белены,
Румянички и не тронуты,
Цветно платье — на грядочке.
Идет княжна, как река льется...
«Государь ты мой, родной батюшка,
Куда девал мою матушку?»
— Не плачь, не плачь, дочь любимая!
Поехала матушка в чисто поле,
Цветочки рвать, веночки вить!—
Выходила княжна на крылечушко,
Закричала своим громким голосом:
«Ах вы, слуги мои, слуги верные,
Запрягайте скорее колясочку,
Привезите меня к матушке родимой,
Ах, далече, далече, во чисто поле,
Цветочки рвать, веночки вить!»
Приехала далече во чисто поле:
Цветочки стоят не сорваны,
А веночки и не свиваны.
«Ах, нет моей матушки родимыя!»
Как билася княжна об сыру землю,
Она плакала громким голосом...
Над ней летал млад орел-птица,
Орел-птица, птица пархая:
Спущался к ней на белы руки...
В когтях держал руку белую,
Руку белую, руку правую,
Со перстенями со алмазными.
Что возговорит орел-птица:
«Не плачь, молода княжна,
Не ищи ты своей родной матери!
Как князь Роман жену терял,
Терял, терзал, во реку бросал.
Во ту реку во Смородину.
Вот твоей матушки права рука,
Со перстнями со алмазными!»
Приехала княжна к широкому двору,
Восходила она во высок терем,
Она била руки о дубовый стол.
Услышал ее батюшка родимый, —
Бежит к княжне во высок терем:
«Ты о чем плачешь, дочь любимая?»
— Государь ты мой, родной батюшка!
За что погубил мою матушку? —
— Ах, свет моя дочь любезная!
Не я терял, не мои руки,
Потеряло ее слово противное!
Приведу я тебе матушку любезную! —
Что возговорит млада княжна:
Не желаю матушки любезныя,
Желала бы свою матушку родимую!»

1. Исполнители народной песни.

Вся сила и красота исполнения хорошего народного хора заключается в том что он поет, свободно импровизируя, вследствие чего в нем нет ничего механического. В этом его главное преимущество перед хором дисциплинированным, который вполне подчиняется воле дирижера и передает его идею и чувства. Ученый хор может поражать выработкой ансамбля, тонкостью оттенков, красивой фразировкой, но редко может увлечь слушателя. Высшая похвала такому хору: «Он поет, как один человек», хотя бы пело 100, 200 и более. Дирижер, как маг, как гипнотизер, одним движением руки вызывает тончайшие внешние оттенки от едва слышного pianissimo до поражающего forte, но индивидуальное чувство каждого исполнителя подавлено, оно не может проявиться при постоянном сосредоточенном внимании на палочке дирижера. Идеал такого хора—«разумный деспотизм», если будет позволено так выразиться. Народный хор основан совсем на другом принципе. Он состоит из певцов, которые изливают в импровизации свое чувство, стремятся каждый проявить свою личность, но вместе с тем заботятся о красоте общего исполнения. Даже лучшие народные певцы не любят петь в одиночку. «Одному не спеть».—приходилось мне часто слышать.—«артелью легче». Это выражение «петь артелью» очень характерно для народного склада песни. В песенной артели каждый член является исполнителем и вместе композитором. Правда, запевала дает тон песне, влияет на стиль данного варианта—вольный или строгий, но каждый порядочный певец может быть запевалой. Если идеал дисциплинированного хора есть подчинение целого личности дирижера, то хор народный, напротив, представляет свободное слияние многих личностей в одно целое. Каждый хороший певец проявляет себя в своей разработке основного мотива, и каждый подголосок носит свой, особый характер, отчего удивительно выигрывает живость исполнения. Хор народный поет не «как один человек», а как много людей, одушевляемых общим чувством любви к песне, изливающих в ней свое горе и радости.

Именно потому, что вся сила народной песни в свободной импровизации, заученное исполнение народной песни даже лучшими артистами никогда не может сравняться с настоящим народным исполнением.

На стороне народных исполнителей всегда останется преимущество, которое мы можем приобрести только огромной работой над собой. Народ импровизирует песню, мы заучиваем ее по нотам. В то время, как в народном исполнении песня льется непрерывною струей, у нас всегда слышно деление на такты и ноты. Народ сказывает песни в протяжной музыкальной речи, мы поем мотив, иногда не зная слов и очень неясно произнося их. Народ любит свою песню, умиляется перед нею, именно умиляется,—мы сходим к ней. Я убеждена, что до тех пор, пока мы не вживемся в песню, как вживается каждый настоящий артист в свою роль, до тех пор наше исполнение будет слабо и бледно. Для того, чтобы нам петь хорошо народные песни, нужно знать их и работать над ними, не теоретически только, а петь их, петь и петь. Нам нужно учиться их импровизировать.

В пении есть только одна хорошая школа, общая для всех национальностей. Ее главные требования: глубина чувства, простота исполнения, изящество фразировки и при всем этом чувство меры; те же требования ставятся и хорошему народному певцу [1]). Может-быть, бессознательное народное творчество чисто классическою простотою исполнения превосходит даже высшую школу, выработанную профессиональными артистами; именно благодаря тому, что народный певец сам складывает песню, она льется невольно и безыскусственно.

Позволяю себе сделать выписку из моей дорожной записной книжки, чтобы нагляднее обрисовать народное исполнение песен.

«Митревна прежде всех вышла вперед. Высокая, очень прямая, со строгим лицом, она выступила без всякой застенчивости, с большим достоинством. Видно было, что ей в привычку браться за дело серьезно. За нею потянулись другие бабы, стали в кружок и притихли. Митревна подперла щеку рукой и каким-то особенным, сильным и строгим взглядом оглянула певиц. Что-то страстно-сдержанное в этом взгляде мгновенно передалось другим бабам. Они приторочились, и каждая точно углубилась в себя. Лица стали у всех серьезными, и глаза впились в Митревну. Глубокое внимание отразилось на них. В этот момент я поняла, что значит выражение «бабы люты на песни».

«Она запела мою любимую песню «Лучинушка», которую я всюду искала и ни разу не записала удачно. Митревна вела основную мелодию. Она запевала низко и звучно, удивительно свежим для такой старой женщины голосом. В пении ее не было никаких сантиментальных подчеркиваний или взываний. Оно поражало своею изящною простотой; песня лилась ровно и ясно, ни одно слово не пропадало. Несмотря на широкую протяжную мелодию, выразительность, которую она вкладывала в слова песни, была так велика, что она будто в одно и то же время пела и сказывала песню. Меня удивляла эта чисто классическая строгость стиля, которая так шла к ее серьезному лицу. «Неужели природный талант приводит к тому же, что дает лучшая школа?»— думалось мне.

«Но если с внешней стороны песня была проста, строго ритмична и ни на мгновение не выходила за пределы художественной правды, то внутреннее содержание ее казалось мне бесконечно сложным, полным глубокого смысла и чувства. Действительно, это была «притча о жизни», как называют в народе песни. Она говорила о нежной, отзывчивой душе женщины, которая мучится в чуждой обстановке, нелюбимая и беззащитная в семье мужа, выбранного не по любви, но в силу каких-то грубых соображений выгоды, не ею самой, которой приходится делить с ним долгую жизнь, а другими людьми, не понимающими запросов ее души. Жертва разлада в семье, неустанно работницей сидит она всю ночь за пряжей, а днем не знает покоя от мелких козней злой свекрови.

«В выразительных голосах баб слышно, как близко им горе этой женщины.

«Ой, да лучина моя, лучинушка», заводит Митревна своим звучным голосом. «Ах, что же ты, моя лучинушка, не ярко да ты горишь?»—голосами, в которых звучат упрек и жалость, подхватывают другие бабы, все вместе на одной ноте, и сейчас же расходятся врассыпную, на разные подголоски. Митревна проводит до конца главную мелодию, но дает полную волю другим голосам, сдерживая всех вместе и соединяя их без всяких внешних приемов, не то строгим сосредоточенным взглядом, не то другим невидимым способом. Все смотрят на нее и невольно подчиняются ее властному взгляду, заражаются ее вдохновением, ее сдержанною страстностью. Две из баб поют низкими голосами, то примыкая к Митревне, то отделяясь от нее на мгновение и опять сейчас же сливаясь с ее голосом. А над низкими голосами старух вьются звонкие молодые голоса. Каждый ясно слышен, каждый ведет свое, ни один не пропадает и не теряет своего характера. Оттого гармония целого так полна и жизненна, оттого чувствуется полное примирение общего с частным...»

---

[1]) Мне случалось слышать подобные выражения в народе: «Цу, этот плох, больно голосом виляет», или: «Вертикулы-то свои брось, прямее песню сказывай».

На основании знакомства с разными певцами определеннее выделяются в народном исполнении два стиля, в зависимости от индивидуальности певца: один — строгий, другой, если можно так выразиться, — вольный. Первый прост, серьезен, выражает сдержанное чувство; второй — более экспансивен: чувство вырывается наружу в прихотливых переливах голоса, певец дает волю своей фантазии и, с умилением перед песней, точно лелеет ее и всячески украшает. Я не знаю, который из них лучше; каждый имеет свою прелесть. Оба стиля встречаются в старинных песнях, про которые знатоки говорят: «уж в старину голосом-то водили, водили». «Старинная песня как река льется, с извилинами да с загонами, а новая как чугунка бежит».

Е. Э. Линева.

2. Песни бытовые.

1.

Как за речкою, да как за быстрою,
Ай люли, люли, да как за быстрою! [1])
Мужики живут да все богатые,
У них девицы да все красавицы
Собирались да красны девицы
В лес по калину, да в лес по малину,
В лес по черную да по смородину.
Все там девицы припабрались,
Одна девица не набралася:
С молодцом девка да застоялася.
Молодец девку да подговаривал:
«Пойди, девица, за меня замуж,
За удалого, за добра молодца,
Что за белого да кудреватого,
За холостого да не женатого!»
Красна девица да испугалася,
Стала кликаться, стала гаркаться
«Ай вы, кумушки, да вы подруженьки!
Соберитеся да во единый круг,
Во единый круг да во зеленый луг,
Пособите вы мне брать ягодки,
Хоть по ягодке, хоть по горсто
А не лень будет, по пригорсточке.
У меня, младой, не родная мать,
Не родная мать — злая мачеха:
Все журит, бранит, отцу бить велит.
Уж как я, млада, была догадлива,
Догадалася да подвязалася
Не простым платком, да гарнитуровым:
У того платка да каймы алые,
Каймы алые да кисти золоты.
Со того платка да голова болит,
Голова болит да худо можется.
Худо можется да нездоровится,
Нездоровится да гулять хочется.
Скажу матушке,—да голова болит,
А сама пойду да во зеленый сад.
В зеленом саду да разгуляюся,
Со милым дружком да повидаюся.
Я уж знаю, как мне домой пройти:
Я по улице да серой утицей,
Я в широкий двор да белой лебедью
К родну батюшку я милой дочерью,
Во высок терем да красной девицей»

2.

Уж как полно, красна девица, тужити,
Не наполнишь ты синя моря слезами
Не воротишь друга милого словами!
Говорила я милому, говорила,
Я в упрос ли друга милого просила:
Не женися ты, мой милый, не женися!
Не послушался, душа моя, женился!
Он присыпал ко бедну сердцу печали,
И он налил очи ясные слезами.
Запечатал уста алые он кровью.

[1]) Припев повторяется после каждого стиха.

3.

Хорошо тому на свете жить
У кого нет стыда в глазах,
Ни стыда в глазах, ни совести.
Никакой нет заботушки.
В ретивом сердце зазнобушки!
У кого ли, у молодешеньки.
Есть и горе и заботушка,
В ретивом сердце зазнобушка:
Зазнобил сердце детинушка,
Зазнобивши, он повысушил
Я сама дружка повысушу.
Я не зельями, не кореньями,
Я своими горючими слезьми:
И ты кань, кань, горюча слеза,
Ко милу дружку на белу грудь,
На белую грудь, в ретиво сердце!

4.

Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке,
Тут ходит, гуляет удалой молодчик,
Кличет, выкликает красную девицу:
«Пойди, выйди, девушка, за ворота
Со мной, со мной с молодцом постояти
Со удаленьким речь говорити».
Что девица к молодцу выходила,
Что девица с молодцем говорила:
«Я тя, я тя, молодец, обесчещу
При всем, всем мире, при народе»
Что девица молодца оборола,
Пуховую шляпоньку с кудрей сбила,
Русые кудерочки растрепала,
Она синь кафтан изорвала,
Золотые пуговки расстегала,
Козловы сапоженьки затоптала.
— Пойду, пойду матушке попеняю:
На что, на что, матушка, спородила,
Несчастливой долюшкой наделила,
Меня, меня девушка оборола. —
Вдоль было по травоньке, вдоль по муравке
Что девица к молодцу выходила,
Что девица с молодцом помирилась:
Русые кудерочки расчесала,
Пуховую шляпоньку надевала,
Золотые пуговки застегала,
Она синь кафтан зашивала,
Козловы сапоженьки вытирала.
Пошел молодец, взвеселился.

5.

Как у доброго молодца зелен
Посеял добрый молодец цветочки,
Посеявши цветочки, сам заплакал:
— Ах, и свет мои лазоревы цветочки!
Кому-то вас, цветочки, поливати,
От лютых от морозов сохраняти?
Отец и мать у молодца стареньки;
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай реку за водицей.
Во Дунай ли реке она потонула?
В темном ли лесу заблудилась?
Серые ль ее волки разорвали?
Аль злы татары ее полонили?
Кабы она в Дунай-реке потонула,
Дунай-река с песком возмутилась;
Кабы ее серы волки разорвали,
Косточки бы по чисту полю разметали;
Кабы ее татары полонили,
Уж бы мне, добру молодцу, весточка была.

6.

Не сокол летит по поднебесью,
Не сокол ронит сизы перышки,
Скачет молодец по дороженьке,
Горьки слезы льет из ясных очей:
Распрощался он с своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Где течет в красе Волга-матушка;
Распрощался он с красной девицей;
Он оставил ей на помин себе
Дорогой перстень со алмазами,
На обмен же взял от красавицы
Золото кольцо обручальное,
При размене сам приговаривал:
— Не забудь меня, моя милая,

Не забудь меня, задушевный друг.
Чаще взглядывай ты на перстень мой.
Чаще стану я целовать кольцо,
К ретиву сердцу прижимаючи,
Об тебе, мой друг, вспоминаючи.
Коль помыслю я о другой любви. —
Золото кольцо распаяется,
Если ты с другим под венец пойдешь, —
Камень выпадет вон из перстеня.

7.

Ах, вы ветры, ветры буйные,
Вы буйные ветры осенние.
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы к другу весточку,
Что не радостну весть, печальную:
Как вечер-то молодешеньке
Мне мало спалось, много виделось
Нехорош-то сон мне привиделся:
Уж кабы у меня, у младешеньки,
На правой руке, на мизинчике,
Распаялся мой золот перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареньице друга милого,
Свет бородна добра молодца.

8.

Куда мне, красной девице, от горя
бежать?
Пойду от горя в темный лес —
За мной горе с топором бежит:
—Срублю, срублю сыры дубы,
Сыщу-найду красну девицу. —
Бегу от горя в чисто поле —
За мной горе с косой бежит:
— Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу-найду красну девицу. —
Куда-ж мне от горя бежать?
Я от горя брошусь в сине море —
За мной горе белой рыбицей:
— Выпью, выпью сине море,
Сыщу-найду красну девицу. —
Я от горя замуж уйду —
За мной горе во приданое.
Я от горя в постелюшку слегла —
У меня горе в головах сидит.
Я от горя во сыру землю пошла —
За мной горе с лопатою идет.
Стоит горе выхваляется:
Вогнало, вогнало я девицу в сыру-землю!

9.

Не рано стало на дворе,
Не высоко солнце на небе:
Не пора ли нам домой итти?
У меня дома нет никого...
Один мой старой муж на постели лежит.
Со мной в спор говорит.
Уж я старого мужа не бранивала
Я в спор не говаривала...
Уж я столько-то бранивала,
Уж я столько говаривала:
«Ты дурак, мой старой муж,
Ты скакуха болотная,
Ты припарина котельная,
Уж ты мышь коробейная!»
Я пойду, млада, в торг торговать,
На две гривны товару купить.
Я куплю, млада, два камешка,
За два камешка грош заплачу,
За поценку целой алтын;
Привяжу стару на ворот,
Отведу стара на воду,
Опущу стара на реку,
А сама выйду на гору,
Посмотрю я на старого:
Как умеет ли стар плавати...
Все рука, все нога вверху, а буйна голова
ко дну!
Уж как взмолится старой муж:
«Уж ты, душка, женушка моя,
Молодая боярыня!
Уж ты вынь старика из воды:

Уж я рад на тебя работать.
Но три утра, не евши, молоть,
Но четыре не завтракати,
Но пяти не обедыкати!»

10.

За лесом, лесом, за перелеском,
Калина да малина!
Тут девки играли, красные плясали,
Калина да малина!
Меня, молоденьку, в три голоса кличут,
В три голоса кличут, чуть ли не в четыре;
Пято-ет голос чуть-чуть наносит,
Чуть-чуть наносит: свекор домой кличет
Избу топити, щи, кашу варити.
«Чтобы те, свекор, есть — подавиться,
Есть—подавиться, пить—захлебнуться».
. . . . . [1]).
Свекровка домой кличет постелюшку стлати,
Постелюшку стлати, зголовьице класти.
«Чтобы те, свекровка, лечь спать — не стати,
Лечь спать — не стати, головы не зняти».
. . . . . [1]).
Деверь домой кличет коня-то седлати,
Коня-то седлати, на коня садити.
«Чтобы те, деверь, на коня садиться,
На коня садиться, до смерти убиться.
. . . . . [1]).
Золовка домой кличет голову чесати,
Голову чесати, косу заплетати.
«Чтобы те, золовка, отсохла головка,
Отсохла головка, коса отвалилась».
Где у те, милая, где, дорогая,
Где, дорогая, батюшка свекор?
— Батюшка свекор ел—подавился,
Ел—подавился, пил захлебнулся. —
Где у те, милая, где, дорогая,
Где, дорогая, матушка-свекровка?
— Матушка-свекровка легла спать — не стала.
Легла спать — не стала, головы не зняла.—
Где у те, милая, где, дорогая,
Где дорогая, братец-от деверь?
— Братец-от деверь на коня садился.
На коня садился, до смерти убился. —
Где у те, милая, где дорогая,
Где, дорогая, сестрица-золовка?
— Сестрица-золовка отсохла головка.
Отсохла головка, коса отвалилась.

Ах ты, молодость моя, молоденькая!
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, миновалася,
Со угрюмой женой живучи.
Не продать жену, не променять ее, —
Что никому-то она не надобна:
Ни брату, ни свату, ни товарищу.
Как куплю-то я добрый молодец, нов тесов корабль.
Посажу ль на него свою жену боярыню.
«Ты прости, прости, моя жена боярыня!»
Корабль побежал, как сокол полетел.
Вот тут я, добрый молодец, одумался.
«Воротись ты, моя жена, боярыня!
Уж мы будем с тобой жить лучше прежнего!»
Закричала жена громким голосом:
«Не кричи ты, муж, татарин злой!
Нам не жить с тобой лучше прежнего».

12.

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, не жарко горишь,
Не жарко горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была,
Али ты, березова, не высушена?

---

[1]) Повторяются первые семь стихов.

— Я была в печи вчерашней ночи.
Ох, лютая свекровушка в печку лазила
И меня, лучинушку, водой залила.
Подружки-голубушки, подите домой,
Подите домой, ложитесь вы спать, —
Ложитесь вы спать, вам некого ждать.
А мне, молодешеньке, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать, свово мужа ждать!..

13.

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ах, кабы на меня да не кручина,
Ни о чем бы я не тужила;
Не сидела бы я подпершися,
Не глядела бы я во чисто поле!..
И я батюшке говорила:
«Не давай меня, батюшка, замуж,
Не давай, сударь, за неровню;
Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не с хоромами мне жить—с человеком,
Не с богатством жить мне—со светом».
Я по сеням шла, я по новым шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобы моя шубка не прошумела,
Чтобы мои пуговки не прозвякнули
Не услышал бы свекор-батюшка,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

14.

Калину с малиной вода поняла.
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись с разумом, замуж отдала
На чужедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка без ветра сушит;
Чужой отец с матерью безвинно крушит.
Не буду я к матушке ровно три годка,
На четвертый к матушке пташкой полечу,
Горемычной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленом саду,
Своим кукованьем весь сад иссушу,
Слезами горючими весь сад потоплю,
Родимую матушку сердцем надорву.
Матушка по сеничкам похаживает,
Невестушек-ластушек побуживает:
— Вы встаньте, невестушки, голубки мои!
Что у нас за пташка в зеленом саду? —
Большая невестка велит застрелить,
Меньшая невестка просит погодить;
Родная сестрица, заливши слезами,
Молвила: не наша ль горюша сюда
Прилетела пташкой с чужой стороны?

15.

Сиротка ты, сироточка, сиротинушка горькая,
Сиротинушка ты горькая, горемычная!
Запой-ка ты, сиротка, с горя песенку!»
— Хорошо вам, братцы, петь, — вы пообедали,
А я, сирота, лег не ужинавши,
Лег не ужинавши, встал не завтракавши!
У меня ли, у сироты, нет ни хлеба, ни соли,
Нет ни хлеба, ни соли, нет ни кислых щей:
Одна корочка-засушенка и та летошняя!» —
— Ты скажи, скажи, сирота, кто тебя воспородил?»
— Воспородила меня, сиротку, родна матушка:
Воспоила, воскормила меня Волга-матушка:
Воспитала меня легка лодочка ветляненька:
Возлелеяли меня няньки-мамки — волны быстрые:
Возростила меня чужа дальна сторона Астраханская;
Я со этой со сторонушки на разбой пошел. —

«Ты скажи, скажи, сиротка, с кем разбой держал?»—
— Не один я разбой держал,—с тремя товарищами:
Первый мой товарищ — ночь темная;
Другой мой товарищ—конь добра лошадь;
Третий мой товарищ—стально ружье!»

16.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что заутра мне, доброму молодцу, на допрос итти,
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
— Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всее правду скажу тебе, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ—темная ночь;
А второй мой товарищ—булатный нож;
А как третий-то товарищ—то мой добрый конь;
А четвертый мой товарищ—то тугой лук;
Что рассыльщики мои-то калены стрелы.—
Что взговорит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка крестьянский сын.
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной!»

17.

Как ты, батюшка славный тихий Дон,
Ты, кормилец наш Дон Иванович!
Про тебя лежит слава добрая,
Слава добрая, речь хорошая.
Как, бывало, ты все быстер бежишь,
Ты быстер бежишь, все чистехонек;
А теперь ты, кормилец, все мутен течешь,
Помутился ты, Дон, с верху до низу!
Речь взговорит славный тихий Дон:
«Уж как-то мне все мутну не быть?
Распустил я своих ясных соколов,
Ясных соколов—донских казаков;
Размываются без них мои круты бережки,
Высыпаются без них косы желтым песком».

18

«Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то наша славная земелюшка распахана, не плугами,
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка казацкими головами...
Чем-то наш батюшка тихий Дон славный украшен?
Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, матерными слезами...

19.

Не кукушечка во сыром бору куковала.
Не соловушко в зеленом саду громко свищет;
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет.

Обливается добрый молодец горючими слезами.
Как берут меня, добра молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы руки,
Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут, везут добра молодца, везут в город,
Сдают меня, добра молодца, в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую—во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце, не потужит,
Только тужит лишь одна матушка, мать родная.
Молода жена добра молодца проклинает,
Красны девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя все меня, молодца, провожают:
«Послужи-ка ты, добрый молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку!»

20.

Не травушка, не ковылушка в поле шаталася,
Как шатался-волочился удал добрый молодец
В одной тоненькой в полотняной во рубашечке,
Что во той-то было кармазинной черкесочке.
У черкесочки рукавчики назад закинуты,
И камчаты ее полочки назад застегнуты,
Бусурманскою они кровью позабрызганы.
Он идет, удал добрый молодец, сам шатается,
Горючею он слезою обливается,
Он тугим-то своим луком опирается;
Мозолотушка с туга лука долой летит.
Как никто-то с добрым молодцем не встречается.
Лишь встречалась с добрым молодцем родная матушка.
«Ах ты, чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты зачем так, мое чадушко, напиваешься
До сырой-то ты до земли все приклоняешься,
И за травушку, за ковылушку все хватаешься?»
Как возговорит добрый молодец родной матушке:
«Я не сам так, добрый молодец, напиваюся,—
Напоил-то меня турецкий царь тремя пойлами.
Что тремя то было пойлами, тремя разными:
Как и первое-то его пойло—сабля острая,
А другое его пойло— копье меткое было.
Еще третье-то пойло — пуля свинчатая!»

21.

Не былинушка в чистом поле зашаталася.
Зашаталася бесприютная моя головушка.
Бесприютная моя головка молодецкая.
Уж куды-то я, добрый молодец, ни кинуся.
Что по лесам, по деревням все заставы.
На заставах ли все крепки караулы,
Спрашивают печатного паспорта,
Что за красною печатью сургучевою:
У меня ль, у доброго молодца, своеручный,
Что на тоненькой на белой бумажке.
Что куды-то ни пойду, братцы, ни поеду,
Что ни в чем-то мне, добру молодцу, нет счастья.
Я с дороженьки, добрый молодец, ворочуся,
Государыни своей матушки спрошуся:
«Ты скажи, скажи, моя матушка родная.
Под которой ты меня звездой породила.
Ты каким меня и счастьем наделила?»

3. Частушки [1]).

1.

У тебя дождичек идет,
С крыши вода льется;
От глаза милой летит,
Отойдет — смеется.

2.

Не охота чаю пить,
Охота на воду сходить:
Пойду по воду с ведром,
Из пути милого дом.

Вышла замуж бы пошла.
Жениха по мысли нету.
Кой-то беден, кой богат,
Кой-то на осень солдат.

4.

Уж ты, милая моя,
Меня приворожила;
Дорожки не была сюда,—
Дорожку проложила.

5.

В нашей речке нет каменья.
Только желтые пески;
На моем-то на сердечке
Много горя и тоски.

Сколько звездочек на небе
Один месяц больше всех:
Сколько девок в хороводе
Одна милка лучше

7.

Надоела в девках воля.
Пойду замуж терпеть горя.
Передамся, бабы, вам,
Ко горючим слезам.

8.

Я у батюшки, у матушки,
Как розочка цвела,
В люди вышла—позавяла,
Что не кошена трава.

9.

Я полоску дожинала,
На пятине [2]) плакала,
На лихую на свекровку
Делом не потрафила.

---

1) Частушки (иначе: «коротенькие», «припевки», «вертушки», «набирушки», «сбирушки») в настоящее время представляют из себя одну из более распространенных форм русской народной песни. Чаще всего «коротенькие» поются, под аккомпанимент гармоники («тальянки»), на деревенских «посидках» или «беседах». Поются частушки обыкновенно как песни плясовые. Можно думать, что частушки не являются новой формой народного творчества, а были известны и в старину. Так, в старинном свадебном обряде мы встречаем «припевки» свату, свахе, дружкам, поезжанам и т. д. в виде шуточных импровизаций, как например:

Как на свате-то штаны
После деда сатаны,
Как на свате-то шапчонка
После дядюшки чертенка...

2) Пять снопов, сложенных вместе.

10.

Я от маменьки осталась
Двух годочков маленька;
По чужим людям скиталась
Девочка удаленька.

11.

Я хожу в черненьком платье,
Потому что сирота;
Слезы горькие катятся,
Потому что я одна.

12.

Не ругай ты меня, дяденька,
Что хлеба много ем,
Скоро в город я уеду,
Больше вам не надоем.

13.

У своей-то родной маменьки
Поешь и полежишь,
У чужой-то у хозяюшки
Не евши побежишь.

14.

Тятька помер, мамка вдовка,
Сын отчаянна головка,
Прожил все именьице,
Потом на поселеньице.

15.

Ты, родимая маменька,
В могилу не ложись,
Ты сама про это знаешь:
Сиротам какая жизнь.

Матушка не родная,
Похлебушка холодная!
Кабы родная была,
Погорячее б налила.

17.

У присутствия суда
Плачет девка без стыда,
Плачет девка, говорит:
На кругу милый стоит! [1])

18.

Не тужите, девки, бабы,—
Я нигде не пропаду,
Я читать, писать умею,
В офицеры попаду.

19.

За кого пойду в солдаты,
За кого буду служить?
Я за братушку в солдатушки
Охотушкой пойду,
А за родимую сторонушку
Горячу кровь пролью.

20.

Женят, женят нас, молодчиков,
В нынешнем году,
Как дадут нам по невесте,
По казенному ружью.

21.

Ты, милашечка — цветок,
Я уеду на Восток;
На Востоке-то война,
Может быть, убьют меня.

22.

Не тужи, моя милашка,
Я вернуся с похвалой,
Заслужу я крест Георгий,
Заживем тогда с тобой.

23.

Вспомни, милый, обо мне,
Когда будешь на войне.
Вспомни, милый, не забудь,
Пришли записку с кем-нибудь.

[1]) Записан в рекруты.

24.

Ох, девушки, тошно, тошно,
От милого письмо пришло;
Распечатаю печать,
Со слезам буду читать.

25.

Пришел вечер, делать нечё;
Начала кисеты шить.
Было штофу поларшина,
На кисеты все ишила,
А атласу полтора, —
На кисеты извела;
Куплю четверть кумачу,
Весь кисет оторочу.

26.

Как по улицам я шла,
Прокламацию нашла.
Не пилось, не елося,
Прочитать хотелося.

27.

Не ходи мимо острога,
Чернобровая моя,
За политику посадят
И не выпустят тебя.

28.

Здеся лесу близко нету
Ересиночку срубить.
Вся «политика» уедет,
Будет некого любить.

29.

Как у наших у ворот,
У нашей калитки,
Повесился дезертир
На суровой питке.

30.

Матрос молодой,
Легко раненой,
Хотел спекульнуть
Рыбой жареной.
На Сенной он стоит,
Слеза точится,
Никто рыбу не берет,
Она портится.

Какие стороны народной жизни отразились в семейных и бытовых песнях?

Судьба женщины по народным песням.

Каковы особенности стиля народной лирики?

Тема. Современная частушка.

---

1. Сказочники-бахари.

Длинный ряд исторических свидетельств говорит о существовании в старинной Руси бродячих и оседлых, живущих при знатных домах специалистов-сказочников—б а х а р е й.

Уже в XI в. запрещается «басни баять, кащюнить», осуждаются «празднословцы и смехотворцы». В одном памятнике XII в. говорится, что слуги и домочадцы на сон грядущий богачу «ноги гладят, инии по лядвиям тешат его, инии гудут, инии б а ю т е м у (вероятно, сказки) и к о щ ю н я т».

Картинка словно списана с русской действительности XVIII, начала XIX в.: богатые люди тогда держали сказочников и тоже любили слушать сказки на сон грядущий или от бессонницы.

В XIII в. при перечислении мытарств между другими грехами указывается злое, греховное дело, «е ж е б а с н и б а ю т и в гусли гудут». В 1410 г. митрополит Фотий увещевает новгородцев б а с н е й не слушать. Определенные указания о бахарях идут с XVI века. Известно, что царь Иван Васильевич Грозный не мог заснуть без бахарей. Немцы, описывая его монашескую жизнь в Александровской слободе, говорят, между прочим, что после вечернего богослужения царь уходил в свою спальню, где его дожидались трое слепых старцев; когда он ложился в постель, один из старцев начинал говорить сказки и небылицы, и когда уставал, то его сменял другой и т. д. Царь от этого и крепче засыпал. «Мы полагаем, замечает И. Е. Забелин, что это была общая привычка старинных русских людей, и царь Иван Васильевич является в этом отношении только сыном своего века».

Встречается известие, что у царя Василия Шуйского был бахарь Иван. При дворе царя Михаила также находились бахари. В первые годы ему б а с н и б а ю т бахари Клим Орефин, Петр Сапогов, Богдан Путята или Путятин. Царь каждый год жалует им платье; так, 9 февраля 1614 г. г о с у д а р е в б а х а р ь Клим Орефин получил 4 аршина сукна английского зеленого, кафтан зенденинный темно-зеленый, однорядку суконную. В том же году мая 7 выдано государева жалованья другому г о с у д а р е в у б а х а р ю, Петрушке Тарасьеву Сапогову, 4 аршина сукна английского вишневого, кафтан зендень-лазорева, сапоги телятенные, при чем и Клим Орефин тоже получил телятенные сапоги. В 1617 г. мая 6 трем бахарям—Петрушке, Богдашке и Климяшке—пожаловано по 4 аршина сукна на страфиле лазоревого, да по 5 аршин сукна лятчины червчатой. Все эти пожалованья произведены по «именному приказу», следовательно, в награду «за потешенье».

Царь Алексей Михайлович держал во дворце столетних стариков и очень любил слушать их рассказы о старине, о героях благочестивого подвижничества, но очень вероятно, что некоторые из «верховых богомольцев» все еще потешали «тишайшего» государя веселыми рассказами. В XVI—XVII ст. бахарь был в каждом знатном доме почти необходимою, как теперь книга, домашнею принадлежностью; одною из любимых забав в долгие зимние вечера или на свадьбе было слушать сказки, прибаутки и песни. При дворе Анны Иоанновны было множество шутов, которые потешали свою

повелительницу забавными выходками, сказками и прибаутками. Современник ее, князь Никита Федорович Волконский, тратил доходы с имения на собак, сказочников и всяких приживальщиков. Императрица Елизавета Петровна тоже любила слушать сказки. Почти все помещики XVIII столетия имели по нескольку сказочников, как о том говорят в своих воспоминаниях Фонвизин и С. Т. Аксаков.

Но если часть скоморохов приютилась в домах знатных бояр и при царском дворе и перешла в оседлое население городов, другая часть продолжала свой бродячий образ жизни, кочевала из селения в селение и потешала народ. Здесь, в простонародье, бахари были всегда желанными гостями.

«Этногр. Обозр.», 1904 г., кн. LXI.

2. Сказочник Р. Ф. Чмыхало.

Село Денисовка, родина Родиона Федоровича Чмыхала, находится в Лубенском уезде Полтавской губернии; оно удалено от городов, железных дорог, судоходных рек, почтовых путей и даже как бы спряталось и от сети проселочных сообщений, приютившись на излучине маленькой речки, оставляющей подход к селу только с одной стороны. Это ли не укромное местечко для сохранения стародавнего предания и всякого фольклора? [1]). В новейшее время однакоже денисовский консерватизм не устоял под влиянием необходимости сношений с внешним миром, и если денисовец и сохраняет еще стародавнюю простоту в большей степени, нежели села сравнительно более бойкие, то все же нельзя не признать, что фольклор его убывает и убывает,—и убывает в особенности в той своей отрасли, которая предъявляет, преимущественно пред другими, запрос на талант: убывает в песне и сказке. Певцы и сказочники у нас, несомненно, вымирают. А между тем именно эти личности составляли до сих пор тот слой крестьянского населения, который по праву может называться интеллигентным. У этого рода людей можно подметить духовный интерес, присущий их жизни, и они никогда не поддаются засасыванию все плотнее и плотнее надвигающимся на нас болотом лавочной практичности...

К такого рода интеллигенции принадлежит и «дед Чмыхало»... Он и теперь помнит еще свыше тридцати сказок и присказок и умеет рассказывать их выразительно и изящно. «Дед Чмыхало»—рослый, статный, красивый старик, лет шестидесяти пяти. Сказкам своим он выучился у отца еще в юности. Если и отец его научился им в этом же возрасте, то время это надо отнести за сто лет назад, т.-е. считать, что целый век уже сказки эти сохраняются в роде Чмыхалов.

Род этот принадлежал когда-то к числу богатых казацких родов Денисовки, но, значительно размножившись, он в новейшее время не имеет уже зажиточных представителей. У нашего деда есть несольшой огород, хата и одна с четвертью десятина пахотной земли. Вот и все состояние, которым ему пришлось довольствоваться в течение всей долгой его жизни. И что же? Дед не только умел прокормить

[1]) Под фольклором разумеется общая совокупность народных воззрений, как преданий, переходящих из века в век, из поколения в поколение. В область фольклора таким образом, входят все поверья, суеверья, заклинания, загадки, песни, причитанья, сказки и т. п. Термин «фольклор» английского происхождения; он начал входить в употребление на континенте с начала 80-х годов XIX века и в настоящее время может считаться общепринятым.

себя и жену, оплачивать повинности, не делать долгов, поддерживать хозяйство, но еще умудрился сохранить здоровье, хорошую память и драгоценнейшее достояние свое—жизнерадостное, бодрое настроение. На него любо посмотреть! Вот он идет с длинною в руках палкой, вы и не подумаете, пожалуй, что он так стар, разве белая как снег борода выдаст. Идет он прямо, твердо, негрузно, весело здороваясь со встречающимися. Остановите его, заговорите с ним о том, что входит в сферу его ведения, и он сейчас же обнаружит свою сметливость, свой ум, свое понимание жизни и знание людей, и сверх сего вы увидите в нем поэта—«поэта в душе», вечно-юного и живого и нисколько не дремлющего, подобно тому поэту, который будто бы живет во всех нас, если верить Альфреду Мюссе [1]).

Сказочник Р. Ф. Чмыхало.

«Жизнь прожить—не поле перейти!» И дедушке нашему, конечно, доводилось переживать испытания, которые ему нелегко было преодолеть и вспоминать о которых под старость, наедине с своею бабой куда как, должно быть, несладко. Детей он потерял уж давно, племянники его, хотя и не говорят ему, как здесь сплошь и рядом бывает: «пора вам, дядьку, помирать: вы щось то дуже зажылысь!»—все же, однако, не оказывают ему той помощи, которой он в праве ожидать от наследников его имущества, и во всяком случае не скрашивают ему жизни; попытка обзавестись «прыймаком» окончилась горькою неудачею... Все это в несложной жизни деда является не мелочью, но обо всем этом он вспоминает с тихою грустью, примиренно, благодушно. На-днях еще он купил досок для своего гроба, и мысль о смерти не смущает его.

---

1) Французский поэт.

Не последнее место в выработке такого настроения играли у нашего деда поэзия его сказок и обильный запас здравого смысла и юмора его присказок [1]). Присказки и сказки в достаточной для условий его существования степени помогали ему смотреть сверху вниз на житейскую сутолоку, происходившую перед его глазами, и оценивать ее скорее с презрительным добродушием, нежели с горечью. Он знает к тому же, что и в этом узком, сером денисовском мирке внешний успех непрочен. Его скромное миросозерцание было достаточно для его незатейливого обихода, и оно не обмануло его. Представляя собою олицетворение торжества нравственной силы, опиравшейся на самые скудные средства, дед доживает свой век со всепримиряющею улыбкой на устах...

Дед Чмыхало, по всей вероятности, имеет много общих черт с тою старухой из Нидерцверна, которая рассказывала Гриммам [2]) свои сказки: он тоже, несомненно, сознает, что даром его наделен не всякий; ему очевидно, что многие ровно ничего не могут удержать в памяти связно, и он так же рассказывает — осмысленно, с оживлением и с явным увлечением своим рассказом. Точно так же он, вслед за плавной и слитной передачею какой-нибудь сказки, может опять повторить ее медленно, слово за словом, от начала до конца. Записывать за ним при такой передаче так же легко, как под диктовку. И у него, наконец, как и у рассказчицы Гриммов, память твердая, удерживающая полностью все подробности изложения. В последнем свойстве я мог убедиться, сравнивая мои записи 1891 г. с его рассказами нынешнего (1894) г.: ничто не оказалось измененным или извращенным вплоть до мельчайших подробностей. Отметить дарование нашего деда только этими чертами было бы однакоже недостаточно. Надо послушать, как он рассказывает, чтобы по достоинству оценить его талант. Следя за его плавною, выразительною и немонотонною речью, трудно и представить, что пред вами неграмотный человек, обитатель захолустья, далекий от книжного мира, никогда в жизни не слыхавший добропорядочного чтения. По наследству от «батьки» да по собственному чутью и разумению постиг он это недоступное другим искусство—целесообразную интонацию, своеобразную жестикуляцию,—все, что делает его оригинальным и интересным. Сказка в устах нашего деда развертывается пред слушателем свободно, натурально; это не заученный наизусть урок, а вдохновенная импровизация, своего рода поэтический бред. Только вкладывая душу в свое повествование, может он держать в напряжении внимание всякого слушателя и заставлять его интересоваться таким содержанием, которое в Денисовке людям житейской практики представляется ребяческим, а вне Денисовки может остановить только внимание этнографа.

Чмыхало, как я имел уже случай заметить, рассказывает волшебные сказки и бытовые присказки. В его сказках, как и во всех других этого же рода, волшебные лица и их волшебные действия выступают и развертываются на фоне местной бытовой обстановки. Кроме того, сказки перемежаются иногда эпизодами заурядными, и местный колорит выступает при этом еще ярче; присказки же сплошь

---

[1]) Из дальнейшего изложения видно, что Чмыхало присказками называл бытовые сказки.

[2]) Братья Яков и Вильгельм Гримм, знаменитые собиратели немецких народных сказок.

рисуют местные бытовые картины, большею частью из недавнего прошлого. Изложение волшебных эпизодов опять во всем подобно изложению их во всяких народных сказках: оно просто, сжато и нередко сводится на перечень совершаемых действий, с повторительным отнесением событий то к прошедшему, то к будущему времени. Речи действующих лиц почти сплошь держатся этой же схемы и крайне редко заключают в себе слово выраженные индивидуальные черты. По содержанию сказки Чмыхала, примыкая, как-то само собою разумеется, ко всесветному сказочному фольклору, представляют довольно значительный и разнообразный запас типичных инцидентов. Если мы примем классификацию инцидентов Джорджа Гомма, изложенную в его «Handbook of Folklore», то на 70 инцидентов, значащихся в списке Гомма, на долю Чмыхала приходится 14. Инциденты эти комбинируются у нашего сказочника весьма неравномерно. Из 17 его сказок 8 представляют развитие какого-нибудь одного инцидента (совершение подвигов для добывания невесты, исполнение пророчества, бегство от колдовства, услуги зверей-пособников, убийство чудовища, торжество загнанного члена семейства и т. д.) Две сказки дают комбинации инцидентов по два. Самая сложная дает комбинацию четырех инцидентов.

Александр Николаевич Афанасьев, собиратель русских сказок.

Изложение присказок сравнительно с изложением сказок полнее, разнообразнее, цветистее; рассказчик не довольствуется здесь голыми схемами, а явно стремится к художественной рисовке окружающей его жизни. В этом отношении присказки особенно интересны.

В. В. Лесевич.

СКАЗКИ.

1. Лисичка-сестричка и волк.

Жил-себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит-себе как мертвая. «Вот будет подарок жене», сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу—и сама ушла. «Ну, старуха, говорит дед, какой воротник привез я тебе

на шубу».—«Где?»—«Там на возу—и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах, ты старый хрен! такой-сякой! ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!»—«Здравствуй, куманек!»—«Дай мне рыбки!»—«Налови сам, да и ешь».—«Я не умею».—«Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь—рыба сама на хвост нацепляется; да смотри, сиди подольше, а то не наловишь». Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь: дело-то было зимою. Уж он сидел-сидел, целую ночь просидел,—хвост его и приморозило; попробовал было приподняться—не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! бейте его! бейте его!» Прибежали и начали колотить волка—кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, думает, уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушав рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть: забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!»—«Эх, куманек, говорит лисичка-сестричка, у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг,—меня больней твоего прибили; я насилу плетусь».—«И то правда, говорит волк, где тебе, кумушка, уж итти; садись на меня,—я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит да по тихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет!»—«Что ты, кумушка, говоришь?»—«Я, куманек, говорю: битый битого везет». — «Так, кумушка, так!»

2. Лиса-повитуха.

Жили-были кум с кумой—волк с лисой. Была у них кадочка медку. А лисица любит сладенькое; лежит кума с кумом в избушке да украдкою постукивает хвостиком. «Кума кума! говорит волк, кто-то стучит».—«А знать, меня на повой зовут!» бормочет лиса. «Так поди, сходи», говорит волк. Вот кума из избы да прямехонько к меду, нализалась и вернулась назад. «Что Бог дал?» спрашивает волк. «Початочек», отвечает лисица. В другой раз опять лежит кума да подстукивает хвостиком. «Кума, кто-то стучится», говорит волк. «На повой, знать, зовут!»—«Так сходи». Пошла лисица да опять к меду, нализалась досыта,—медку только на донышке осталось. Приходит к волку. «Что Бог дал?» спрашивает он. «Середышек». В третий раз опять так же обманула лисица волка и долизала уж весь медок. «Что Бог дал?» спрашивает ее волк. «Носкребышек».

Долго ли, коротко ли—прикинулась лисица хворою, просит кума медку принести. Пошел кум, а меду ни крошки. «Кума, кума! кричит волк, ведь мед с'еден».—«Как с'еден? кто же с'ел? кому, окроме тебя!» погоняет лисица. Волк и кстится и божится. «Ну, хорошо! говорит лисица: давай ляжем на солнышке:

у кого вытопится мед, тот и виноват». Пошли, легли. Лисице не спится, а серый волк хранит во всю пасть. Глядь-поглядь—у кумы-то и показался медок; она нутко скорей перемазывать его на волка. «Кум, кум! толкает волка, это что? вот кто с'ел!» И волк, нечего делать, повинился. Вот вам сказка, а мне кринка масла.

3. Медведь.

Жили-были старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает: «Старик, давай бороться». Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе: «Вари, старуха, медвежью лапу». Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться. Медведь ревел-ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

Скрипи, нога,
Скрипи, липовая,
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,
Мою кожу сушит.

Втапоры старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные рубахи. Медведь взошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашел их, взял да и с'ел.

4. Золотая рыбка.

На море, на окияне, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал себе сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит—а сеть пуста: всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая—золотая. Взмолилась ему рыбка человечьим голосом: «Не бери меня, старичок пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай-гуляй в море!» Бросил золотую рыбку на воду и воротился домой. Спрашивает старуха: «Много ли поймал, старик?»—«Да всего-навсего одну золотую рыбку—и ту бросил в море; крепко она взмолилась: отпусти, говорила, в сине море, я тебе у пригоду стану: что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкупа, даром на воду пустил».—«Ах, ты, старый чорт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел». Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не

дает ему спокоя: «Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет, что жрать-то станешь?» Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка! стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик, надо?»— «Старуха осерчала, за хлебом прислала». —«Ступай домой: будет у вас хлеба вдоволь». Воротился старик: «Ну, что, старуха, есть хлеб?» — «Хлеба-то вдоволь, да вот беда: корыто раскололось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтобы новое дала». Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка, стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе надо, старик?»— «Старуха прислала, новое корыто просит».—«Хорошо, будет у вас и корыто». Воротился старик, только в дверь, а старуха опять на него накинулась: «Ступай, говорит, к золотой рыбке, попроси, чтобы новую избу построила: в нашей жить нельзя, того и смотри, что развалится!» Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка, стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает: «Что тебе, старик, надо?»—«Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне спокою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она—того и смотри—вся развалится!»—«Не тужи, старик, ступай домой да молись Богу: все будет сделано». Воротился старик — на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезанными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается: «Ах, ты старый пес! не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь—дело сделал? Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу я быть воеводихой, чтобы меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись». Пошел старик на море, говорит громким голосом: «Рыбка, рыбка! стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой: «Что тебе, старик, надо?» Отвечает старик: «Не дает мне старуха спокою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой».— «Хорошо, не тужи, ступай домой да молись Богу: все будет сделано». Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегает, на кухне повара стучат, а старуха, в дорогом парчевом платье, на высоких креслах сидит да приказы отдает. «Здравствуй, жена!» говорит старик. «Ах, ты, невежа этакой! как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди, взять этого мужичонка да на конюшню и отодрать плетьми как можно больнее!» Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьми, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто—сейчас на конюшню! «Экая ведьма, думает старик: далось ей счастье, а она как свинья зарылась: уж и за мужа меня не считает!» Ни много ни мало прошло времени; придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: «Ступай, старый чорт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе, старик, надо?»—«Да что! вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею».—«Не тужи! ступай

домой да молись Богу: все будет сделано». Воротился старик, а вместо прежнего дома—высокий дворец стоит, под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом—зеленой луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат! Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бегают: «Какой-такой старик?» Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице. «Слушай, старой чорт! говорит ему старуха: ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались». Старик было отнекиваться,—куда тебе! коли не пойдешь—голова долой! Скрепя сердце, пошел старик на море, пришел и говорит: «Рыбка, рыбка! стань в море хвостом, ко мне головой». Золотой рыбки нет как нет; зовет старик в другой раз—опять нету, зовет в третий раз—вдруг море зашумело, взволновалося; то было светлое, чистое, а то совсем почернело. Прилывает рыбка к берегу. «Что тебе, старик, надо?»—«Старуха еще пуще вздурилася: уж не хочет быть царицею, хочет быть морской владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать». Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить попрежнему: старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море—не удалось больше поймать золотой рыбки.

5. Немецкая сказка.

Жили-были рыбак и его жена, они жили вместе в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день туда и удил рыбу. Так он однажды сидел за уженьем и все смотрел в блестящую воду; и он сидел да сидел. Вдруг глубоко погрузилась в воду его удочка, и когда он стал ее вытаскивать, то выволок большую камбалу. Тогда сказала ему камбала: «Слушай-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю, я не настоящая камбала, я заколдованный принц. Какая польза будет тебе умертвить меня? Я ведь тебе не по вкусу придусь: брось же меня лучше опять в воду, снова плавать».—«Ну, сказал человек, тебе и не надо тратить столько слов; камбалу, умеющую говорить, я бы и сам без того, конечно, отпустил плавать». С этими словами он отпустил ее в блестящую воду опять, и пошла камбала на дно, оставив за собою длинную кровяную полосу. Рыбак же встал и пошел к своей жене в лачужку.

«Муж,—сказала жена,—разве же ты ничего не поймал сегодня?»—«Нет,—сказал муж,—я сегодня изловил камбалу, которая сказала мне, что она заколдованный принц; я и отпустил ее плавать».—«Неужели ты себе у нее ничего не выпросил?» сказала жена. «Нет,—сказал муж.—да чего же мне у ней просить?»—«Ах,—сказала жена,—да ведь противно жить все здесь, в этой лачужке, где столько вони и грязи: ты мог выпросить у нее маленький домик. Ступай-ка туда и позови ее: скажи ей, что мы желали бы иметь маленькую хижину, и она, наверно, нам даст ее».—«Да с какой же стати мне к ней ворочаться?»—сказал муж. «Но ведь ты же ее изловил, а потом опять отпустил ее плавать; она, наверно, это сделает. Ступай же сейчас». Не хотелось мужу итти, но и не хотелось перечить жене, и пошел он к морю.

Когда он пришел туда, море было совершенно зеленое и желтое и совсем не такое блестящее, как раньше. Итак, он подошел и сказал:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те,
Камбала, камбала в море,
Моя жена Ильзебиль
Не хочет так, как я хочу».

Тогда приплыла к нему камбала и сказала: «Ну, что же ей нужно?»—«Да вот,—сказал рыбак,—я ведь тебя поймал, а теперь жена моя говорит, будто я должен у тебя выпросить себе что-нибудь. Ей не хочется жить больше в лачужке, она желала бы иметь маленький домик». —«Ну, ступай, только сказала камбала, она его уже имеет».

Пошел мужик домой, и его жена не находилась уже больше в лачужке; а на месте лачужки стоял маленький домик, и его жена сидела у двери на скамье. И взяла его жена за руку и сказала ему: «Войди-ка только сюда, да посмотри; ведь все гораздо лучше». Тогда они вошли; в маленьком домике были небольшие сени, прекрасная горница и спальня, где их кровать стояла, и кухня с чуланом, все наставлено лучшей утварью, оловянною и медною посудой, вообще всем необходимым. А позади домика был небольшой двор с курами и утками и маленький садик с зеленью и плодами. «Посмотрите-ка, сказала жена, разве это не хорошо?»—«Да, сказал муж, пусть останется только все так, тогда мы можем весело прожить всю жизнь».—«Это мы еще там посмотрим», сказала жена. Потом они поужинали и легли спать.

Так все шло хорошо с неделю или две, но потом жена сказала: «Послушай-ка, муж, домик-то уж слишком тесен, да и двор и сад так малы: камбала могла бы и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, пусть она даст нам замок».—«Ах, жена, жена,, сказал муж, ведь, этот домик достаточно хорош, и к чему нам жить в замке».—«Так что-ж, сказала жена, иди только к камбале, она все может сделать».—«Нет, жена,—сказал муж,—камбала только что дала нам домик, я не хочу сейчас же к ней опять итти, она, пожалуй, еще рассердится». —«Ступай же,—сказала жена,—она это может сделать и сделает весьма охотно; ступай только». У мужа так тяжело было на сердце, и не хотел он итти; он сказал самому себе: «это нехорошо», а все-таки пошел.

Когда он пришел к морю, вода была совершенно лиловая, темно-синяя и серая и густая, а уже не такая зеленая и желтая, как прежде, однакож еще не волновалась. Тогда он подошел и сказал:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те,
Камбала, камбала в море,
Моя жена Ильзебиль
Не хочет так, как я хочу».

«Ну, чего она хочет?» сказала камбала.—«Ах,—сказал муж почти грустно.— она хочет жить в большом каменном замке».—«Ступай себе, она стоит пред дверьми», сказала камбала. Пошел муж и думал, что идет домой, но когда подошел к домику, то на его месте находился большой каменный дворец, а его жена стояла как раз на крыльце и хотела войти во дворец; тогда она взяла его за руку и сказала: «войди со мною». С этими словами они вошли, а в замке была большая передняя с полом, выстланным мраморными плитами, и там было множество слуг, которые отпирали пред ними большие двери настежь; все стены так и блестели и были обиты прекрасными обоями, а в комнатах везде и стулья и столы из золота, и хрустальные люстры спускались с потолка, и везде в залах и других комнатах были ковры разостланы; столы ломились под тяжестью самых изысканных кушаний и самых лучших вин. А позади

замка был большой двор с конюшнею и коровником, и самые лучшие экипажи; кроме того, был еще там большой прекрасный сад с красивейшими цветами и хорошими плодовыми деревьями, и парк, по крайней мере, на полмили, полный оленей, диких коз и зайцев, и всего, чего только пожелают. «Ну, сказала жена, разве все это не прекрасно?»—«Конечно, да,—сказал муж,—если все это так останется, то и будем жить в этом прекрасном замке совершенно довольны».—«Об этом мы еще подумаем, сказала жена, да посмотрим». С этим они легли спать. На другое утро жена первая проснулась; уже совсем рассвело; из своей постели она увидела прекрасную страну, лежавшую перед ее глазами. Потягиваясь, проснулся муж; тогда она толкнула его локтем в бок и сказала: «Муженек, встань-ка, да взгляни в окно. Смотри, нельзя ли нам быть королем да королевой над всею этою страной? Ступай к камбале, и сделаемся мы королями».—«Ах, жена, сказал муж, к чему же нам делаться королями! Я никак не хочу быть королем».—«Ну,—сказала жена,—если ты не хочешь быть королем, так я хочу быть королевой. Поди же к камбале, я хочу быть королевой».—«Ах, жена, сказал муж, к чему же тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не хочу».—«А почему же? сказала жена, сию же минуту ступай, я должна быть королевой». Тогда муж отправился туда и был очень смущен тем, что его жена хотела сделаться королевой. «Это нехорошо и совсем нехорошо», думал муж про себя. Он не хотел итти, но все же пошел. И когда он пришел к морю, море было совершенно темно-серое и все волновалось, и его вода испускала совсем гнилой запах. Он подошел и сказал:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те» (и проч.).

«Ну, чего она хочет?» — «Ах, — сказал муж, — она хочет сделаться королевой». — «Ступай только домой, она уже королева», сказала камбала.

Тогда пошел муж домой, и, подойдя к замку, он увидел, что замок стал гораздо обширнее, с большими воротами, украшенными великолепными орнаментами, и часовой стоит у входных дверей, а кругом много солдат с барабанами и трубами. И когда он вошел во дворец, то все в нем было из чистого мрамора и украшено золотом, и бархатные скатерти с большими золотыми кистями. Вот открылись настежь двери залы, где весь двор был в сборе, и он увидел свою жену, сидевшую на высоком троне из золота и с алмазами, и имела она на голове большую золотую корону, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, и по обеим сторонам у нее стояли шесть девиц в ряд, из которых каждая была головой ниже другой. Тогда он подошел и сказал: «Ну, вот, жена, теперь ты королева!»—«Да, сказала она, я теперь королева!» Он постоял против нее, рассматривал ее и, после некоторого времени, сказал он: «Как это хорошо, жена, что ты сделалась королевой, теперь уж нам нечего больше и желать!»—«Нет, муж, сказала жена и стала беспокойна, я уже слишком соскучилась быть королевой, я не могу переносить этого больше. Ступай к камбале; я—королева, но я хочу быть императрицей».—«Ах, жена,—сказал муж,—на что тебе быть императрицей?»—«Муженек, сказала она, поди к камбале, я хочу быть императрицей».—«Ах, жена, сказал муж, императрицей она не может тебя сделать, я не смею и просить об этом камбалу; ведь император-то только один в государстве; камбала никак не может сделать тебя императрицей, не может, не может!»—«Что такое, сказала жена, я королева, ты же только мой муж, сейчас же пошел туда! сейчас отправляйся; если она могла сделать меня королевой,—она сможет сделать и императрицей. Я хочу, да, хочу быть императрицей, иди же!» Тогда он должен был пойти. Но, идучи туда, мужу стало страшно, и он все думал про себя: «Нехорошо это, нехорошо это! Быть императрицей—это уж слишком. Наконец надоест камбале».

Так про себя думая, подошел он к морю; а море-то совсем почернело и загустело, и вздулось, и пузырилось, и свистал такой сильный ветер, что рыбаку было страшно. Он стал на берегу и сказал:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те» (и проч.).

«Ну, чего же она хочет?» сказала камбала. «Ах, камбала, сказал он, моя жена хочет быть императрицей».—«Ступай себе, только сказала камбала, будет по ее желанию».

Пошел рыбак домой и увидел, что весь замок из полированного мрамора с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Около дверей маршировали солдаты, в трубы трубили и били в барабаны, а внутри замка бароны, графы и герцоги расхаживали и прислуживали, как простые слуги: они перед ним отворили двери из чистого золота. И когда он вошел, он увидел свою жену, сидящую на троне, сделанном из одного большого куска золота, вышиною почти в 2 мили; на ней была громадная золотая корона в три локтя вышины, усыпанная бриллиантами и карбункулами; в одной руке был у ней скипетр, а в другой—держава; по обе стороны у ней стояли в два ряда драбанты, один меньше другого, от самого громадного великана, вышиной в 2 мили, до самого маленького карлика, с мизинчик. А перед ней стояли множество князей и графов. Тогда муж подошел к ней и сказал: «Ну, жена, ты теперь императрица».—«Да, сказала она, я теперь императрица». Подошел он еще ближе и хорошенько посмотрел на нее, полюбовался и сказал: «Ах, жена, как хорошо тебе быть императрицей!»—«Ну, муж, сказала она, чего ты там стоишь? я теперь императрица, а хочу быть папой, ступай к камбале».—«Ах, жена, сказал муж, чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь, папа один только во всем христианстве, этого она никак не может сделать».—«Муж, сказала она, я хочу быть папой, сейчас ступай туда, сегодня же я должна быть папой».—«Нет, жена, сказал муж, я не могу сказать этого камбале, это и нехорошо, да и слишком уж дерзко; камбала не может сделать тебя папой».—«Ну, что за вздор, сказала жена, если она могла сделать меня императрицей, она может сделать меня и папой. Сейчас ступай, я ведь императрица, а ты только мой муж, пойдешь или нет?» Тогда он перепугался и пошел; но он совсем упал духом—задрожал и затрепетал, и колени у него подгибались. Дул сильный ветер, тучи покрывали небо, так что стало сумрачно на западе, срывало с деревьев листья, а море плескалось и шумело, как бы кипя, и разбивалось о берег, а вдали он увидел корабли, на которых палили из пушек, моля о помощи, и которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все-таки на середине неба еще был заметен маленький клочок лазури, а кругом было обложено небо грозными тучами. Тогда он подошел к берегу совсем унылый и перепуганный и сказал:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те» (и проч.).

«Ну, чего же она хочет?» сказала камбала. «Ах, сказал муж, она хочет папой быть».—«Ступай только, она уже папа», сказала камбала. Пошел он обратно, и когда пришел, то был громадный собор, окруженный со всех сторон дворцами. Тогда он пробрался сквозь толпу народа, а внутри все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его одета с ног до головы в золото и сидела на троне, бывшем гораздо выше прежнего трона, а на голове у ней были три большие золотые короны. Она была окружена толпой всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи, самая большая была толщиною в колокольню, а самая маленькая—как огарочек в кухне. А все императоры и короли стояли перед ней на коленях и целовали ее туфлю. «Жена, сказал муж и пристально посмотрел на нее, ты в самом деле папа теперь?»—«Да, сказала она, я теперь папа». Тогда он подошел ближе и смотрел да смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Посмотревши так некоторое время на нее, он сказал: «Ах, жена, как хорошо, что ты папа». А она сидела совершенно неподвижно, словно деревянная, и молчала и не двигалась. Тогда он сказал: «Жена, ну, теперь ты довольна, ты папа, и уж ничем больше не можешь быть».—«Об этом я еще подумаю», сказала жена. И затем они легли спать; но она еще была недовольна, и ее алчность не давала ей спать, и она не переставала думать о том, чем бы ей можно еще быть. Муж спал очень хорошо и крепко, потому что он много бегал за этот день; жена же совсем не могла заснуть, а всю ночь ворочалась с боку на бок и все придумывала, кем бы еще ей сделаться, но ничего придумать не могла. А между тем рассветало, и когда она увидала зарю, она приподнялась в постели и стала глядеть из окна на восходящее солнце. «А, вот, подумала она, да разве я не могу управлять заходом и восходом солнца и луны».—Муж, сказала она и толкнула его локтем под ребра, проснись, иди к камбале, я хочу быть самим Богом». Муж не

совсем еще проснулся, но так перепугался, что свалился с кровати. Он подумал, что ослышался, и стал протирать себе глаза и сказал: «Ах, жена, что такое ты там говоришь?» — Муж, — сказала она, — если я не буду в состоянии управлять заходом и восходом солнца и луны и видеть, как солнце и луна восходят, то я этого перенести не смогу и не буду иметь ни минуты покоя, пока я сама не смогу заставлять их восходить и заходить». И так строго на него посмотрела, что мороз пробежал у него по телу. «Ступай сейчас же туда, я хочу быть самим Богом».—«Ах, жена, сказал муж и пал пред нею на колени, этого камбала не может сделать. Императрицей и папой она еще могла тебя сделать; прошу тебя, образумься и останься папой». Тогда она пришла в ярость, волосы у ней взъерошились на голове, она разорвала на себе платье, ударила мужа ногой и крикнула: «Я не могу терпеть этого: я не хочу больше этого терпеть; пойдешь ли ты?» Тогда он поспешно бросился бежать, как сумасшедший.

Но поднялась буря и бушевала так, что он едва мог держаться на ногах; дома и деревья падали, и горы тряслись, и обломки скал скатывались в море, и небо было совсем черно, и гром гремел, и молния сверкала, и такие высокие черные волны ходили по морю, как колокольни или горы, увенчанные большой короною из белой пены. Тогда закричал он и не мог расслышать собственных слов:

«Мантье, Мантье, Тимпе Те,
Камбала, камбала, в море,
Моя жена Ильзебиль
Не хочет так, как я хочу».

«Ну, чего же она хочет?» сказала камбала. «Ах, сказал он, она хочет быть самим Богом».—«Ступай домой: она опять сидит в лачужке дряннoй».

Так они еще и до сего дня сидят.

Н. Ф. Сумцов «Этюды о Пушкине».

1. Не знаете ли еще сказок, в которых животные и растения принимают участие в судьбе человека?

2. Сравните немецкую и русскую сказку и выясните, в чем выразилась национализация бродячего сюжета.

6. Хрустальная гора.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь, батюшка! благослови нас: мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил-ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит: «Иван-царевич! раздели нам эту лошадь: лежит она здесь тридцать три года, а мы все спорим, а как поделить—не придумаем». Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям—кости, птицам—мясо, кожа—гадам, а голова—муравьям. «Спасибо, Иван-царевич! сказал сокол; за эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякой раз, как захочешь». Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в три-десятое государство; а того государства больше, чем наполовину втянуло в хрустальную гору. Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу: «Не возь-

мет ли ваш государь меня в службу к себе?»—«Отчего не взять такого молодца?» Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала проситься царевна: «Государь мой, батюшка, позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять». Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись—выскочила золотая коза. Царевич погнал за ней, скакал-скакал, козы не добыл, а воротился назад—и царевны нету! Что делать? как к царю на глаза показаться? Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя, пришел во дворец и говорит царю: «Ваше величество! найми меня стадо пасти».—«Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах—дай ему три коровы, коли о шести головах—дай шесть коров, а коли о двенадцати головах—то отсчитывай двенадцать коров». Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах: «Эх, Иван-царевич, за какое дело ты взялся! Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, говорит, отгони мне трех коров».—«Не жирно будет? отвечает царевич: я сам в суточки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!» Змей осерчал и вместо трех схватил шесть коров. Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой. «Что, дедушка, спрашивает царь, прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?»—«Нет, ваше величество, ни одной не дал!» На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров. «Ах ты, чудо-юдо обжорливое! я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!» Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров: а царевич оборотился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо: царь и спрашивает. «Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?» — «Прилетать-то прилетал, да ничего не взял!» Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору: смотрит—в хрустальной горе сидит царевна. «Здравствуй, говорит Иван-царевич, как ты сюда попала?»—«Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке—заяц, в зайце—утка, в утке—яичко, в яичке—семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, втапоры можно хрустальную гору извести и меня избавить». Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах: «Эх, Иван-царевич, не за свое ты дело взялся: чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка, отсчитай мне двенадцать коров!»—«Жирно будет! я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел?» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались—Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук: в сундуке—заяц, в зайце—утка, в утке—яйцо, в яйце—семечко. Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе—гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: «Будь ты моим зятем!» Тут их и обвенчали: на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

7. Окаменелое царство.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать—как на беду не взлюбило его начальство не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо, и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивают: «Куда идешь? аль батальонный требует?»—«Не спрашивайте, братцы! подтяните-ка ранец покрепче, да лихом не поминайте!» И пошел он, доброй молодец, куда глаза глядят. Много ли, мало ли шел—пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает: «Нельзя ли где отдых взять?» Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопаной. Говорит ему король: «Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?»—«Ваше королевское величество! не велите казнить, велите слово вымолвить». Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься. «Хорошо, сказал король, наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно—кто-то ломает мои любимые деревья; так ты постарайся сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую». Солдат согласился, стал в саду караул держать. Год и два служит—все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит—половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! думает сам с собою, вот какая беда приключилася! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг послышался треск и шум, очнулся доброй молодец, глядь—прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья. Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутек пустилась. Солдат за нею: ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз. Солдат не убоялся и вслед за нею кинулся в то провалище; упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся—что же? и под землей такой же свет. «Стало-быть, думает, и здесь есть люди!» Шел-шел, перед ним большой город, у ворот караульная, при ней часовой; стал его спрашивать—часовой молчит, не движется; взял его за руку—а он совсем каменный. Вошел солдат в караульню—народу много, и стоят, и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам—везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, все как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит—комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто. Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему—словно кто к крыльцу под'ехал; он схватил ружье и стал у дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками; солдат отдал ей честь , а она ему ласково поклонилась: «Здравствуй, служивой! расскажи, говорит, какими судьбами ты сюда попал?» Солдат начал рассказывать: «Нанялся-де я царский сад караулить.

и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать: вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у нее из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь».—«Эта птица—мне родня, сестра; много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала—весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое—читай книжку да держи ее крепче, чтобы не вырвали, не то жив не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замуж».—«Ладно!» отвечал солдат. Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело—явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его, и грозят за побег смертью: вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи—и все разом сгинуло! На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь. А сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что сила солдат выдержал. Запели петухи—и демонское наваждение сгинуло! В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитою, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

8. Баба-яга.

Жил-себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, как бы вовсе извести. Раз отец уехал куда-то; мачеха и говорит девочке: «Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку—тебе рубашку сшить». А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тетке.—«Здравствуй, тетушка!»—«Здравствуй, родимая! Зачем пришла?»—«Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку—мне рубашку сшить». Та ее и научает: «Там тебя, племянушка, будет березка в глаза стегать—ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать—ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать—ты им хлеба брось; там тебе кот будет глаза драть—ты ему ветчины дай». Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит баба-яга, костяная нога, и ткет. «Здравствуй, тетушка!»—«Здравствуй, родимая».—«Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку—мне рубашку сшить».—«Хорошо, садись покуда ткать».—Вот девочка села за кросна: а баба-яга вышла и говорит своей работнице: «Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри хорошенько: я хочу ею позавтракать». Девочка сидит ни жива, ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу: «Родимая моя, ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи», и дала ей платочек. Баба-яга дожидается: подошла она к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая»?—«Тку, тетушка, тку, милая!»—Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

«Нельзя ли как-нибудь уйти отсюдова?»—«Вот тебе гребешок и полотенце, говорит кот, возьми их и убеги: за тобою будет гнаться баба-яга, ты приклони ухо к земле и, как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце—сделается широкая, широкая река: если ж баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, то опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок—сделается дремучий, дремучий лес: сквозь него она уж не проберется».

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать—она бросила им хлеба, и они ее пропустили: ворота хотели захлопнуться—она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили: березка хотела ей глаза выстегать—она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткет: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает: «Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?»—«Тку, тетка, тку, милая», отвечает грубо кот. Баба-яга бросилась в хатку, увидала, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза. «Я тебе сколько служу, говорит кот, ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала». Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей: «Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала». Ворота говорят: «Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила». Березка говорит: Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала». Работница говорит: «Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила».

Баба-яга—костяная нога поскорей села в ступу, толкачом погоняет, помелом след заметает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река такая широкая, широкая. Баба-Яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела, воротилась домой, взяла своих быков, пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста. Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколь ни старалась—не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает: «Где же моя дочка?»—«Она пошла к тетушке», говорит мачеха. Немного погодя и девочка прибежала домой. «Где ты была?» спрашивает отец. «Ах, батюшка, говорит она, так и так—меня матушка посылала к тетке попросить иголочку с ниточкой, мне рубашку сшить, а тетка—баба-яга—меня съесть хотела».— Как же ты ушла, дочка?»—«Так и так», рассказывает девочка. Дед, как узнал все это, рассердился на жену и расстрелял ее, а сам с дочкою стал жить да поживать: и я там был, мед, пиво пил: по усам текло, в рот не попало.

9. Царевна-лягушка.

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына—все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать: младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково

слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны: на чей двор стрела упадет, там и сватайтесь». Пустил стрелу старший брат—упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат—полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, и на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат—попала стрела в грязное болото и подхватила ее лягушка-квакушка. Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушку взять? квакушка неровня мне». «Бери! отвечает ему царь: знать судьба твоя такова». Вот поженились царевичи: старшие на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! почто так кручинен стал? спрашивает его лягушка: аль услышал от отца своего слово неприятное?»—«Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий, белый хлеб».—«Не тужи, царевич! ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать, да сбросила с себя лягушечью кожу—и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий, белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки». На утро проснулся Иван-царевич, у квакушки хлеб давно готов и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! почто так кручинен стал? аль услышал от отца своего слово жестокое, неприятное?»—«Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер».—«Не тужи, царевич! ложись-ка спать-почивать: утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу—и обернулась душой-девицей, Василисой-Премудрою: вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать—чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!» Как сказано, так и сделано. На утро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковер давно готов—и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-серебром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр, вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич, почто кручинишься? али от отца услыхал слово неприветливое?»—«Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил: как я тебя в люди покажу?»—«Не тужи, царевич, ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду; как услышишь стук да гром—скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет». Вот старшие братья явились на смотр с своими женами разодетыми, разубранными; стоят да на Ивана-царевича смеются: «Что-ж ты, брат, без жены пришел? хоть бы в платочке принес! И где ты этакую красавицу выискал? чай, все

болота исходил?» Вдруг поднялся великий стук да гром—весь дворец затрясся; гости крепко испугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! это моя лягушонка в коробчонке приехала». Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая—такая красавица, что ни вздумать ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные. Стали гости есть-пить, веселиться: Василиса Премудрая испила из стакана, да последки себе за левый рукав вылила, закусила лебедем, да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то-ж делать. После, как пошла Василиса Пре-

Иван-царевич на сером волке и царь-девица. (С лубочной картинки).

мудрая танцовать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой—сделалось озеро, махнула правой—и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались! А старшие невестки пошли танцовать, махнули левыми руками—гостей забрызгали, махнули правыми—кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно. Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась—нет лягушечей кожи, припупыла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! что же ты наделал? Еслиб немножко подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве—у Кощея Бессмертного». Обернулась белою лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился Богу на все на четыре стороны и пошел—куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, по-

падается ему навстречу старый старичок. «Здравствуй,—говорит.—добрый молодец! чего ищешь? куда путь держишь?» Царевич рассказал ему свое несчастье. «Эх, Иван-царевич! зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок: куда он покатится—ступай за ним смело». Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадается ему медведь; «дай, говорит, убью зверя, а медведь провещал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! когда-нибудь пригожусь тебе». Идет дальше, глядь—над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человечьим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! я тебе сама пригожусь». Он пожалел и пошел дальше. Бежит косой заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человечьим голосом: «Не бей меня, Иван-Царевич! я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошел дальше—к синему морю; видит—на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-царевич, провещала щука, сжалься надо мною, пусти меня в море». Он бросил ее в море и пошел берегом. Долго ли, коротко ли—прикатился клубочек к избушке: стоит избушка на куриных лапках, кругом повертывается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила—ко мне передом, а к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич вошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит баба-яга, костяная нога, нос в потолок врос. «Гой еси, добрый молодец! зачем ко мне пожаловал?» спрашивает баба-яга Ивана царевича.—«Ах ты, старая хрычовка! ты бы прежде меня, доброго молодца, накормила, напоила, в бане выпарила, да тогда-б и спрашивала». Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила, а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. «А, знаю, сказала баба-яга, она теперь у Кощея Бессмертного: трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кащей как свой глаз бережет». Указала баба-яга, в каком месте растет этот дуб. Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать. Вдруг откуда ни взялся—прибежал медведь и выворотил дерево с корнем: сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь—а за ним уже другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился; как ударит ее—утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго, и счастливо.

Отметьте в сказках 6, 7, 8 и 9 (и других) чудесное изображение природы, человека, животных, неодушевленных предметов и т. п.

10. Звериное молоко.

Жил-был царь, у него был сын да дочь. В соседнем государстве случилась беда немалая—вымер весь народ; просит Иван-паревич отца: «Батюшка! благослови меня в то государство на житье ехать». Отец несогласен. «Коли так, я и сам пойду!» Пошел Иван-царевич, а сестра не захотела от него отстать и сама пошла. Шли они несколько времени. Стоит в чистом поле избушка на куриных ножках и повертывается; Иван-царевич сказал: «Избушка, избушка! стань по-старому, как мать поставила». Избушка остановилась, они взошли в нее, и там лежит баба-яга, нос в потолок уткнула. «Здравствуй, Иван-царевич! что, дела пытаешь, аль от дела лытаешь?»—«Где дела пытаю, а где и от дела лытаю: в таком-то царстве народ вымер, иду туда на житье». Она ему говорит: «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял: она тебе много вреда сделает». Напоила их, накормила и спать положила. На другой день брат с сестрою собираются в дорогу: баба-яга дает Ивану-паревичу собаку да синий клубочек: «Куда клубочек покатится, туда и иди!» Клубочек подкатился к другой избушке на куриных ножках. «Избушка, избушка! стань по-старому, как мать поставила». Избушка остановилась: паревич с царевною взошли в нее; лежит баба-яга и спрашивает: «что Иван-царевич, от дела лытаешь или дело пытаешь?» Он ей сказал, куда и зачем идет. «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял: она тебе много вреда сделает». Напоила их, накормила и спать положила. На утро подарила Ивану-паревичу собаку и полотенце: «Будет у тебя на пути большая река—перейти нельзя: ты возьми это полотенце да махни одним концом—тотчас явится мост: а когда перейдешь на ту сторону, махни другим концом—и мост пропадет. Да смотри: махни украдкою, чтобы сестра не видела». Пошел Иван-паревич с сестрою в путь-дорогу: куда клубок катится, туда и идет. Подошли к широкой-широкой реке. Сестра говорит: «Братец! сядем тут отдохнуть». Села и не видала, как царевич махнул полотенцем.—тотчас мост явился. «Пойдем, сестрица! Бог дал мост, чтобы перейти на ту сторону». Перешли за реку; царевич украдкою махнул другим концом полотенца—мост пропал, как не бывало! Приходят они в то самое царство, где народ вымер: никого нет, везде пусто! Пообжились немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошел он с своими собаками бродить по лесам, по болотам.

В это время прилетает к реке змей-Горыныч: ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Зовет к себе царевну: «Ты, говорит, меня измучила, тоской иссушила; я без тебя жить не могу!» Полюбился змей-Горыныч царевне, кричит ему: «Лети сюда через реку!»—«Не могу перелететь».—«А я что же сделаю?»—«У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси к реке и махни одним концом».—«Он мне не даст!»—«Ну, обмани его: скажи, будто вымыть хочешь». Приходит царевна во дворец; на ту пору и брат ее возвратился с охоты. Много всякой дичи принес и отдает сестре, чтоб завтра к обеду приготовила. Она спрашивает: «Братец! нет ли у вас чего вымыть из черного белья?»—«Сходи, сестрица, в мою комнату; там найдешь»,—сказал Иван-царевич и совсем забыл о полотенце, что баба-яга подарила да не велела царевне показывать. Царевна взяла полотенце: на другой день

брат на охоту, она к реке, махнула одним концом полотенца—и в ту же минуту мост явился. Змей перешел по мосту. Стали они целоваться, миловаться; потом пошли во дворец. «Как бы нам,—говорит змей,—твоего брата извести? — Придумай сам, а я не ведаю», отвечает царевна. Вот что: притворись больною и пожелай волчьего молока; он пойдет молоко добывать—авось голову свернет!» Воротился брат, сестра лежит на постели, жалуется на болезнь свою и говорит: «Братец! во сне я видела, будто от волчьего молока поздоровею; нельзя ли где добыть? а то смерть моя приходит!» Иван-царевич пошел в лес—кормит волчиха волченков, хотел ее застрелить, она говорит ему человеческим голосом: «Иван-царевич, не стреляй, не губи меня, не делай моих детей сиротами; лучше скажи, что тебе надобно?»—«Мне нужно твоего молока».—«Изволь, надои; еще дам в придачу волченка; он тебе станет верой-правдою служить». Царевич надоил молока, взял волченка, идет домой. Змей увидал, сказывает царевне: «Твой брат идет, волченка несет; скажи ему, что тебе медвежьего молока хочется». Сказал и оборотился веником. Царевич вошел в комнату; за ним следом собаки вбежали, услыхали нечистый дух и давай теребить веник—только прутья летят! «Что это такое, братец! закричала царевна; уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечем будет!» Иван-царевич унял свою охоту и отдал ей волчье молоко. Поутру спрашивает брат сестру: «Каково тебе, сестрица?»—«Немножко полегчило; если-б ты, братец, принес еще медвежьего молока—я бы совсем выздоровела». Пошел царевич в лес, видит: медведиха детей кормит, прицелился, хотел ее застрелить; взмолилась она человеческим голосом: «Не стреляй меня, Иван-царевич! не делай моих детей сиротами; скажи: что тебе надобно?»—«Мне нужно твоего молока».— «Изволь; еще дам в придачу медвежонка». Царевич надоил молока, взял медвежонка, идет назад. Змей увидал, говорит царевне: «Твой брат идет, медвежонка несет: пожелай еще львиного молока». Вымолвил и оборотился помелом; она сунула его под печку. Вдруг прибежала охота Ивана-царевича, почуяла нечистый дух, бросилась под печку и давай тормошить помело. «Уймите, братец, вашу охоту, а то завтра нечем будет печки замести». Царевич прикрикнул на своих собак; они улеглись под стол, а сами так и рычат. На утро опять царевич спрашивает: «Каково тебе, сестрица?»—«Нет, не помогает, братец! а снилось мне нынешнюю ночь: если-б ты добыл молока от львицы—я бы вылечилась». Пошел царевич в густой-густой лес, долго ходил—наконец увидел: кормит львица малых львенков, хотел ее застрелить; говорит она человеческим голосом: «Не стреляй меня, Иван-царевич! не делай моих детушек сиротами; лучше скажи, что тебе надобно?»—«Мне нужно твоего молока». — «Изволь, еще одного львенка в придачу дам». Царевич надоил молока, взял львенка, идет домой. Змей-Горыныч увидал, говорит царевне: «Твой брат идет, львенка несет!» и стал выдумывать, как бы его уморить. Думал-думал, наконец выдумал послать его в тридесятое государство; в том царстве есть мельница за двенадцатью дверями железными, раз в год отворяется—и то на короткое время: не успеешь оглянуться, как двери захлопнутся. «Пусть-ка попробует, достанет из той мельницы мучной пыли!» Вымолвил эти речи и оборотился ухватом; царевна кинула его под печку. Иван-царевич вошел в комнату, поздоровался и отдал сестре львиное молоко; опять собаки почуяли змеиный дух, бросились под печку и начали ухват грызть. «Ах, братец! уймите вашу охоту: еще разобьют что-нибудь!» Иван-

царевич закричал на собак; они улеглись под столом, а сами все на ухват смотрят да злобно рычат. К утру расхворалась царевна пуще прежнего, охает, стонет. «Что с тобой, сестрица? спрашивает брат, али нет от молока пользы?»—«Никакой, братец!» и стала его посылать на мельницу. Иван-царевич насушил сухарей, взял с собой и собак и зверей своих и пошел на мельницу. Долго прождал он, пока время настало и растворились двенадцать железных дверей; царевич вошел внутрь, наскоро намел мучной пыли и только что успел выйти, как вдруг двери за ним захлопнулись, и осталась охота его на мельнице взаперти. Иван-царевич заплакал: «Видно, смерть моя близко!» Воротился домой: змей увидал, что он один, без охоты идет: «Ну, говорит, теперь его не боюсь!»—выскочил к нему навстречу, разинул пасть и крикнул: «долго я до тебя добирался, царевич! уж и ждать надоело; а вот-таки добрался же—сейчас тебя с'ем!»— Погоди меня есть, лучше вели в баню сходить да наперед вымыться».—Змей согласился и велел ему самому и воды натаскать, и дров нарубить, и баню истопить. Иван-царевич начал дрова рубить, воду таскать. Прилетает ворон и каркает: «Кар-кар, Иван-царевич! руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла». Он, что нарубит, то в воду покидает. А время идет да идет: нечего делать—надо баню топить. Ворон опять каркает: «Кар-кар, Иван-царевич! топи баню, да не скоро, твоя охота восемь дверей прогрызла». Истопил баню, начал мыться, а на уме одно держит: «Если-б моя охота да ко времени подоспела!» Вот прибегает собака: он говорит: «Ну, двоим смерть не страшна!» За той собакой и все прибежали. Змей-Горыныч долго поджидал Ивана-царевича, не вытерпел и пошел сам в баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкие кусочки. Иван-царевич собрал те кусочки в одно место, сжег их огнем, а пепел рассеял по чистому полю. Идет со своею охотой во дворец, хочет сестре голову отрубить; она пала пред ним на колени, начала плакать, упрашивать. Царевич не стал ее казнить, а вывел на дорогу, посадил в каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водою, другой—порожний. И говорит: «Если ты эту воду выпьешь, это сено с'ешь, да наплачешь полон чан слез, тогда Бог тебя простит, и я прощу».

Оставил Иван-царевич сестру в каменном столбе и пошел с своею охотою за тридевять земель: шел-шел, приходит в большой, знатный город; видит—половина народа веселится да песни поет, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать к одной старушке, и спрашивает: «Скажи, бабушка, отчего у вас половина народа веселится, песни поет, а другая навзрыд плачет?» Отвечает ему старуха: «Ох, батюшка! поселился на нашем озере двенадцатиглавый змей, каждую ночь прилетает да людей поедает; для того у нас очередь положена—с какого конца в какой день на с'едение давать. Вот те, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые—нет, те рекой разливаются».— «А теперь за кем очередь?»— «Да теперь вышал жеребий на царскую дочь; только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь об'явил, что если выищется кто, да убьет этого змея, так он пожалует его половиною царства и отдаст за него царевну замуж; да где нынче богатыри-то? за наши грехи все перевелись!» Иван-царевич тотчас собрал свою охоту и пошел к озеру, а там уж стоит прекрасная царевна и горько плачет. «Не бойся, царевна; я твоя оборона!» Вдруг озеро взволновалося, всколыхалося, появился двенадцатиглавый змей. «А, Иван-царевич, русской богатырь! ты сюда за-

чем пришел? Драться али мириться хочешь?»—«Почто мириться? русской богатырь не за тем ходит», отвечал царевич и напустил на змея всю свою охоту: двух собак, волка, медведя и льва. Звери в миг его на клочки разорвали. Иван-царевич вырезал языки изо всех двенадцати змеиных голов, положил себе в карман, охоту гулять распустил, а сам лег на колени к царевне и крепко заснул. Рано утром приехал водовоз с бочкою, смотрит—змей убит, а царевна жива и у ней на коленях спит добрый молодец. Водовоз подбежал, выхватил меч и спес Ивану-царевичу голову, а с царевны вымучил клятву, что она признает его своим избавителем. Потом собрал он змеиные головы и повез их к царю, а того и не знал, что головы-то без языков были. Ни много, ни мало прошло времени, прибегает на то место охота Ивана-царевича; царевич без головы лежит. Лев прикрыл его травою, а сам возле сел. Налетели вороны с воронятами мертвечины поклевать: лев изловчился, поймал вороненка и хочет его надвое разорвать. Старый ворон кричит: «Не губи моего детенка: он тебе ничего не сделал! Коли нужно что, приказывай—все исполню.—«Мне нужно мертвой и живой воды,—отвечает лев:—принеси, тогда и вороненка отдам». Ворон полетел, и солнце еще не село—как воротился и принес два пузырька мертвой и живой воды. Лев разорвал вороненка, спрыснул мертвой водой—куски срослися, спрыснул живой водой—вороненок ожил и полетел вслед за старым вороном. Тогда лев спрыснул мертвою и живою водой Ивана-Царевича: он встал и говорит: Как я долго спал! — Век бы тебе спать, кабы не я!» отвечал ему лев и рассказал, как нашел его убитым и как воротил к жизни.

Приходит Иван-царевич в город; в городе все веселятся, обнимаются, целуются, песни поют. Спрашивает он старуху: Скажи, бабушка, отчего у вас такое веселье?»—«Да вишь какой случай вышел: водовоз повоевал змея и спас царевну; царь выдает теперь за него свою дочь замуж».—«А можно мне посмотреть на свадьбу?»—Коли умеешь на чем играть, так иди; там теперь всех музыкантов примают».—«Я умею на гуслях играть».—«Ступай! царевна до смерти любит слушать, когда ей на гуслях играют».—Иван-царевич купил себе гусли и пошел во дворец. Заиграл—все слушают, удивляются: откуда такой славной музыкант проявился. Царевна наливает рюмку вина и подносит ему из своих рук: глянула и припомнила своего избавителя: слезы из глаз так и посыпались! «О чем плачешь?» спрашивает ее царь. Она говорит: «Вспомнила про своего избавителя». Тут Иван-царевич об'явил себя царю, рассказал все, как было, а в доказательство вынул из кармана змеиные языки. Водовоза подхватили под-руки, повели и расстреляли, а Иван-царевич женился на прекрасной царевне. На радостях вспомнил он про свою сестру, поехал к каменному столбу — она сено с'ела, воду выпила, полон чан слез наплакала. Иван-царевич простил ее и взял к себе: стали вместе жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

11. Правда и кривда.

Вот было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, знашь, не во гнев твоей милости к речи сказать, как мы таперича с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи-мужичков, бедпеющие - пребедпеющие, один-ат жил кое-как, колотился всеми неправдами; горазд был на обманы и привернуть его было дело,

а другой-ят шел по правде, кабы, знашь, трудами век прожить. Вот эвтим делом-то они и заспорили. Один-ат говорит: лучше жить кривдой, а другой-ят говорит: кривдой век прожить не сможешь; лучше жить как ни на есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, слышь, не переспорил. Вот и пошли спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на эвто скажет. Вот они шли-шли, братец мой, и увидали: барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему, подошли и говорят: «Бог на помощь тебе, знакомой! Разрешни ты наш спор: как лутче жить на белом свете—правдой али кривдой?»—«Нет, братцы, правдой век прожить не сможешь; кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: беспречь у нас господа дни отнимают, работать на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось—хворь, знашь, нашла,—а сам меж эвтим времен-то в лесишко с'ездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет».—«Ну, слышь, моя правда!» говорит криводушный-ят правдивому-то. Вот пошли опять по дороге, знашь, что скажет им другой. Шли-шли и видят: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему, подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим... Реши, слышь, наш спор: как лутче жить на свете—правдой али кривдой?»— Нет, ребята, правдой мудрено жить, лутче кривдой. Нас обманывают, и мы обманываем». Ну, слышь, моя правда!», говорит опять криводушный-ят правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге, что скажет третий. Шли-шли, вот и видят: едет приказчик навстречу. Вот они подошли к нему; подошли к нему и спрашивают: «Остановись-ка на часочек; реши ты наш спор, как лутче жить на свете—правдой или кривдой?»—«Вот, слышь, нашли, о чем спрашивать! знамо дело, что кривдой. Какая поньче правда? За правду в Сибирь угодишь, скажут—кляузник»...—«Ну, слышь! говорит криводушный-ят правдивому-то: вот все говорят, что кривдой лутче жить».—«Нет, слышь, надо жить по-Божью, как, знашь, Бог велит: что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу!» говорит правдивый-ят криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли-шли; криводушный-ят всяко, знашь, сумеет ко всем приласкиваться; везде его кормят и калачи у него есть; а правдивый-ят где водицы изопьет, где поработает, его за эвто покормят. А тот, знашь, криводушный-ят все смеется над ним. Вот раз правдивый-ят попросил кусочек хлебца у криводушного-то: «Дай мне кусочек хлебца».—«А что за него мне дашь?» говорит криводушный-ят.—«Что хошь возьми, что у меня есть», говорит правдивый-ят. «Дай, слышь, я глаз тебе выколю?»—«Ну, выколи!» знашь, он ему говорит. Вот эвтим делом-то криводушный-ят и выколол правдивому-то глаз, выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, с'ел, и пошли опять по дороге. Шли-шли; опять правдивый-ят у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот тот опять разно стал над ним насмехаться: «Дай, другой глаз я тебе выколю, ну тогда дам кусочек».—«Ах, братец, пожалей, я слепой буду!» знашь, правдивый-ят упрашивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой», криводушный-ят ему говорил.—«Что делать, ну, так тому делу и быть: на, выколи и другой, коли греха не боишься!» правдивый-ят, знашь, говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-ят глаз, выколол и дал ему маленько хлебца; дал хлебца и оставил его на дороге: «Вот, стану я тебя водить!»

Ну что, делать! Слепой с'ел кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой. Шел, шел кое-как и сбился с дороги и не знает, куда ему итти. Вот и начал он просить Бога: «Господи, не оставь меня, грешного раба твоего!» Молился, молился, вот и услыхал он голос, кто-то, слышь, ему говорит: «Иди ты направо! Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу, найди ты ощупью тропинку; найдешь тропинку, пойди ты по той тропинке; пойдешь по тропинке, придешь на гремячий ключ; как придешь ты к гремячему ключу, умойся, слышь, из него водою, испей той воды и намочи ею глаза: ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, пойди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб; увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него; как залезешь на него, дождись ночи; дождешься ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи: они тут, слышь, слетаются на токовище». Вот он кое-как добрел до леса: добрел до леса, полезил, полозил по нем, напал кое-как на тропинку; пошел по той тропинке, дошел до гремячего ключа; дошел до ключа, умылся водою; умылся водою, испил и примочил глаза; примочил глаза и вдруг увидел опять свет Божий—знашь, прозрел! Вот, как прозрел, и пошел вверх по тому ключу; шел-шел по нем, вот и видит большой дуб—под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб, влез и дождался ночи. Начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались-слетались... вот начали рассказывать, где, знашь, кто был. Вот один бес и говорит: «Я был у такой-то царевны; десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее: никто, слышь, меня не сможет выгнать, а выгонит тот, кто вот у такого-то богатаго купца достанет образ Смоленской Божьей Матери, что у него на воротах в киоте уделан». Вот на утро, как все бесы разлетелись, правдивый-ят слез с дуба и пошел искать того купца. Искал-искал, кое-как нашел его: нашел и просится работать на него: «Хоть год проработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ Божьей Матери с ворот». Купец согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него, что ни есть мочи, круглый год. Проработавши год, он и просит тот образ. Вот купец, слышь, говорит: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа; возьми лутче денег».—«Нет, не надо денег, а дай мне его по уговору».—«Нет, не дам образ! Проработай еще год: ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот эвтим делом-то правдивый-ят мужичок работал еще год: ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой старательный был. Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ Божьей Матери с ворот. Купцу опять жаль и его отпустить и образ отдать. «Нет, лутче я тебя какою напражу; а коли хочешь, то проработай еще год,—ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть—опять стал работать год. Работал еще пуще того: всем на диво, какой был работящий. Вот проработал и третий год: проработал и опять просит образ. Купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему: «На, слышь, возьми образ и ступай с Богом!» Напоил, накормил его и деньгами наградил малую толику.

Вот эвтим делом-то взял он образ Смоленской Божьей Матери, взял его и повесил на себя; повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-ат мучитель сидит. Шел, шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я де вашу царевну излечить смогу». Вот, знашь, эвтим делом-то впустили его в хоромы царские, впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил воды. Подали воды. Вот он перекрестился и три

земных поклона положил—знашь, помолился Богу. Помолился Богу и снял с себя образ Божьей Матери, снял его и с молитвой три раза в воду опустил; опустил, знашь, и надел его на царевну; надел на царевну и велел ей той водой умываться.

Вот как она, матушка, надела на себя тот образ и умылась тою водою, вдруг из нее недуг-ат, знашь—вражья-то нечистая сила, клубом вылетела вон; вылетел он—и она стала здорова попрежнему. Вот эвтим делом-то невесть как все обрадовались и не знали чем наградить эвтого мужичка: и земли давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!» Вота царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду».—«Ладно!» царь-ат сказал. Вот эвтим делом-то и повенчались; повенчались, и стал наш мужичок ходить, знашь, в одежде царской, жить в царских хоромах, пить-есть все на все заодно с ними. Жил-жил и приторел [1]) к ним.

Вот как приторел он к ним—и говорит: «Пустите меня на родину; у меня есть мать-старушка бедная»—«Ладно!» царевна, знашь, жена-то его, сказала: «поедем вместе». Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Ехали-ехали и под'езжают они к его родине; под'езжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лутче жить кривдой, чем правдой. Идет навстречу вот правдивый-ат, царский сын, и говорит: «Здравствуй, братец мой!» называет его по имени. Тому, знашь, в диковинку, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его.— Помнишь, ты спорил со мной, что лутче жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Эвто я самый!» Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся! Я на тебя не сержусь, а желаю и тебе такого счастья. Вот пойди ты в такой лес—знашь, научат его, как его Бог научил,—в том лесе увидишь ты тропинку, пойди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу, напейся из того ключа воды и умойся; как умоешься, поди ты вверх по ключу, увидишь там ты большой дуб; влезь на него и проспи всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье!»

Вот, знашь, криводушный-ат по его слову, как по писаному, все эвто сделал: нашел лес и ту тропинку; пошел по тропинке и пришел к гремячему ключу, напился и умылся: умылся и пошел, знашь, вверх по нем; пошел вверх и увидел большой дуб—под ним все утоптано. Вот он и залез на эвтот дуб, залез на дуб и дождался ночи: дождался ночи и слышит, знашь, как со всех сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись, и услыхали по духу его на дубу; услыхали по духу и растерзали его на мелкие части. Так тем эвто дело и покончилось, что правдивый-ат стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

12. Горе.

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедной, другой богатой. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки—мал мала меньше, плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик, как рыба об

[1]) Привык, прижился.

лед, а все ничего нет. Говорит он однова жене своей: «Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?» Пришел к богатому: «Ах, братец родимой! помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают».—«Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!» Что делать? принялся бедной за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатой одну ковригу хлеба: «Вот тебе за труды!»—«И за то спасибо!» сказал бедной, поклонился и хотел было домой итти. Постой! приходи-ка завтра ко мне в гости, жену приводи: ведь завтра мои именины».—«Эх, братец! куда мне? сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке».—«Ничего, приходи, и тебе будет место».—«Хорошо, братец! прийду». Воротился бедной домой, отдал жене коврigу и говорит: «Слушай, жена! назавтрее нас с тобой в гости звали».—«Как в гости? кто звал?»—«Брат; он завтра именинник».—«Ну, что-ж? пойдем». На утро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на-славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл—ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяюшкой благодарить, и бедной тож—поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые; шумят, песни поют. А бедной идет назад с пустым брюхом. «Давай-ка», говорит жене, «и мы запоем песню!»—«Эх, ты, дурак! люди поют от того, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?»—«Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно итти. Как я запою, так всякой подумает, что и меня угостили...»—«Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену: «Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?»—«Что с тобой? я вовсе и не думала».—«Так кто же?»—«Не знаю!» сказала баба: «а ну, запой, я послушаю». Он опять запел; пост-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяин! это я пособляю».—«Ну, Горе, пойдем с нами вместе».—«Пойдем, хозяин, я теперь от тебя не отстану». Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит: «У меня денег нет!»—«Ох, ты, мужичок! да на что тебе деньги? вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? скоро лето будет, все равно носить не станешь; пойдем в кабак, да полушубок по боку...» Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить. «Денег нет!» говорит мужик. «Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу—с нас и довольно!» Делать нечего, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. На утро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристает к нему: «Пойдем да пойдем в кабак!»—«Нет, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего».—«Как нечего? у твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно». Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит: «Хозяин!»—«Что, Горе?»—«А вот что, ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою». Пошел мужик к соседу: «Дай, просит, на времячко пару волов с телегою, я на тебя хоть неделю за то проработаю».—«На что тебе?»—«В лес за дровами с'ездить».—«Ну, возьми, только не велик воз накладывай».—«И, что ты, кормилец!» Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле. «Хозяин!» спрашивает Горе: знаешь ли ты на этом поле большой камень?»—«Как не знать!»—«А когда знаешь, поезжай прямо к нему». Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет, вот подняли, а под камнем яма—полна золотом насыпана. «Ну, что глядишь?» сказывает Горе мужику: «таскай скорей в телегу». Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца, видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит: «Посмотри-ко, Горе, никак там еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Где? я что-то не вижу!»—«Да вон в углу светится!»—«Нет, не вижу».—«Полезай в яму, так и увидишь». Горе полезло в яму, только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем. «Вот эдак-то лучше будет!» сказал мужик: «не то, коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата. Долго ли, коротко ли—поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины. «Вот что выдумал», сказал ему богатой брат: «у самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!»—«Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава Богу, имею не меньше твоего; приезжай—увидишь».—«Ладно, приеду!» На другой день богатой брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие: не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчивал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатой у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?» Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пронил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле! как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад, да от Горя избавился. Завистно стало богатому; дай, думает, поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе—пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться! Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; под'ехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть—а уж Горе выскочило и уселось ему на шею: «А! кричит, ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану».—«Послушай, Горе!» сказал купец: «вовсе не я засадил тебя под камень...»—«А кто же, как не ты?»—«Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить».—«Нет, врешь! один раз обманул, в другой не обманешь!» Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается, кажной день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло! «Этак несходно жить!» думает про себя купец: «кажись, довольно потешил я Горе; пора-б и расстаться с ним, да

как?» Думал-думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — А что-ж мне больше делать?» — «Что делать? пойдем на двор в гулючки играть». А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло: после того черед Горю прятаться: «Ну, говорит, меня не скоро найдешь, я хоть в какую щель забьюсь!» — «Куда тебе!» отвечает купец: «ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!» — «В колесо не влезу? смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо: купец взял да с другого конца забил во втулку дубовой клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

1. Какие нравственные понятия народа выразились в двух последних сказках?

2. Сопоставьте нравственный смысл сказки «О правде и кривде» с нравственными взглядами народа, выраженными в пословицах.

13. Падчерица и родная дочь.

Было у мачехи две дочери: одна родная, а другая нет. Она не родную-то бранит, говорит: «Ступай, нанимайся в работницы». Она пошла. Шла-шла,—стоит березка и говорит ей: «Красная девица, обвяжи меня платочком,—оттуда пойдешь, веничек золотой найдешь». Она обвязала ее платочком да пошла. Шла-шла,—пастухи стерегут овец и кричат ей: «Подмети, подскреби, оттуда пойдешь, овечку найдешь». Она подмела и подскребла. Еще шла-шла: стерегут пастухи свиней и говорят: «Красная девица, подмети, подскреби, пойдешь оттуда — свинку найдешь». Она все исполнила — подскребла и подмела. Шла-шла — стерегут коров и кричат ей пастухи: «Красная девица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь — коровку найдешь». Она подмела и подскребла и пошла. Шла-шла — стерегут лошадей и говорят: «Красная девица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь — лошадку найдешь». Она подмела и подскребла. Вот она еще шла-шла — стоит избушка. Она и говорит: «Избушка, избушка, обратись ко мне передом, а к лесу задом». Избушка обратилась. Там лежит баба-яга да и говорит: «Что ты, красная девица, пришла?» — «Да вот, говорит, иду в работницы наниматься». А баба-яга говорит: «Наймись у меня—только детей вымыть да баню истопить». Вот она к ней напялась. Баба-яга дала ей решето, да и говорит: «Ступай, топи баню и воду вот этим решетом таскай». Она затопила баню, стала воду таскать решетом. А сорока прилетела: «Чики-чики, девица, глинкой, глинкой!» Она замазала глинкой, насыпу натаскала. Истопила баню, пришла к бабе-яге. Баба-яга и говорит: «Возьми моих детей, попарь». Она взяла их в кувшин положила. А там лягушки, тараканы, козюли. Понесла их в баню, перемыла и принесла к бабе-яге. А баба-яга и спрашивает у козюльки: «Что, говорит, детушки, хорошо ли она вас вымыла?» А козюлька отвечает: «Хорошо, матушка, всех вымыла». Баба-яга взяла ей насыпала сундук денег. Она пошла домой. За ней бежит веничек золотой, и бежит за ней свинка, и овечка бежит за ней, и коровка бежит, и лошадь за ней бежит.

Она пришла домой. А мачеха родную дочь свою ругает, говорит: «Ступай, в работницы панимайся». Она пошла. Шла-шла,—стоит береза и говорит ей: «Красная девица, обвяжи меня платочком, оттуда пойдешь—веничек золотой найдешь». Она мимо прошла. Шла-шла,—пастухи стерегут овец и кричат ей: «Подмети, подскреби, оттуда пойдешь—овечку найдешь». Она прошла мимо. Еще шла-шла, стерегут пастухи свиней и говорят: «Красная девица, подмети, подскреби, пойдешь оттуда—свинку найдешь». Она мимо прошла. Шла-шла,—стерегут коров и кричат ей пастухи: «Красная девица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—коровку найдешь». Она прошла мимо. Шла-шла, стерегут лошадей и говорят ей пастухи: «Красная девица, подмети, подскреби, оттуда пойдешь—лошадку найдешь». Она прошла мимо. Вот она еще шла-шла; стоит избушка. Она и говорит: «Избушка, избушка, обратись ко мне передом, а к лесу задом». Избушка обратилась. Там лежит баба-яга, да и говорит: «Что ты, красная девица, пришла?»—«Да, вот, говорит, иду в работницы паниматься». А баба-яга говорит: «Наймись у меня—только детей вымыть да баню истопить». Вот она к ней нанялась. Она дала ей решето, да говорит: «Ступай, топи баню и воду этим решетом таскай». Она затопила баню и таскает воду-то. А из решета-то все течет. А сорока прилетела: «Чики, чики, красная девица, глинкой, глинкой». Она взяла ком глины, да как эту сороку бацнет, да убила сороку. Таскала, таскала, таскала, насилу натаскала, уж темно стало. Приходит к этой бабе-яге, да и говорит:—«Тетушка, пойдем париться». Она и говорит: «Возьми моих детей, попарь». Она взяла их в кувшин. Больших вымыла, а маленьких всех подушила. А баба-яга и спрашивает у козюльки: «Что, хорошо ли она вас вымыла?»—«Она, говорит, больших вымыла, а маленьких-то всех подушила». Баба-яга взяла жару, насыпала ей в сундук, да и говорит: «Неси, до самого двора не открывай». Она принесла на двор, открыла сундук, а двор-то весь загорелся.

14. Вороватой мужик.

Жила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер, а другой в дальнюю сторону ушел. Дня три спустя, как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка! пусти почевать».—«Иди, родимой! Да ты откудова?»—«Я, бабушка, наконец, с того свету выходец».—«Ах, золотой мой! у меня сыночек помер; не видал ли ты его?»—«Как же! видел; мы с ним в одной горнице жили».—«Что ты?»—«Он, бабушка, на том свете журавлей пасет».—«Ах, родненькой! чай, он с ними замаялся?»—«Еще как замаялся! ведь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродят».—«Чай, он обносился?»—«Еще как обносился-то! совсем в лохмотьях».—«Есть у меня, родимой, аршин сорок холста да рублев с десяток денег: отнеси к сынку».—«Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!»—«А ко мне без тебя приходил наконец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублев денег!»—«Коли так, говорит сын, прощай, матушка! я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя—буду тебя и кормить и поить, а не найду—со двора спихну!» Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке: «Ступай, спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок! чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьешь?»—«Матушка, доложи барыньке, что свинья-то ваша сестра моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?» Барыня, как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурак! просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами! Ну, что-ж? пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу, да вели запрячь в повозку пару лошадей: пусть не пешком идет на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в нее наряжену свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад. Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает: «Ах, душенька, не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорил, сестра—моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане».—«Я знаю, говорит барин, ты ее отдала».—«Отпустила, душенька! нарядила в свою шубу и дала повозку с парою лошадей».—«Да откуда мужик-то?»—«Не знаю, голубчик!»—«Это выходит: не мужик—дурак, а ты—дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца и поскакал в погоню. Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкой в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле. «Эй ты, борода! закричал барин: не видал ли—не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? еще у него свинья с поросятами в повозке?»—«Как не видать? уж он давно проехал».—«В какую сторону? как бы мне его догнать!»—«Догнать—не устать, да поверток много; того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?»—«Поезжай, братец, ты! поймай мне этого мужика!»—«Нет, барин, мне никак нельзя! у меня под шляпою сокол сидит».—«Ничего, я постерегу твоего сокола!»—«Смотри, еще выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживет».—«А что она стоит?»—«Да рублев триста будет».—«Ну, коли упущу, так заплачу».—«Нет, барин! хоть теперь ты сулишь, а что после будет—не ведаю».—«Экой невера! Ну, вот тебе триста рублев про всякой случай». Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить. Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! ведь наверно это был тот самой мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплелся к жене; а мужик уж давно дома: «Ну, матушка! говорит старухе, живи у меня: есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что, ни про што дали тройку лошадей с повозкою, триста рублев денег, да свинью с поросятами».

15. Иванушко-дурачок.

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое—умные, третий—Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел, да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и гово-

рит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полной горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечной; только вышел Иванушко за околицу, увидал свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? верно, клецок захотел!» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет: «Эка ненасытная утроба!» сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком—разлетелись черепки в разные стороны. Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?»—«Вам обед принес».—«Где же обед? давай живее».—«Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо-какой человек, да все и поел!»—«Какой-такой человек?»—«Вот он! и теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать. Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать: всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле: «Что ты, дурак, натворил? отчего стадо слепое?»—«Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!»—«Постой, еще не так умаешься!» говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи.

Ни много ни мало прошло времени; послали старики Иванушка-дурачка в город, к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушко: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целой воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет—не везет! «А что, думает себе Иванушко, ведь у лошади четыре ноги и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит!» Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» подумал дурачок, выставил блюда с евствами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки! кушайте на здоровье». А сам все вперед да вперед подвигается. Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые. «Эх, думает, ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать без соли не хочет!» и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что же ты не пьешь, волчье мясо? разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! а он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко дурак!» бросил их, и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушко дурак! Вот вам Иванушко дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!» Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» — «Спасибо, дурак, да где-ж у тебя закупки-то?»—«А стол-от бежит, да знать отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил, а ложки дразнятся—так я их на дороге покинул».—«Ступай, дурак, поскорее, забери все, что разбросал по дороге». Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за

покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди! дурака не дразни!» говорит Иванушко. Нет, пиво не слушается: взял да выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе раз'езжает, да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка—зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых: Иванушко и ну кричать: «Сажают меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!»—«Постой, дурак! сказал барин: я умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бурка ловит!» проговорили братья и побрели домой. Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! а еще остался там сивко—такой славной!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорее в прорубь! Не уйдет от нас сивко...». Опустил их Иванушко-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, а в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

1. Укажите в последних трех сказках черты бытовой действительности.

2. Что привлекает симпатии народа к Иванушке-дурачку?

16. Фома Беренников.

Жила-была старуха: у нее был кривой сын Фома Беренников. Вот поехал Фома пахать, лошаденка худенькая; взяло его горе, сел на заваленку. Мухи около навоза так и жужжат. Схватил он хворостинку, да как хлыстнет по куче; стал считать: сколько набил? насчитал шестьсот, да еще много без счету осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит двенадцать оводов; он всех и набил. Воротился Фома Беренников к матери и просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы—счету нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать—не мое дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берет он за плечи тупой серп, за пояс лычной кошель, а в тот кошель берет тупой косарь. Вот едет Фома путем-дорогою, стороною незнакомою и наехал на столб; пишет он на том столбе—не было у него в кармане ни злата, ни серебра, а случился в кармане мел—вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да опричь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет тою же дорогою Илья Муромец, под'езжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска богатырская: не тратит ни злата, ни серебра, один мел!» Написал он серебром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устрашился, знать, тое надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! где ехать: спереди или сзади?» —

«Ступай сзади!»—отвечал Фома. Вот едет тою же дорогою Алеша Попович-млад; наезжает он на тот столб, издалеча видит на том столбе надпись—как жар горит! Прочитал надписи Фомы Берендникова да Ильи Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильею Муромцем проехал Алеша Попович-млад!» Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?»—«Не меня спроси, а мово брата старшего Фому Берендникова». Под'ехал Алеша Попович к Фомке Берендникову: «Удалой боец Фома Берендников! где укажешь ехать Алеше Поповичу?»—«Ступай сзади!» Вот едут они путем дорогою, стороною незнакомою, приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскладывают шатры. А те сады были самого царя, царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Берендникову, а в той грамотке значится: «Воюет меня, царя прусского, король китайский, не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головой и говорит: «Хорошо!» Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алеша Попович-млад к Фомке Берендникову и говорят таково слово: «Под'езжают под царя, к самому городу, надо его защитить. Сам пойдешь, или нас пошлешь?»—«Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский еще шесть богатырей и рать—силу несметную. Илья Муромец с Алешей Поповичем приходят к Фомке Берендникову: «Ты скажи, скажи, Фома Берендников! Сам пойдешь или нас пошлешь?»—«Ступай ты, брат Алешка Попович-млад!» Поехал Алеша Попович-млад и побил всю рать силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя; пущу я его теперь!» Вот приводит он рать—силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович-млад к Фомке Берендникову: «Сам пойдешь или нас пошлешь?»—«Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят, травку щиплют, а Фомкин стоит да овес уплетает. Подошел Илья Муромец к Фомкину коню, а тот раз'елся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост да и кинул его через плетень. Молвил ему Алеша Попович-млад: «Не увидел бы нас Фома Берендников! задаст он нам жару!»—«Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!»—говорит Илья Муромец и подводит тое клячу к Фомке Берендникову. Фомка садится на лошадь, а сам думает: «Пусть убьют! сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да и зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Берендников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил, дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю». Не успел он зажмурить, как Фомка Берендников отсек ему голову. Берет он его коня богатырского, хочет на него сесть да не влезет. Привязал Фомка сильно могучего коня к столетнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванется—и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собой громадный дуб. Фома Берендников кричит: «Помогите! помогите!» А ки-

тайцы—дураки, русского языка не знают, побежали с испуга врозь; богатырской конь их ногами топчет да столетним дубом бьет; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Беренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать!» А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алеша Поповичмлад тому Фомке Беренникову. Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать?»—спрашивает царь.—«бери казны золотой, сколько надобно, или полуцарства моего белого, или царевну прекрасную».—«Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев—Илью Муромца, да Алешу Поповичамлада». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше!

17. Балагурная сказка.

Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, и невестки с золовками был бой большой: на том бою кашу-горюху поранили, киселягорюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке проспел. В то время жили мы шесть братьев—все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка, не помню как звалась, да что до названья? пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшой, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко. Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные! Где нам нынче гречиху сеять?» Я, брат меньшой, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя, все равно круглый год гуляет». Посеяли на печке, а изба была у нас большая: на первом венце порог, на другом потолок; окна и двери буравом наверчены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа. Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал—чуть заря занимается—и все на улицу глядел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я родом хоть меньшой, да разумом большой: «Надобно, говорю, гречиху скосить, в омет свозить».—«Где же нам омет метать?»—«Как где? на печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет. Была у нас в дому кошка лыса; почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани с'ела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобыли-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец. Попалось мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что, спрашиваю, заветное аль продажное?»—«Продаж-

ное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил. Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу—сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коль в город за кремнем ехать,—будет десять верст: далеко, пожалуй, птица улетит. Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванулась с испугу да как треснет меня башкой о дерево—так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал, а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублев дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяюшку: коль вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины, живу себе без кручины.

18. Байка про старину стародавнюю.

Старину скажу стародавнюю, стародавнюю, небывалую: середи моря овин горит, по чисту полю корабль бежит! То вам не чудо, не диковинка, еще вот вам чудо чуднее того: уж как кутюшка [1]) бычка родила, поросеночек яичко снес! Это вам не чудо, не диковинка, я видал чуда чуднее того: мужики на улице заезки [2]) бьют, заезки бьют, они рыб ловят! То вам не чудо, не диковинка, я видал чуда чуднее того: по поднебесью медведь летит, ушками, лапками помахивает, серым хвостиком поправливает; на дубу кобыла белку злаяла, в стойле сука в запрягу стоит, в осеку [3]) овца гнездо свила! И тому чуду не дивуйтеся: с горы корова на лыжах катится, расширя ноги, глаза выпуча! И то не чудо, не диковинка, я видал чуда чуднее того: сын на матери снопы возил, молода жена в пристяжи была; сын матушку припонюживал [4]),молоду жену призадерживал! Я еще видел чудо-диковинку: бьется сноха со свекровкою, большим боем бьются—мутовками, ложками стреляли в чисто поле; устрелили татарина мертвого, кафтан с него сняли рогозяной, опоясочку с него сняли лычану, сапоги с него сняли берестяные. Кто богат, да скуп: пива не варит, нас молодцов не кормит, не поит, тому даст Бог кошачье вздыханье, собачье взрыданье. Небогатому да тароватому, кто пиво варит, нас молодцов поит, даст Бог на поле приплод, на гумне примолот, в квашне спорину [5]), на столе сдвижину [6]). С пива того приупился мужик, приупившись, сам на сарае лежит у рта кроха — полтора колпака [7]).

19. Горшеня. [8])

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его осударь Иван Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня огляпулся.

---

1) Собака.

2) Плетень с воротами поперек реки для ловли рыбы.

3) Изгородь, отделяющая селение от полей.

4) Подгонял.

5) Прибыль.

6) Частую перемену блюд.

7) Колпак — большая чашка.

8) Сказка имеет значение по отношению к личности Иоанна Грозного: она указывает, что Грозный стоял близко к народу, был добр и милостив к нему ценил

— Благодарим, просим со смиреньем. — «Знать, вздремнул?» — Вдремнул, великий осударь, не бойся того, кто дремлет.—«Экой ты смелый, Горшеня! люблю этаких. Ямщик! поезжай тише. А што, Горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — С измолоду, да вот и середовой стал. — «Кормишь детей?» — Кормлю, ваше царское величество! и не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьют. — «Хорошо, Горшеня, по все-таки на свете не без худа?» — Да, ваше царское величество! на свете есть три худа.—«А какие три худа, Горшенюшка?»—Первое худо: худой сосед, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум.— «А скажи мне, которое худо всех хуже?» — От худова соседа уйду, от худой жены тоже можно, а от худова разума не уйдешь — все с тобой. — «Так, верно, Горшеня! ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!» — Годится, так покину—как прилет, а то и наголо.—«Ну, Горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду». — Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Осударь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне этих?» — Сколько угодно вашему царскому величеству? — «Возов десяток надо». — На много дашь время? — «Месяц». — Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня. — «Спасибо, Горшенючка!» — А ты, осударь, где будешь в то время, как я представлю товар в город? — «Буду в дому, у купца в гостях». — Осударь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловяной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к Горшене и говорит ему: «Бог за товаром, Горшеня».—Просим покорно.—«Продай мне весь товар».—Нельзя, по заказу.—«А што тебе, ты бери деньги, не повинят из этого, коли не взял задатка под работу. Ну, што возьмешь?» — А вот што: каждую посудину насыпать полну денег. — «Полно, Горшенюшка, много!» — Ну, хорошо: одну насыпать, а две отдать—хочешь? — И сладили. — Ты для меня, а я для тебя. — Насыпают да высыпают; сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. «Как быть, Горшенюшка?»—Ну, штож, нечего делать, я тебя уважу,—только знаешь, што? свези меня на себе до этого двора, отдам и товар, и все деньги.—Боярин мялся, мялся,—жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего, сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин; в споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?»—Вот до этого двора и до этого дому.—Весело поет Горшеня, против дому он высоко поднял. Осударь услыхал, выбег на крыльцо,—признал Горшеню. «Ба! здравствуй, Горшенюшка, с приездом!»—Благодарю, ваше царское величество.—«Да на чем ты ездишь?»—На худом-то разуме, осударь.—Ну, мозголов Горшеня, умел продать товар. Боярин! скидай строевую одежу и сапоги, а ты, Горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, Горшеня, надевай его строевую одежу. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил,—а ты не умел владеть боярством. Ну, Горшеня, прилетали гуси с Руси?»—Прилетали.—«Перышки ощипал, а по правильному покинул?»—Нет, наголо, великий осударь, всего ощипал.

в человеке, прежде всего, ум. Сказка основана на хитром препирании загадками, что составляет любимый эпический прием у всех младенческих народов.

20. Борма-Ярыжка.

Царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?» По трое суток кликал он клич, но никто не являлся. Приходит Борма-Ярыжка. «Я»,—говорит,—«могу достать, а для этого мне надо снарядить корабль, да тридцать человек дайте мне матросов; корабль чтобы весь был окован жестью, все снасти и мачты, да тридцать бочек в него пороху, да на три года провизии, и если я через три года не ворочусь, значит—меня вживе не будет. А теперь мне с молодцами дайте попить да погулять». Ну, вот он шесть недель с ними пьянствовал, пропился весь. Пошли на корабль. Ветер был попутный, подняли паруса и живо затопились. Приезжают к Вавилонскому царству. Он сошел на берег, взял двоих с собой матросов. А Вавилонское царство все было съедено змеями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили, и нашел он в ней корону, скипетр и рук державу и книжку при них. Матросы говорят: «Ну, теперь добыли—пойдемте на корабль!» А он: «Нет», говорит,—«надо в город сходить, а то нас будут спрашивать, а мы ничего не знаем». Змеи все пожирали, ничего кругом не осталось, а спали между обедней и заутреней в Светло Христово Воскресенье. В это время Борма и вышел на берег. Царь Вавилонский издал указ, чтобы на всем змеи были вырезаны и написаны: и на чашках, и на ложках, и на монетах.—Бог его и наказал; все эти змеи ожили и поели все живое. Около города, вместо стены, змея обвивалась. Ну вот Борма-Ярыжка, чтобы перелезть стену и змея не задеть, слепил лестницу и перелез. Когда он шел городом, змеи, как мертвые, под ногами лежали. Иная взметнется, как наступит, и опять спит. Он никого живого не нашел и пошел прямо во дворец. Приходит—все комнаты пустые, а в последней царской комнате сидит (сделанная) Царь-Девка—на половину змея, на половину девка. Она над всем змеиным царством царствовала. Когда Борма-Ярыжка вошел, она увидала и говорит: «А, Борма-Ярыжка! Ты шел из Русского царства доставать корону, скипетр, рук державу и книжку, и они у тебя?» «У меня».—Достал?—«Достал». Разорву, с'ем!—«Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мне мяса? Вот я тебе двоих в залог оставлю, да и остальных приведу: все одно вместе пропадать. Через час вернусь». Она отпустила его да и говорит: «Ну, ступай, да не обмани!» Не успел он ступить из ее комнаты, Царь-Девка на матроса одной ногой ступила, другой разорвала при нем же. А Борма-Ярыжка, как прибыл на корабль, так и закричал: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходит час; Царь-Девка видит—его нет. Посмотрела—аи чуть парус видно. «А, хитер, мудер Борма-Ярыжка, да не уйдешь!»И закричала: «Эй, вы змеи мои, змеи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вот на этот корабль, утопите его!» А Борма сейчас велел три бочки пороху вынуть, разбить их и рассыпать порох по палубе. Змеи налетели, общепили корабль и все снасти облепили. Царь-Девка прыгает на крыльце, радуется: «А, попался!»

Он огонь в порох и кинул. Порох взорвало и у змеев все крылья опалило; которых добили, которых пожгли. «А! сказала Царь-Девка, хитер-мудер Борма-Ярыжка!» Потом велел он матросам все бочки выкатить и разбить на палубе, а сам в лодку сел один и уехал. «Когда змеи налетят, вы порох и зажгите!»

Прилетел Змей Горыныч, что около города стеной лежал и с ним много змеев. Двадцать семь бочек с порохом взорвало. Змеев многих пожгло, а Змей Горыныч уцелел и начал корабль топить. Корабль и потонул. Царь-Девка на крыльце запрыгала. «Ну, Борма-Ярыжка! Потонул-таки!»—«Ну, чорт, ляпи! Я-то здесь, да вот товарищей жаль». Поплакал Борма да и стал думать: «Что делать мне? Водой ли плыть, сухим ли путем итти? Водой поплыву, хоть и скорей может (быть), да есть нечего будет. Нет, лучше сухопутьем. Тут хоть корешок найдешь, с голоду не умрешь». Вышел из лодки, пошел. Шел много ли мало ли, приходит к великолепному дому. Окружен дом каменной стеной и ворота заперты. Начал стучаться—отзыву нет, никто не откликается. А любопытство его разбирает: кто тут живет? Разбойники, что ли? Сел на лавочку и стал ждать. К вечеру идет великан одноглазый, с лесом ровен. «А, Борма-Ярыжка! Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты у сестры моей был?»—«Был».—«Корону, скипетр, рук державу и книжку достал?»—«Достал».—«Змеев выжег?»—«Выжег». «Сестру мою обманул?»—«Обманул».—«Ну, я тебя разорву—с'ем!»—«Ну, чего есть-то: разве от меня сыт будешь? А вот давай по-братски сделаем: у тебя вот один глаз-то, а я тебе два сделаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда—два. Пойдем! Где у тебя казна и каменья драгоценные?» Нашел, посмотрел. «Для глаза, говорит, надо станок ладить, давай, тебя положить!» Сделал станок, да связал великана спастями. «Ну-ка рванись, а то ведь глаз-то испортить можно». Тот как рванулся, так все и перелетело, и второй раз тоже. Скрутил Борма великана воловьими жилами и спрашивает: «Ну-ка теперь не разорвешь?» — «Нет», говорит.

Он пошел, взял олова, растопил, да и говорит великану: «Растопырь глаз-то, а то ошибешься—не такой сделаешь». Тот раскрыл глаз, а Борма и вылил туда горячего олова. Великан порвал воловьи жилы, все изорвал и поломал. «А, говорит, ты меня обманул! Ну, да постой, найду!» Затворил ворота и камень к ним привалил. Некуда Борме деться. А у одноглазого, вроде товарища, козел громадный жил. Вот Борма-то и подвязался козлу под брюхо—а то не уйдешь пожалуй—и давай его под бока щекотать. А козел-то привык с одноглазым играть, разбежится, разбежится, да и ткнет. А тот говорит: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоел он одноглазому. Тот рассердился, схватил козла за рога, хотел об стену расшибить, да с Бормой вместе через стену и перекинул.

Борма не с пустыми руками ушел. Как только очутился на той стороне, отвязался от козла и крикнул: «А я здесь!»—«А, Борма-Ярыжка! закричал одноглазый, хитер ты и мудер! Ну, на от меня на память золотой топорик! Все равно!» Борма-Ярыжка думает: «Не даром он кидает». Подошел да мизинцем чуть дотронулся до топорика. Как дотронулся, топорик и закричал: «Хозяин! Здесь! Держу!» Борма-Ярыжка думает: «Неларом он кидает». Подошел да мизинцем чуть дотро- Борма убежал. «Эх! крикнул топорик, не поспел! Вот тебе один палец!» Великан кинулся, весь его сгрыз; а Борма где за дерево спрячется, где камнем лукнет—ушел.

Долго ли шел, нет ли, недалеко до Русской земли осталось: только через речку перейти. Опять увидал великолепный дворец. «Дай погляжу». Дожидался до вечера, приходит девка. «А, Борма-Ярыжка! здравствуй! Ты в Вавилонском царстве был?»—Был.—«У моей сестры был?»—Был.—Змеев выжег?»—Выжег.—«Ну, я тебя разорву—с'ем! Да еще я на тебя полюбуюсь и помучую!»

Эта девка его каждый день смертью стращала и двадцать лет с ним прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лет. Вот раз она уходит в Вавилонское царство, к сестре, а Борму на цепи оставила и говорит сыну: «Я пойду, целый день не буду. Смотри, с цепи отца не отпускай, а то он хитер и мудер. Самого разорву, коли пустишь; а к вечеру я сама вернусь». Она ушла. Борма и подзывает сына: «Сними цепь-то, дай я похожу». Тот снял. Походили. «Чего мы, говорит Борма, так-то зря ходим? Пойдем на реку, уток пострелям!»—«Нет, батюшка, ты меня обманешь».—«Нет, зачем? Ты ведь сын мне! Ведь тошно мне: я двадцать лет на цепи сидел!» Пошли уток стрелять на реку, а за эту реку нечисть не перелетала. Убил Борма утку и послал сына за уткой; сам плот сделал на реке и поплыл; «Батюшка! закричал сын, что ты дела(е)шь?» А девка уж на берег прибегла, кричить: «А, Борма-Ярыжка! хитер и мудер! На вот тебе твою-то половину, не надо мне!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плот, он и стал тонуть. Борма взял да ножом ее и вырезал. Плот опять поплыл и переехал в Русь святую. Девка побесилась-побесилась, а сделать нечего: на ту сторону не перекинешься. Борма посмеялся над ней и дальше пошел. Приходит в такое место, словно вычищенный сад. Местами выбито словно ямами, местами на кустах кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взял Борма-Ярыжка и взлез на дерево и спрятался в ветвях. Немного посидевши, видит: бежит лев и в ту же минуту прилетает змей, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабели и унали, а один другого не отпускают. Вот Борма-Ярыжка и думает: «Кому помочь? От змеев я много терпел, заступлюсь за льва». Взял да и выстрелил в змея. Змей раненый ослабел, и лев его задушил. Задушил змея и смотрит, глазами ищет, кто это ему помог. А Борма боится слезть с дерева: кабы его лев-то не с'ел. Лев увидал Борму и говорит: «Слезь! я тебя не с'ем. Тебе еще три года итти, а я тебя в три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя с'ем!» Борма слез и сел на льва. Тот его мигом довез до города и убежал. Борма пошел прямо во дворец и сказал о себе; а там уж и забыли о нем, потому что тридцать лет как его не было. Стали искать в архивах и нашли, что действительно тридцать лет назад был отправлен корабль за поиском коропы, скипетра, рук державы и книжки при них. «Ну что, чем мне тебя наградить?» спрашивает Борму Иван Васильевич. «Да что? Дозволь мне три года безданно-безпошлинно пить во всех кабаках!» И вот стал Борма пить попивать, пьяниц за ним нетолчена труба. Напившись раз, он хвалиться стал: «Мне бы еще три года итти, да меня лев подвез в три часа, за то, что я змея убил». Как эти слова выговорил и спохватился, да уж поздно. Сейчас же побежал на царский двор и велел врыть в землю три пивных котла и укрепить их как можно крепче. Только что успели их укрепить и налить в один меду, в другой вина, а в третий самого крепкого спирту, как поднялась буря, и вслед за ней бежит лев и сейчас же к Борме: «А, ты мной похвалился! Так я тебя с'ем!»—«Это не я».—«А кто же?»—«Хмель».—«А где он?» Он ему указал на котел с медом. Лев весь котел выпил и выворотил из земли. «Кто мной хвалился?» «Хмель».—«А где он?» Он ему указал на котел с вином. Лев его весь выпил и выворотил. «Кто же мной хвалился?»—«Хмель».—«А где он?» Он ему показал на котел со спиртом. Лев выпил котел, выворотил и пьяный тут же растянулся.

Борма велел вбить около льва столб и оковать цепями. Когда лев встряхнулся—хвать, и встать нельзя. Борма подошел и говорит: «Вот видишь, что хмель-то делает? Не я тобой хвалился, а хмель. Я тебе теперь мог голову срубить, да не сделал этого».—«Ну, пусти Борма-Ярыжка!» Тот велел его расковать; лев и убежал. После этого Борма недели три пьянствовал и опился в кабаке.

21. Сказки о Петре Великом.

а)

Как государь и его ближние люди были за морем, и ходил он по Немецким землям, и был в Стекольном,—а в Немецкой земле Стекольное царство держит девица. И та девица над государем ругалась, ставила его на горячую сковороду и, сняв со сковороды, велела его бросить в темницу. И как та девица была именинница и в то время князи ее и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государыня!» И она им сказала: «Подите, посмотрите: буде он валяется, я для вашего прошения выпущу». И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: «Томи, государыня». И она им сказала: «Коли томен, и вы его выньте». И они, его выняв, отпустили.

И он пришел к нашим боярам, и бояре перекрестились, сделали бочку, и в ней набили гвоздья, и в тое бочку хотели его положить. И про то увидал стрелец и прибежал к государю к постеле и говорит: «Царь-государь, изволь встать и выйти! Ничего ты не знаешь, что над тобою чинитца». И он, государь, встал и вышел, и тот стрелец на постелю лег, на его место: и бояре пришли, и того стрельца, с постели схватя и положа в тое бочку, бросили в море.

б)

Наехал царь Петр в лесу на мужика: мужик дрова секет. И говорит ему царь: «Божья ти помочь крестьянствовати!»—«Мни-ка надо Бога на помочь!»—«А велико ли у тебя, старичок, семейство?»—«А семейство у меня две дочери да два сына».—«Не велико-ж твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»—«Кладу я деньги на три статьи: во-первых—долг плачу, а в других—в долг даю, а в-третьих—в воду мечу». Царь призадумался, что-б это значило, что старик и в долг дает, и долг платит, и в воду мечет? И говорит ему старик: «В долг даю—двух сыновей кормлю; долг плачу—старого отца и мать кормлю, а в воду мечу—двух дочерей кручу».—«Ну, говорит ему царь, умная ты голова, старичок. Будут со святой Руси белые гуси, умей-ка щипать. А теперь веди меня в степи, я дороги не знаю».—«Почто я тебя поведу? Найдешь сам дорогу: иди прямо, сверни вправо, тут поворотя влево, а там опять вправо».—«Этой я грамоты, говорит царь, не знаю. Ты меня сведи».—«А мне, сударь, в крестьянстве день дорого стоит».—«Дорого день стоит, да я тебе заплачу». — «А заплатишь, так поедем!».

Сели они на одноколку и поехали. Дорогой стал царь мужичка выспрашивать: «Далече-ль, мужичок, бывал?»—«Кое-куда бывал, сударь».—«А видал ли царя?»—«Царя не видал, а надо-б посмотреть: согласился бы и помереть».—«Так

смотри, в степях царь будет».—«А как я царя узнаю?»—«Все будут без шапок бегать: один царь в шапке». Как приехали в степь, увидели люди царя, все шапки под пазухи, бегом бегают. А мужик ширит глаза: двое стоят в шапках; и спрашивает: «Кто же царь?»—Говорит ему Петр Алексеевич: «Видно, кто-нибудь из нас царь!»

1. Чем можно объяснить прикрепление бродячих сказочных сюжетов к историческим лицам?

2. Разберите построение сказки (присказка, зачин, общие сказочные места, окончания).

3. Укажите в изложении сказки черты ритмичности.

4. Что роднит сказку с остальными видами устного народного творчества?

5. Какие вы знаете художественные обработки народных сказок у русских писателей?

4. Народные анекдоты.

1.

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну [1]) и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли Бога, что ушла! закричал мужик: а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

2.

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке; прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок да как-то оскользнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услыхал шум и вышел с огнем: «Чого тоби треба?»—«Не надо ли тебе сала?» спрашивает солдат.—«Ни, у мене свого богацько!»—«Ну, так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

3.

Прибили одного дурня ночью и стали ему на другой день смеяться. «Ну, говорит он: молите Бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!»—«Какую? скажи, пожалуй»...—«Я бы спрятался!»

4.

Овдовел мужик: пришлось самому хлебы ставить. Вот он замесил в деже [2]) тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть огонь, как услышал, что кто-то пыхтит.—а это хлебы кисли. «Недавно, думает себе, ушел, а кто-то

[1]) Полынью.
[2]) Квашне.

уж забрался в избу!» и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись! вить я тебе ничего не сделал!» А сам и пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку [1]) дверью и упал. «Батюшка, отпусти! не держи меня, право слово—ничего тебе не сделаю!»

5.

Жил-был бедной мужик: детей много, а добра—всего одни гусь. Долго берет он этого гуся, да голод не тетка! до того дошло, что есть нечего; вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон, да попрошу у него хлеба».—«Ну, что же! с Богом!» Приходит к барину: «Принёс вашей милости гуська на поклон: чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!»—«Спасибо, мужичок, спасибо! раздели же ты гуся промеж нас без обиды». А у того барина была жена, да два сына, да две дочери—всего было шестеро. Подали мужику нож: стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты, говорит, всему дому голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузну, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузна!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом с матерью недолго жить; вырастете—прочь улетите. А я, говорит, мужик глуп, мне глодать хлуп [2])». Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой. Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедняку, взял зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов».—«Спасибо, братец! ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так, и сяк: нет, не разделишь поровну! Стоит, да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третий!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего двум дочерям: «И вы теперь сам-третий!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третий!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! сумел всем поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казной, а богатого выгнал вон.

6.

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало он скажет: бритое, а уж та непременно кричит: стриженое. Всякий день бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладина. «Постой, думает он, вот теперь-то я ее изведу». Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!»—Так вот же нарочно буду!—Тряслась, тряслась да и бултых в воду. Жалко ему

---

[1]) Веревку от лаптя.

[2]) Птичье туловище.

стало жены: вот он влез в воду, стал ее искать, и идет по воде в гору [1]). «Что ты тут ищешь?» говорят ему прохожие мужики. «А вот жена утонула, вон с энтой перекладинки упала!»—Дурак, дурак! ты бы и шел вниз по реке, а не в гору: ее теперь, чай, снесло. «Эх, братцы! молчите; она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды» [2]).

7.

Русский и татарин ехали вместе. Случилось им ночевать в поле: из с'естного у них была только курица. Как двум нельзя быть сытым одною курицею, то и положили с'есть ее одному, кому достанется по договору. Татарин и говорит: «Давай, русской, спать, и кто увидит лучше сон, тому и курицу есть». Вот легли. Татарин стал выдумывать сон: пока он думал, а русский с'ел курицу и заснул. Татарин выдумал, наконец, сон, разбудил русского и спрашивает, что он видел во сне. Русский заставил вперед татарина рассказать сон. Татарин и говорит: «Ах, русской, хорош сон я видел, будто бы меня взяли на небо; на небе видел я много ангелов; как там хорошо!»—Ну, говорит русской, а я видел, как тебя взяли на небо, подумал, что ты оттуда не вернешься, и с'ел курицу-то». Бедный татарин остался безо всего, не захотел странствовать с русским и ушел от него [3]).

8.

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью, да продам за четыре алтына: на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут и принесут еще по двенадцати; я всех приколю; амбар мяса накоплю: мясо продам, а на денежки дом заведу, да сам оженюсь, жена-то родит мне двух сыновей: Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька! шибко людей на работу не туганьте [4]): видно, сами бедно не живали?» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

На что направлен народный юмор, и насколько он глубок?

---

1) Вверх, против течения.

2) В сборнике «Великое Зерцало», переведенном с польского на русский язык в XVII веке, помещен анекдот о жене, споривщей с мужем, что поле не кошено, а стрижено. Муж бросил жену в воду, но не переспорил ее; она выставила из воды руку «творяще знамение перстами на подобие ножниц».

3) Рассказ, основанный на мотиве: кто лучший сон увидит, встречается в русском переводе «Римских Деяний» (Gesta Romanorum) XVII столетия. Шли некогда три товарища, присели дорогою весь запас и, чтобы не спорить об оставшемся куске,— решились отдать его тому, кто увидит лучший сон. Двое тотчас легли спать, а третий меж тем с'ел уцелевший кусок. Проснувшись, один спутник рассказал, что видел себя в раю, а другой, что ему приснился ад. «Правда, подтвердил третий, ангел показал мне вас, одного на небе, а другого в аду, и так как вы не нуждались более в хлебе, то я и с'ел его». Этот аполог, известный и на Востоке, был весьма распространен

4) Не понукайте.

Перехожие повести.

Всем известна Лафонтенова крестьянка Перрета, как она, собравшись налегке, в коротенькой юбочке, скорыми шагами спешила в город продать там горшок молока, который ловко несла на голове, а сама смекала, какие от продажи получит она барыши. На вырученные с молока деньги купит она сотню яиц; из яиц выведутся цыплята. Что стоит прокормить их около дома? мечтает она; потом куплю свинку, она разжиреет и даст хорошие денежки: а там кто помешает мне обзавестись и коровкою с теленочком: и как он у меня будет в стаде попрыгивать! И сама она с радости подпрыгнула, горшок с молоком упал и разбился в дребезги; богатства Перреты как не бывало, и осталось одно только утешение, авось еще не побьет ее муж, когда она воротится домой с пустыми руками.

Сам Лафонтен в предисловии к изданию своих басен 1678 года говорит, что он пользовался притчами индийского мудреца Пильпая. Обратимся же прежде всего к санскритским сборникам Панчатантры и Гитопадеши. Вместо легковерной крестьянки мы еще там встретим почтенную фигуру брамина, которую так любят выставлять на посмешище буддийские рассказчики.

В Панчатантре притча о разбитом горшке приводится между собеседниками по поводу той мысли, что человек становится смешон, когда увлекается неисполнимыми надеждами, будто наущаемый злым духом. В некотором месте жил брамин по имени Горемыка. Поел он пшенной каши—это была ему милостыня, а что осталось, наложил в горшок; горшок прицепил к гвоздю и повесил на стене, а внизу ухитил себе постель и всю ночь любовался на горшок, думая про себя: «Горшок полнехонек каши. Вот если будет голод, за один этот горшок дадут мне сто серебряных. На них куплю пару коз: что ни полгода, будет от них по коленку, и вот тебе целое стадо. От коз перейду к быкам: коровы будут телиться, а я телят продавать. От быков к буйволам! От буйволов к лошадям! Кобылы станут жеребиться, и сколько будет у меня коней! На них выручу много золота. Куплю большой дом о четырех корпусах, чтобы так и шли четыреугольником. Тогда придет ко мне брамин и предложит мне в жены прекрасную девицу с богатым приданым. Родит она мне сына. Я дам ему имя Самасарман. Когда он немножко подрастет, буду я его качать на коленях. И вот возьму я книгу, пойду в конюшню, сяду там и буду читать. Самасарман видит меня, ему хочется покачаться у меня на коленях, он скользит из рук матери и прямехонько под копыта лошади. Во гневе кричу я жене: «Возьми ребенка! Возьми ребенка!» А она, занявшись по хозяйству, и не слышит. Я вскочил и даю ей ногою толчок». И, будучи погружен в эти гадания, брамин так сильно лягнул ногою, что горшок разлетелся вдребезги, а самого его выбелило всего пшенною кашей. Потому я и говорю, заключил рассказчик: кто неразумно загадывает о будущем, с тем может случиться, как с отцом Самасармана: будет выбелен пшенною кашей.

Уже в Гитопадеши притча эта потерпела значительные изменения. Беседа идет между министром Коршуном и его царем. Царь размечтался о том, какие бы он мог получить выгоды от соседнего государства. «Государь,—улыбаясь, прервал его министр,—кто вперед радует себя тем, чего добыть не может, бывает посрамлен, как брамин, который перебил горшки».—Как это было? спросил царь, и министр рассказал следующее: «В городе Девикоте жил брамин по имени Девасарман. На празднике весеннего равноденствия дали ему блюдо пшена, и он отправился с ним к одному гончару в амбар, который был наполнен горшками, и, утомившись от жары, прилег в

в средневековой литературе западных народов, и куда ни появлялся он, действующие лица выбирались согласно с местными условиями: испанец и гасконец, русский и немец, болгарин и турецкий хаджа.

углу и вздремнул, а в руке держал палку, чтоб охранять свое пшено, и задумался: «Если продать это блюдо с пшеном, то выручу десять копеек. Куплю горшок и тарелок, продам и опять куплю, а там стану торговать перцем, одежею и всяким другим товаром, и разбогатею. Тогда заведу себе четыре жены; младшая из них, самая красивая, будет моей любимицей. Другие жены озлятся и станут с нею ссориться, а я возьму палку, да вот так их!» И, разгорячившись, он швырнул палкою и переколотил вдребезги множество горшков, в том числе и свое блюдо с пшеном. Заслышав шум и гром, прибежал гончар и, видя разбитые горшки, стал ругать брамина и выгнал его вон. Потому я и говорю, заключил рассказчик: кто вперед радует себя тем, чего добыть не может, бывает посрамлен, как брамин, который перебил горшки».

Индийский брамин в арабском переводе Калилы и Димны становится отшельником или иноком, а в греческом Стефаните и Ихнилате—просто бедняком или нищим. Вот уже в какой обстановке и в каком виде является наша притча в этом последнем сборнике:

Федор Иванович Буслаев.

«Скажи мне философ, — говорил царь своему советнику, — чему подобен тот, который, сильно желая какой-либо вещи, прежде чем добывать ее, торопится уже взглянуть на нее, какова она на самом деле? Философ ответствовал: Жили, говорят, муж с женою, и однажды муж сказал жене: — Надеюсь, жена, у нас родится сын, нам на радость. Подумаем-ка теперь, какое бы дать ему имя. А она ему: — Перестань болтать! Вишь как сладко выводит, точно тот, у кого по бороде текло масло с медом, а в рот не кануло. Рассказывают об одном нищем, как он у своей постели держал горшок с медом и маслом. Однажды ночью смекал он: «Мед и масло продам; на деньги куплю десять коз, и через каждые пять месяцев будет приплоду столько же, а в пять лет будет у меня их целые четыре сотни. На них куплю сто голов рогатого скота и стану обрабатывать землю. От телят и от земледелия в пять лет я сделаюсь богачом и построю себе дом, весь золотом украшен, о четырех корпусах. Накоплю невольников и женюсь. Жена родит мне ребенка, и я дам ему имя Прекрасный. Уж непременно будет у нас мальчик. Как следует, буду я его воспитывать, ну, а если станет лениваться, я ему вот этой палкой таких надаю...» При этих словах он схватил палку и так хватил ею по горшку, что он разлетелся в черепки, и мед с маслом потекли по бороде. И ты, — присовокупила жена, обращаясь к мужу, — когда так говоришь, мелешь такую же чепуху».

Несмотря на сходство в общей мысли, как еще далеки эти восточные притчи от Лафонтеновой басни! Нам нужно торговку молоком, а перед нами все еще отшельники да нищие. Правда, пшенная или рисовая каша уже успела превратиться в мед и сливочное масло, и, как мы сейчас увидим, западная торговка промышляет не одним молоком, но и медом, по старой памяти о том, что не она первая мечтает разбогатеть от копейки. Хотя уж и народились, наконец, в европейской литературе прабабушки Лафонтеновой Перретты, но о них еще не успел услышать тот храбрый воин у Рабле в Гаргантюа, который, в ответ на похвальбы завоевать весь свет, благоразумно заметил:

«Я опасаюсь, чтобы такое предприятие не было похоже на рассказ или шутку о кружке с молоком, от которого башмачник мечтал разбогатеть, а когда кружка разбилась, ничего не осталось ему и на завтрак». Пришла, наконец, очередь и молоку, а все еще из-под мещанского кафтана башмачника проглядывают лохмотья восточного нищего, и мечтатель не уступил еще своего насиженного места мечтательнице.

Теперь надобно было сделать шаг вперед, и вместо праздных предположений, хоть на первый раз, пустить мелкий товар в оборот на самом деле. И вот является торговка, которая идет на базар. Появление ее относится к XIII столетию, в одном повествовательном сборнике, под названием: «Беседа животных, отлично мораливованная».

«Сколько безумно предаваться беспечности,—поучает эта назидательная книга,— столько же низко возлагать надежду на пустяки; ибо суета сует дела человеческие, как сказал Давид, и как повествуется в одной притче о работнице, которую хозяйка послала в город продавать молоко, как она села отдохнуть на краю ямы и стала рассчитывать, как на вырученные с молока деньги купит она курицу; курица выведет цыплят; цыплята, вырастут курами; она продаст кур и заведет свиней; продав свиней, купит овец, продав овец, заведет коров. Когда она разбогатеет, ее сосватает жених из благородных, и, радуясь заранее, она уже представляла себе, в какой славе поедет она к венцу на коне, а сама будет понукать его, покрикивая: ну, ну! И начала гонять погою, будто в самом деле погоняет коня шпорами, но поскользнулась и упала в яму, а молоко пролилось. Так и осталась она без барышей».

Ф. Буслаев

Кукольная комедия на Руси в XVII ст.

1. Кукольный театр на Руси в XVII веке.

Помещенная выше картинка взята из сочинения ученого немецкого путешественника Адама Олеария, который посетил пределы Московии в 1636 году (полное заглавие его путевых записок—«Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное Адамом Олеарием»).

По словам Олеария, кукольные комедианты давали за деньги представления перед простонародной молодежью, а вожаки медведей «имеют при себе таких комедиантов, которые, между прочим, тотчас же могут представить какую-нибудь шутку с помощью кукол. Для этого они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную ее сторону вверх и устраивают над головой своей, таким образом, нечто в роде сцены (theatrum portatile), с которою они и ходят по улицам и показывают на ней из кукол разные представления».

2. Петрушка.

Устройство современного нам бродячего кукольного театра чрезвычайно незамысловато, хотя все же значительно опередило юбку с обручем допетровских скоморохов. На двух палках развешивается простыня из крашенины, и из-за этой простыни кукольник показывает свои куклы и производит свои представления

Старого гусляра, гудочника или волынщика, изображенных Олеарием, теперь заменяет синяя шарманка, играющая преимущественно русские песни, под которые куклы и пляшут. По большей части теперь куклы показываются из-за ширм, которые, будучи расставлены, образуют четырехгранный столб, внутри которого помещается с ящиком сам показыватель. Куклы высовываются не на проволоках, как в вертепе, а приготовляются совсем особенно: у кукол нет корпуса, а только одна голова из дерева или картона, к которой пришито платье; вместо рук—пустые рукава с крошечной кистью на конце, сделанной также из дерева. Кукольник втыкает в пустую голову куклы указательный палец, а в рукава—большой и средний пальцы; обыкновенно он надевает по кукле на каждую руку и действует таким образом двумя куклами разом.

Около ширм толпятся зрители, шарманка наигрывает песню, из-за ширм слышится взвизгивание Петрушки и его хриплый голос, подпевающий шарманке. Он кувыркается и гнусит, что достигается с помощью машинки, приставленной показывателем к небу, точно так, как это делается и у французских, и у итальянских марионеток. Неожиданно он выскакивает из-за ширм и здоровается с публикой: «Здравствуйте, господа! Я пришел сюда из Гостиного двора наниматься в повара—рябчиков жарить, по карманам шарить!..». Он пускается в разговор с шарманщиком, который является «попугалкой»—обычным его собеседником, просит его сыграть плясовую и танцует один, а иногда с супругой, которая носит имя то Маланьи Пелагеевны, то Пелагеи или Пигасьи Николаевны, то Акулины Ивановны. Она зовет его напиться кофейку, но он вытаскивает ее наверх и подбоченясь выплясывает с ней русскую, а потом прогоняет ее. Является цыган и продает ему лошадь. Петрушка осматривает ее, дергает за уши, за хвост, при чем получает брычки в нос и в брюхо; брычками и пинками наполнена вся комедия. «Они составляют самую существенную и самую смехотворную часть для зрителей»,—замечает Д. А. Ровинский. Петрушка торгуется с цыганом (цыган говорит без машинки, басом). После долгого торга, Петрушка покупает лошадь, и цыган удаляется. Петрушка садится на свою покупку и смело гарцует на ней, распевая: «Как по Питерской, по Тверской-Ямской»... Лошадь начинает брыкаться, бьет Петрушку передом и задом, наконец, сбрасывает его и убегает. Петрушка падает, громко стукая деревянным лицом о рамку ширм: он охает, кряхтит, жалобно причитает о преждевременной кончине доброго молодца и зовет доктора. Приходит «лекарь—из-под Каменного моста аптекарь», рекомендуется публике, говоря, что «был в Италии, был и подалее» [1]), и начинает расспрашивать Петрушку, где у него болит. «Какой же ты доктор!—кричит Петрушка,—когда спрашиваешь, где болит? На что ты учился? Сам должен знать, где болит!..» Доктор начинает ощупывать Петрушку, тыкая пальцем и спрашивая: «Здесь болит?..» Петрушка отвечает: «Повыше!.. Пониже!.. Крошечку повыше!..» и вдруг неожиданно бьет доктора. Тот дает ему сдачи, но на стороне Петрушки преимущество: у него в руках палка, и он прого-

[1]) Чрезвычайно интересно здесь упоминание Италии. Пьеса, разыгрываемая у нас на Руси под именем Петрушки, — в основе своей итальянского происхождения: предок нашего Петрушки — итальянец Pulcinello. К нам пьеса была занесена через Германию в начале XVII ст.

нает ее недогадливого лекаря. Затем появляется клоун немец; после краткого разговора, Петрушка убивает его, и мертвый немец лежит на краю ширм. Музыкант обращается к Петрушке: «Что вы наделали, Петр Иванович? Сейчас полиция придет!..» Сначала Петрушка не унывает и, весело заглядывая в лицо убитому немцу, говорит: «Немец-то притворился мертвым»; он взваливает свою жертву себе на плечи и беспечно кричит, прогуливаясь по краям ширм: «Картофелю, картофелю! Поросят, поросят!..». Появляется татарин, продающий халаты: Петрушка думает, что его хотят взять в солдаты, но татарин рекомендуется: «Я татарский поп, пришел ударить тебя в лоб»... и, получив удары от разгневанного его дерзостью Петрушки, исчезает. Петрушка, оставшись один, начинает тревожиться: убийство немца и наказание, угрожающее за это преступление, беспокоит его; он обращается к музыканту и говорит: «Что, меня никто не спрашивал?..» Затем он старается спрятаться и, наконец, садится пригорюнившись, и поет жалостную песню: «Пропала моя голова с колпачком и с кисточкой!..» [1]) Тут является квартальный или, по-кукольному, «фатальный фицер», при чем разыгрываются различные сцены, импровизируемые показывателем. Иногда «фатальный фицер», заменяемый порою просто ундером, берет Петрушку в солдаты; Петрушка протестует, говорит, что горбат, служить не может. «Где-ж у тебя горб!—возражает квартальный,—у тебя нет горба!» Петрушка кричит: «Потерял!»—«Где?»—«На Трубе!..» Следует комическая сцена обучения Петрушки воинскому артикулу: он делает ружейные приемы дубинкой по команде офицера и, как бы нечаянно, задевает его своего учителя; тот кричит на него, но Петрушка вытягивается во фронт: «Виноват, споткнулся, ваше сковородие!..» и потом гонит офицера палкой.

В. Перетц.

3. Punch and Judy [2]).

(Английский Петрушка).

С начала нынешнего столетия постоянной пьесой «Punch'а» стала пьеса, которая называется «Punch and Judy». Любопытно, что еще в двадцатых годах одним из лучших руководителей Punch'а был итальянец Piccini. Вот эта пьеса. При первых ударах барабана Панча и резких звуках свистка, толпы народа и в особенности детей выбегают из всех улиц и окружают театр Панча, занавес которого опущен. Представление начинается тем, что слышится пение

---

[1]) Интересно, что на лубочных изображениях Петрушки (древнейшие из них восходят к XVII в.) мы видим его таким же, как в современном нам кукольном театре: у него большой нос и колпак с кисточкой.

[2]) Итальянский Pulcinello, прежде чем попасть к нам на Русь, получил широкое распространение в Европе. В Испании его называли don Christoval Pulcinello, во Франции он был известен под именем Полишинеля, в Германии он назывался Hans-Wurst (Иван-колбаса), голландцы назвали его Pickelhäring (соленая селедка), а англичане сократили имя Pulcinello в Punch.

Пончa, потом он входит со словами: «Вот и я, Мистер Пончь, ваш нижайший и покорнейший слуга. Как вы поживаете, лэди и джентльмены! от всей души рад вас видеть. Сыграйте-ка нам матроский танец,—говорит он, обращаясь к музыкантам. — я отличный танцор». Пончь танцует. «Однако гораздо приятнее танцовать с женой. Джюди, Джюди,—кричит он.—милое создание, идите сюда!» Появляется безобразная физиономия. Джюди входит.

П.—Что за чудное создание! (При этом нежно гладит ее деревянной рукой по деревянному лицу.)

Д. (толкает его).—Перестаньте!

П.—Не сердитесь, дорогая, лучше поцелуемся (целуются). Не правда ли, это умилительная минута? Теперь будем танцовать (танцуют, но через минуту он начинает ее толкать). Идите лучше нянчить ребенка, вы совсем не умеете танцовать!

Джюди уходит и затем возвращается с ребенком на руках.

Д.—Побудьте с ним, пока я приготовлю кушанье.

П. (садится и напевает своему деревянному ребенку: «Молчи, дитятко, молчи, я повешу твою люльку на дерево, подует ветер, люлька будет качаться; сук сломается, и люлька упадет, а вместе с ней и ты» (ребенок кричит, отец трясет его). Какой беспокойный! (Пончь снова поет в этом же тоне и продолжает закачивать ребенка, но тот все кричит. Тогда он нетерпеливо его встряхивает.) Что за противный ребенок! Мне не нужно таких ребят! (Колотит его об стенку и выбрасывает из окошка. Является Джюди).

Д.—Где ребенок?

П. (жалобным голосом).—О, я несчастный, ребенок был так несносен, что я выбросил его за окошко.

При этом с Джюди делается такой истерический припадок, что она схватывает палку и начинает колотить Пончa. Тот у нее выхватывает палку и колотит ее. Она убегает за полицейским: Пончь в комических сценах бьет его и прогоняет. Наконец, Джюди умирает от жестокого обращения с ней Пончa, но Пончь продолжает быть беззаботным, веселиться, танцовать и превозносить довольствие и счастие вдовства. Вдруг появляется тень жены и дает ему пощечину; Пончь дрожит, как осиновый лист, от страха делается даже болен и кричит «Доктора, доктора! Я заплачу 50.000 ф.». Он лежит без движения. Входит доктор и осматривает его со всех сторон.

Д.—Ба, да это мой приятель? Пончь! Бедный, как он бледен! Надо пощупать пульс. (Считает) Один, 14, 9, 2.—Г. Пончь, да вы умерли! Слышите, вы умерли?

Пончь.—Умер... (И при этом хватает доктора за нос, и т. д.).

Он убивает затем доктора, вешает палача; вместе с клоуном долго укладывает его в гроб и не может уложить, потому что все ноги торчат, убивает трактирщика, сатану и восклицает: «Ура! Сатана умер. Мы теперь можем делать все, что нам угодно».

Затем, обращаясь к публике, говорит: «Лэди и джентльмены! Вот и все оригинальное представление мистера Пончa. Приношу вам мою искреннейшую благодарность за ваше покровительство и поддержку».

А. Л. Алферов.

4.

Объявление

(из Петербургских Ведомостей от 8 июля 1771 г.).

«Для известия. Города Курмыша Нижегородской губернии крестьяне привели в здешний город двух больших медведей, а особливо одного отменной величины, которых они искусством своим сделали столь ручными и послушными, что многие вещи, к немалому удивлению зрителей, по их приказанию, исполняют, а именно: 1) вставши на

С лубочной картинки.

дыбы присутствующим в землю кланяются, и до тех пор не встают, пока им приказано не будет; 2) показывают, как хмель вьется; 3) на задних ногах танцуют; 4) подражают судьям, как они сидят за судейским столом; 5) натягивают и стреляют, употребляя палку, будто бы из лука; 6) борются; 7) вставши на задние ноги и воткнувши между оных палку, ездят так, как малые ребята; 8) берут палку на плечо и с оною маршируют, подражая учащимся ружью солдатам; 9) задними ногами перебрасываются через цепь; 10) ходят, как карлы и престарелые; 11) как лёженка без рук и без ног лежит и одну голову показывает; 12) как сельские девки смотрят в зеркало и прикрываются от своих женихов; 13) как малые ребята горох крадут и ползают, где сухо, на брюхе, а где мокро, на коленях, выкравши же, валяются; 14) показывают, как мать детей родных холит, и как мачеха пасынков убирает; 15) как жена милого мужа приголубливает; 16) порох из глаза

вычищают с удивительной бережливостью: 17) с неменьшей осторожностью табак у хозяина из-за губы вынимают: 18) как тещa зятя подчивала, блины пекла, угоревши повалилась; 19) допускают каждого на себя садиться и ездить без всякого супротивления: 20) кто хочет, подают тотчас лапу; 21) подают шляпу хозяину и барабан, когда «козой» играет: 22) кто поднесет пиво или вино, с учтивостью принимают, и выпивши, посуду назад отдавая, кланяются. Хозяин при каждом из вышеупомянутых действий сказывает замысловатые и смешные поговорки»...

5. Медведь.

Представление производится обыкновенно на небольшой лужайке; вожак—коренастый пошехонец; у него к поясу привязан барабан: помощник—коза, мальчик лет десяти—двенадцати, и, наконец, главный сюжет — Ярославский медведь Михайло Иваныч, с подпиленными зубами и кольцом, продетым сквозь ноздри; к кольцу приделана цепь, за которую вожак и водит Михайлу Иваныча.

— Нут-ка, Мишенька,—начинает вожак,—поклонись честным господам, да покажи-ка свою науку, чему в школе тебя пономарь учил, каким разумом наградил. И как красные девицы-молодицы белятся, румянятся, в зеркальце смотрятся, прихорашиваются?—Миша садится на землю, трет себе одной лапой морду, а другой вертит перед рылом... Это значит: девица в зеркало смотрится.

— А как, Миша, малые дети лазят горох воровать?»—Миша ползет на брюхе в сторону.

— А как бабушка Ерофеевна блины на масляной печь собралась, блинов не напекла, только со-слепу руки сожгла, да от дров угорела? Ах блинцы, блины!—Мишка лижет себе лапу, мотает головой и охает.—А как бабы на барскую работу не спеша бредут? — Мишенька едва передвигает лапу за лапой. — И как бабы с барской работы домой бегут?—Мишенька принимается шагать в сторону.

Затем вожак пристраивает барабан, а мальчик его устраивает из себя козу, т.-е. надевает на голову мешок, сквозь который, вверху, проткнута палка, с козлиной головой и рожками. К голове этой приделан деревянный язык, от хлопанья которого происходит страшный шум. Вожак начинает выбивать дробь, дергает медведя за кольцо, а коза выплясывает около Михайла Ивановича трепака, клюет его деревянным языком и дразнит: Михайло Иванович бесится, рычит, вытягивается во весь рост и кружится на задних лапах около вожака—это значит: он танцует. После такой неуклюжей пляски вожак дает ему в руки шляпу, и Михайло Иванович обходит с нею честную публику, которая туда бросает свои гроши и копейки.

А. Д. Ровинский.

6. Вертеп.

3.

Театр заменяли для нас вертепы. Знаете ли, что это такое? Кажется, что такой род увеселений перешел в Сибирь из Киева, но когда и как, не знаю, ибо в других городах ничего не слыхивал я о вертепах. Вероятно, какой-нибудь школяр киевский, переведенный в Иркутск, образовал их там. Вертеп—кукольная комедия, род духовной

мистерии. Устраивается род подвижного шкапа, разделенного на два этажа; куклы водятся невидимо руками представителей; грубый хор поет псалмы, нарочно для того сочиненные; иногда присовокупляется к ним скрыпка; иногда импровизируются разговоры. Содержание вертепной комедии всегда бывало одинаково; представляли мистерию Рождества; в верхнем этаже устраивали для того вертеп и ясли; в нижнем—трон Ирода. Куклы одеты бывали царями, барынями, генералами, и вертепы важивали и нашивали семинаристы и прокатные по улицам в святочные вечера, ибо только о Святках позволялось такое увеселение. Боже мой! С каким, бывало, нетерпением ждем мы святок и вертепа! С наступлением вечера, когда решено п у с т и т ь в е р т е п, мы, бывало, сидим у окошка и кричим от восторга, чуть только в ставень застучат, и на вопрос наш: «Кто там?» нам отвечают: «Пустите с вертепом!» Начинаются переговоры: «Сколько у вас кукол? Что возьмете?» Представители отвечают, что кукол 50, 60, одних чертей четыре, и что у них скрыпка, а после вертепа будет комедия. Мы трепещем, что переговоры кончатся несогласием, покажется дорого... Но, нет! все слажено... И вот несут вертеп, ставят полукругом стулья; на скамейках утверждается сам вертеп: раскрываются двери его—миншура, фольга, краски блестят, пестреют; является первая кукла—пономарь; он зажигает маленькие восковые свечки; выбегает трапезник, с кузовом, и просит на свечку. Один из нас с трепетом подходит и кладет в кузов копейку. Пономарь требует дележа; сыплются шутки, начинается драка, и мы предвкушаем всю прелесть ожидающего нас наслаждения. И вот заскрыпела скрыпка, раздались голоса—являются ангелы и преклоняются перед яслями, при пении:

Народился наш Спаситель,
Всего мира Искупитель!
Пойте, воспойте,
Лики, во веки
Торжествуйте, ликуйте,
Воспевайте, играйте!
Отец будущего века
Пришел спасти человека!

Нет! ни Каталани, ни Зонтаг, ни Реквием, ни Дон-Жуан не производили потом на меня таких впечатлений, какое производило вертепное пение! Думаю, что и теперь [1]) я наполовину еще припомню все вертепные псалмы. И каких потрясений тут мы ни испытываем! Плачем, бывало, когда Ирод велит избить младенцев; задумываемся, когда смерть идет, наконец, к нему при пении: «Кто же может убежати в смертный час?» и ужасаемся, когда открывается ад: черные, красные черти выбегают, пляшут над Иродом, под песню «О, коль наше на сем свете житие плачевно!» и хохочет, когда вдова Ирода, после горьких слез над покойником, тотчас утешается с молодым генералом и пляшет при громком хоре: «По мосту, мосту, по калинову мосту!» Комедия после вертепа состояла обыкновенно из пантомимы самих вертепщиков: тут являлся род Скапена—слуги, род Оргона—барина, немец да под'ячий, разговор состоял из грубых шуток, импровизировался, и обыкновенно слуга, бывало, всех обманывает, бьет немца и дурачит под'ячего...

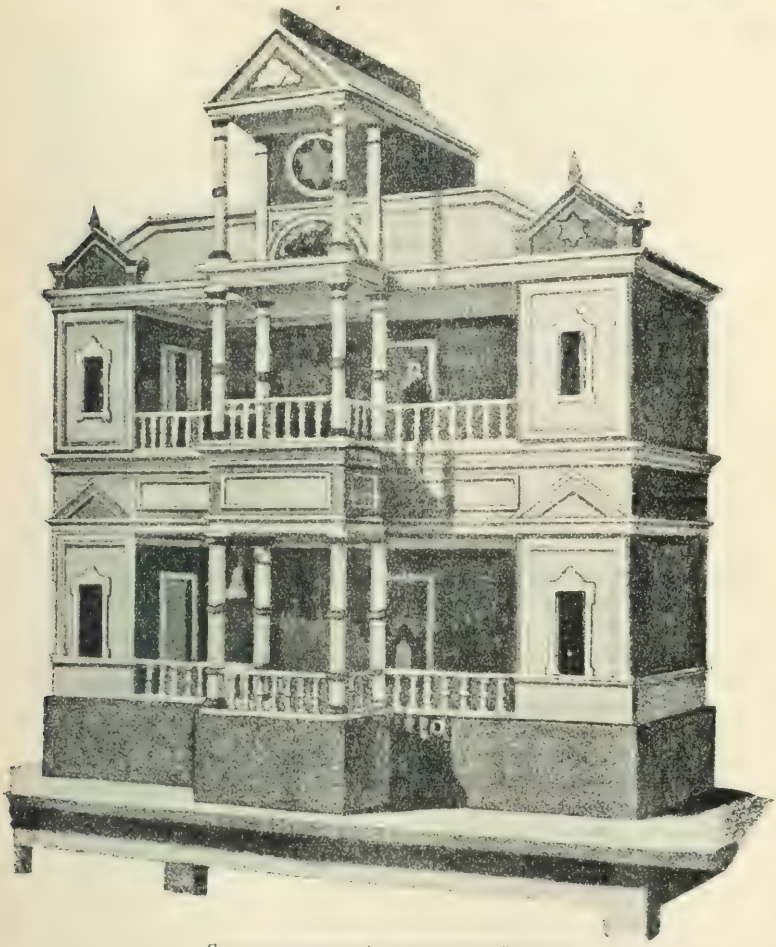
Н. А. Полевой.

б.

Выходит пономарь, зажигающий свечи, и трапезник, просящий денег. Два ангела приближаются к пещере, где находится Дева Мария с Младенцем. Мальчики поют канты, типического южно-русского склада с двойной рифмой, лишь

[1]) Статья писана в 1840 г.

язык их подправлен сообразно великорусскому произношению. Являются пастухи с овцами; за ними — царь Давид, в порфире и короне, в руках у него гусли. Вни-



Ящик для вертепной рождественской драмы.

зу — Ирод, три царя, затем — старцы, книжники и мудрецы. На верхней сцене — поклонение трех царей; ангел повелевает Иосифу итти в Египет, и он с Девой Марией и Христом удаляется на осле. Внизу — Ирод, перед ним две женщины с младенцами; воины пронзают детей, женщины, обнявшись, плачут. Хор утешает

их, но воины прогоняют их со сцены. Мудрец возвещает Ироду о приходе смерти. Ирод бросается на него и мечется по сцене. Хор поет:

«Кто тя может избежати, смертный час.
Человече бедный, вспомни день последний...»

В продолжение пения выходит смерть, гонится за Иродом и подкашивает его косой; вбегают черти, тащат его к аду (в виде страшного змея) и бросают в разверзтые челюсти. Раздается хохот. Несмотря на то, что ад поглотил нечестивца, он снова появляется на сцене с церемонией, несомый в гробу. Эта и следующая сцены — нечто новое сравнительно с прототипом. За гробом идут жена и дочь Ирода. Проводив отца, они возвращаются и садятся на троне. Выходит кавалер и приглашает дочь плясать; они оба пляшут под пение: «О, коль наше на сем свете житие плачевно и коль скоро, и коль кратко, аки однодневно...»

По окончании танца является мудрец в черном одеянии (или генерал) и просит жену Ирода также танцовать. Этим собственно и заканчивается первая половина вертепного представления. Вторая половина ограничивалась иногда выходом пляшущих дам и кавалеров, при чем в конце пляски появлялся «гаяр» или арлекин и возглашал: «Я молодец, я удалец—и вертепу конец!»

В. Перетц.

7. Царь Максимилиан [1]).

Действие первое.

(На сцене стоит стул, изображающий трон, возле него „скороход фельдмаршал“, обыкновенно самый младший член труппы. На нем солдатский или офицерский мундир, сообразно с тем, какой удалось достать артистам; на мундире погоны или висячие эполеты, подлинная или сделанная из картона, цветной бумаги и шумихи, сабля или тесак, через плечо красная лента. На груди орден и звезда. На голове шлем с султаном, сделанный или из жести или из картона и сусального золота.

Входит „царь Максимилиан“, одетый так же, как скороход. Впоследствии ему принесят корону такого вида: обруч, охватывающий голову; к нему приделаны вверху две полосы накрест, правильно изогнутые. Наверху или на дне короны иногда находится звезда. Лент у царя две — красная, голубая или зеленая; орденов и звезд побольше, чем у скорохода.)

Максимилиан *(к публике)*. Здравствуйте, всеночтеннейшие господа. Вот и я к вам явился сюда. За кого вы меня признаете: за короля прусского

[1]) Царь Максимилиан — наиболее распространенная пиеса народного репертуара. При значительной разнице вариантов пиесы, основное ее содержание изображает отпадение от христианства царя Максимилиана и мученичество его сына Адольфа. Время создания пиесы исследователи относят к Петровской эпохе. Содержание пиесы взято из переложения в драматическую форму жития мучеников Никиты и Димитрия. Среди песен, которых в некоторых вариантах бывает очень много, попадаются популярные романсы, отрывки из Пушкина и других поэтов. Помещенный здесь текст записан в Черниговской губ. В. В. Каллашом.

или за прынца хранцюзького? Я не есть король прусьский, ни прынц хранцузький, а есть царь Максимилиан! (*К скороходу.*) Для кого сей тронт сооружен?

Скороход. Для вашего царского величества! *(Уходит.)*

Максимилиан. Сяду я на этот тронт, приму в руки скипетр и рукодержаву и буду судить свой народ. (*Садится на трон.*) Скороход-хитьмаршал, явись пред тронт твоего монарха!

Скороход (*быстро появляется, шага за три перед царем, становится на одно колено, вынимает саблю, салютует и вонзает ее в землю с левой стороны, продолжая держаться за нее рукой.*) Почто, царь Максимилиан, меня призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Пойди и принеси мне скипетр, корону и рукодержаву, чтобы судить мне мой народ.

Скороход. Пойду и принесу тебе скипетр, корону и рукодержаву, чтобы судить тебе твой народ. (*Встает, вкладывает саблю в ножны и уходит.*)

(Появляется процессия: Скороход среди двух лев, несущих корону, скипетр — палку, обклеенную сусальным золотом с сусальной звездой на верхушке, и державу — шар, обклеенный сусальным золотом. В трех — иногда процессия состоит и из большего количества лиц — поют:)

Я к царю иду,
Златой венец несу,
На голову надену,
Хвалу произнесу.

(Этот куплет исполняют три раза, при чем третий и четвертый стих поют каждый раз, стоя на коленях. По окончании пения Скороход вручает царю скипетр и державу и надевает на его голову корону. Процессия удаляется.)

Максимилиан. Скороход-хитьмаршал, явись перед тронт твоего монарха!

Скороход. Почто, царь Максимилиан, меня призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Пойди и приведи ко мне моего гордого и непокорного сына Адольхву.

Скороход. Пойду и приведу к тебе твоего гордого и непокорного сына Адольхву. *(Уходит.)*

Адольф (*является одетый, как скороход, только пышнее.*) Почто, отец, меня так скоро призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Поклонись моим кумирическим богам!

Адольф. Не поклонюсь я твоим кумирическим богам: я твои кумирические боги подвергаю под ноги. (*Топчет для большей выразительности ногой.*)

Максимилиан (*яростно кричит*). Скороход-хитьмаршал, явись перед тронт твоего монарха!

Скороход. Почто, царь Максимилиан, меня призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Пойди и отведи моего гордого и непокорного сына Адольхву на три дня в пустыню: авось он одумается!

Скороход. Пойду и отведу твоего гордого и непокорного сына Адольхву на три дня в пустыню: авось он одумается. *(Уводит Адольфа, при чем последний поет, остальные же артисты, еще не участвовавшие, подтягивают:)*

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест...
Сколько горестей, печалей
Мне в пустыне должно снесть!

Максимилиан. Скороход-хитьмаршал, явись перед фронт твоего монарха!

Скороход. Почто, царь Максимилиан, меня призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Пойди и приведи моего гордого и непокорного сына Адольхву из пустыни: авось он одумался.

Скороход. Пойду и приведу твоего гордого и непокорного сына Адольхву из пустыни: авось он одумался. *(Уходит и возвращается с Адольфом.)*

Адольф. Почто, отец, меня призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

(Повторяется слово-в-слово предыдущая сцена, и Максимилиан, призвав скорохода, отправляет Адольфа на три недели в пустыню. Адольф с пением тех же стихов удаляется. Его опять призывают. Максимилиан в третий раз принуждает Адольфа поклониться кумирам и за непослушание отправляет его в пустыню на три месяца, куда Адольф удаляется и на этот раз с пением.)

Максимилиан. Скороход, и т. д.

Скороход. Почто, и т. д.

Максимилиан. Пойди и приведи моего гордого и непокорного сына Адольхву, авось он одумался.

Скороход. Пойду, и т. д.

Адольф. Почто, отец, и т. д.

Максимилиан. Поклонись моим кумирическим богам!

Адольф. Не поклонюсь я твоим кумирическим богам. Я твои кумирические боги подвергаю под ноги.

Максимилиан. Скороход, и пр.

Скороход. Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди и приведи моего палача Брамбеуса: пусть он на моих глазах снимет с моего гордого и непокорного сына Адольхва ордена, ленты, кавалерии, а с плеч его голову.

Скороход. Пойду и приведу к тебе палача Брамбеуса. Пусть он на твоих глазах и пр. *(Уходит.)*

Брамбеус *(в черной маске, с черным шлемом на голове, с черными перьями на шлеме, в изгвазданных рукавах, выкрашенных в красную краску, обнаженная сабля; одет он в красную рубашку)*. Почто, царь, меня так скоро призываешь, или какие дела-вуказы повелеваешь?

Максимилиан. Пойди и отведи моего гордого и непокорного сына Адольхву на лобное место, сними с него ордена, ленты, кавалерии и на моих глазах голову.

Брамбеус. Пойду и отведу твоего непокорного и т. д. *(Отводит Адольфа в сторону, где стоит дерево.)*

Хор (*пост, не появляясь на сцену*):

Как на лобном месте
Молодец стоит,
Думушку думает.
Дышит тяжело.
Знать, приходит времячко,
Добро прошло,
С плеч его могучих
Спяли ордена.

(Брамбеус при пении этих стихов снимает ордена и эполеты с Адольфа.)

Скован он, скован,
Скован по рукам;
Скован он, скован,
Скован по ногам.

(Брамбеус обматывает цепью его руки и ноги.)

Брамбеус. Ох, жаль мне царского сына, да нельзя изменить царского слова. *Рубит Адольфу голову, затем декламирует:)*

Под зеленою ракитой
Лежит царский сын убитый.
Солнце и месяц померкамши,
Я на свою душу острый меч накла-
дамши. *(Закалывается.)*

Максимилиан. Скороход, и пр.

Скороход. Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди и приведи дедушку-гробокопателя!

Скороход. Пойду, и пр. *(Уходит и возвращается с дедушкой-гробокопателем.)*

Дедушка-гробокоп. (*с длинной клочковатой бородой, в полушубке овчинной наружу, сгорбленный, с палкой в руке*). Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди и отнеси эти тела и закопай так, чтобы их птицы не клевали и зверье не таскало!

Дедушка-гробокоп. Чтобы их птицы клевали и зверье таскало? Хорошо, батюшка, сделаю!

Максимилиан. Нет, чтобы их птицы не клевали и зверье не таскало.

Дедушка-гробокоп. Хорошо! *(Уносит тела.)*

Действие второе.

(Максимилиан сидит на троне; в противоположном углу сидит король Мамай, одетый как Максимилиан, но в зубчатой короне (обруч, отосланный вверху зубчиками) с полумесяцем на ней. Возле короля Мамая стоит его племянник. Мамай держит в руках скипетр и державу с полумесяцем наверху.)

Мамай (*племяннику*). Возьми и отнеси царю Максимилиану в подарок пули, ядро, картечи и огненные стрелы, а скоро и я сам к нему приду в гости.

Племянник. Возьму и отнесу, и т. д. (*Идет и несет Максимилиану ящик с огненными стрелами.*) Мой дядя прислал тебе в подарок пули, ядро, картечи и огненные стрелы и велел сказать, что скоро он и сам будет к тебе в гости.

Максимилиан Скажи своему дяде, что я ни пуль его, ни его самого не боюсь.

Племянник. Пойду и скажу. (*Уходит.*)

(Мамай идет к Максимилиану и сражается с ним. Максимилиан убивает Мамая).

Племянник (*ляжется и, увидев лежащего дядю, восклицает:*) Ли мой дядя убит, ли он так лежит? (*Наклоняется к Мамаю.*) **Солнце и месяц** померкамши, а я на свою душу острый меч накладамши. (*Закалывается.*)

(Максимилиан призывает скорохода и посылает его за гробокопателем. Далее повторяется конец первого действия).

Действие третье.

(Максимилиан сидит на троне. На противоположной стороне показывается гетман-малоросс, одетый так же, как Максимилиан, только корона у него на голове зубчатая с крестом наверху, с поперечными полосами или просто зубчатая с крестом сверху, или такая, как у Максимилиана, но с крестом наверху).

Гетман-малоросс (*обращаясь к публике*). Здравствуйте, всепочтеннейшие господа! За кого вы меня признаете: за короля прусьского, или за принца хранцюзького? Я не есть король прусьский, ни принц хранцюзький, а я есть гетман-малоросс. (*Идет к Максимилиану.*) Здравствуйте, ваше царское величество!

Максимилиан (*сходит с трона, кладет на трон скипетр и державу здоровается за руку с гетманом.*) Здравствуйте, гетман-малоросс! (*Начинают прохаживаться по сцене.*) Где бывали, что видали?

Гетман-малоросс. Бывал я по всем четырем сторонам: в Париже, к вам поближе, в Италии, от нас подалее. Но самое интересное, так это в вашем государстве. Я прошу вас показать жида: у него очень много денег, лошадей, и он очень хорошо танцует.

Максимилиан. А, не может быть? Я и не знал! (*Садится на трон, берет в руки скипетр и державу и зовет скорохода.*) Скороход, и пр.

Скороход. Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди и разыщи жида, у которого много денег, лошадей и который хорошо танцует.

Скороход. Пойду и разыщу жида, и пр. (*Уходит и возвращается с жидом.*)

Максимилиан. Правда, Янкель, что у тебя много денег?

Жид. Ай вей, васе царское и императорское велицество! яки у зида гроси?

Максимилиан. А ну, как я тебя велю казнить!

Жид (*бросаясь в ноги Максимилиану*). Ай вей, тателе, мамеле! У меня е, е гроси, богато гросей, три скатули: в одной густо, в другой пусто, в третьей нет ницаво.

Максимилиан. Ну, вот хорошо. А вот еще у тебя кони хороши?

Жид. Васе императорское велицество! Ну, яки у зида кони?

Максимилиан. Придется мне, кажется, с тобой расправиться!

Жид. Ай вей, у меня богато коней! Тройка синих, тройка сизых, тройка нет никаких...

Максимилиан. А, хорошо. Ну, теперь повесели нас, спляши что-нибудь!

Жид. Ну, каково у зида танцы?

Максимилиан. Вижу, придется мне расправиться с тобой по-свойски!

Жид. Ну, за цево такова рахуба! Ну, я вам и протанцюю. Я хорошо танци понимаю: як цуцык на морози.

Потом жид поет какую-нибудь песню, жид танцует. Когда проходящийся царь и гетман поворачиваются к жиду спиной, он садится на трон, берет в руки скипетр и державу и самовольно провозглашает: „Я царю, царю!" Жид уходит, танцуя).

Гетман-малоросс. Слыхал я, ваше царское величество, что у вас в темнице 33 года сидит непобедимый рыцарь Аника-воин: интересно было бы увидеть его и побиться с ним.

Максимилиан. Хорошо! (*Садится на трон.*) Скороход и пр.

Скороход. Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди и приведи Аннку-воина из темницы, где он сидит 33 года.

Скороход. Пойду и приведу, и пр. (*Уходит и возвращается с Аникой воином, одетым в черный панцырь и черный шлем с черными перьями.*)

Аника. Почто, царь, меня призываешь?

Максимилиан. Вот, Аника-воин, хочет с тобой мой приятель Гетман-малоросс померяться силами.

Аника. Вели расковать.

(*Скороход снимает цепь с Аники и дает ему свою саблю. Аника и гетман сражаются, гетман падает убитым. Аника уходит.*)

Максимилиан. Скороход, и пр.

Скороход. Почто, и пр.

Максимилиан. Пойди, позови доктора.

Скороход. Пойду и позову доктора. (*Уходит.*)

Доктор-немец. Што, герр тсарь, меня присывай?

Максимилиан. Вот вылечи! (*Указывает на гетмана.*)

Доктор. О, хорошо! Где мой нехотяй? Ти, фельтшер! Приступай скорей!

(*Фельшер появляется пьяный с громадной бутылкой, напевая: «Ду-ет суст ветерок...» Подходит к гетману и довольно непочтительно хватает его за нос. Доктор сует гетману под нос пузырек.*)

Гетман (*встает*). Фу, как я крепко спал!

Максимилиан. Ваше царское величество еще больше спали бы, если бы не доктор!

(Появляется Престрашный Исполин. На нем маска, плащ и шлем — все черное).

Престрашный Исполин или **Господин** *(обращаясь к публике)*. Здравствуйте, всепочтеннейшие господа! За кого вы меня принимаете: за короля прусского или за принца французского? Я не есть король прусский, ни принц французский, а есть Престрашный Господин. *(Подходит к Максимилиану и, вынимая саблю из ножен, бьет его по голове саблей.)* Царь Максимилиан, чего хочешь: биться или мириться?

Максимилиан. Хочу биться. *(Сражаются; генерал, доктор и фельдшер в страхе убегают. Исполин убивает Максимилиана и садится на трон, чем и кончается трагедия.)*

8. Лодка.

Действующие лица:

Атаман, грозного вида, в красной рубашке, черной поддевке, черной шляпе, с ружьем и с саблей, с пистолетами за поясом; поддевка и шляпа богато украшены золотою бумагой.

Эсаул, одет почти так же, как и Атаман; украшения серебряной бумаги.

Разбойники, одеты в красные рубахи, на головах меховые шапки со значками из разноцветной бумаги, за поясом различное оружие.

Неизвестный (он же Безобразов), одет в солдатский мундир, с ружьем в руках и с кинжалом за поясом.

Богатый помещик, полнотел, иногда седел, в туфлях, шлафоре или халате, на голове котелок, в руках трубка с длинным чубуком.

Действие происходит на широком раздолье матушки Волги, на косной лодке: последняя сцена на берегу, в доме Богатого Помещика. Ни декорации, ни кулис, ни суфлера, ни вообще каких-либо сценических приспособлений не полагается.

Все участвующие в представлении входят в определенную заранее избу с пением какой-либо песни. Чаще всего исполняется следующая:

Ты дозволь, дозволь, хозяин,
В нову горенку войти!
Припев: Ой малина! ой малина!
Черная смородина (дважды).
В нову горенку войти,
Вдоль по горенки пройти (2),
Слово вымолвити.
У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай, вырубим его!

По окончании песни, выступает вперед Эсаул и, обращаясь к хозяину, говорит:

Эсаул. Не угодно ли вам, хозяин, представление посмотреть?

Хозяин обыкновенно отвечает: «Милости просим!» Добро пожаловать!» или что-нибудь в этом роде.

Все участники представления выходят на средину избы и образуют круг, в середине которого становятся друг против друга Атаман и Эсаул.

СЦЕНА 1-я.

Атаман *(топает ногою и кричит грозно)*. Эсаул!
Эсаул *(точно так же топает ногой и кричит в ответ)*. Атаман!

Атаман. Подходи ко мне скорей.
Говори со мной смелей!
Не подходишь скоро,
Не выговоришь смело—
Велю тебе вкатить сто,
Пропадет твоя эсаульская служба не за что!

Эсаул. Вот я перед тобой,
Как лист перед травой!
Что прикажешь, Атаман?

Атаман. Что-то скучно... Спойте мне любимую мою песню.
Эсаул. Слушаю, Атаман!
(Заводит песню, хор подхватывает. Начало каждой строки запевает Эсаул.

Ах, вы горы, мои горы,
Горы Воробьевские!
Ничего-то вы, ах да горы,
Не спородили.
Спородили вы только, горы,
Бел горюч камень.
Из-под каменка бежит
Быстра реченька... и т. д.

(Атаман во время пения песни, в глубокой задумчивости, ходит взад и вперед со скрещенными на груди руками).
(По окончании песни осматривается, топает ногою и кричит:)
Атаман. Эсаул! Подходи ко мне скорей, и т. д.
Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман. Будет нам здесь болтаться,
Поедем вниз по матушке по Волге разгуляться.
Мигоментательно сострой мне косную лодку!

Эсаул. Готова, Атаман!
Гребцы по местам,
Весла по бортам!
Все в полной исправности.

(В это время все разбойники садятся на пол, образуя между собою пустое пространство (лодка), в котором расхаживают Атаман и Эсаул.)

Атаман *(обращаясь к Эсаулу)*. Молодец! скоро потрафил! *(Обращаясь к гребцам.)* Молись, ребята, Богу! Отваливай!

(Гребцы снимают шапки и крестятся; затем начинают раскачиваться взад и вперед, хлопая рукою об руку (изображается гребля и плеск весел).

Атаман. Эсаул! Спой любимую мою песню!

Эсаул *(вместе со всеми разбойниками поет)*

Вниз по матушке по Волге...

Атаман *(перебивает песню)*. Эсаул!

Подходи ко мне скорей... и т. д.

Эсаул. Что прикажешь, могучий Атаман?

Атаман. Возьми подозрительную трубку.
Поди на атаманскую рубку,
Смотри во все стороны:
Нет ли где пеньев, кореньев, мелких мест,
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!

(Эсаул берет картонную трубку и осматривается кругом.)

Атаман *(кричит)*. Зри верней, сказывай скорей!

Эсаул. Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. Сказывай, что видишь?

Эсаул. Вижу на воде колода!

Атаман *(как бы не расслышав)*

Какой там чорт—воевода!
Будь их там сто или двести—
Всех их положим вместе!
Я их знаю и не боюсь,
А если разгорюсь,
Еще ближе к ним подберусь.
Эсаул-молодец,
Возьми мою подозрительную трубку,
Поди на атаманскую рубку,
Посмотри на все четыре стороны,
Нет ли где пеньев, кореньев,
Мелких мест,
Чтобы нашей лодке на мель не сесть!
Гляди верней,
Сказывай скорей!

(Эсаул снова начинает оглядывать окрестности. В это время слышно пение песни:)

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут...

Атаман *(сердито топает и кричит).*

Кто это в моих заповедных лесах гуляет
И так громко песни распевает?
Взять и привести сюда немедленно!

Эсаул *(выскакивает из лодки, но сейчас же возвращается).*

Дерзкий пришелец в ваших заповедных лесах гуляет
И дерзкие песни распевает,
А взять его нельзя,
Грозится убить из ружья!

Атаман. Ты не эсаул, а баба,
У тебя кишки слабы!
Сколько хочешь казаков возьми,
А дерзкого пришельца приведи.

(Эсаул берет несколько человек и с ними выскакивает из лодки.)

СЦЕНА 2-я.

(Эсаул с разбойниками возвращается и приводит с собою связанного незнакомца.)

Атаман *(грозно).* Кто ты есть таков?

Незнакомец. Фельдфебель, Иван Пятаков!

Атаман. Как ты смеешь в моих заповедных лесах гулять
И дерзкие песни распевать?

Незнакомец. Я знать никого не знаю;
Где хочу, там и гуляю
И дерзкие песни распеваю!

Атаман. Расскажи нам, чьего ты роду-племени?

Незнакомец. Роду-племени своего я не знаю,
А по воле недавно гуляю...
Нас было двое—брат и я,
Вскормила, вспоила чужая семья.
Житье было не в сладости
И взяла нас завидость;
Наскучила горькая доля,
Захотелось погулять на воле.
Взяли мы с братом вострый нож
И пустились на промысел опасный:
Взойдет ли месяц среди небес,
Мы из подполья—в темный лес,
Притаимся и сидим,
И на дорогу все глядим:
Кто ни йдет по дороге—
Жид богатый,

Или барин брюхатый,—
Всех бьем,
Все себе берем!
А не то в полночь глухую
Заложим тройку удалую,
К харчевне под'езжаем,
Все даром пьем и под'едаем...
Но недолго молодцы гуляли,
Нас скоро поймали,
И с братом вместе кузнецы сковали,
И стражи отвели в острог.
Я там жил, а брат не мог:
Он скоро захворал
И меня не узнавал,
А все за какого-то старика признавал
Брат скоро помер, я его зарыл,
А часового убил.
Сам побежал в дремучий лес
Под покров небес;
По чащам и трущобам скитался
И к вам попался.
Ежели хочешь, буду служить вам
Никому спуску не дам!

Атаман *(обращаясь к Эсаулу)*. Запиши его! Это будет у нас первый воин.

Эсаул. Слушаю, могучий Атаман! *(Обращаясь к незнакомцу)*. Как тебя зовут?

Незнакомец. Пиши—Безобразов!

Атаман *снова приказывает* Эсаулу *(взять подзорную трубу и посмотреть, нет ли какой-нибудь опасности.*

Эсаул *(заявляет)*. На море чернедь.

Атаман (*как бы не расслышав*).

Что за черти?
Это—в горах черви,
В воде—черти,
В лесу—сучки,
В городах—судейские крючки
Хотят нас изловить
Да по острогам рассадить.
Только я их не боюсь,
А сам поближе к ним подберусь.
Смотри верней,
Сказывай скорей,
А не то велю вкатить разиков сто —
Пропадет вся твоя эсаульская служба не за что!

Эсаул *(посмотрев снова в трубу)*. Смотрю, гляжу и вижу!

Атаман. А что ты видишь?

Эсаул. Вижу на берегу большое село!

Атаман. Вот давно бы так, а то у нас давно брюхо подвело. *(Обращаясь к гребцам.)* Приворачивай, ребята!

Все разбойники хором подхватывают и весело поют песню:

Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережечку... и т. д. до конца.

(Лодка пристает к берегу. Атаман приказывает Эсаулу узнать, кто в этом селе живет.)

(Кто-нибудь из публики отвечает:)

— Богатый помещик!

(Атаман посылает Эсаула к Богатому Помещику узнать:

Рад ли он нам,
Дорогим гостям?

СЦЕНА 3-я.

Эсаул *(выходит из лодки и, подойдя к одному из участников представления, спрашивает)*. Дома ли хозяин? Кто здесь живет?

Помещик. Богатый помещик.

Эсаул.

Тебя-то нам и надо!
Рад ли ты нам,
Дорогим гостям?

Помещик. Рад!

Эсаул. А как рад?

Помещик. Как чертям!

Эсаул *(грозно)*. Ка-ак? Повтори!

Помещик *(дрожащим голосом)*. Как милым друзьям.

Эсаул. Ну, то-то же!

Эсаул возвращается назад и докладывает обо всем Атаману.

Атаман велит разбойникам итти «в гости» к Богатому Помещику.

(Шайка подымается и несколько раз обходит вокруг избы с пением «залихватской» песни:

Эй, усы! вот усы! Атаманские усы!..

(Кончивши песню, шайка подходит к Богатому Помещику. Атаманом и Помещиком получается почти буквально диалог с Эсаулом. В конце-концов Атаман спрашивает: «Деньги есть?»)

Помещик. Нет.

Атаман. Врешь, есть!

Помещик. Тебе говорю—нет!

Атаман *(обращаясь к шайке, кричит)*. Эй, молодцы, жги, пали Богатого Помещика!

Происходит свалка, и представление кончается.

1. Отметьте драматические элементы в обрядовой поэзии.

2. Укажите бытовые черты в народной драме.

3. Укажите иностранное влияние и отражение русской художественной литературы в народной драме.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1. Калики перехожие—древние и новые.

Носителями и повсеместными распространителями духовного стиха являлись и теперь являются калики перехожие, именем которых называют людей, по обету или вследствие недуга принужденных снискивать себе пропитание именем Божиим, переходя с одного места на другое. Народный эпос рисует нам калик перехожих в весьма привлекательных красках, далеко не соответствующих действительным каликам; он наделяет их богатырскими качествами и внешними признаками, большею частью совершенно обратными реальному калике, под названием которого теперь разумеют физического урода, калеку, слепого и пр. Так в одной былине говорится: «тех-то калик лучше, краше нет:

Платье на них словно маков цвет,
Сумочки рыта бархата,
Подсумочки хрусчатой камки,

или там же говорится, что идут калики в Киев-град, навстречу им Владимир князь, у которого они «зычным голосом» «по-каличьему» просят милостыни, а от этого голоса (от покриков богатырских) покривились маковки на киевских церквах, околенки рассыпались. В другой былине говорится, как каличище Иванище несет клюку в девяносто пуд и т. д. Эпические богатыри Илья, Добрыня и Олеша не брезгают каличьим платьем. Все это не указывает на немощь и убожество калик, но из этого явствует, что они пользовались уважением, были люди, несомненно, состоятельные, из религиозного убеждения или по обету ходившие по святым местам.

Нищенствующая братия нашего времени есть далеко не перерождение калик древнего времени, она сохранила в себе только некоторые черты последних, о чем будет сказано впоследствии; заметим только, что в древности, вероятно, были странствующие калики двух родов: из зажиточного и беднейшего классов. Первые побуждались религиозным воодушевлением и верою в спасительность паломничества к святым местам; возвратившись из странствия, приобретали особое уважение народа; вторые, побуждаемые иногда теми же мотивами к паломничеству, оставались таковыми вследствие своей необеспеченности дома. Странствия калик были одиночные или братчинами (походившими на западные фратрии, где существовало также паломничество), возникли они в раннюю эпоху водворения у нас христианства, когда калики сразу стали в особые благоприятные условия, которым способствовала сама церковь, проповедывавшая в народе любовь к ближнему. С другой стороны развивавшееся обеднение, благодаря разным стихийным бедствиям в тогдашней удельной Руси, весьма способствовало нищенству, которое в смирении брало пример с калик перехожих-паломников. Таким образом и нищенство сделалось почетным наравне с паломничеством. Пиры князя Владимира не обходились без участия нищей братии, которой раздавалась щедрая милостыня. Без нищей братии не обходились и похороны, где она провожала прах благо-

дителя, притворно голося причитанья. Монастыри же служили центрами, куда стекались калики, где они находили себе приют еще на том основании, что в церковном уставе, приписываемом кн. Владимиру, причисляли их к разряду людей церковных. Из монастырей они выносили пищу духовную, распространяя ее в народе. Любовь к бродячей жизни, с одной стороны, жажда подвижничества и религиозное желание поклониться святым местам—с другой, тянули русских людей в Св. Землю, Византию и на Афон. Контингент этих людей был очень разнообразен: тут были беглые холопы и люди свободные всех званий, включая и духовенство. Из них одни, возвратясь из святых мест, принимались за свои прежние занятия, другие продолжали паломничать и скитаться, принимаемые везде с почетом, рассказывали о виденном и слышанном, передавая также в песнопениях, почерпавших свое содержание из легенд и рассказов, циркулировавших между паломниками. Что касается музыкальной стороны, трудно сказать, чем руководились певцы при заимствовании содержания какой-нибудь легенды: сочиняли ли сами напевы к ним, подводили ли под готовые уже мелодии от других песен или, наконец, заимствовали напев вместе с содержанием. Если предположим последнюю версию, то должно было бы оказаться мелодическое сходство и напевов приблизительно в той же степени, в какой имеется сходство в вариантах содержания легенд. между тем во многих напевах не встречается даже ни малейшего сходства в оборотах их мелодии, ритме и пр. (напевы, напр., «Книги голубиной» и других стихов).

Калики оказывали сильное влияние на религиозное и нравственное развитие народа, не отрешившегося еще от языческих воззрений. От калик паломников нищая братия переняла их песенный репертуар. Особенно она размножилась в царствование Алексея Михайловича. Тому благоприятствовали многие обстоятельства, главным образом, гонение на скоморохов и других умельцев, бывших представителями светской музыки на Руси. При Алексее Михайловиче гонение достигло небывалых размеров; потешный двор благочестивого царя был уничтожен и заменен нищими, называвшимися «верховыми нищими», а у царицы—«верховыми богомольцами». В досужее время они развлекали государя рассказами о былом, пением Лазаря и других духовных стихов. Богатые бояре во всем подражали царю: на-ряду с многочисленной дворней призревали нищих и странников. Поощряемые свыше, нищие массами стали бродить по всей Руси. Страсть к легкой наживе посредством милостыни породила в то время еще больше нищих. Утратив прежний образ калик-паломников, нищие сохранили лишь репертуар каличьего музыкально-поэтического творчества. Но и эти потомки калик встречали еще полное сочувствие не только среди простого народа, но даже царей. Музыка, светское пение и бесовские игрища, согласно грамоте царя Алексея Михайловича, должны были прекратиться. Обычное светское пение на свадебных пирах самого царя заменилось пением духовного содержания. Народу оставалось слушать пение нищих, обратившееся в лицемерное клянченье с жалобами, причитаниями, умильно действовавшими на спесивых бояр, но мало влиявшими на этику простого народа. Последующее правительство, однако, обратило внимание на размножение нищенства и рядом указов старалось ограничить бродяжничество, при этом выделяя убогих и калек от здоровых и могущих работать. Правительство было, однако, не в силах бороться с нищенством, которое процветало в глуши.

Таким образом тип калики-странника по убеждению исчез. В нищем, да и то не всяком, нашего времени осталась внешняя сторона каличества—пение душеспасительных стихов, ведущих свое начало с древних времен.

Скитаются калики поодиночке с поводырем, а иногда большими группами, при чем один или несколько играют на лире; разбиваясь на группы в 3—4 человека с одним поводырем и общей чашкой для собирания подачи, они выбирают себе из более опытных «старшего». Они являются необходимыми членами всяких ярмарок, храмовых праздников и т. п. в селах и монастырях, где всегда можно услышать их душеспасительное пение.

Маслов.

2. Сорок калик со каликою.

А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Иерусалиму.
Сорок калик их со каликою,
Становилися во единый круг;
Они думали думушку единую,
А едину думушку крепкую,
Выбирали большого атамана,
Молода Касьяна сына Михайловича.
А и молодой Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А иттить нам, братцы, дорога не ближняя,
Итти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыне помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленной ризой утеретися;
Итти селами и деревнями,
Городами тыми с пригородками, —
А в том-то ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Не скажет большому атаману,
Атаман про то дело проведает,
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю»
И в том-то ведь заповедь подписана,
Белые рученьки исприложены:
Атаман Касьян сын Михайлович,
Податаманье, брат его родной,
Молодой Михайло Михайлович.
Пошли калики во Иерусалим град,
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время не малое,
Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Череги.
На его потешных на островах,
У великого князя Владимира,
А и вышли они из раменья,
Встречу им-то Владимир-князь.
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных малых уточек,
Лисиц, зайцев всех поганивает. —
Пригодилося ему ехати по близости;
Завидели его калики тут перехожие,
Становилися во единой круг,
Клюки, посохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили;
Скричат калики зычным голосом,
Дрогнет матушка сыра-земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окорачился,
А богатыри с коней попадали,
А спиря стал поспиривать,
Сема стал пересемывать.
Едва пробудится Владимир князь,
Рассмотрел удалых добрых молодцов;
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владимиру,
Прошают у него святую милостыню,
А и чем бы, молодцам, душа спасти;
Отвечает им ласковый Владимир-князь:
«Гой еси вы, калики перехожие!
Хлеба с нами завозные,
А и денег со мною не годилося,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами.
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей
Перелетных малых уточек;
Изволите вы итти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксеевне.
Честна роду дочь, королевична,
Напоит, накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата, серебра».
Недолго калики думу думали.
Пошли ко городу ко Киеву:
А и будут в городе Киеве,
Среди двора княженецкого,
Клюки, посохи в землю потыкали,

А и сумочки исповесили,
Подсумочья рыта бархата;
Скричат калики зычным голосом,
С теремов верхи повалилися,
А с горниц охлонья попадали,
В погребах питья всколебалися,
Становилися во единой круг,
Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксеевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула.
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову,
Со своими его товарищами:
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксеевне.
А и тут Касьян не оглушался.
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксеевна
Поджав ручки будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными девушки;
Молодой Касьян, сын Михайлович.
Садился на место большое;
От лица его молодецкого,
Как бы от солнышка от красного,
Лучи стоят великие.
Убирались тут все добры молодцы
А и те калики прохожие
За те столы убранные.
А и стольники, чашники
Поворачивают, пошевеливают
Своих они приспешников;
Принесли-то яства сахарные,
Понесли питья медвяные,—
А и те калики перехожие
Сидят за столами убраными,
Убирают яства сахарные,
А и те ведь пьют питья медвяные.
И сидят они время, час другой,
Во третьем часу подымалися,
Подымавши они Богу молятся,
За хлеб, за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксеевне
И всем стольникам и чашникам;
И того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксеевны,
Наделила б на дорогу златом, серебром
Сходить бы во град Иерусалим;
А у молодой княгини Апраксеевны
Не то в уме, не то в разуме;
Пошлет Алешеньку Поповича
Атамана их уговаривать.
И всех калик перехожих,
Чтоб не итти бы им сего дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича.
Зовет к княгине Апраксеевне
На долгие вечеры посидети,
Забавные речи побаяти...
Молодой Касьян сын Михайлович,
Замутилось его сердце молодецкое,
Отказал он Алеше Поповичу,
Не идет на долгие вечеры
К молодой княгине Апраксеевне,
Забавные речи баяти.
На то княгиня осердилася.
Посылает Алешиньку Поповича,
Прорезать бы его суму рыта бархата,
Запихал чарочку серебряну
Которой чарочкой князь на приезде пьет.
Алеша-то догадлив был,
Распорол суму рыта бархата,
Запихать бы чарочку серебряну,
И зашивал гладехонько,
Что познать было не можно.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,—
С молодой княгиней не прощаются,
А идут, калики, не оглянутся.
И верст десяток отошли они
От стольного города Киева.
Молода княгиня Апраксеевна,

Посылает Алешу в погонь за ним;
Молодой Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле.
У Алеши вежество нерожденое —
Он стал с каликами здорити,
Обличает ворами, разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по миру по кре
щеному,
Кого окрадете, своим зовете.
Покрали княгиню Апраксеевну,
Унесли вы чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на приезде пьет»
А в том калики не даются ему.
Молоду Алеше Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворочал Алешенька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев-град.
В то же время и в тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксеевна
Позовет Добрынюшка Никитича,
Посылает за каликами,
За Касьяном Михайловичем.
В та поры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поехал во чисто поле. —
У Добрыни вежество рожденое и учe
ное,—
Настиг он калик во чистом поле;
Соскочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович!
Не наведи на гнев князя Владимира,
Прикажи обыскать калики перехожие,
Нет ли промежу вас глупого».
Молодой Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскивать
От старого до малого,
От старого и до большого лица,
До себя Касьяна Михайловича.
Нигде-то чарочка не явилася,
У молода Касьяна пригодилася.
Брат его молодой Михайло Михайлович
Принимался за заповедь великую.
Закопали атамана по плечи во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича.
Отдавали чарочку серебряну
Молоду Добрынюшке Никитичу,
И с ним написан виноватый тут
Молодой Касьян Михайлович.
Добрыня он поехал во Киев-град,
А и те калики во Иерусалим-град;
Молодой Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка во Киеве
У молодой княгини Апраксеевны,
Привез он чарочку серебряну,
Виноватого назначено,
Молода Касьяна сына Михайлова.
А с того время, часу захворала скорбью
недоброю
Слегла княгиня в великое во гноище.
Ходили калики в Иерусалим-град,
Вперед шли три месяца;
А и будут в граде Иерусалиме,
Святой святыне помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ердане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися, —
А все-то молодцы отправили.
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михай
ловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимиру.
А идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленько сторонкою.
Его, молода Касьяна Михайловича,
Голосок наносит помалехоньку,
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько и увидели
Молода Касьяна сына Михайловича,

Он ручкой машет, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы.
В начале атаман, родной брат его,
Михайло Михайлович,
Пришли все они, поклонилися,
Стали здравствовать,—
Подает он, Касьян, ручку правую,
А они-то к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молодой Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясный сокол из тепла гнезда,
А все они, молодцы, дивуются
На его лицо молодецкое,
Не могут зреть добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкие до самого пояса
И стоял Касьян не мало число.
Стоял в земле шесть месяцев,
А шесть месяцев будет полгода.
В та поры пошли калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру,
Дошли они до чудна креста Леванидова.
Становилися во единой круг,
Клюки, посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохоньку.
Молодой Михайло Михайлович
Атаманом еще правил у них.
Посылает легкого молодчика
Доложиться князю Владимиру:
«Прикажет ли итти нам пообедати».
Владимир-князь пригодился в доме,
Посылал он своих ключников и ларечников
Побить челом и поклонитися им-то каликам.
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут ключники, ларечники
Пришли они к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкий двор.
Середи двора княженецкого
Поздравствовал ему Владимир-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу;
Взял его за белы руки,
Повел во светлу гридню,
А в та поры молодой Касьян Михайлович
Спросил князя Владимира
Про молоду княгиню Апраксеевну:
«Гой еси, сударь, Владимир-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксеевна?»
Владимир-князь едва речи выговорил:
«Мы де уже неделю другу не ходим к ней».
Молодой Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальну к ней,
А и князь идет свой нос зажал,
Молоду Касьяну то ничто ему,
Никакого духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящатые;
В та поры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
Молодой Касьян сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксеевну,
Не стало у ней того духу, пропасти,
Оградил ее святой рукой,
Прощает ее плоть женскую...
Молодой Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимиру во светлу гридню,
Помолился Спасову образу,
Со своими каликами перехожими.
Стали пить, есть, потешатися.
Как будет день в половину дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися;
Владимир-князь убивается,
А калики-то в путь наряжаются,—
Просит их тут Владимир-князь
Пожить, побыть тот денек у себя.
Молода княгиня Апраксеевна
Вышла из кожуха, как из пропасти,
Скоро она убиралася,
Убиралася и наряжалася.

Тут же к ним к столу пришла
С ъяньками, с мамками
И с сенными красными девицами,
Молоду Касьяну поклоняется...
Молодой Касьян сын Михайлович
Ток рученькой правою размахивает
По тем яствам сахарным,
Крестом ограждает и благословляет,
Пьют, едят, потешаются.
В та поры молодой Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрел и число показал:
Что много мы, братцы, пьем, едим, прохлаждаемся,
Уже третий день в походе идем,
И пора нам, молодцы, в путь итти.
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимиру
С молодой княгинеи Апраксеевной
За хлеб, за соль его.
И прощаются калики с князем Владимиром
И с молодой княгинею Апраксеевною;
Собрались они, и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова,
И до пустыни Ефимьевы
То старина, то и деянье.

По мнению В. Ф. Миллера, былина о сорока каликах со каликою возникла в пределах новгородского культурного района. В параллель к былине В. Ф. Миллер приводит следующие летописные отрывки:

«В лѣто 6671 (1163). Поставиша Іо(а)на архиепископом Новоугороду. При сем ходиша во Иерусалимъ калѣцы і при князѣ ростемъ Ростеславѣ.

Се ходиша из Великого Новагорода от святей Софѣи 40 моужь калѣци ко граду Иерусалимоу ко гробу Господню. И гроб Господень цѣловаша, и ради бяша. И поидоша, вземше благословеніе оу патріарха и святые мощи. И придоша в Великий Новъгород к святей Софѣи. И даша святыя мощи в церковь владыци Іоану, святымъ церквамъ на священіе, а собору святые Софѣи даша копкарь (ковш), во веки им кормленіе, а себѣ во вѣки славы оукупиша. И святый владыка Іоанъ и весь соборъ священническый благословиша их всѣхъ 40 моужь. И поидоша по градомъ с великою радостию, славящи Бога. Пріидоша в Русу к святому Борису и Глѣбу; аже седитъ соборъ, ины даша имъ святые мощи; а оу святаго Бориса и Глѣба стоятъ 6 моужь притворянъ, ины даша им скатертъ во веки им кормленіе. И благословишася оу собора вся 40 моужь, и поидоша по градомъ. И придоша во градъ Торжок к святому Спасоу; аже седит соборъ, святаго спаса священники; они жъ даша им святые мощи святымъ церквамъ на освященіе; аже стоитъ оу святаго Спаса 12 моужь притворянъ, ины даша им чашу свою во вѣки им кормленіе.

В лѣто 6837 (1329). Ході князь великии Иван Даниловичь в Велікій Новъгород на миром. И постояше в Торжку, и придоша к нему святаго Спаса притворяне с чашею сію 12 моужь на пиръ. И воскликнуша 12 моужь, святаго Спаса притворяне: «Бог дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю всея Роуси. Паной, накорми нищихъ своихъ». И князь велики вопросил болиръ и сторыхъ моужь новоторжьцов: «Что се пришли за моужи ко мнѣ?» І сказаша емоу моужи новоторжци: «То, господине, моужи святаго Спаса притворяне; а тоу чашу даша имъ 40 моужь калиции, из Ерусалима пришедше». І князь велики, пришедше, посмотревъ оу них в чашу, и постави ея на тѣмя свое и рече им: «Что, брате, возмеже оу мене в сію чашю вклада?» И тако рекоша емоу притворяне: «Чимъ, господине, нас пожалуешь, то возьмемъ». И князь велики даше имъ гривну новую вклада. «А ходите ко мнѣ во всякую недѣлю и емлите оу мене две чаши пива, третюю меду. Такъ же ходите к тамѣстником моим, и к посадникамъ, и по бракомь, а емлите себѣ по три чаши пива, А кто сію чашу избесчинитъ, инъ дастъ гривну золота да 6 берковсков медоу князю и владыки. А кто на вас подереть вотолову, инъ даст три крошни интей, а цѣна им полтора рубля».

Эти летописные отрывки носят на себе яркий отпечаток народно-эпических черт: в параллель дружине калик—дружина духовная («аже сединъ соборъ»), как будто нарочно собравшаяся у церкви: эпические числа—40, 12, 6, 3; обращение притворян к князю, напоминающее обращение калик к Владимиру; диалогическая форма повествования; щедрость Ивана Дмитровича, напоминающая эпического Владимира. пиры Ивана Калиты и т. д.

В основе былины о «Сорока каликах со каликою» лежит мотив, известный по библейской истории об Иосифе и жене Пентефрия и широко распространенный в житиях русских святых: мы встречаем этот мотив в житиях Моисея Угрина, Михаила Черноризца, Кирилла Новоозерского, Дмитрия Прилуцкого. В житии последнего читаем следующее:

«Глаголет же о нем и се, яко еще в юности в миру бывшу ему от благородных бо родителей родися. Прилучися и тому благородіе; яко же древнему Иосифу Прекрасному: сыну Яковлю, праведнаго сѣмени Авраамля. Тако и семоу и не токмо тѣлесная доброта бяше и чистота емоу, но паче и духовная в нем Божіа благодать сіаше по всегда. Сего ради и преподобный паче всѣх постьное житіе изволи, хотя плотскую лѣпотоу оувядити. И вся мудрованіа оумертвити. Елико же онъ воздержаніе и имѣаше и труды, толико паче лице святаго просвѣщеннее, ниже постомъ зѣлнымъ цвѣтуще. Толико же блаженный смиреніе имѣя не токмо в словесѣхъ, но и в хожденіи, всегда покрывая лице свое коуколемъ хожаше. И мало с мирскими бесѣдую, а ниже с женами никакоже, развѣе комоужде о ползѣ душевней. Еще бо тогда то слово ношашеся. В юности красен бяше и дороденъ телом, дивящеся глаголаше: яко толикоу добродѣтель погуби тѣлесную Бога ради постом, и молитвами, всенѣм терпѣнием.. Бяше же обитель святаго близ мирскыя чади. И въ время пѣніа прихожаху людіе на молитву к церкви. Мужи. и жены, и дѣти, якоже есть обычай в граде. И нѣкоего мужа славна жена прихожаше в монастырь по обычаю на молитву. Никогда же не видѣти лица преподобнаго. Таше бо образ свой блаженный. Слышаше бо жена прежнюю его красоту и цѣломудрие и нѣкогда по прилучаю от последнихъ кѣзіа его спроста увидѣ святого. Сему же, готовящуся ко божественнѣ службе. И яко же виде ю бездстудну, о том мало оскорбѣся святый. И якоже осіа ту свѣтлость от ангельскаго лица его, ниже постомъ цветущаго. И обіе ужасъ нападе нѣкий на ню. И быть разслаблена всем тѣлом... И приведоша ту братіа пред двери кѣлна его, еле живу сущи и много молиша преподобнаго прощенія подати ей, оневѣжествіи ее и о искушении Святаго Духа, ниже на святых его почивающаго. Смиренія же мудрость вѣдѣ ю съ слезами кающуюся о гресех. Пришед незлобивый божий человек, глаголя сѣбѣ грешнѣйша и худѣйша паче всѣхъ человѣкъ, глаголя к ней: «Почто хотя видѣти грѣшного и мертвенного телеси, ниже мира отвергшася?» И тако поучив ю на добродѣтель яко ко церкви приходити, не тѣло украшати тлѣнными, но душу просвѣщати по апостолу молитвою и милостынями: всенѣм воздержаниемъ, имуще молчанием и стыдѣнием. И тако ко церкви приходити. Вкупѣ же сотвори крестное знаменіе и благословеніе и прощеніе подастъ ей. И абие здрава бысть одъ часа того. Вставъ, отъиде в домъ, славя Бога».

3. Голубиная книга.

Из-под той страны из-под восточныя
Выставала туча темная грозная;
Да из той из тучи грозной, темныя,
Выпадала книга голубиная.
На славную она выпала на Фавор-гору,
Ко чудну кресту к животворящему,
Ко тому ко камню ко белатырю,
Ко честной главы ко адамовой.
Ко этой книги голубиныя
Собирались к ней, соезжалися
Сорок царев. все царевичи,
И премного князей. много князевичей.

Из них было пять царей набольших:
Был Исай царь, другой царь Костянтин,
Был Василий царь, сын Акульевич,
Волотоман царь был Волотоманович,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
Возго́ворит Волотоман царь Волотоманович:
«Государи, братцы, сорок царей,
«Хто из нас, братцы, горазд по памяти,
«Хто́ прочел бы нам книгу голубиную;
«Как бы нам узнать, во книге что написано,
«В голубиной напечатано».
Тогда все цари тут приумолкнули.
Им ответ держал на то премудрый царь.
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«Государи, братцы, сорок царей,
«Я вам так скажу, братцы, по памяти.
«По памяти, как по грамоты,
«Про эту книгу голубиную.
«Великая книга голубиная!
«Вдолину книга сорока локо́т,
«Поперек книга тридцати ло́кот,
«В толщину книга тридцати локо́т.
«Не узнать нам, во книге что написано:
«На руках держать нам книгу, не удержать будет.
«Умом нам сей книги не сосместити,
«И очам нам книгу не обозрити,
«Великая книга голубиная!
«Писал эту книгу свят Исай пророк,
«Читал эту книгу Иван Богослов.
«Он читал эту книгу ровно три года,
«Прочитал во книге только три листа».
Ему вси цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, сударь, нам по памяти.
«Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
«Отчего начался у нас белый свет;
«Отчего у нас солнце красное;
«Отчего у нас млад светёл месяц;
«Отчего у нас звезды частые;
«Отчего у нас зори светлые?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«Начался бел свет от свята́ Духа́,
«От свята Духа, самого Христа,
«Самого Христа, Царя Небесного,
«Солнце красное от лица Божия,
«Млад светел месяц от грудей Божьих,
«Звезды частые—они от риз Божьих,
«Зори светлые от очей Божьих,
«Самого Христа, Царя Небесного».
Ему вси цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал нам, сударь, по памяти
«Про эту книгу голубиную.
«Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
«Отчего цари зача́дилися;
«И отчего князья со боярами;
«Отчего крестьяне православные?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич;
«Зачадилися цари со царицами
«От честно́й главы от адамовой;
Зачадилися князья со боярами
«От честных мощей от адамовых;
«Завелось крестьянство православное
«От того колена от адамова».
Ему все цари поклонилися.
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти
«Про эту книгу голубиную
«Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
«Который у нас город городам мать;
«И которая церква над церквями мать;
«И который царь над царями царь?»
Им ответ держал на то премудрый царь:
«Иерусалим-град городам мать».
— Почему Иерусали́м-город городам мать?
«А стоит Иерусалим-город посреди земли,
«Посреди земли, во ней пуп земной.
«Во начальном граде, в Иерусалиме,

«Тут состроена церковь соборная;
«Во этой церкви во соборные,
«В ней содержится гробница Господня.
«Она на воздусях, сама на вознесях.
«Тут темьян и ладон рядом курятся,
«Свеча теплится неугасимая:
«Потому Иерусалим-город городам мать,
«Потому этая церква над церквами мать,
«А наш белый царь над царями царь».
Ему вси цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти
«Про эту книгу голубиную.
«Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
«Которая у нас земля всем землям мать,
«И которая гора всем горам мать,
«И которое древо всем древам мать?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«Государи, братцы, сорок царей:
«Свята Русь-земля—всем землям мать.
— Почему Свята Русь-земля — всем землям мать?
«Изукрашена Свята Русь-земля Божьим перкгя́м;
«На ней строются церкви соборныя:
Потому она всем землям мать».
«А Фавор-гора всем горам мать».
— Почему-ж Фавор-гора над горами мать?
«На славной было на Фавор-горы
«Преобра́зился на горы сам Иисус Христос
«Со двум-на-десятями со апостолам:
«Потому Фавор-гора над горами мать.
«Кипарис-древо всем древам мать».
— Почему-ж кипарис-древо всем древам мать?
«Из того из древа кипарисного,
«Из него был вырезан пречудный крест;
«На том кресте животворящим —
«На нем был распят сам Иисус Христос:
«Потому кипарис-древо всем древам мать».
Ему вси цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь
«Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, государь наш, нам по памяти
«Про этую книгу голубиную.
«Ты еще, государь наш, нам про то скажи:
«Которое у нас море над морями мать,
«И которое озеро озерам мать,
«И которая река всем рекам мать?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«У нас киянь-море всем морям мать».
— Почему киянь-море всем морям мать?
«Обошло киянь-море вокру́г земли,
«Вокруг земли, всей подселенныя:
«Потому киянь-море над морям мать.
«А Ильмень-озеро над озерам мать.
«Да не тот Ильмень, кой под Новы́м гра́дом,
«И не тот Ильмень, кой во Большой орды,
«А есть тот Ильмень, кой в Турецкой земли;
«Из того Ильменя, из озера
«Протекает матушка Иордань-река:
«Потому Ильмень озеро—озерам мать,
«А Иордань-река—над реками мать,
«Во славной матушки во Иордань-реки
«Окрестился в ней сам Иисус Христос:
«Потому Иордань-река над реками мать».
Ему все цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, сударь, по памяти
«Нам про этую книгу голубиную.
«Ты еще, сударь, нам про то скажи:
«Которая у нас рыба над рыбам мать,
«И которая птица над птицам мать.
«И который зверь над всеми зверями зверь?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«У нас кит-рыба над рыбам мать».
— Почему-ж кит-рыба над рыбам мать?
«На трех китах на рыбинах,

«На тридцати было на малых,
Основана на них вся сыра земля,
И содержится вся подселенная:
Потому кит рыба над рыбам мать.
«А стрефил-птица над птицам мать».
— Почему ж она над птицам мать?
Сидит стрефил-птица посреде моря;
Она плод плодит во синё море,
А полет сама держит по поднебесью.
После полуночи во втором часу,
Как стрефил-птица — она трепенется,
Запоют куры у нас по всей земли:
«Просвещается тогда вся вселенная:
«Потому стрефил-птица всем птицам мать.
«Единорог-зверь — над всем зверям зверь»
— Почему ж единорог над всем зверям зверь?
Живет единорог — во Святой горы,
«Он проход имеет по подзе́мелью;
«Прочищает все ключи источные.
«Когда единорог-зверь поворотится,
«Вскипят ключи все подземельные:
«Потому единорог-зверь всем зверям зверь».
Ему все цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Хорошо сказал, сударь, по памяти.
«Ты еще, сударь, нам про то скажи:
«Который у нас камень каменям мать;
«И которая трава всем травам мать;
«И которым грехам покаянье есть,
«И которым грехам покаянья нет?»
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«Белатырь-камень каменям мать».
— Почему белатырь каменям мать?
«На том камне-бела́тыре,
«На нем беседовал сам Иисус Христос
«Со двум-на-десяти апостолам,
«Утверждал веру христианскую;
«Роспущали книгу голубиную
«По всей земли подселенные:
«Потому бела́тырь каменям мать.
«А плакун-трава над травам мать».
— Почему плакун-трава над травам мать?
«Когда был распят сам Иисус Христос,
«Тогда шла Мать Пресвятая Богородица
«Ко своему сыну ко распятому.
«Она ронила свои слёзы пречистые
«На матушку на сыру-землю, —
«От сёных слез от пречистых
«Зарождалась на земли плакун-трава,
«Из того коренья из плакунова,
«Вырезают у нас в Руси креста чудные,
«Ино тем у нас люди спасаются, —
«Все монахи, и старцы, и все юноши:
«Потому плакун-трава над травам мать.
«Братцы, всем грехам покаянье есть;
«А этыим грехам покаянья нет:
«Который бранит, братцы, Свята́ Духа́;
«И который бранит отца со матерью;
«Этыим грехам покаянья нет».
Ему все цари поклонилися:
«Тебе спасет Бог, свет премудрый царь,
«Хорошо сказал, сударь, по памяти
«Нам про этую книгу голубиную».
Возговорит Волотоман царь Волотоманович
«Государи, братцы, сорок царей,
«Что случилося в моем во чистом поле;
«Быть два зайчика собегалися —
«Один серенький был, другой беленький.
«И промежду собой оны подра́лися.
«Быть как серый белого приобидел же
«Пошел беленький во чисто поле,
«Пошел серенький во темны леса».
Тогда все цари приумолкнули.
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«То не зайчики в поле собегалися:
«Тут сошлася кривда со правдою,
«И промежду собою оны подра́лися.
«Нонечь кривда правду приобидела:
«Пошла правда она на вышние небеса.
«А кривда оставалась на сырой земли.
«По всему народу православному.
«Она пала нам на ретиво́ сердце:
«Оттого у нас в мире, стало правды нет;
«Стали беззакония великие».
Ему все цари поклонилися:

Тебе спасет Бог, свет премудрый царь
Наш премудрый царь Давид Евсеевич.
«Хорошо сказал, сударь, по памяти».
Возго́ворит Волотоман царь Волотоманович:
«Государи, бр тцы, сорок царей,
«Мне ночесе-ночь мало спа́лося;
Мне предивный сон во сне привидился:
«Быдто во моем саду во зеленым
«Вырастало тут древо́ саха́рное
«На мое на древо́ саха́рное
Прилетала пташечка малешенька.
Распушала перья до сырой земли.
Ино кто сказал бы, братцы, про мой дивный сон.
«Я б того, сударь, много пожаловал»
Тогда все цари припумолкнули.
Им ответ держал на то премудрый царь,
Наш премудрый царь Давид Евсеевич:
«От моей царицы от благоверныя
Народится сын царь Саломон:
«А от его царицы от благочестивыя
«Народится дочь Саломонидия.
«Моему сыну, царю Со́ломону,
На его на дочери быть женитися.
Через тридцать лет этот сон рассудится.

4. Беседа Иерусалимская [1]).

Бесѣда царя Давида Нессеевича с царем Волотом Волотовичем на синайстѣй горе, посторонь града Иерусалима, у дуба маврейского, у креста лифанидова, у главы адамовы. В великую было субботу: сьежджялися къ церкви к литургии 42 царя, бо́льшой у них был царь Волот Волотовичь, второй у них царь Моисей Моисеевичь, третий у них был царь Елисей Елисеевичь, четвертый у них был Давидъ пророкъ Нессеовичь. И они все те цари к литургии пріехали, и отслушали литургію. Рече им царь большой Волотъ Волотовичь: ой вы цари и князи благовѣрные! скажите вы мне, не утаите: ночесь вам кому что и каковъ сон вилелся? Не могите вы утаить от мене: мне повѣдайте. И все цари молчат; и рече царь Волот: а мнѣ ночесь много видѣлось, и вы про тот сон скажите, и добромь его осудите. Съ той страны восточныя восходить луча солнца красного, освѣтила всю землю светорусскую, а в другую сторону полуденную выростало древо кипарисъ, серебренное кореніе, и вѣтвіе у древо все золото бумажное; поверхъ того древа сидит птица кречет бѣлой, на ногах у него колокольчикъ: кто мне про сей сон может сказать и его отгадать? И тут цари умолчали всѣ, един от них выступалъ царь Давыд пророк Нессеовичь и зговорить таково слово: государь ты наш первый царь Волотъ Волотовичь! далече нам грѣшнымъ до Рима и до Іакова братагосподня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; и азъ тебѣ про нево скажу: и тотъ твой сонъ сбудеться во второмъ на десять году. У меня царя Давыда родится сын Соломон, а у тебя родится дщерь Соломонида Волотовна: а що с тоя страны восточныя восходить лучь солнца красного, освѣтить всю землю свѣторусскую, то будет на Руси Иерусалим начальный, и в том градѣ будет соборная и апостольская церковь Софіи премудрости Божія о седмидесяти верхах, сирѣчь святая святыих: а что у древа вѣтвіе золотое, то будутъ поникадилы поставлены; а вѣтвіе бумажное, то свѣщя на паникадилахъ поставлены будуть пречудными образомь; и что съ тоя страны полуденныя выростало древо кипарисъ, кореніе серебренное, то у меня будеть сынъ царь Соломон премудрый; и он сожижденъ святая святыих, то-есть кречетъ белый: а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родиться дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитися, и твоим царствомъ ему владеть будеть. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: исполать тебе царь Давыдъ, что ты гораздъ

---

[1]) Беседа Иерусалимская, носящая в рукописях также название *Повести о Волоте Волотовиче* или *Повести града Иерусалима*, вместе со стихом о *Голубиной книге* восходят, как к источнику, к старинному апокрифу — *Вопросы Иоанна Богослова Господу на Фаворской горе.*

сны-загадки отгадывать, и досужь добро слово молвить. И рече ему царь Давыд: а ты мне большой царь Волотъ Волотовичь про то скажи: отчево у нас свѣт свѣтиться? и отчево заря занимается? на чемь у нас небо ходить? на чемь земля стоить? Отвѣща больший царь Волотъ Волотовичь царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣт у нас свѣтиться от Господнiих очей, а солнце сiяеть от святыя рызы ево, а заря занимается от солнца краснаго, а небо ходить на воздусiнхъ, а земля стоить на осмидесять китах, рыбах меньшiих да на трех большiих, а ты мне, царь Давыд, про то скажи: кой град градом мать? и коя церковь церквам мать? и коя глава главамъ мать? кое дерево деревомъ мать? коя трава травамъ мать? кой камень камнемъ мать? коя птица птицам мать? кой звѣрь звѣрям мать? кое озеро озеромъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ я тебе про то скажу. Первый градомъ мать градъ Иерусалим: его пасхалiя азбучная во всю землю светорусскую; а церковь церквамъ мать соборная Софiя премудрости Божiя, да в той же церкви стоить гробъ Господень: потому церковь церквамъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Iордан, потому что она течет из рая Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Iисус Христосъ: потому рекамъ мать; а глава главамъ мать адамова глава: коли сотворил Господь наш Iисус Христос небо и землю, и вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему человѣка, и нареченмя ему Адамъ, и вынялъ у него ребро, и сотворилъ ему жену Еву, и от них поидоша цари и князи, потому адамова глава главамъ мать; а дерево древом мать древо кипарисъ пѣвга, кедр, потому что от них идет благоуханье, от них же родиться ладонъ, идет во всю землю светорусскую: потому древомъ мать; а трава травомъ мать плакун трава; как жидове Христа распинали, и Богородица на ту траву уканула слезу: потому травомъ мать; а птица птицам мать таврукъ птица, невелика, с русскую галку; а живетъ она у гремячева кладезя у теплаго моря; а звѣрь звѣрям мать единьрог; коли на земли была засуха, и в те поры дождя на землю не было, тогда в рѣках и в озерах воды не было, только и едином озере вода была, и лежал великой змiй, и не давал людям пить, и никакому потекучему зверю, ни птицѣ полетучей; а коли побежить едино;ог воды пить и змiй лютый заслышить и побежить от зверя того за три дни, и в ту пору запасаются водою люди; а озеро озеромъ мать Ильмень озеро, что под Кiевом градомь, потому что взяло в себи триста рек, а море моремъ мать окiанъ море великое, потому что в нем стоит церковь Климента папы римского; а рыба рыбамъ мать кит рыба великая; как та рыба кит взыграется и пойдеть в глубину морскую, тогда будет свѣту преставленiе; а гора горамъ мать фаворская да сiонская. И глагола ему царь Давыд: а ты мне, царь Волотъ Волотовичь, про то скажи: кому на втором пришествiи не быть и лица Божiя не видать и суда Божiя им не будет? И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичь: аз тебѣ про то скажу: всякому человоку на втором пришествiи быть и судъ их будет по деломъ их, а еретикомъ и чародеемъ тем суда Божiя не видать; без суда Божiя посл ни будут в муку вечную, ныне и при но и во веки веков аминь.

5. О Георгии Храбром.

Во святом граде Иерусалиме,
Федора благоверного
Жена София премудрая
Породила Федору три дочери,
Четвертого сына Георгия.
Из того царства Вавилонского
Поднимался царь Дектиан
На той святой Иерусалим град;
Полонил у Федора три дочери,
Четвертого сына Георгия.
Стал он Георгия допрашивати:
«Ты которую, Георгий, веру веруешь,
Которому Богу молишься?»
«Я верую веру крещеную —
В мать Божию Богородицу,
В Троицу неразделимую».
А злодей-царище Дектианище:
«Ты уверуй, Георгий, в мою веру,

Поклоняйся, Георгий, моим идолам!
Я устрою тебе светлую светлину,
Дам тебе слугу верную,
Дам тебе злата-серебра,
Драгоценная каменя».
Святый Георгий проговаривал,
Святый храбрый проглаголивал:
— Злодей-царище Дектианище!
Мне не надо от тебя злата-серебра,
Не надо светла светлица,
Не надо слуга верная.
Пропадешь на сем свету на белом
Со златом, со серебром,
С драгоценным каменем:
Велика наша вера крещеная,
Мать Божия Богородица,
Еще Троица неразделимая!»
Злодей-царище Дектианище,
На святого Георгия зло-паляюще,
Повелел Георгия на мученье взять,
На мученье взять на великое,
Приказал Георгия в топоры рубить во железные.
У топорьев по обух лезвие обломалося.—
Ничем святого Георгия не вредит,
Георгий гласы гласит до небес свои:
«Велика наша вера крещеная,
Мать Божия Богородица,
Еще Троица неразделимая...»
Злодей-царище Дектианище,
На святого Георгия зло-паляюще,
Приказал Георгия на мученье взять на великое.
Приказал наледники копать преглубокие—
В глубину копать 60 сажен,
В ширину копать 40 сажен,
Обшивать шитвом дубовым,
Закрывать крышей железною,
Засыпать песками крутожелтыми.
Копали наледники глубокие,
В глубину 60 сажен,
В ширину 40 сажен,
Обшивали шитвами дубовыми,
Закрывали крышею железною,
Засыпали песками крутожелтыми.
Святого Георгия посажаючи
На тридцать лет и на три года,
Сам злодей песком притоптывал,
Сам злодей приговаривал:
«Не бывать бы Георгию на белом свету,
Не видать бы Георгию свету белого,
Не узреть бы Георгию солнца красного,
Что на тридцать лет на три года».
В то время прохождаючи,
Ровно тридцать лет и три года,
Георгий взмолился:
«Услышь, Господи, мое моление,
Услышь, Господь Бог, мое терпение,
Сошли с небес погодушку
С восточной сторонушки;
Раскрой крыши железные,
Разнеси пески крутожелтые,
Разбей шитвы дубовые».
По Георгиеву молению,
По его святому терпению,
Подымалася погодушка с вихорем
Со восточной сторонушки.
Разнесло пески крутожелтые,
Раскрывало крыши железные,
Расшивало шитвы дубовые.
Увидал Георгий свету белого,
Взвидел Георгий солнце красное,
Выходил Георгий из той ямы глубокия
На-землю свято-русскую.
Георгий прохождаючи,
Святую веру утверждаючи,
Видит вдалече, в чистом поле —
Стоит одна церковь соборная.
Георгий входил в церковь соборную,
Поклонился Георгий чудному образу.
И стоит тут одна женщина,
Богу молится, Спасову образу, —
Его мать София премудрая.
Поклонился Георгий родной матери в резвы ноги:
«Гой еси мать моя, София премудрая!
Где мой конь богатырский?»
«Твой конь в чистом поле;

На нем вся сбруя целым цела,
Сбруя несмятая, булатная».
Поклонился Георгий чудному образу.
Георгий, похождаючи
Из тоя церкви из соборныя,
Богатырска коня искаючи,
На богатырска коня сажаючи
Георгий, поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Святый Георгий наехавши
На то на стадо на звериное —
На серых волков;
Волк с волком сойдутся и неразойдутся:
Нельзя Георгию проехати,
Нельзя святому подумати.
Святой Георгий проговаривал,
Святый храбрый проглаголивал:
«Гой еси вы, волки серые!
Разойдитесь по всему свету по белому
На два, по четыре и по единому,
Пейте, ешьте посулёное и благословленое».
По Георгиеву по молению,
По его святому терпению,
Расходилися волки по всему свету по белому
На два, по четыре и по единому.
Георгий, проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Святой Георгий наехавши
На те горы на толкучие;
Гора с горой сойдутся,
И гора с горой не разойдутся:
Нельзя Георгию проехати,
Нельзя святому подумати.
Георгий проговаривал,
Святой храбрый проглаголивал:
«Разойдитеся, горы, по всему свету по белому!
Я на вас, горы, буду строиться,
Буду строить церкви соборные и богомольные».
По Георгиеву по молению,
По его святому терпению,
Расходились горы по всему свету по белому.
Георгий проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Святой Георгий наехавши
На те леса на дремучие;
К сырой земле леса клонятся,
От сырой земли не отделяются:
Нельзя Георгию проехати,
Нельзя святому подумати.
Георгий проговаривал,
Святой храбрый проглаголивал:
«Гой еси, леса дремучие!
Отделитеся, леса, от сырой земли!
Я из вас, леса, буду строиться,
Строить буду церкви соборные, богомольные».
По Георгиеву по молению,
По его святому терпению,
Отделилися леса от сырой земли.
Георгий проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Святый Георгий наехавши
На то стадо на змеиное,
На лукавое, окаянное:
Нельзя Георгию проехати,
Нельзя святому подумати.
Строгал Георгий стружки дубовые,
Сам к стружкам приговаривал:
«Обращались стружки в каленыя стрелы.
Прибейте стадо змеиное,
Змеиное стадо лукавое, окаянное!»
По Георгиеву молению,
По его святому терпению,
Обращались стружки в каленыя стрелы.
Прибили стадо змеиное,
Лукавое, окаянное.
Георгий проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Георгий наехавши на трех пастухов.
Пастухи—красные девицы.
Георгий проговаривал,
Святый храбрый проглаголивал:
«Гой еси пастухи—красные девицы!
Вы скажитеся, не утайтеся,

Которого вы сами города,
Которого отца-матери?»
— Мы—города Иерусалимского,
Отца—Федора благоверного,
Мать у нас—София премудрая».
«Ах вы, пастухи—красные девицы,
Мои вы родные се́стрицы!
Вы змеиного духа нахватались,
И на вас тело, как дубовая кора.
Вы сходите в Иордань-реку, искупайтеся!»
По Георгиеву молению,
По его святому терпению,
Сходили они в Иордань, искупалися,
Приходят в царство Вавилонское.
Георгий проезжаючи,
Святый Георгий доехавши
До того до царства до дальнего,
До того царства Вавилонского,
Ко тому ли царищу Дектианищу.
Зашипел он, злодей, по-змеиному,
Заревел по-звериному.
Устрашился у Георгия богатырский конь,
Пал кон на сыру землю;
Вынимает Георгий палицу боёвую,
Бьет коня по крутым бедрам,
Пробивает у него кожу до́-мяса,
Мясо пробивает до́-костей,
Пробивает кости до́-мозгу.
Отвечал ему конь человечьим голосом:
«Гой еси, Георгий, святый храбрый!
Вынимай свой тугой лук
И вкладывай калену́ стрелу,
Пускай злодею в челюсти,
Отбей у него легкое с печенью,
Пролей кровь за батюшку и за матушку
И за родных сестер!»
Вкладывал калену́ стрелу,
Пускал злодею в челюсти,
Отбивал легкое с печенью,
Проливал кровь за батюшку,
Проливал кровь за матушку,
Проливал кровь за родных сестер.
Одолела кровь Георгия басурманская, окаянная:
Стоял он в крови не по́-колен, не по́-пояс,
А стоял он в крови по белы́ груди;
Вынимает он копье долгомерное,
Ударил в мать во сыру-землю:
«Расступися, мать-сыра земля!
Пожри кровь басурманскую и окаянную
По Георгиеву молению,
По его святому терпению,
Расступилася мать-сыра земля,
Пожрала кровь басурманскую, окаянную.
Георгий проезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Георгий в'ехавши в тое царство Вавилонское,
Сколь народу Георгию поклонилося,
Ко святому Георгию обратилося.
И стали они святую веру веровать —
Во мать Божию Богородицу,
В Троицу неразделимую.
И сделали Георгию в году два праздника,
Во веки аминь.

6. Царевич Иосаф-Пустынник.

Во дальнеей во долине
Стояла прекрасная пустыня.
Ко той же ко пустыне приходит
Молодой царевич Осафий:
«Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мать!
Прими меня, мать-пустыня,
От юности прелестныя,
От своего вольнаго царства,
От своей казны золотыя!
Научи ты меня, мать-пустыня,
Волю Божию творити!
Да избави меня, мать-пустыня,
От злыя муки от превечной!
Приведи ты меня, мать-пустыня,
В небесное царство!»
Отвещает прекрасная пустыня
Ко мла́дому царевичу Осафью:

Ты мла́дый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Кому владеть твоим царством,
Твоей белой каменной палатой,
Твоей казной золотой?»
Отвещает младый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
Прекрасная ты пустыня,
Любимая моя мати!
Не могу я на свое царство зрети,
Ни на свою каменную палату,
И на свою казну золоту.
А хочу я пребыть во пустыне;
Рад я на тебя работа́ти,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу!»
Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
«Ты мла́дый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне,
Не молясь во мне, Богу молиться,
Не трудясь во мне, Господу трудиться.
Нет во мне царского ества,
И нет во мне царского пойла;
Есть-воскуша́ть—гнилая колода;
Испивать — болотная водица».
Отвещает младый царевич,
Царевич Осафий ко пустыне:
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Любимая ты моя мати!
Не стращай ты меня, мать-пустыня,
Своими великими страстями!
Могу я жить во пустыне,
Волю Божию творити,
Есть гнилую колоду:
Гнилая колода
Лучше царского ества:
Испивать болотную водицу —
Лучше царского пойла;
Житье наше, мать, часово́е,
А богатство наше, мать, временно́е;
Я рад на тебя работати,
Земные поклоны исправляти
До своего смертнаго часу».

Отвещает прекрасная пустыня
Ко младому царевичу Осафью:
«Ты младый царевич Осафий!
Не жить тебе во пустыне:
Придет мать весна-кра́сна,
Лузья-болоты разольются,
Древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами,—
А ты из пустыни вон изыдешь,
Меня, мать прекрасную, покинешь!»
Отвещает младый царевич
Осафий к прекрасной пустыне:
«Прекрасная мать-пустыня,
Любимая моя мати!
Хоша́ придет мать-весна красная,
И лу́зья-болоты разольются,
И древа листами оденутся,
И запоют птицы райски
Архангельскими голосами, —
Не прельщуся я на все благовонные цветы;
Отрощу я свои власы
По могучие плечи,
И не буду взирать я на вольное царство.
Из пустыни я вон не изыду,
Я тебя, мать прекрасная, не покину».
Отвещает прекрасная пустыня
Ко мла́дому царевичу к Осафью:
«Свет младый царевич Осафий,
Чадо ты мое милое!
Когда ты из пустыни вон не выдешь,
И меня, мать прекрасную, не покинешь,
Дарую я тебе золотым венцом,
Возьму я тебя, мла́дый царевич,
На небеса царствова́ти,
С праведными лики ликовати!»
Все святые, все пустынные жители
Мла́дому царевичу Осафью вздивовалися,
Премногому царскому смыслу.
Поем славу Осафью царевичу,
И во веки его слава не минуется!
Праведной луше и мір — пустыня,
Грешный в пустыне со грехом — не один.

7. О Христове вознесении.

Среди было теплого лета,
Накануне вознесения Христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси, Христос, Царь Небесный!
На кого-то ты нас оставляешь?
На кого-то ты нас покидаешь?
Кто нас поить-кормить станет.
Одевати станет, обувати,
От темныя ночи охранити?»
Проглаголет Христос Царь Небесный:
«Дам я вам, нищим-убогим,
Гору крутую—золотую.
Умейте горою владати,
Промежду собою разделяти:
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одеты,
И от темные ночи прикрыты».
Проглаголет Иоанн Златоустий:
«Гой еси Христос, Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братью—за убогую:
Не давай нищим гору крутую,
Что крутую гору, золотую,
Не уметь им горою владати.
Не уметь им золотыя повертати.
Промежду собой разделяти.
Зазнают гору князи и бояра.
Зазнают гору пастыри и власти,
Зазнают гору торговые гости, —
Отоймут у них гору золотую,
По себе они гору разделят,
По князьям золотую разверстают,
Да нищую братью не допустят;
Много у них будет убийства,
Много у них будет кроволитства.
Промежду собой уголовствия;
Да нечем будет нищим питатися
Да нечем им будет приодетися,
И от темныя ночи прикрыты».
Дадим мы нищим-убогим
Имя твое святое:
Будут нищии по миру ходити,
Тебя—Христа величати,
В каждой час прославляти;
Будут они сыты и довольны,
Обуты будут и одеты,
И от темныя ночи прикрыты».
Проглаголет Христос Царь Небесный.
«Исполать тебе, Иоанн Златоустий!
Умел ты словечко промолвить
За нищую за братию—за убогую:
Да вот тебе уста золотые!»
Мы песнь поем: аллилуйя.

1. Откуда калики заимствовали материал для своих стихов?

ТЕМЫ:

Герои духовных стихов и богатырского эпоса.
Калика перехожий старого времени и нынешний слепец-нищий.

ЛЕГЕНДЫ.

1. Об отце Николае.

В одном городе был вороватый человек и наделал уже много бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили, послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь верст, по крайней мере, на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать: если бежать по степи, то сейчас поймают, потому что версты на две все

видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! прости мою душу грешную; батюшко, отец Николай! сокрой меня—я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг не откуда взялся—предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил: батюшко, отец Николай! сокрой меня в этой глуши. И обещался ему свечу поставить». Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалеку лежала падаль. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаль: потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай. Вот приближается погоня: выехали люди на степь, отъехали с полверсты—никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит—такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка—стоит неподалечку да собирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление: тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу».—«То-то и есть! как тебе было душно лезлать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи». И дал ему старичок наставление: «Никогда не проси Господа Бога и святых Его угодников на злые дела, потому что Господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтобы никогда не просили Бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз.

2. Касьян и Никола.

Ехал мужик из лесу с большим возом дров, попал в лужу и никак не может выбиться. Вот идет Касьян, угодник Божий, Римлянин. «Батюшка, Касьян угодник Божий! помоги воз вытащить», взмолился мужик. Но св. Касьян отказался помочь: «Стану я для тебя райское платье марать», сказал он. Вот идет Николай, угодник Божий. Мужик к нему: «Батюшка, Николай угодник Божий, помоги!» Николай угодник русскому человеку большая помочь: помог, благословил; мужик и доехал с Божьею помощью. Приходят они, Касьян, угодник Божий, и Николай, угодник Божий, в рай пресветлый, в царство небесное. «Где ты был, Касьян, угодник Божий?» спросил Господь. Св. Касьян сказал, что он был на земле, что мужик просил его воз вытащить, да он не стал райского платья марать. «А ты где был, Николай, угодник Божий?»—спросил Господь. Св. Николай рассказал, как он помог мужику воз вытащить.—«Слушай, Касьян, угодник Божий, сказал Господь: за то, что ты не помог человеку, тебе в четыре года всего-на-все один молебен. А тебе, Николай, угодник Божий, за то, что помог мужику воз вытащить,—два молебна в год». От того-то и бывает Никола вешний и Никола зимний, а Касьяну Римлянину только в высокосный год празднуют.

3. Чудо на мельнице.

Когда-то пришел Христос в худой нищенской одеже на мельницу и стал просить у мельника святую милостыньку. Мельник осерчал: «Ступай, ступай отселева с Богом! много вас таскается, всех не накормишь». Так-таки ничего и не дал.

На ту пору случись—мужичок привез на мельницу смолоть небольшой мешок ржи, увидал нищего и сжалился: «Подь сюды, я тебе дам». И стал отсыпать ему из мешка хлеб-от; отсыпал, почитай, с целую мерку, а нищий всё свою кису подставляет. «Что, али еще отсыпать?»—Да коли будет ваша милость!—«Ну, пожалуй!» Отсыпал еще с мерку, а нищий все-таки подставляет свою кису. Отсыпал ему мужичок и в третий раз, и осталось у него у самого зерна так самая малость. «Вот дурак! сколько отдал,—думает мельник,—да я еще за помо́л возьму; что-ж ему-то останется?» Ну, хорошо. Взял он у мужика рожь, засыпал и стал молоть; смотрит: уж много прошло времени, а мука все сыпится да сыпится! Что за диво! всего зерна́-то было с четверть, а муки намололось четвертей двадцать, да и еще осталось что́ молоть; мука́ себе все сыпится да сыпится... Мужик не знал, куды и собирать-то!

4. Ангел.

Родила женщина двух младенцев—девочек. Господь Бог послал ангела своего вынуть душу у этой женщины. Прилетел ангел Господень к женщине, увидел у нее двух малюток у груди и пожалел их: не взял души женщины. Явился на небо ангел Божий. Спросил у него Господь Бог: «Ангел Божий, взял ли душу женщины?»—«Нет, Господи,—отвечал ангел Божий,—жаль стало мне ее самой и ее малюток». В другой раз послал Господь ангела сего взять душу женщины. Опять пожалел ангел женщину и деток ее. И в третий раз послал Господь Бог того же ангела взять душу женщины—и отнял Господь Бог у ангела крылья, и он упал на землю. Очутившись на земле, он должен был позаботиться о том, чтобы как-нибудь прокормить самого себя. Вот идет он в город, видит сапожную мастерскую, входит... сидят несколько рабочих и хозяин с ними. «Ты хозяин?» обращается он к сапожнику. «Я», отвечает тот. «Возьми меня в рабочие». «Ладно,—говорит сапожник,—садись работай». Садится, работает. Шьет день, шьет неделю, шьет месяц и год... говорит мало, а все шьет и шьет, никуда не ходит, только в праздничные дни ходит в церковь к утрене и обедне, а то и к вечерне—и никогда не смеется, только раз в течение года заметил хозяин, что он улыбнулся. Проходит второй год, и в этом году хозяин только раз заметил улыбку своего рабочего, когда барин заказал шить сапоги, чтобы ходить в них год. Хозяин дал шить подмастерью (ангелу), а этот раскроил босовики (обувь без голенищ) и стал шить одним концом через край,—как шьют на покойников. Увидела хозяйка и сказала хозяину, что не так шьет. Завопил хозяин. «Что ты сделал!» говорит он подмастерью... Вдруг приезжает слуга от барыни и говорит, что барин помер на обратном пути, и нужно шить босовики, а не сапоги,—босовики же были уж готовы... Минул еще год, и опять только раз улыбнулся рабочий. Тогда хозяин спросил: «Кто ты такой? и что значит, что ты только три раза ухмылил (улыбнулся)?» Тот ответил: «Я был ангел Божий и послал меня Господь Бог взять душу женщины»—и рассказал все, как было и случилось. «А три раза я улыбнулся вот почему. В первый раз я улыбнулся, увидав малюток, проходивших мимо нашего окна: я вспомнил милость (благость) Божию к людям. Во второй раз я улыбнулся тому, что пришел заказчик заказывать

саноги на год, а сам доживал последний день на земле. В третий раз я улыбнулся от того, что увидал бывших детей-малюток подросшими.—«А как узнать, что ты ангел Божий,—спросил хозяин,—запой-ка херувимскую песнь?» Бывший ангел спросил: «А как запеть: во весь ли голос, или средним, или тихо?»— Средним, сказал хозяин. Запел ангел, запел... Зашаталась храмина—мастерская, и упал хозяин от страха и умиления... В первый праздничный день после этого попросил этот бывший ангел хозяина своего сходить к обедне. Согласился тот, и когда во время обедни запели херувимскую песнь, хозяин увидал, что раскрылся верх церкви, и поднялся на небо ангел Божий, получив от Господа крылья. С тех пор град сей стал называться Архангельск, а преж сего он назывался иначе...

5. О судах Божиих неиспытаемых. [1])

Бяше некий отходник черниц, исполнен всякия добродетели, и моляшеся Господеви, глаголя сице: «Господи, даждь ми, да увем, что суть судове твои различнии?» И сотвори пост велик тоя ради вины: и не прояви ему Бог, понеже немощно есть человеку ведати того. Он же паки томяшеся, моля Бога о том. Хотяй же известити ему Бог, да ся не томит без ума, вложи ему такову мысль: ити посетити ветхаго денми старца, далече суща от него, да вопросит его. Устроив же пищю, и пойде к старцу. И посла ему Бог ангела, во образ черноризца, и срет старца рече ему: «где идеши раб Христов?» Он же отвещав: «ко он сему отходнику». И той рече: «и аз убо с тобою хощу ити к нему». И рад бых старец подругу, и поидоста оба вкупе. И первый день шедша, обитаста у боголюбива некоего мужа, и той прият я, почти я велми: ядоста же на сребрене блюде. И по отъядении же взем ангел блюдо, заверже (забросил) е в море: и печален бысть старец о том велми. И оттоле шедша во вторый день, и обитаста у странноприимца мужа, иже и нозе има умыв, и добре я почти. И утро хотящема има отъити, и той муж приведе к нима единочадаго сына своего, да благословит и. Ангел же ем отроча за гортань, и удави е. Старец же от ужастu пичтоже рече ему. И отпусти я странноприимец, ничто же зла сотвори има, понеже боящеся Бога, да чернцу не озлобит. И в третий день шедша, и не обретоста иже бы я прият: едино же обретоста пусто дворище ветхо. И седша под сению палаты, ясти начашя, еже пошаше босманы (укруг хлеба) старец. Таче седящема има, востав ангел, препоясася, и нача разрушати палату и паки здати ю. Тогда старец нача поношати ему со гневом и заклиная, глаголаше сице: «ангел ли еси, или бес, исповеждь ми, яко не Божия дела твориши?» И рече ангел: «да что сотворих?» И рече старец: «вчера и оного дне, яже пояша ны боголюбцы они, да оваго блюда утопил еси, а оваго сына удавил еси; а зде пичтоже обретохома, ни есть людей, да кому строиши палату сию?» Тогда рече ему ангел: «не дивися, старче, сему, не блазнися о мне: но послушай, да ти повем. Первый, иже наю прият муж, во всем богоугодно живет: но блюдо еже завертох, от неправды дошло бе ему, да не того ради блюда мзду свою погубит, и завертох е в море, да ты не дивися о том. А вторый муж тако же угоден Богу: и аще бы жив был малый сын его, то велиему бы злу хотяше виновен быти, и сосуд не приязнен, того ради задавих и, и изях душю его за благиню (ради блага) отца его; да той спасется: да ни о сем блазнися, отче». Рече же старец: «а зде, в пустом месте, что твориши, разрушая палату сию и паки созидая ю?» И рече ангел: «двора сего муж губитель есть был, и обищав, отъиде. Дед же его зижда палату сию, в стене злато зазда (вложив), да того ради разорих ю, да никто же зде, ища злата того, погибнет не Бога ради, и душа та осудится». И сия изглаголав ангел к старцу, и рече ему: «иди ты, старче, в келлию свою вънити, а не труждайся без ума. Глаголет бо Дух Святый: судове Господни глубина многа

---

[1]) Из Пролога, т.-е. сборника сказаний о житиях святых.

неиспытаема, и не доведома человеком: да ты их не пытай, несть бо ти на пользу». И сия рек ангел старцу, в том часе невидим бысть. Тогда старец убояся велми, и покаяся еже не пытати к тому о судех Божиих неиспытаемых, и о сих поведая всем. И тако спасе душю свою, о Господе Бозе Спасе нашем Иисусе Христе.

1. Сличите проложный рассказ о неисповедимости судеб Божиих с народной легендой «Ангел».

2. Чем воспользовался Л. Н. Толстой в своем рассказе «Чем люди живы» из народной легенды и что внес своего?

3. Тема: Нравственные идеалы народа в легендах и духовных стихах.

1. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

Одна и та же пословица или поговорка может быть и не быть поэтическим произведением; это зависит от того, служит ли пословица выражением одного конкретного факта, в его сущности и прямом смысле, или является обобщением целого ряда фактов. Поговорка— «колода гнилая, да сук смолик»—была бы прозаическим произведением, если бы ее употребил дровокол, остановившийся над вопросом, рубить ли ему или не рубить колоду, в которой есть крепкий, смолистый сук; но как только эта поговорка будет употреблена для обозначения непреодолимого препятствия при видимой легкости достижения цели, она приобретет иносказательный, следовательно, в данном случае, поэтический смысл. Образ, иносказание, обобщение определяют поэтическое достоинство пословицы, которая, при отсутствии этих условий, становится прозаической, или, как ее иногда называют, безобразной...

Значительное количество пословиц некогда непосредственно примыкали к рассказу, от которого с течением времени отделились и начали существовать уже независимо. Процесс выделения пословицы из рассказа может совершаться различными путями. Обыкновенно бывает так, что сначала идет басня или рассказ, и в конце, или как логическое следствие или как яркий, живой образ, облеченный в меткую, звучную форму, приводится выражение, которому суждено впоследствии стать самостоятельною пословицей или поговоркой. Приведем пример.

Некто, желая узнать, кто украл у него поросенка, подошел к группе односельчан и быстро сказал: «Кто поросенка украл, у того в ухе пищит»[1].—«Вот и неправда!» ответил укравший и тем выдал себя. Этот рассказ, вариант известного рассказа «на воре шапка горит», возникший из частного случая, может быть отнесен к двум, трем и т. д. аналогичным случаям, и тогда, получая обобщающее значение, он непременно выделит наиболее веское выражение, которое будет сохраняться более или менее неизменно, а частности рассказа будут понемногу изменяться, сокращаться и исчезать. В данном случае основным служит выражение: «Кто поросенка украл, у того в ухе пищит». Будучи произнесено впервые, по поводу действительного, допустим, факта покражи поросенка, это выражение не было пословицей; оно стало таковою только вследствие обобщения, отнесения его ко всем жизненным случаям, где виновный выдает сам себя.

Хитрая лисица, нашедши кусок мяса подле согнутого дерева, заметила, что мясо это положено для приманки к ловушке, почему и не решилась приступить

[1] У Даля в его сборнике пословиц: «Краденое порося в ухе пищит».

к нему. Проходивший в это время вблизи волк спросил у лисицы, почему она не ест столь лакомого кушанья. Лисица отвечала: «Я бы, куманек, ела, да на грех сегодня середа!»—«А я не гляжу на середу!» сказал волк и бросился с жадностью на мясо, но попал горлом в силок, а дерево, вдруг разогнувшись, подняло его на воздух. Тогда лисица начала есть оставшееся на земле мясо. Волк, с завистью видя это с виселицы своей, говорит: «А середа, кума?»—«Пускай, куманек, тот середит, кто на небо глядит!» отвечала лисица. Последнее выражение, как наиболее характерное, и стало пословицей, которую употребляют в виде извинения в ответ на упрек в нарушении чего-либо законного [1]).

Обыкновенно основное выражение, при своем возникновении, находится в конце,—в нем сосредоточивается вся сила рассказа, и к нему относится повышение тона. Такой порядок удерживается, если рассказ относительно нов или впервые передается слушателям. Но если рассказ достаточно известен, а его часть, содержащая будущую пословицу, приобретает уже обобщающее значение, то чаще всего происходит извращение, «инверсия» (термин А. А. Потебни), состоящая в том, что изречение, на которое падает сила речи, произносится вначале, а к концу идет уже понижение тона.

Инверсия ведет к изменению частностей рассказа, к его сокращению. Этот сокращенный рассказ, принимая или, лучше сказать, отливаясь в более или менее постоянную форму, становится в обобщении побасенкой, которая представляет собой наиболее распространенный (по величине) вид пословицы, передающий в сравнительно складной и определенно очерченной форме все содержание рассказа или басни,—например, «Не убив Мишутки, не скидай с него шубки» [2]).

Таким образом, из конкретного жизненного случая возникает меткое выражение, являясь в оболочке рассказа, характеризующего время, место и действующие лица события. Затем конкретный случай забывается, рассказ становится ненужным и отпадает, и выражение, в силу своей изобразительности, меткости или звучности западающее в память и применяемое к целому ряду других конкретных случаев, становится пословицей и начинает свою самостоятельную жизнь.

Образуются пословицы-побасенки и из песен, особенно плясовых: «Чем я мужу не жена, чем не господыня: три дни хаты не мела, печи не топила». Шутливый ответ скромной хозяйки на похвалу; если же произносит муж, то это обозначает добродушный упрек в небрежном ведении хозяйства.

Провести вполне определенную и бесспорную границу между пословицей и поговоркой положительно невозможно. Говоря о близости поговорки к пословице, Даль, тонкий знаток народного слова, справедливо отмечал, что «стоит прибавить лишь одно словечко или сделать перестановку, и из поговорки вышла пословица».

---

[1]) «Кому скоромно, а нам на здоровье». Эта пословица произошла из следующего рассказа:—Мышь спряталась в нору, а кот стоит у норы. Мышь говорит: «Оскоромишься, кот Евстафий». А кот отвечает: «Не оскоромлюсь, мышь Настасья! Кому скоромно, а мне на здоровье!» (А. А. Потебня. Из лекций по теории словесности, 87).

[2]) «Собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает». «Кобыла с волком тягалась, только хвост да грива осталась». «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней» (в басне рассказывается, что ковали коня, а рак подставил свою клешню, чтобы и его подковали). А. А. Потебня. Из лекции по теории словесности, 90).

Их бесспорное различие коренится в живой речи, в голосе, тоне, интересе минуты, в том значении, какое в каждом отдельном случае придается известному выражению или слову. Будучи оторвана от интереса минуты и ряда предшествовавших мыслей в разговоре, создающих, так сказать, ее обстановку и подчиняющих ее общему настроению, пословица много теряет в записи и весьма часто оставляет открытым вопрос, считать ли ее пословицей в собственном смысле, или поговоркой. На практике, в живой речи, пословица имеет глубокое значение, как ответ на житейский вопрос, как изречение подтверждения, свидетельства, убеждения. Смысл в пословице прежде всего, красота и складность речи—на втором плане. Последние играют главную роль в поговорке, являющейся, таким образом, видом пословицы, в котором форма приобретает перевес над содержанием. Пословицы имеют нравственно-практическое значение, которое так подчеркивает Носович в предисловии к своему сборнику белорусских пословиц и поговорок: «Белоруссы, говорит он, все факты, все случайности человеческой жизни, все поступки как хорошие, так и дурные, и всякое даже суждение о чем-либо подводят под мерило пословиц своих. Старики пословицами внушают молодежи страх Господень, надежду на Бога и правила честности и добротели: научают домочадцев быть уважительными к старшим, быть осторожными в словах и более смалчивать, быть бережливыми, опрятными, трудолюбивыми и снисходительными к ближним. Пословицами преследуют пороки и слабости, исправляют недостатки, делают насмешки, упреки, угрозы. Пословицами утешают в печали, смешат и даже у плачущих срывают улыбку». Это, конечно, общее место и применимо не к одним белоруссам, но это наглядно характеризует видную роль, которую играют пословицы в житейском обиходе крестьян. Нельзя того же сказать о поговорке: тогда как пословица относится всякий раз к какому-нибудь конкретному факту, применяется к житейской практике, поговорка употребляется к слову,—она не столько подтверждает мысль, сколько красит, сдабривает речь, вносит в нее оживление и игривость. «Поговорка, говорит Даль, это—окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения,—но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною, не договаривает, иногда и не называет вещи, но условно весьма ясно намекает. Она не говорит: «он пьян», а скажет: «у него в глазах двоится».

Е. А. Ляцкий.

I. ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ И ЗАГАДКИ.

1. Пословицы, отражающие верования.

Что тому богу молиться, который не милует.

Толкитесь, бесы, да не в нашем лесе.

Этот бы приговор, да тебе во двор.

Я за порог, а чорт поперек.

Из пустого дупла либо сыч, либо сова, либо сам сатана [1]).

---

[1]) В этой пословице обращает на себя внимание *аллитерация*, т.-е. повторение одного и того же согласного звука («с») в нескольких словах.

Кукушка кукует, горе вещует.
Умеючи и ведьму бьют.
Горы да овраги — чертово житье.
Быть так: все бесы в воду, да и пузырья вверх (говорится при заключении мировой).
Дом домом, а домовой даром [1]).
Жил в лесе, молился пням.
На печи сидел, кирпичам молился.
Без Бога ни до порога.
Всяк про себя, а Господь про всех.
Не так живи, как хочется, а как Бог велит.
Человек так, а Бог инак.
Бог души не вынет, сама душа не выйдет [2])
Одно трости: Господи, прости!
Бог правду видит, да не скоро скажет.
На Бога надейся, а сам не плошай.
Богу молись, а добра ума держись.
Богу молись, а к берегу гребись.
Что отец до детей, то Бог до людей.
Каков Бог, такова ему и свеча [3]).
Бог умудряет слепца, а чорт кузнеца [4]).

II. Природа.

Загадки. 1. Велико поле колыбанское, много на нем скота астраханского, один пастух, как ягодка. (Небо, звезды, месяц.)

2. Расстелю рогожку, насыплю горошку, положу хлеба краюшку. (Небо, звезды, месяц.)

---

[1]) Аллитерация на звук «*д*».

[2]) В пословицах и поговорках часто рифмуются начала слов (*вынет—выйдет*).

[3]) Во многих местностях России слова «бог», «боги» употребляются вместо «икона», «иконы». Отношение же народа к иконам зачастую носит следы *фетишизма*, т.-е. в них видят не изображение святых, а носителей силы, содействующей человеку; в случае удачи фетишу приносят жертву, благодарят его, в случае неудачи его можно и наказать. Явные следы фетишизма можно видеть в следующем народном рассказе. Один мужик, уходя из дому, зажег перед иконами Богородицы и св. Николая лучину, а они допустили обокрасть его хату. Мужик с бранью напустился на икону Богородицы, но за нее вступилась его жена. Тогда мужик обратился к иконе св. Николая: «Слушай, старик: сегодня я не стану бить тебя, но вот тебе мой наказ: этой же ночью розыщи пропажу, не то плохо будет». Св. Николай является во сне вору, и последний возвращает украденное.

[4]) Многочисленные приметы, обряды, поверья, связанные с кузнечным делом и свидетельствующие о том, какое важное значение оно когда-то имело, часто говорят о том, что кузнецу помогает нечистая сила. В одной русской легенде рассказывается, что кузнец на дверях кузницы нарисовал чорта и всегда по-утру с ним здоровался: «здорово, земляк!»

3. Два стоят, два ходят, два промеж ними часы стерегут. (Небо и земля, солнце и месяц, день и ночь.)

4. Что без огня горит, без крыл летит, без ног бежит? (Солнце, тучи, река.)

5. Мету, мету — не вымету, несу, несу — не вынесу: пора придет, сама уйдет. (Тень.)

6. Черная корова весь мир поборола. (Ночь.)

7. Тур ходит по горам, турица-то по долам: тур свистнет, турица-то мигнет. (Гром и молния.)

8. Шел долговяз, во сыру землю увяз. (Дождь.)

9. К Божьему мясоеду гусей щиплют. (Снег идет.)

10. Из окна в окно золотое веретено. (Луч.)

11. Шли козы мостом, увидели зорю, попадали в воду. (Звезды) [1]).

12. Заря-заряница, красная девица, врата запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, месяц видел, а солнце сказало. (Роса.)

III. Социальные мотивы.

Ближняя соломка лучше дальнего сенца.

Дон—Дон, а лучше дом.

Славны бубны за горами, а к нам придут, что лукошко.

За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да свое.

Хоть не уедно, да улежно.

Где сосна взросла, там она и красна.

На чужой сторонушке рад своей воронушке.

Мир—велик человек.

Миру в окно не подашь.

Мир по слюнке плюнет, так море [2]).

Что мир порядил, то Бог рассудил.

Мужик умен, да мир дурак.

Мир заревет, так леса стонут.

Мы за мир, а мир за тебя.

Всяк бы про девушку слышал, да не всяк ее видел.

Держи деньги в темноте, а девку в тесноте.

Смиренье—девичье ожерелье.

Одна головня и в поле гаснет, а две и в печи курятся.

Смерть да жена Богом суждена.

Невеста родится, а жених на конь садится [3]).

---

[1]) Звуковая сторона этой загадки может служить примером *ассонанса*, т.-е. построения в нескольких словах одного и того же гласного звука (в данном случае «*о*»).

[2]) Созвучие в начале двух рядом стоящих слов (*слюнке — плюнет*).

[3]) Т. е. жених должен быть старше невесты. Пословица хранит память о старинном обычае. Мальчика, в возрасте около семи лет, торжественно сажали на коня т. е. как того, что он уже вышел из-под женской опеки, стал мужчиной. Участниками обряда, совершавшегося обычно в Семин день, т.-е. 1 ноября, были особые восприемники, снимавшие мальчика с коня. В Сибири до настоящего времени обычно поздравление с новорожденным: «Дай Бог вспоить, вскормить и на коня посадить».

Бабе дорога—от печи до порога.

Я думал идут двое,—ан мужик с бабой.

Семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь.

В девках снежно—горе мыкано, замуж выдано—втрое прибыло.

Люби жену как душу, тряси ее как грушу.

Не столько муж мешком, сколько жена горшком.

Один сын—не сын, два сына—полсына, три сына—сын.

Дитя худенько, а отцу матери миленько.

У кого есть матка, у того головка гладка.

Жена для совета, тетка для привета, а нет милее родной матушки.

В лесу медведь, а дома мачеха.

Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет.

Он нашему слесарю троюродный кузнец.

На его бабке сарафан горел, а мой дед пришел да руки погрел.

Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная Парасковья.

Дома не в гостях: посидел—не уйдешь.

Наша горница—с Богом не спорница: на дворе тепло, и у нас тепло.

Своя хатка—родная матка.

Дом вести, не бородой трясти.

Загадки. 1. Стоит бычище, проклеваны бочища. (Дом и окна.)

2. Два братца глядятся, а вместе не сойдутся. (Пол и потолок.)

3. По сеням и так, и сяк, а в избу никак. (Дверь.)

4. Молчан-собака весь дом стережет. (Замок.)

5. Маленький мальчик всем под ноги смотрит. (Порог.)

6. Стоит терем, в тереме ящик, в ящике мучка, в мучке жучка. (Изба, печь, зола, уголь.)

Скучен день до вечера, коли делать нечего.

Из лука—не мы, из пищали—не мы, а починь, поплясать—против нас не сыскать.

Ел да устал, спал да намаялся.

Орать (пахать), так в дуду не играть.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.

Не от росы урожай, а от поту.

Богу молись, крепись, да за соху держись.

Сладкая ежа не придет лежа.

Будет досуг, когда вон понесут (т.-е. когда умрешь).

Делу время, а потехе час.

День свят, и дела спят.

Для чашников и бражников живет много праздников.

К вечеру в колокол—всю работу об угол.

Первый звон — чертям разгон, другой звон — перекреститься, третий звон — оболокись.

Загадки. 1. Баба-яга вилами ноги развела, весь мир кормит, сама не ест. (Соха.)

2. В лес идет—домой глядит, домой идет—в лес глядит. (Топор за поясом.)
3. Слепой поросенок возле тыну ползет. (Ткацкий станок.)
4. Конь стальной, хвост льняной. (Иголка с ниткой.)
5. На ямке, ямке сто ям с приямкой. (Наперсток.)
6. Стоит мост на семь верст: на мосту дуб, на дубу цвет во весь белый свет. (Великий пост и Пасха.)
7. Летели три ворона, кричали в три голоса; один кричит: Я Петр.— Другой кричит: Я Филипп! — А третий кричит: Я сам велик. (Три поста.)

У Фомушки денежки — Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки — Фомка Фома.

Через золото слезы льются.

Не шумаркай, голый, коли Марко пьет.

Соболино одеяльце в ногах, да потонула подушка во слезах.

Житье—вставши да за вытье.

Три кола вбито да небом покрыто.

Шли бечевой, а хлеба ничего.

В семи дворах один топор [1]).

IV. Ум, глупость.

1. Тупо сковано—не наточишь, глупо рожено—не научишь.
2. Глупый-то свистнет, а умный-то смыслит.
3. У мужика кафтан сер, да ум-то у него не волк съел.
4. Русак задним умом крепок.
5. Глупый ищет большого места, а умного-то и в углу знать.
6. Борода с ворота, а ума с прикалиток нет.
7. На трех свиней корму не разделит.
8. Счастье без ума—пирожок с сумой.
9. Борода выросла, а ума не вынесла.
10. Замерзла тетка на печи лежа [2]).

Загадка. 1. Ни на меру, ни на вес, а у всех людей есть. (Ум.)

V. Правда и кривда.

1. Правда светлее солнца.
2. Правда глаза колет.
3. Всяк правду знает, да не всяк правду бает.

---

[1]) Поговорка произошла из анекдота о глупых пешеходцах, которые имели один топор на всю деревню. Анекдот этот одна из версий международного бродячего сюжета, который так передается в английской сказке. На всю деревню был один топор, который висел посреди поселка на дереве; если его не было на месте, то нуждающийся кричал: «Ножичек, к дереву!» Чтоб скрыть топор от плотников, глупцы решили закопать его на приметном месте — под черной тучкой. Пришли на другой день — туча ушла, и место было потеряно.

[2]) Поговорка возникла из народного анекдота: зимой свинья растворила дверь в избу, а баба день была занята с печи и приговорила — так баба и замерзла.

4. Кривдою весь свет пройдешь, да назад не воротишься.
5. Правда лежит, а кривда по земле бежит.
6. Праведная денежка век кормит.
7. Правду схоронишь, да сам из ямы не вылезешь.
8. Засыпь правду золотом, а она всплывет.

VI. Пословицы и поговорки исторические.

1. Погибоша, аки Обре [1]).
2. Беда, аки в Родне [2]).
3. Не в пору гость хуже татарина.
4. Пусто, словно Мамай прошел.
5. Бей сполох: татарин идет.
6. Будешь жить, ровно за Буем (город Костромской губ., построенный бежавшими от татарских набегов).
7. Вот тебе, бабушка, Юрьев день!
8. Не грози боярин холопу хлебом, а холоп боярину бегом.
9. Не приказный, да проказлив.
10. Таков, сяков, да лучше приказных дьяков.
11. Перо за ухом, так и пальцы в крюк.
12. Пришла смерть к приказному, а он с нее за труды просит.
13. Правда у Петра и Павла (около церкви Петра и Павла в Москве был застенок).
14. Бейся с ним, как с Литвой (говорится об упрямом).
15. Пропал, как швед под Полтавой.
16. Голодный француз и вороне рад.
17. Душа Божья, тело государево, а спина барская.
18. Нужда учит, а барщина мучит.
19. Не столько впереди Божьих дней, сколько барских затей.
20. Сам пашет, сам орет, сам и денежки берет (говорилось про однодворца).
21. Хвали рожь в стогу, а барина в гробу.

---

[1]) О происхождении этой пословицы читаем в начальной летописи следующее: «Обрѣ воеваху на Словѣнѣхъ, и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ: аще поѣхати будяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни вола, но веляше въпрячи 3 ли, 4 ли, 5 ли женъ въ телѣгу и повезти Обрина: тако мучаху Дулѣбы. Быша бо Обрѣ тѣломъ велици и умомъ горди, и Богъ потреби я, помроша вьси, и не остася ни един Обринъ; есть притъча въ Руси и до сего дьне: погибоша акы Обрѣ, ихъ же нѣсть племене, ни наслѣдька».

[2]) В основе пословицы лежит эпизод из борьбы Ярополка и Владимира. Последний осадил Ярополка в Киеве. Воевода Ярополков, Блуд, предательски выманил своего князя из Киева. «Рече Блудъ Ярополку: «Кияне слюся къ Володимеру, глаголяше: приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка; побѣгни изъ града». И послуша его, Ярополкъ избѣгъ и затворися въ градѣ Родьни на усть рѣки, а Володимеръ вниде въ Киевъ,и осѣде Ярополка въ Роднѣ и бѣ гладъ великъ въ немъ, и есть притча до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ» (980 г).

VII. * * *

1. Старая пословица не мимо молвится.
2. Пень не околица, глупая речь не пословица.
3. Пословица ведется—как изба веником метется.
4. Пословица не покорминца, а с нею добро.
5. Старая пословица век не сломится.
6. На пословицу, что на дурака, и суда нет.
7. Поговорка—цветочек, пословица—ягодка.

Укажите особенности звукописи в пословицах и поговорках.

СЛОВАРЬ:

А.

Амебейное пение—двухорное пение.

Арлекин—комический актер итальянской народной комедии; шут, паяц.

Б.

Бажоный—любимый до обожания, желанный милый.

Бандура—малороссийский инструмент, похожий на балалайку, с числом струн от 8 до 24 и более.

Барда—остатки от винокурения, идущие в корм скоту.

Бестудный—бесстыдный, бессрамный.

Бесперечь—беспрестанно.

Безуненный—которого нельзя унять в шалостях.

Берковеск (берковец)—мера веса, равная 10 пудам.

Блазнитися—соблазняться.

Болонье—предместье, слобода.

Босовики—обувь без голенищ.

Бурмитское зерно—зерно крупного жемчуга.

Буса—выдолбленная из целого дерева лодка.

Белатырь—бел алтырь, чудесный камень заговора, сказки, былины; это слово производят от ол`тарь.

В.

Вальяшатый—резной, точеный.

Велик день—Пасха.

Ворейское море—Варяжское, Балтийское.

Вереснуть—затрещать.

Вереливый—круглый.

Ветляненький—сделанный из ветлы; переносно—тонкий.

Вётошь—березняк (Арханг. губ.).

Вилавый—вилявый, хитрый.

Вира—штраф за совершение уголовного преступления.

Вольжены—жеребья, сделанные из прута таволги, т.-е. ивы.

Волшить—волховать, колдовать.

Вотола—верхняя грубая одежда.

Выкрутить—сбросить.

Выть—земельный участок.

Вьюнец—особого рода обряд, хоровод с играми, справлявшийся в субботу на Святой неделе у молодых, которые в том году обвенчались.

Г.

Гаринтуровый—шелковый.

Глуздырь—умник, разумник; насмешливо—дурак.

Глумы—шутки, потехи.

Гобино—обилье, урожай.

Гоголь—птица из породы уток

Гожий—пригожий, красивый.

Гозебка—гостьба, приезд в гости.

Горбуша—особый вид косы (на севере).

Грай—птичий крик.

Гривна—денежная единица в древней Руси.

Гридия 1) — княжеская дружина 2) комната в княжеских палатах.

Гулярный — праздничный, надеваемый на гулянье.

Гутотаться—качаться.

Д.

Дежа—квашня.

Дежник—покрывало на дежу.

Дивий—дикий, чародейный.

Долонь—длань, ладонь.

Драбант—телохранитель.

Драпь—мука крупного размола.

Драчена — кушанье из протертого картофеля.

Дягиль—ядовитое растение.

Е.

Единен—дикий кабан.

Ж.

Жальники или жали — общие могилы в лесу, в которых хоронили самоубийц или некрещеных младенцев.

Жаровое дерево—высокоствольный, строевой лес.

Жито—хлеб в зерне.

З.

Заколодеть—покрыться колодьем, упавшими деревьями.

Закрутка—несколько стеблей ржи скрученных на корне при известных заклинаниях. «Закрутка» делается с целью уменьшить умолот.

Закыханье—чиханье.

Залом—та же «закрутка», но только стебли ржи еще подломлены.

Залоскотать—защекотать.

Залести—добыть, найти.

Замуравить — зарасти муравою (травою).

Запарок—нарочно, намеренно.

Зачадиться—зародиться

Заезки — плетень с воротами поперек реки для ловли рыбы.

Занденинный — шелковый (возможно, что от немецкого Seiden).

И.

Импровизация — сочинение стихов, произнесение речи, создание музыкального произведения и пр. без предварительной подготовки.

К.

Камка — шелковая ткань с разводами.

Канонер—артиллерист.

Карбункул—драгоценный камень.

Кармазинна черкесочка—из тонкого красного сукна.

Кехтать—желать, хотеть.

Киса—мешок.

Кисет—мешочек для табаку.

Кобза—см. бандура.

Кобь—гаданье по предметам.

Кожух—верхняя одежда из меха.

Козюля—змея (Орл. губ.).

Комнь—конь.

Конкарь—ковш.

Корифей—запевала.

Косица—висок.

Косная лодка — легкая лодка для переездов, а не для промыслов.

Косник—лента в косе.

Косящатое окно — украшение по углам цветными косяками.

Кросны — размотанные нитки, приготовленные для тканья.

Крошня—плетенная корзинка.

Кружало—питейный дом.

Кряковистый—с корявым пнем (о дубе)

Коуколь—башлык.

Курева—пыль столбом.

Кутасы—шпуры с кистями, бахромчатое украшение.

Кутюшка—собака.

Л.

Лагодный—завлекательный.

Левантеровый — из шелковой ткани.

Лодыга—костяшка, бабка.

Лукать—бросать, кидать.

Лытать—отлынивать, избегать.

Льнище—поле, засеянное в прошлом году льном, теперь под парэм.

Лепший—лучший.

Ляда, лядина—пустошь, заросль.

Лятчина—сорт сукна.

М.

Магерка—суконная шапка.

Майпа—полынья.

Машкера—маска.

Мовница—баня.

Мокрецкий дуб—быть может, испорчено из Маврийский.

Мураш—муравей.

Мутовка—палка с крестом, кружком или рожками для взбалтывания жидкостей.

Н.

Набаяться—наговориться.

Накóн—ряд, черед.

Науз—узел.

Невеглас—невежда, необразованный.

Ниборак — обиженный природой неудачник.

Нунь—нынче.

О.

Обавницы—чаровницы.

Обжи—оглобли у сохи.

Оболокаться—одеваться.

Оборка—веревка от обуви.

Овин—строение для сушки хлеба.

Оголóвь — во главе и переднем углу.

Одонки — хворост, оплетенный на кольях.

Омет—скирд.

Омешик—лезвее у сохи.

Опара—заквашенное дрождями тесто.

Опрати—вымыть, смыть.

Осека—изгородь, отделяющая селение от полей.

Отай—тайно.

П.

Падорни—подстилка под хлебный скирд.

Палица—дубина.

Пал—место, с которого свели (сожгли, спалили) лес и которое надо очистить от пней, чтобы приготовить под пашню.

Перéпаться—испугаться, встревожиться.

Пищаль—огнестрелькое оружие.

Повалешное, иначе, портомойное—подать, которую брали за мытье белья.

Повитуха—повивальная бабка.

Погост—округа или несколько деревень, принадлежащих к одной волости.

Подлыгаться—лгать, прилыгать.

Подмолвщики—подговорщики.

Пожадеться—почувствовать жажду.

Покляпый—попурый, свислый.

Полтеи—тела убитых.

Поленица—герой, героиня.

Попин — поп.

Попрыск — след.

Пора̀то — очень.

Посуленый — обращенный.

Поторгати — дергать, выдергивать.

Потрафить — угодить.

Пребавлять — отвлекать.

Припонюживать — подгонять.

Притворяне — нищие, живущие при церкви.

Прожин — узенькие полоски выжатой ржи шириной вершка в полтора и длиной во всю полосу. На том поле, где сделан «прожин», не будет урожая.

Проскены — тиски, клещи.

Прыймак — приемыш (малор.).

Невга — сосна (греч. слово).

Пятина — пять снопов, сложенных вместе.

Р.

Радунина — вторник Фоминой недели, когда поминали покойных родителей.

Раменье — место, где растет большой лес.

Рапсод — певец (греч.).

Раскалякаться — разговориться.

Распетися — заспорить.

Ратай — ратай, пахарь.

Ременчатый стул — складной стул на ремнях.

Рота — клятва.

Русалья неделя — перед Троицыным днем, посвященная русалкам.

С.

Свецкие немцы — шведы.

Свитка — верхняя одежда, армяк, зипун.

Светец — подставка для горящей лучины.

Сдвижина — частая перемена блюд.

Семик — четверг перед Троицыным днем, день поминовения усопших.

Серабрянный цвет — цвет дикой розы, шиповника.

Середовый — средних лет.

Сибирочка — короткий кафтан.

Скакуха — лягушка (Арханг. губ.).

Скатный жемчуг — круглый, ровный окатистый.

Скирда — большая кладь сена или хлеба.

Скора̀ — шкура, пушной товар.

Смерт — селянин, человек низкого звания.

Сметье — сор: все, что выметается из избы.

Соемка — лодка; улыбчатая — узкодонная, вертлявая, неустойчивая.

Сон — холм, насыпь.

Сороки — день сорока мучеников (9 марта).

Сохатый — лось.

Спорина — прибыль.

Стопа — большой серебряный стакан раструбом.

Стяг — знамя, хоругвь.

Сурна — музыкальный инструмент, дуда.

Сыть — насыщение, пища.

Т.

Таблеи (тавлеи) — шахматы, от лат. tabula.

Таусень — Васильев вечер, канун Нового года.

Темьян — фимиам, ладан.

Токовище — сборное место.

Тростит — говорить, повторять, упорно стоять на своем.

Туганить — понуждать.

У.

Убрус — платок, полотенце, фата.

Упруг — шест, которым упирают в дно реки, когда плывут на лодке.

Х.

Хлун — птичье туловище.

Ц.

Цупык — рыба бычок.

Ч.

Чембур — ременный повод.
Чепрак — подкладка под седло.
Червленный — красный.
Червчатый — багряный, красный.
Чивье (чевье) — рукоять.

Ш.

Шалыга — плеть.
Ширинка — полотенце, платок.
Шлык — шапка, чепец.
Шолмя — холм, гора.
Шпенек — гвоздь без шляпки.
Шумаркать — шумно говорить.

Щ.

Щапливый — щегольской, франтоватый.

Ю.

Юрта — шалаш, намет у инородцев.

Я.

Яровчатый — сделанный из явора.
Яржка — пьяница, шатун.
Ярый — белый, быстрый, сердитый.
Ящер — гад.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.

Стран.

1. О словесном творчестве. А. *Сиротинина* 1
2. Синкретизм первобытной поэзии. *Ф. Зелинского* 5
3. Роль личности в народно-поэтическом творчестве. *П. Сакулина* 6
4. Народная поэзия, ее слагатели и исполнители 8
5. Судьбы русской народной поэзии 11

Обрядовая поэзия.

Заговоры.

1. Колдовство и чародейство в древней Руси.
   1. Отрывки из летописи 14
   2. Отрывок из *Н. И. Костомарова* 15
2. Современные колдуны и знахари:
   1. Из „*Нечистой силы*“ *С. В. Максимова* 18
   2. Из „*Этнограф. Обозрения*“, кн. LI. 21
3. Знахарь Якуленок и колдун Шептун (из „*Материалов*“ *Шейна*, т. II) 22
4. Заговор на посажение пчел . . . —
5. „ от пчел 23
6. Письмо к лесовику. . . . .
7. Заговор от ратных оружий . . . .
8. „ „ зубной скорби 24
9. „ „ лихорадки . . . . . .
10. Греческое предание-заговор. . . 25
11. Заговор от тоски родимой матушки 26

Приметы.

1. Великорусские народные приметы. *В. О. [illegible]* 27
2. Приметы 28

Обрядовые песни.

1. Песни колядные. 30
2. Овсень 32
3. Песни подблюдные. 33
4. Масленица. *И. П. Сахарова*. . . 34
5. Песни масленичные 36
6. Веснянки 37
7. Егорьев день (из „*Смоленского этнограф. сборника*“). 38
8. Егорьевская песня. 39
9. Семик. *И. М. Снегирева* 40
10. Песни семицкие. . . . . —

Стран.

11. Иван-Купало:
    1. Рассказ [illegible] *Памфила* . 42
    2. День Ивана Купала в Белоруссии (из „*Этнограф. Обозрения*“, кн. LXXVI—LXXVII)
12. Хороводные игровые песни . . 44

Свадебные обряды и песни.

1. Свадебные обряды:
   1. Из летописи. 48
   2. Из ст. *А. Н. Веселовского* „*Три главы из исторической поэтики*“. . . . . —
   3. 50
   4. Рассказ знахарки . . . . . . —
2. Отголоски старины в свадебных песнях. *В. Ф. Миллера* 51
3. Свадебные песни 53

Причитания.

1. Похоронные плачи в древности. *Е. Барсова* 61
2. Причитание из русской повести XVII в. 62
3. Современный похоронный обряд на Севере. *Е. Барсова* . . . . —
4. [illegible] 65
5. Причитания:
   1. Плач вдовы 66
   2. „ дочери 67
   3. „ о двух братьях, утонувших в Онего-озере 68

Былевая поэзия.

Старины.

1. Олонецкая губерния и ее рапсоды. [illegible] . . . 70
2. Никифор Утка (*В. Харузиной*) . 73
3. Старины:
   1. Святогор. 74
   2. Вольх Всеславьевич. 75
   3. Микула Селянинович. 80
   4. Илья Муромец. 83
   5. Бой отца с сыном в германском эпосе 92
   6. Добрыня Никитич 93
   7. Из летописи Якимовой . . . 96
   8. Новгородское предание (из [illegible] *П. Якушкина*). 97
   9. Добрыня и Алеша Попович .
   10. Из предания о [illegible] Великом. [illegible] 102
   11. Алеша Попович 103
   12. Как перевелись богатыри на святой Руси 106

Стран.

13. Василий Буслаев 109
14. Садко богатый гость 117
15. Чудо блаженного Исидора . . 122
16. „ св. Михаила Клопского .

Исторические песни.

1. Авдотья Рязаночка 123
2. Щелкан Дудентьевич 125
3. Взятие Казани 128
4. Искушение на жизнь сына 130
5. Женитьба Ивана Грозного и единоборство Кастюка 132
6. Песнь о Ксении Годуновой 134
7. Въезд патриаха Филарета в Москву 135
8. Песня о Петре Великом 136
9. Плач войска 137
10. 1812 год . . . . . —
11. Кончина кн. Михаила Васильевича Скопина-Шуйского 138
12. Михайло Скопин . . . . . .
13. Скопин 139

Южно-русские думы.

1. Южно-русская песни и современные ее носители. *М. Н. Сперанского* . . . . . — 142
2. Дума о смерти казака-бандуриста 145
3. Маруся Богуславка 146

Песни-баллады.

1. Ванька-Ключник 148
2. Князь Роман жену терял . . . . —

Песни бытовые.

1. Исполнители народной песни. *Е. Э. Линевой* 150
2. Песни бытовые 152
3. Частушки 159

Сказки, анекдоты.

1. Сказочники-бахари (из „*Этногр. Обозр.*“, кн. LXI) 162
2. Сказочник Р. Ф. Чмыхало. *В. В. Лесевича* 163

Сказки.

1. Лисичка-сестричка и волк 166
2. Лиса-повитуха 167
3. Медведь 168
4. Золотая рыбка . . . . . —
5. Немецкая сказка (из „*Этюдов о Пушкине*“, *Н. Ф. Сумцова*) . . 170
6. Хрустальная гора 174
7. Окаменелое царство 176
8. Баба-яга 177
9. Царевна-лягушка 178
10. Звериное молоко 182
11. Правда и Кривда 185
12. Горе 188
13. Падчерица и родная дочь 191

Стран.

14. Вороватой мужик 192
15. Иванушко-дурачок 193
16. Фома Беренников 195
17. Балагурная сказка 197
18. Байка про старину стародавнюю. 198
19. Горшеня . . . . . .
20. Борма-ярыжка 200
21. Сказки о Петре Великом 203

Народные анекдоты.

1. 204
2. . . . . —
3. . . . . .
4. . . . . —
5. 205
6. . . . . —
7. 206
8. . . . . —

Перехожие повести *Ф. И. Буслаева*. 207

Драма.

1. Кукольный театр на Руси в XVII в. 210
2. Петрушка *В. Перетца* . . . . .
3. Punch and Judy, *А. Д. Алферова*. 212
4. Объявление (из „Петерб. Ведом.“ от 8 июля 1771 г.) 214
5. Медведь. *А. Д. Ровинского* . . . 215
6. Вертеп:
   а) *Н. А. Полевого* . . . . . .
   б) *В. Перетца* 216
7. Царь Максимилиан (по записи *В. В. Калмыка*) 218
8. Лодка 224

Духовные стихи и легенды.

Духовные стихи.

1. Калики перехожие древние и новые. *А. Маслова* 231
2. Сорок калик со каликою 233
3. Голубиная книга 238
4. Беседа Иерусалимская 242
5. О Георгии Храбром 243
6. Царевич Иосаф Пустынник . . . 246
7. О Христове вознесении 248

Легенды.

1. Об отце Николае . . . . . —
2. Касьян и Никола 249
3. Чудо на мельнице . . . . . —
4. Ангел 250
5. О судах Божиих неиспытаемых (из „*Пролога*“) 251

Пословицы, поговорки, загадки.

1. Пословицы и поговорки. *Е. А. Ляцкого* 253
2. Пословицы, поговорки и загадки. 255

Словарь 2

PG 3200 B7 1922

Brodskiĭ, Nikolaĭ Leont'evich
Istoriko-literaturnaĭa khrestomatiĭa

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY